

ИСТОРИИ ПРОКЛЯТОГО ГОРОДА

Часть 1. Истории проклятого города

В городе, где по улицам бродят хищные монстры, где древние титаны сражаются друг с другом, а мрачные сектанты проводят кровавые ритуалы, ищут разгадку своей судьбы отважный боец из Сопротивления, мальчик-сирота и необычная женщина.

Но что их связывает? Смогут ли эти трое - и один смысленный пес - вместе раскрыть тайну проклятия, наложенного на город? И что за сила помогает им в этом поиске?..

Пролог

Город заброшен.

Ветер колышет оборванные провода, заглядывает в разбитые окна, в заброшенные квартиры. Смотрит в пустые лица тех, кто смог выжить, похоронив многих с того дня, как все началось...

Город одинок.

Он отрезан от внешнего мира, окружен черным туманом, в котором мелькают странные фигуры. Сквозь туман не пройти, и люди давно отчаялись, поняв что навсегда останутся здесь, в месте, где почти нет возможности выжить.

Город устал.

Устал от криков боли и ужаса, устал от слез, проливаемых над свежими могилами. Устал от выстрелов, звучащих на пустых улицах при свете солнца, когда люди выслеживают существ, сожравших их родных, захвативших их дома, превративших их жизни в ад. Город устал и от предсмертных воплей, раздающихся, когда ночью монстры мстят за собратьев, убитых днем...

Город не знает, почему это случилось.

Почему в один день на улицах, в домах, в небе появились чудовища, пожирающие человеческую плоть? Почему дышащие пламенем титаны вышли вслед за ними из тумана, зачем вступили в бой, равняя с землей здания с еще находящимися в них людьми? Город не знает.

Город многое забывает.

Забывает, что за стеной черного тумана еще есть свобода. Забывает, что люди могут смеяться, что могут верить друг другу. Могут разговаривать, не опасаясь, что собеседник окажется Пьющим Плоть — чудовищем, принимающим человеческий облик, чтобы подобраться поближе к своей добыче.

Город боится.

Боится уснувших на время титанов, накапливающих силы для новых разрушений. Боится людей, поклоняющихся темному богу - каннибалов-Отступников, что пожирают человеческую плоть, чтобы монстры принимали их за собратьев. Боится существа с огромными крыльями, кружащего над улицами и готового спикировать вниз, поднять свою жертву в небо, окропляя крыши ее теплой кровью...

Но город все еще верит.

Верит в людей, которые не прекращают бороться. Вступаются друг за друга, влюбляются, сражаются. Они называют себя Сопротивлением, и они нашли в себе силы, чтобы попытаться освободить город от заполонивших его монстров.

Город проклят и болен, но он все еще живет. Живет, пока люди в нем остаются собой, пока их сердца горят надеждой, а руки могут поднять оружие.

Днем город свистит ветром в разбитых окнах, шелестит опадающими листьями и смотрит в затянутое облаками небо. А ночью сотнями людских губ шепчет истории о храбрости, дружбе и любви.

Садитесь поудобнее. И пусть проклятый город расскажет вам свои истории.

Глава 1. Собачья работа

Ночью здесь нет света, окна закрыты самодельными ставнями, а фонари давно обесточены.

С одной стороны — это правильно. Существа идут на свет.

С другой стороны — как ходить по улицам тем, кто пытается этих существ найти? Разве что в полнолуние, как сейчас. Лунный свет придает городу почти сюрреалистичный вид, покосившиеся дома похожи на оскаленные зубы, а брошенные заржавевшие машины — на разлагающиеся туши странных зверей. И между ними нет-нет, да и мелькнет чья-то тень.

Вопрос только — чья? И не опасна ли она?

Михаил вновь недоверчиво посветил фонарем в переулок. Ему показалось, или что-то спряталось за мусорные контейнеры, когда они с Мелким подошли? Наверное, все же показалось. Даже если нет — едва ли такое трусливое существо представляет опасность для горожан. Нужно идти дальше.

— Мелкий, пойдем! — скомандовал мужчина, хлопнув рукой по штанам, отчего в карманах зазвенели взрывчатые кристаллы, главное оружие разведчика, ищущего логова тварей в полупустом городе.

Хотя быть разведчиком — собачья работа! Вокруг враги, чующие тебя за километр, ты потеешь в кожаной одежде, а лицо вымазано вонючей сажей, чтобы перебить человеческий дух.

Если бы это помогало всегда!

Самые смысленные существа уже поняли, что люди, одетые в черную кожу — члены Сопrotивления, враги, научившиеся убивать пришельцев из других миров. И поэтому либо прятались, либо нападали целыми стаями, сражаясь насмерть и даже не съедая убитых. Вот такой кодекс чести — или опыт жизни в других мирах? Сильного врага лучше не есть, он и после смерти может отомстить, прорастая в желудке и разрывая тебя на части...

— Сегодня надо быть осторожнее, — сказал про себя Миша. Поймал вопросительный взгляд напарника и пояснил: — Сегодня полнолуние. Много тварей повылазит.

Мелкий согласно гавкнул и потрусил прочь, то и дело останавливаясь и внимательно принимаясь к слабому ветерку, ерошившему шерсть на загривке. Кожаная броня, перешитая из куртки Миши специально для пса, чуть поскрипывала.

Сначала Мелкий очень переживал и смущался из-за этого, убежал, стоило достать ненавистную одежду. Но однажды одно из существ не смогло прокусить толстую кожу, покрытую заклепками, и пес что-то для себя понял, перестал убегать и терпеливо ждал, пока на нем закрепят защиту.

В проклятом городе быстро начинаешь любить все, что может хоть немного тебе помочь. Даже собаки это понимают.

Мелкого Миша полтора года назад отбил у троицы падальщиков, уже загрызших всю собачью стаю и с хихиканьем гонявших единственного выжившего щенка. Но Михаил бросил в них кристалл, который еще в воздухе вспыхнул ярким огнем и опалил их склизкие тела, заставив с визгом умчаться прочь.

Падальщики бурчали ругательства вслед человеку, уносящему прочь дрожащего щенка. Миша собирался отпустить его у ближайшей помойки, но заметил, что маленький

пес поворачивает голову и тихо рычит, стоит рядом пройти темному Силуэту — безвредному существу, питающемуся грязью.

— Что, мелкий, не любишь этих тварей? — Михаил поднял зверька на уровень глаз и сощурился, встретив на удивление смысленный взгляд. — Не хочешь поработать в паре?

И уже через год новый член Сопротивления вилял хвостом и вертелся под ногами всего отряда. Мелкий был дружелюбным, суетливым и шумным псом, немного похожим на овчарку. Хозяина он любил всей своей собачьей душой, а жену его обожал еще больше. При ее появлении пес крутил хвостом так, что, казалось, мог взлететь, как вертолет.

Только на улицах города, во время патрулирования, Мелкий преображался, как и все из Сопротивления. Только что он громко лаял в крысиную нору в комнате для собраний — и вот уже бесшумно бежит по городу, внимательно глядя по сторонам, заранее подняв дыбом шерсть. Пес знал, что без столкновения не обходится ни одна ночь, и уже готовился к схватке.

Впрочем, его задача сводилась к одному — найти существо и подать хозяину знак. Это не раз спасало Мише жизнь, ведь члены Сопротивления часто умирают от удара в спину. Почти всегда удар наносит тот, кто еще полчаса назад был твоим другом.

Некоторые существа умеют принимать облик людей. Обнаружить подмену можно только прикасаясь специальным кристаллом или увидев, что Мелкий не сводит с человека глаз, а его верхняя губа ползет вверх.

Правда, пес почти никогда не нападал сам. Он ждал знака от хозяина, ведь по собачьим правилам решение о нападении принимает только вожак. Вот и сейчас Мелкий повернул голову и уставился в арку, ведущую в один из дворов. Тихо рыкнул. Покосился на Мишу и снова выразительно посмотрел в арку. Там явно что-то было.

Неужели логово?

...Ночью люди прятались по домам, опуская самодельные металлические жалюзи на окнах и задвигая двери тяжелой мебелью. Они гасили свет и сидели в темноте, не издавая ни звука — или вполголоса рассказывая сказки и истории. Только так можно было пережить ночь — стараясь не вслушиваться в то, что творится у дома или даже на лестнице, если в подъезде оказалась ненадежная дверь.

Ведь можно услышать, как из соседней квартиры вытаскивают жильцов. Или едят их прямо там, возможно, даже заживо.

Сопротивление пыталось убивать как раз таких «гостей» — тех, что днем спят, невидимые, в своем логове. Их сложно убить даже сонно оцепеневших, но найти — еще сложнее. Только такие разведчики, как Миша с Мелким, могли выйти в ночь, рискуя жизнью, чтобы обнаружить место, откуда выходят чудовища. Постараться выжить и, когда рассветет, привести туда весь отряд.

...Миша положил руку на рукоять пистолета и шагнул в арку. Мелкий последовал за ним, прижав уши и вздыбив шерсть. Он боялся того, что было за аркой.

— Интересное место ты нашел, дружище, — сказал Миша, оглядевшись. — Оно вполне может быть логовом, да.

Длинный пятиэтажный дом, обступивший двор, безразлично смотрел выбитыми стеклами окон и огромными прорехами в стенах. Видимо, кто-то из титанов здесь порезвился, а после существа перебили всех оставшихся жителей. Кошмар.

Но теперь здание пусто, и в нем может быть все, что угодно. И даже чудовища.

Михаил попятился к арке, не сводя взгляда с темных окон и густых кустов под ними. Они вновь шевельнулись. Мужчина услышал тихое рычание и почувствовал, как напрягся Мелкий, глядя в сторону арки.

В ней, отрезая Мише путь на улицу и плавно качаясь из стороны в сторону, стояла хрупкая девушка. Вот она сделала шаг, и лунный свет упал на лицо. На то, что от него осталось.

На всем теле у существа не было ни клочка кожи. Белые зубы, просвечивающие сквозь разорванные в безумной улыбке щеки, были слишком длинными и острыми для человека.

Пьющая Плоть. Вампириша!

Пес тихо завыл, пятась и дрожа. Он боялся этих существ, способных принимать облик человека. Они неоднократно подменяли людей в отряде Миши, но запах крови и жажды убийства моментально выдавал их собачьему носу. Пес рычал и бросался на врага, зная, как он опасен, ведь люди не видят, не чувствуют...

— Мелкий, тихо! — приказал Миша, но поздно.

Кусты за спиной зашевелились, согнулись под огромной чешуйчатой рукой. Из них медленно, почти величественно, вылезало массивное, пахнущее сладкой гнилью существо. На его голове было четыре рога. Глаз у твари не было, зато было две пасти — одна над другой, в каждой из них Миша свободно бы поместился.

Пожиратель. За-ме-ча-тель-но.

Боец обернулся и увидел, что в арке уже нет Пьющей Плоть. Она сбежала, услышав приближение Пожирателя. Конечно, ведь проснувшись, он не видит разницы между человеком и существом из того же мира, что и он. Монстр ест все.

Миша начал пятиться, не сводя глаз с чудовища, которое, выбравшись из кустов, опустилось на костяшки рук и стало заинтересованно принюхиваться. Оно чувало еду, совсем близко! Вот, что его разбудило — запах пищи, излюбленной с момента его появления в этом мире. В очередной раз втянув воздух, Пожиратель заревел и бросился вперед так, что затряслась земля, а асфальт вскрылся трещинами.

Выстрел! Выстрел! Кувырок. Миша покатился по земле, чудом увернувшись от лап монстра, колотящих вокруг, от извивающегося хвоста. Очередной взмах лапы отбросил человека в сторону. Когда боец падал, он услышал, как хрустят, ломаясь, его ребра.

Больно!

С трудом встал на колени, почти ничего не видя от боли. Вслепую метнул во врага горсть кристаллов, вспыхнувших и покрывших чешую приближающегося монстра черными ожогами. Но этого было мало...

Вдруг раздался лай, и монстр повернулся к новому противнику. Но этот был быстрее! Пес мохнатой молнией бросился вперед, взбежал по спине чудовища и вцепился зубами в складку чешуйчатой кожи на широкой шее. Почувствовав присутствие демона, алые кристаллы в кармашках собачьей брони взорвались, на секунду заключив голову Пожирателя в огненный шар. Они не обожгли пса, родившегося в нашем мире — но чудовище взревело, забило, оглушенное взрывом и пожираемое пламенем.

Мотая огромной рогатой головой, монстр попятился, отступая обратно в здание. Его рев забился о стены, и мелкие монстры на верхних этажах загомонили, пугаясь раненого исполина, вернувшегося в логово.

Свалившийся на землю пес вскочил, встряхнулся и, прихрамывая, подбежал к Мише, заглянул его в глаза: «Хозяин, я все правильно сделал?»

— Ты умничка. — Миша обнял Мелкого, чувствуя, как под кожаной броней и густой шерстью испуганно бьется собачье сердце. — Ты мой отважный...

Вдруг пес дернулся и зарычал. Миша поднял голову и чертыхнулся. Буквально в двух метрах от него стояла Пьющая Плоть, с интересом глядя вслед раненому Пожирателю. В руках тварь держала пистолет, выпавший из рук Миши, когда он метал кристаллы в демона.

Подумав, существо повернулось к беспомощному человеку и подошло чуть ближе, наклонившись и вкрадчиво принюхиваясь, как кошка. В его темных, слезящихся глазках, дико смотревшихся на лишенном кожи лице, мелькали какие-то мысли.

Миша мог представить, какие: «Съесть сейчас? Или помучить его пару месяцев?»

Мелкий дрожал всем телом и тихо рычал, но не убегал, готовый защищать хозяина даже ценой собственной жизни.

Чудовище вновь принюхалось, медленно моргнуло и попятилось, выронив пистолет. Затем развернулось, метнулось к ближайшей стене и быстро вскарабкалось по ней, исчезнув в одном из окон.

Михаил молча смотрел вслед твари. Почему она пощадила его? Злобный хищник, коварный и безжалостный людоед...

Впрочем, он знал, почему.

И знал, что никому из людей этого не расскажет...

Рассвело.

Люди потихоньку выбирались из домов, настороженно оглядываясь и держа наизготовку оружие. Они стягивались к окраине города, где, подальше от центра, разрушенного титанами, находился Штаб Сопротивления. Там же были склады с едой, запасы кристаллов и патронов.

В пятиэтажных домах неподалеку обитали члены Сопротивления и их семьи. Жителям города не советовалось селиться большими группами — существа чуяли скопление людей. Но у членов Сопротивления было достаточно защитных кристаллов, чтобы отогнать любую тварь, и монстры это каким-то образом понимали, вот и обходили этот район стороной. Боялись.

Война с существами принесла много смертей, но, к счастью, не только среди людей. Хищных чудовищ становилось все меньше — по улицам открыто продолжали бродить только мелкие, но они почти не представляли угрозы.

Все меньше становилось Пьющих Плоть, самой страшной угрозы для Сопротивления — ведь именно эти существа проникали в Штаб в облике людей и устраивали бойню, если их вовремя не раскрывали. А спящие в логовах Пожиратели и тайные культы каннибалов постепенно выслеживались и уничтожались.

Правда, еще никому не удавалось победить Пожирателя в одиночку. Поэтому теперь в Штабе было столпотворение — все хотели узнать, как герою это удалось.

— Мне помогли, — уверенно отвечал на расспросы Миша. — Без напарника я бы не справился.

Напарник поднял голову, свесил язык набок и завилял хвостом. Мелкий не понимал, почему вокруг такая суеда. Он хотел домой, к хозяйке, положить голову к ней на колени и слушать, как шуршат страницы книги под ее пальцами.

Миша хотел того же.

Доложив о заброшенном здании и получив освобождение на ближайшие дни, оба разведчика двинулись домой.

...Аня услышала шаги мужа еще до того, как он вошел в подъезд. Она всегда узнавала его стремительную походку — и цокот когтей Мелкого, и так смущающий собаку скрип кожаной брони. Но теперь Миша хромал, это было слышно. Значит, на охоте его сильно потрепали.

Девушка сочувственно вздохнула. Следующая мысль осветила ее лицо счастливой улыбкой. Ведь теперь он дольше побудет дома! Это замечательно!

Пританцовывая, Аня пошла открывать дверь

Мелкий шумно лакал воду из миски, фыркая и поглядывая на хозяев. Они лежали на диване в обнимку, беседуя о своих, человеческих делах.

— Сегодня на меня напала Пьющая Плоть.

— Ты убил ее? — Аня приподнялась на локте, внимательно глядя на мужа. Миша покачал головой:

— В таком состоянии и без пистолета? Нет, я бы не смог. Это она могла меня убить, но принялась... и убежала. Из-за тебя, да?

— Да, — ответила Аня. — Для нас важно не переступать чужие границы. А ты помечен, как моя еда.

— Еда, значит? — Миша шутливо дернул жену за прядь волос. Аня потянулась, легка к нему на грудь, нежно обводя пальцами черты любимого лица:

— Конечно, ты не еда. И твои соратники — не еда, — девушка говорила, а ее кожа словно растворялась, исчезая. Зубы заострились, а глаза из прозрачно-янтарных стали черными.

Пьющая Плоть еще теснее прижалась к человеку, продолжила:

— Хорошо, что из моего мира пришли и те, кого мой народ ел до встречи с людьми. И мне не обязательно убивать тех, кого ты защищаешь.

— Знаешь, — сказал Миша, водя ладонью по жестким волосам существа, которое называл своей женой. — Я даже рад, что с моим городом случилось это. Иначе мы бы никогда не встретились.

Пьющая Плоть улыбнулась, вновь принимая человеческий облик. Потянулась к мужу и нежно его поцеловала.

Пес вновь покосился на хозяев и уютнее устроился на своей подстилке. Мелкий сильно устал за эту ночь, но гордился тем, что помог хозяину, что позволил ему вернуться домой. К хозяйке, которую пес так боялся, будучи щенком. Но потом — привык, и полюбил ее всем сердцем.

Всем огромным собачьим сердцем.

Хозяева на диване обнимались, шутили и обсуждали планы на выходные. За окном люди шли по своим странным делам. Где-то вдалеке отряд Сопrotивления зачищал заброшенное здание, вспышками кристаллов выкуривая оттуда существ — и добывая их выстрелами из автоматов.

А Мелкий спал, подергивая лапами во сне. И был счастлив.

Очень счастлив.

Глава 2. Дождаться спасения

Ваня стоял и смотрел, как папа ест маму.

Ест, отдирая мясо от костей окровавленными пальцами, с чавканьем втягивая склизкие куски, сплевывая жесткие волокна.

Мама уже не шевелилась. Когда Ваня зашел в комнату и замер, впившись онемевшими пальцами в косяк двери, мама дернулась в последний раз. А теперь папа ее поедает с жадным аппетитом, как в человеческой жизни поедает шашлык.

Боже.

Мальчик попятился, зажимая рот руками, чтобы не закричать. А крик рвался, как сквозняк в раскрытое окно. Тянул за шторы, стучал в стекло раскрытыми ладонями. Открой,пусти! Кричи, и пусть эта тварь тебя услышит. Ты же не хочешь разозлить папочку?!

Ваня со свистом втянул воздух в легкие. Оторвал руку от лица и осторожно прикрыл дверь с матовым стеклянным оконцем. Она хрупкая, она не спасет. Но теперь,

когда ужасное зрелище не было видно, в голове мальчика закружились странные мысли. Они не принадлежали самому Ване. Их словно обдумывал кто-то другой.

Взрослый. Злой.

Ваня пошел к себе в комнату и сложил вещи в рюкзак. Втиснул похолодевшие ноги в кроссовки, натянул тонкую ветровку и вновь, задерживая дыхание, прошел мимо родительской комнаты. На кухню. Не глядя на стеклянную дверь, не вслушиваясь в то, что за ней происходит.

Не надо. Просто поверни вентили на газовом баллоне, вслушайся в тихое шипение газа. Так шипит змея — чуть слышно, — прежде чем вонзить брызжущие ядом зубы в ногу заблудившегося в лесу мальчика. Но мальчик уже уходит, оставляя газ тихо сочиться, подхватывает рюкзак и отпирает дверь квартиры. В последний раз смотрит на дверь родительской комнаты.

Отец стоял там, прижав окровавленное лицо к стеклу. Глядя на своего сына — на еще одну порцию пищи. Ваня тихо сглотнул и быстро вышел из дома, закрыл дверь и дважды провернул ключ в замке. Едва он сделал это, как с той стороны что-то сильно стукнуло.

Хорошо, что до этого отец успел поставить металлическую дверь. Знал бы он, для чего это пригодится...

Район, состоящий из одинаково безликих пятиэтажек, был на другом конце города от Штаба Сопrotивления. От защиты, от ночных обходов улиц. От поставок пищи и выслеживания опасных существ. От всего того, что в проклятом городе означало «выживание».

Сначала всё казалось не таким уж и страшным. Хотя по улицам бродили чудовища, хотя они могли ворваться в дом и убить всех, кто оказывался там. Но люди держались. Они закрывали окна досками, запирали двери и перемещались по улицам только группами.

Один раз Сопrotивление даже прорвалось сюда на нескольких грузовиках, груженных питьевой водой и консервами. Отец Вани поместил запас еды для всего района на хранение в квартиру бабушки, которая умерла ровно год и один месяц назад — в день, когда проклятие настигло город, и монстры заходили в дома через открытые окна.

Ваня помнил тот, самый первый день.

Небо затянуло темными тучами, в которых что-то недобро мерцало. Сквозь прореху в них солнце безразлично смотрело на улицы, залитые кровью, на перевернутые автомобили и куски людских тел, повисшие на проводах.

Тут и там мелькали странные существа. Одни были похожи на людей, другие — на диковинных животных. Иные и вовсе выглядели как смутная дымка, оживавшая при виде добычи и растворяющая кости тех, кто подходил слишком близко.

Сначала чудовища тоже были напуганы, оказавшись в новом мире, и, после той, первой бойни, несколько дней отлеживались в норах и подвалах. За это время люди успели понять, что из города невозможно уехать. В каком-то месте дорога кончалась, и дальше была только густая, шелестящая темнота. Те, кто заходил в нее, больше не возвращались.

И людям пришлось сбежать обратно в город. Скоро выяснилось, что инстинкты и здравый смысл, говорящие «Нужно держаться вместе!», ошибаются. Опомнившиеся монстры чуяли, где находятся скопления людей, окружали их и совместными усилиями прорывались сквозь любую оборону. И устраивали бойню.

Вот и разбежались жители города по знакомым квартирам и местам. Так хотя бы было не так страшно. И можно было организовать хоть какую-то защиту!

Но вдали от Сопrotивления у них не было шансов.

В районе, где жила семья Вани, стали исчезать люди. Отец, под прикрытием друзей, с которыми раньше он ходил на охоту, вызвался развозить еду и воду по известным адресам — и раз за разом обнаруживал раскрытые двери и пустые квартиры, залитые кровью. Редко там находилось хоть какое-то объяснение — выжженные символы, которыми каннибалы-Отступники помечали места убийств.

Но чаще не было ничего. Только кровь: везде, даже на потолке, брызгами и темными каплями, вяло ползущими по плафонам люстры. И таких квартир было все больше.

В какой-то момент родители Вани связались с Сопротивлением, договариваясь о бегстве из района, где почти не осталось людей. И уже завтра отец завел бы машину, в которой булькает совсем немного бензина, сцеженного из баков автомобилей по всей улице. И вместе с друзьями и их родными отец Вани вывез бы свою семью из этого кошмара.

Но друзья не пришли в назначенный срок. Отец пошел их проведать — и вернулся ни с чем.

Точнее — это был уже не он. И пока Ваня собирал вещи в своей комнате, монстр убил его маму и неспешно принялся за трапезу. Все равно ребенку некуда бежать. Все равно он не выживет в городе один.

В бабушкиной квартире пахло пылью, старостью и кровью. Или этот запах теперь повсюду будет преследовать Ваню, напоминая о смерти мамы? «Да, это случилось вот уже почти месяц назад, а ты все еще помнишь каждую деталь. Ту кровь...»

Нет, нет, не думать об этом!

Ваня замотал головой и вновь уткнулся в книгу, буквально продираясь взглядом сквозь мелкий шрифт и слова с непонятным смыслом — приходилось то и дело заглядывать в словарь. Но как еще было отвлечься от воспоминаний, которые, как водомерки, бегали по самой поверхности памяти. Мельтеша, перебирая тонкими лапками, прогибая водную пленку, но не уходя под нее. Не давая забыть.

Да и сложно отвлечься, ведь тут почти ничего нет. Бывшая бабушкина квартира, превращенная отцом в склад консервов и бутылей с водой, пустовала. Кучи консервов и ряды запыленных двадцатилитровых бутылей прежде послужили бы Ване настоящим полигоном для игр и прятков. Но теперь его не интересовали игры. Скорее он задумывался о том, что существу, пробравшемуся в квартиру, будет легко подкрасться к ребенку — за этими-то грудями.

Мысли и воспоминания тянули руки из подсознания, как мертвецы из приоткрытой двери чулана. Шептали, звали к себе. Предлагали много интересных игр. Мальш Ваня, а давай сыграем в жмурки? Ты закрываешь глаза и выходишь в подъезд. Там разбитые окна и тихие шорохи. Там распахнутые двери в другие квартиры и чьи-то голоса, что окликнули тебя, когда ты поднимался по лестнице. Может, там будет твой отец — твой мертвый отец, и вы встретитесь с ним.

Ну же, сыграем!..

Только книги отгоняли эти голоса. Знал бы мальчик еще полгода назад, что эти пыльные полки спасут его от безумия?

А ведь Ваня всегда так тосковал, когда родители отправляли его сюда — удобно, когда дом бабушки находится через дорогу от вашего. Всегда можно отослать сына туда, а самим заниматься взрослыми делами, не отвлекаясь на ребенка. Вот и приходилось мальчику уныло следить за событиями в любимых бабушкиных сериалах и листать старые книги.

Однажды он принес набор гуаши и нарисовал портрет бабушки, получившейся на нем какой-то странной — ну какой из семилетнего ребенка портретист! Но ей понравилось,

и теперь этот рисунок висел на кухне в рамочке. А краски скоро были забыты, засунуты на антресоль, где тихо сохли, пока два дня назад их не достал Ваня, заплаканный и как-то резко повзрослевший.

Раздолбить засохшую гуашь дедушкиным армейским ножом, порезать палец. Взять следующую баночку. Высыпать всю красочную труху в одну миску и налить туда питьевой воды. Порезать простыню ножом на белые прямоугольники. Ткань трещит и ощеривается нитками.

Достать малярную кисть...

Открывая дверь в подъезд, Ваня весь трясся. Нет, он вовсе не поддался на уговоры голосов. Он не собирался умирать и, будь его воля, вообще не выходил бы. Но тряпичный прямоугольник с надписью «Помогите, тут люди!» — он был важнее. Второй такой уже висел на окнах с той стороны — чтобы повесить его, мальчику пришлось сначала вооружиться гвоздодером и снять доски, которыми отец заколотил окна. Ваня рисковал, но дело того стоило.

К счастью, мохнатые чудовища, бродившие в тот вечер по улице, хоть и слышали стук, но не взлетали, чтобы напасть и съесть. Видимо, не умели. Ну да, по слухам, те, что умеют летать, поселились на более высоких домах, построив там гнезда из человеческих костей. И Ваня смог заново заколотить окна, вспоминая отца, учившего его держать молоток, когда они вместе строили теплицу во дворе их прежнего дома.

Теперь отец мертв. И ради него Ваня обязан выжить.

Он знал, что Соппротивление однажды доберется сюда. Они придут зачищать этот район от монстров, неважно, когда — пусть и через год. Ваня дождется. А плакаты помогут увидеть, что он тут.

Защемить дверью верхний край простыни — что может быть проще? Только не вслушиваться в странно радостный смех из соседних квартир, не смотреть в сторону лестницы — на темный силуэт, что замер там, наклонив вытянутую голову набок. Не ест людей? Или он уже сыт?

Или просто выжидает?

Неважно! Ваня захлопнул дверь и с облегчением провернул ключ в замке. Теперь осталось только ждать.

Ждать, пока за ним придут.

Тук. Тук.

Ваня ахнул и уронил книгу. Она упала с глухим хлопком, подняв облако пыли с ковра.

Стук повторился. Мальчик встал и на негнувшихся ногах подошел к двери, встал на цыпочки и заглянул в глазок, затаив дыхание. Так темно. Но там точно кто-то стоит! Неужели, спустя два месяца жизнь в одиночестве, кто-то пришел за ним?

— Кто здесь? — спросил Ваня тихо.

— О Боже, действительно человек! — воскликнул тот, кто стоял по ту сторону двери. Голос показался мальчику смутно знакомым. — Я уже и не верил. Мальчик... ты ведь Ваня, да? Ты тут один?

Мальчишка растерянно заморгал. Он так давно не слышал человеческого голоса! «Но человек ли там, за дверью? Он помнит меня откуда-то. Существо бы не помнило.

Но все равно надо быть осторожнее».

— Нет, не один. Папа на улице. Скоро вернется, — сказал Ваня как можно убедительнее.

А потом его осенило.

Он вспомнил, кто стоял за дверью! Это же брат одного из папиных друзей. Приехал из другого города незадолго до того, как начался этот кошмар, напился коньяку на вечеринке, и отцу пришлось отвозить его домой. И это он, перед тем как уехать, сунул Ване, пошатываясь и икая, конфету и пьяно пробормотал: «Хороший мальчик!»

«Вот откуда он помнит мое имя! Но как его зовут? Неважно, это точно человек!»

— Я вас помню. Что вы тут делаете? — Сердце мальчика билось часто-часто, он был так рад! Неужели человек, взрослый, вот тут, за дверью? Неужели Ваня больше не будет одинок, и кто-то возьмет на себя всю ответственность? Поможет выбраться?

Из-за двери донесся ответ:

— Я ищу, где бы спрятаться. Твари прогрызли мою дверь, но я вылез через балкон. Потом шел по улице, увидел плакат... — он запнулся. Прислушался к чему-то. — погоди, ты это слышишь? — В голосе мужчины появился искренний ужас. — Господи, открой дверь, они идут за мной!

Ваня вздрогнул и похолодевшими руками торопливо отдернул задвижку. Провернул ключи в обоих замках и распахнул дверь.

Низкий, небритый мужчина в грязной одежде сделал шаг навстречу, но из-за его спины уже неслось угрожающее рычание. Ваня посмотрел туда и увидел...

Собаку.

Похожую на овчарку, в странном черном комбинезоне. Наверное, даже симпатичную, когда не рычит и не скалит длинные белоснежные клыки, обнажив их до самых десен. Припав к полу и готовясь к прыжку.

За ней по лестнице поднимался высокий человек в таком же кожаном комбинезоне с множеством карманов. С лицом, измазанным чем-то черным. И с пистолетом, нацеленным на знакомого Вани.

Мужчина сказал, глядя на мальчика:

— Малыш, я Михаил из Сопrotивления. Не бойся. И отойди от него подальше. — Кивок на визитера, испуганно глядящего на рычащую собаку и пятящегося в угол.

Ваня не знал, что и думать. Только прошептал дрожащим голосом:

— Но это человек, он меня помнит...

— Это — действительно человек, — кивнул мужчина, представившийся Мишей, не опуская пистолета, — если можно его так назвать. Но он собирался скормить тебя существу, которое принес с собой. И сделал бы это, не задумываясь! Ты не первый, кого он сдает. Мы давно его выслеживаем.

Визитер, услышав его, отчаянно заверещал, отчего Ваня отпрыгнул вглубь квартиры и зажал уши ладонями.

Но он все равно увидел, как из-за спины мужчины по его плечу карабкается маленькое, с пятилетнего ребенка размером, существо. У него была огромная голова с черными глазами и дыркой во лбу, сочащейся черной жижой. А маленькие ручки рвали тело недавнего еще напарника, шарили по искаженному криком лицу, и вот одна из них нащупала его глаз.

Удовлетворенно хихикнув, тварь оттолкнулась от кричащего человека, в прыжке перелетела через вскинувшего пистолет Мишу и приземлилась на лестнице. Тонко, на грани слышимости засмеялась. Она ликующе размахивала кулачком, в котором была зажата его добыча — глазное яблоко с болтающимися кровавыми лохмотьями.

Смерив Мишу недовольным взглядом, тварь со звонким топотом помчалась вниз по лестнице. За нею с лаем бросился пес.

Ваня всхлипнул и закрыл лицо ладонями. Но до этого он успел увидеть окровавленное лицо бывшего напарника существа, его пустую глазницу и пену из оскаленного рта. Наверное, когти твари были ядовиты...

Но чего хотел этот человек, вступая в сговор с существом? Помогая ему проникнуть в квартиры уцелевших людей, получая от него защиту на улицах?

Ведь для любой твари человек — пища.

И неважно, насколько она сговорчивая.

Ваня, еще не очнувшись, почувствовал щекой теплый кожаный комбинезон. Чьи-то сильные руки несли его, бережно прижимая к груди, по улицам города. Рядом раздавались людские голоса.

Отряд Сопrotивления шел домой, неся единственного в районе выжившего человека — маленького мальчика, сумевшего дожидаться спасения.

Ваня, вновь засыпая, скосил глаза и увидел собаку. Ее морда была вымазана в черной крови существа.

Пес выглядел довольным. Он выполнил долг и спас маленького человека.

Хотя малыш тоже молодец.

Большой молодец!

Глава 3. Лунный свет

— ...Я подошел к самому логову твари. Она выбрала для своего гнезда пятиэтажный дом на отшибе. По сути, от него остались только наружные стены и остатки крыши, и твари это было очень удобно. Туда она приносила свою добычу, там спала и собиралась вывести детенышей. И теперь я шел туда.

Миша замолчал, поднес к губам чашку с кофе и с наслаждением вдохнул его запах. Потом покосился на изнывающего слушателя и продолжил, чуть улыбнувшись:

— Я вышел из-под прикрытия поваленных деревьев и двинулся вперед, к пролому в стене. Под моими ногами захрустели кости. Они были повсюду — прятались в опавших листьях и стреляли при каждом шаге, выдавая меня. Черепа скалили зубы из-под кустов. Позвоночники с грудными клетками висели на ветках деревьев, отпугивая незваных гостей от логова твари. Но меня они не отпугнули.

— Ты смелый! — восхищенно прошептал слушатель. Мужчина спрятал улыбку в кофейной чашке и, с трудом вернув себе суровый и мрачный вид, вернулся к рассказу. Он говорил тем чуть напевным, пугающим голосом, каким рассказывал страшилки племянникам, еще в прошлой жизни, когда никто не охотился на монстров.

— И вот я уже подобрался к пролому. За ним кости лежали вперемешку с камнями и обломками мебели, сплошным ковром, и пройти по ним беззвучно было невозможно. А идти нужно было очень тихо — под уцелевшей частью крыши висела тварь. Она цеплялась за балку задними ногами, как летучая мышь. Огромная, метров пять от кончиков крыльев до когтей лап. Дышала, скрипела чешуей... А я стоял на обломках стены и смотрел вверх, как зачарованный...

Миша снова замолчал, и слушатель нетерпеливо спросил, ерзая на стуле:

— И что было дальше? Ну?

— А дальше, — сказал Миша, еле сдерживая свою привычную веселую ухмылку, от которой, по словам Ани, он выглядел шаловливой мальчишкой, — я развернулся и пошел назад. Позже, идя по улице, я услышал приближающиеся хлопки крыльев и свист, с которым существо набирало скорость. Оно пролетело буквально в трех метрах надо мной, и я, машинально припав к земле, все равно почувствовал его запах — запах прелой листвы

и штукатурки. Тварь полетела в город, охотиться. А я забрал Мелкого, вернулся в Штаб и написал отчет, что в этом районе нет ничего опасного.

— Как так? — растерялся Ваня, глядя на рассказчика удивленно и немного обиженно. — А это существо? Почему ты решил, что оно не опасно? А кости?

— Кости у дома и в самом логове, — пояснил Миша, — были не человеческие. Это создание не охотилось на людей. Не тронуло меня, хотя я шел по пустой улице и не смотрел вверх. Эта крылатая тварь делает то же, что и Соппротивление. Убивает монстров, наводнивших наш город.

— Мальчики, идите есть! — донеслось с кухни. — Хватит байки травить, Ванька опять ночью не заснет.

— Ай, какой нехороший Ванька, — подмигнул Миша, в один глоток приканчивая остывший кофе и слезая с подоконника. Мальчик тоже поднялся и пошел на кухню, на ходу потрепав сонного пса по теплым ушам.

Мелкий тоже оживился, почуяв запах еды. Поднялся и неторопливо потянулся каждой лапой. И потрусил на кухню, ведь Ваня всегда не доедает свою порцию, и остатки достаются Мелкому.

Псу нравилось, что его семья пополнилась этим ребенком.

Хотя его немного смущало то, что теперь Миша называл «мелким» не только его.

Ваня нигде не мог прижиться.

За те полгода, что прошли с момента его освобождения из осажденного монстрами района, он успел пожить во многих местах. Но нигде не оставался надолго.

Приют, где Соппротивление селило осиротевших детей, его не устроил — мальчишка ни с кем не разговаривал, сидел в уголке и что-то тихо рисовал в альбоме. И он почти не спал, а если все-таки удавалось заснуть — вскакивал с криком.

Ни одна из двух семей, куда Ваня попытались пристроить, не смогла найти к нему подход. Мальчик таял на глазах, шарахался от всех — что не удивительно, учитывая, как погибла его мать, и как его почти скормил монстру тот подлец, о котором рассказывал Миша на собрании.

В конце концов, мальчика взял к себе Мастер Кристаллов. Неделю они общались, Ваня радостно изучал библиотеку, учился присматривать за кристаллами. Постепенно он начал успокаиваться и признался Мастеру, в чьей семье хотел бы жить.

На следующий день Мастер Кристаллов привел смущенного мальчишку к квартире, которая должна была стать его новым домом. В открывшуюся дверь сначала просунулась заинтересованная морда Мелкого, потом собаку втащили назад и в проеме показался её хозяин.

Ваня еще больше смутился, ведь он впервые видел Михаила в обычной одежде, а не в боевом комбинезоне. Да и лицо мужчины, смывшего сажу, скрывающую запах человека в городе, казалось совсем незнакомым.

Миша выглядел очень мужественно: высокий, с развитыми еще со времен работы спортивным тренером мышцами. Только лицо, осветившись улыбкой и вмиг помолодев, показалось Ване дружелюбным и открытым, словно кто-то при рождении зажег в этом человеке свечку, с того момента всегда озаряющую его путь.

Миша отбросил со лба светлые волосы, поправил мокрое полотенце на плече — хозяина дома явно втащили из ванной — и с веселым интересом смерил взглядом незваных гостей:

— Федор Степаныч, здравствуйте! И, — Миша наклонился и заглянул в глаза Вани, — несостоявшийся обед Карлы. Чем обязан?

— Несостоявшийся обед, — в тон ему ответил Мастер, — будет жить у вас с Аней. Надеюсь, ты не против.

Миша выпрямился и задумчиво почесал в затылке, глядя в потолок. Мелкий наконец протиснулся между хозяином и косяком двери, полез к гостям общаться и обнюхиваться. С кухни, что там, за дверью, доносились звуки готовки и женский голос, напевающий какую-то песенку.

Ваньке вдруг остро, до боли захотелось, чтобы Миша согласился взять его к себе. Чтобы та женщина, жена Миши, оказалась хоть немного похожей на маму. Чтобы Ваня по вечерам сидел на подоконнике, встречая угасание осенних дождей и первый снег, а Мелкий клал лапу к нему на колени и заглядывал в глаза — что, маленький хозяин, грустишь? И чтобы собачья шерсть на джинсах и в чашке чая, и Миша рассказывал истории о своих подвигах и о монстрах, которых он победил...

Ваня снова хотел иметь семью.

Мальчик опустил голову и зажмурился, чтобы не заплакать. Конечно, ничего этого не будет. Будет уют — или, если повезет, дом Мастера Кристаллов. Но семьи — нет, зачем такому глупому мальчишке семья? Пусть будет один.

Миша закончил думать и пожал плечами, глядя на Мастера:

— Почему нет? У нас есть место, Мелкий потеснится. Только ты не удивляйся, малыш, — это он говорил уже Ване, еще не осознавшему своего счастья, — когда ночью он полезет к тебе на диван. Все же до твоего появления это было его место.

— Я переживу, — слабо ответил мальчик, чувствуя на плече ободряющее касание Мастера Кристаллов.

Мелкий вилял хвостом, тычась холодным носом в ладонь Ваньки и виляя хвостом так, что его зад ходил из стороны в сторону, словно собака танцевала сальсу. Он не знал, как, но его хозяин сделал этого мальчика очень счастливым.

И Мелкому это нравилось!

Ваня поселился в доме Миши и вскоре стал чем-то неотъемлемым и очень нужным — тем, кто играет с Мелким, избавляя пса от вечных излишков энергии. Тем, кто помогает Ане по дому и сопровождает ее мужа в патрулировании, не выходя, правда, за линию закопанных кристаллов — линию, через которую не могли перейти никакие чудовища.

Все мужчины дома — и взрослые, и дети, и собаки, были без ума от Ани. Она действительно была чем-то похожа на мать Вани: смолистым водопадом волос, которые стягивались широкой резинкой во время готовки и уборки, и прекрасными глазами, цветом похожими на два янтарных кристалла — орудия против монстров и наваждений.

Такой же кристалл Аня носила в виде кулона, и Мелкий любил ловить его зубами, играя вечерами с любимой хозяйкой.

Ваня снова начал хоть немного есть — уж очень вкусно в этом доме готовили. И его почти перестали мучить кошмары. Иногда они все же приходили к его дивану, и сопение спящего рядом пса не отгоняло их. Но тогда ребенок крался к кровати приемных родителей и вместе с Мелким забирался к ним под одеяло.

Их никто не прогонял, и кошмары, сдавшись, отпускали Ваню и просачивались в оконные щели, сливаясь с темнотой и дожидаясь следующего шанса.

Но теперь Ваня их не боялся. Ведь он больше не был один.

...Однажды Ваня, скрываясь от кошмаров, в которых мама с папой прижимали окровавленные лица снаружи к оконному стеклу, снова попросился в кровать к приемным родителям.

Была ясная ночь, и луна круглым глазом заглядывала в щель между досками, закрывающими окно. Миша и его жена лежали под одним одеялом, нежно обнявшись. Услышав тихий голос мальчика, они откатились друг от друга, освободив ему пригретое место.

Миша привычным жестом откинул одеяло, дождался, пока ребенок проползет в свое логово между взрослыми. Услышал довольное фырканье пса, долго топтавшегося на месте и лишь потом улегшегося в ногах. И Миша снова заснул, забыв стереть с лица довольную улыбку.

А Ваня никак не мог уснуть. Может, дело было в полнолунии? Вот и Ане плохо спится. Ворочается, лицо подрагивает. Тоже кошмары?

Пользуясь случаем, мальчик стал разглядывать черты лица своей приемной мамы.

Какая же она красивая! Хотя, казалось бы, совсем не похожа на то, что Ваня всю свою короткую жизнь считал красотой. И лунный свет только подчеркивает это — и слишком широко расставленные глаза, и ямочку на лбу. Интересно, откуда она? Ударилась в детстве? Не важно, все равно — это видно только сейчас, пока слишком яркий свет скрадывает нежную бархатистость кожи, а ночной кошмар обостряет черты затаенным страхом...

Но... что это? Ваня заморгал, прогоняя дремоту. Странно. Приснилось? Или показалось?

Нет. Не показалось.

Кожа Ани, подрагивая, растворялась, обнажая мышцы. Медленно, волнами, сходила с щек, подбородка, губ — и вот уже острые зубы выглянули из-под верхней губы, сверкая в лунном свете. И веки стали прозрачными, под ними видно, как янтарные радужки становятся черными, как деготь — и расплываются во весь глаз.

Последние превращения коснулись лба — из обаятельной ямочки выдвинулся небольшой темный рог, в половину ладони длиной.

Перед Ваней, в одной кровати с ним, в полуметре от его лица... лежала Пьющая Плоть. Ужасное существо, способное превращаться в человека и притворяться им очень долго, незаметно высасывая из своей жертвы соки — а потом захватить ослабевшую добычу и уволочь к себе в логово. И питаться живыми внутренностями, пока она не умрет.

И это существо было здесь, совсем близко! И даже Мелкий еще не понял, что рядом — враг!

Только полнолуние со своими кошмарами смогло стянуть с чудовища маску. Полнолуние — и внимательный взгляд.

Аня проснулась и раскрыла глаза, в одно мгновение вновь обрастая кожей и принимая человеческий облик. Ваня спал, дыша ровно и спокойно. Пьющая Плоть с улыбкой посмотрел на мальчика, почесала за ухом собаку и коснулась губами руки спящего мужа. Перевернулась на спину и долго задумчиво смотрела на луну, пока она не ушла из виду, спрятавшись за одной из досок. Потом Аня заснула.

А Ваня не спал до утра, стараясь унять бешеный стук сердца.

И думая.

...Аня кричит, беспомощно закрывая голову руками. Она обнажена, и на белой коже с каждой секундой расцветают все новые ожоги. Все тело девушки вздрагивает, когда очередной кристалл взрывается, коснувшись ее кожи. А бросают кристаллы те, кто еще совсем недавно считал Аню лучшей соседкой на свете, женой замечательного солдата. Прекрасной матерью.

Миша с усилием поднимает безумный взгляд от ямы, где кричит, сгорая заживо, его любимая. Мастер Кристаллов, будто постаревший от горя, разводит одной рукой. Вторая

— лежит на плече плачущего мальчишки, чье лицо уже опухло от слез. Но он все равно смотрит в яму, смотрит на плод своих трудов. Несколько сказанных слов...

Ваня, ох, Ваня! Зачем ты им рассказал!

Аня снова кричит, и это уже не крик измученной женщины. Это крик существа из другого мира, существа измученного и обреченного на смерть.

Миша глухо рычит и бьется в путах, удерживающих его от того, чтобы броситься вниз по осыпающемуся склону, закрыть Аню собой, спасти! Но нет, жертв, одурманенных существом, заставляют насильно смотреть на его смерть — ведь тогда они видят его истинное лицо и понимают, что все предыдущие недели и месяцы были ложью. Что родной и близкий человек давно убит этой тварью, и она заслуживает смерти!

Но Миша не был одурманен. Ни секунды в своей жизни. Он любит Аню, а теперь она — человек ли, чудовище — умирает у него на глазах.

Нет...

— ...Просыпайся! — его губ касается нежный поцелуй.

Миша открыл глаза и увидел такое родное, такое дорогое лицо. Аня, которую он не знал, как защитить.

— Милая, — его голос еще хриплый после ужасного сна. Миша сорвал голос и наяву, непрерывно выкрикивая только одно, самое важное для него слово. «Аня».

— Ванька еще не вернулся? — спросил мужчина, сев на кровати и с благодарностью приняв от жены чашку теплого чая. С первым же глотком голос стал возвращаться — вот они, чары Пьющей Плоти. А вовсе не убийственный дурман... — Ты точно считаешь, что он обо всем догадался?

— Точно, — грустно улыбнулась Аня, заправляя прядь волос за ухо и виновато глядя на мужа. — Ты же знаешь, в полнолуние я теряю над собой контроль. А мальчик чувствительный, он тоже не спал. Когда я открыла глаза, малыш притворился спящим, но сердце у него стучало так, что чуть кровать не подпрыгивала. Он точно знает, кто я.

— И молчал целых два дня, не вылезая из своей комнаты, — хмуро добавил Миша, поглядывая на входную дверь, в которую Ваня ускользнул час назад, прихватив с собой Мелкого и поводок.

— Он, мне кажется, наблюдал за нами. У нашей семьи есть странности. Скажем, что свои кристаллы ты хранишь подальше от меня. И все операции с ними ты проводишь вне дома.

— Что ты хочешь сказать?

— Ванюша — умный мальчик, — пояснила Аня. — Он уже понял, что ты знаешь, кто я. То есть это не наваждение, а осознанный выбор.

— Ага, — мрачно кивнул Миша. — То есть я не только жертва Пьющей Плоти, но и предатель, протащивший в Штаб врага.

— Верно, — Аня невесело усмехнулась и потянулась к своему мужу, поглаживая его затылок и почти улегшись на мускулистую грудь. — А еще ты извращенец...

— Милая, ну не сейчас... — фыркнул Миша между поцелуями. — Нам надо решить, что делать дальше!

— Я предлагаю его съесть, — сказала Аня, серьезно глядя в лицо мужа. Миша улыбнулся:

— Я же знаю, что ты этого не сделаешь!

— Ты прав, — Аня снова потянулась к нему с поцелуями. — Ты тоже на это не пойдешь. И жить в другом месте мы не сможем. Так давай мы поверим в мальчика! Он так с нами не поступит...

Глава 4. Темные комнаты

В городе вот уже почти год стоит поздняя осень. Природа заснула, едва в мир вторглось нечто чужеродное, и терпеливо пережидала нашествие, как и люди, запершиеся в своих домах.

Здесь, у самого Штаба Сопротивления, можно было спокойно ходить по улицам. Защитный барьер из вкопанных в землю кристаллов надежно удерживал хоть немного соображающих существ на расстоянии. А те, что соображали меньше — взрывались, стоило им шагнуть на людские земли.

Но все равно вокруг было пусто. На окраине города все дома были от силы пятиэтажными, и ветер свободно свистел в ненужных теперь антеннах — пусть генератор Штаба и подавал кое-какое электричество, но связи с внешним миром не было. Все рассчитывали только на себя.

Ваня шел по тротуару в скупой тени деревьев, полгода назад сбросивших молодые еще листья, но так и не отрастивших новые. Мальчик то и дело останавливался и подзывал Мелкого. Пес и так все время находился неподалеку — он был уверен, что это он выгуливает человеческого щенка, а не наоборот. Вот и присматривал с расстояния, не мешая странному ребенку думать о своем.

Но ведь все равно подзывает — видимо, мысли его настолько грустные, что в одиночестве быть тоскливо. И хочется коснуться рукой собачьей шерсти, зачем-то вытащить из пасти весьма ценный кусочек человеческой еды — ну и что, что он найден среди мусора? Он же почти не пахнет...

Ладно, забирай. Только не грусти больше. Ну вот, плачешь. Почему?

А Ваня думал о том, что вынужден разрушить свою вторую семью. Что Аня — милая, добрая Аня, которая готовила вкуснейшую еду из солдатских пайков и припрятанных приправ, которая приходила ночью, чтобы поправить на спящем мальчике одеяло...

Аня — чудовище?

Пьющая Плоть, превращающаяся в человека, как и та тварь, что убила папу и маму! И это существо живет здесь, в Штабе Сопротивления? И Миша — ее муж, знает об этом?

Ваня уже ничего не понимал. Аня — враг и чудовище? Или — вторая мама, принявшая незнакомого мальчика в свою семью? А теперь этот мальчик обдумывает, как донести на нее Мастерам.

Ваня не знал, что делать. И решил пойти к единственному человеку, кроме Миши и его жены, которому он доверял.

К Федору Степанычу, старому Мастеру Кристаллов, который и привел Ваню в эту семью. Дал ему дом — и надежду на нормальную жизнь в эти странные времена. Кому, как ни ему, знать, как поступить в такой ситуации?

Ваня, решившись, вытер слезы и свистнул Мелкому. Тот, обнюхивающий кучку опавших листьев, мигом подбежал к маленькому хозяину и приветственно вильнул хвостом патрульным, идущим к границе защитных кристаллов.

Впереди них топал черный мохнатый терьер с серьезной мордой. Когда-то он принадлежал богатой семье, прежде жившей в одном из частных домов, но его хозяева были съедены в первую же ночь после катастрофы — крылатые существа проломали крышу их дома. И пес, чудом выживший, прибил к отряду Сопротивления, защищающему этот район.

Это был один из немногих псов, по-человечески люто ненавидящих существ. Помня смерть хозяев, эти собаки сражались наравне с людьми и не убегали, даже если погибли все остальные члены отряда. Именно этот терьер однажды вцепился в нос Пожирателю и держал усмиренное чудовище несколько часов, дожидаясь подмоги.

Спутник Вани привественно махнул хвостом, но терьер недовольно заворчал, не желая знакомиться. Мелкий огорченно прижал уши, но оглянулся на Ваню и решил не отвлекаться на пустяки.

Не до общения сейчас, когда маленький хозяин идет туда, где пахнет вооруженными людьми и чем-то химическим, туда, где даже Миша не очень любил появляться. Он предпочитал выманить Мастера Кристаллов к себе домой, чтобы поболтать там за принесенной Федором Степанычем дозой медицинского спирта.

Сугубо лечебной дозой.

В штаб Ваню пустили без вопросов — он жил тут до переезда в новую семью, да и Миша нередко брал его с собой, когда пополнял запасы боевых кристаллов перед выходом в город.

Штабом называли высокое офисное здание, обнесенное забором из листов металла с вплавленными тут и там шипами и кристаллами. Эта защита тут появилась на второй месяц после катастрофы, когда люди сумели прийти в себя и хоть немного приспособиться к кошмару, в котором приходилось им жить. Твари тоже обжились, вырыв себе норы или поселившись в зданиях, проломленных и разрушенных бесновавшимися в центре города огромными титанами, которые сражались, выясняя, кто из них будет править этим крохотным миром, ровняя с землей многоэтажные здания и растирая их в песок.

Кто из титанов победил? Никто не знает. Проигравшие исчезли, рассыпавшись черным пеплом, а победитель ушел под землю, залечивать раны и набираться сил. Каннибалы-Отступники верили, что эти титаны — верные слуги божества, которое призвало и остальных тварей в город, и что именно ему принадлежит черный туман, отрезавший людей от остального мира. Эти безумцы считали, что только люди, должным образом служащие темному богу, однажды спасутся, и потому, якобы исполняя его волю, они нападали на беспомощных жителей и проводили страшные ритуалы с поеданием человеческого мяса.

Ваня слышал истории про каннибалов от отца, когда подслушал его разговор с живыми еще друзьями. Тогда он и узнал, чем страшны эти безумцы — тем, что на них не действуют кристаллы. А ведь именно они защищают ближайшие районы от монстров, именно их Соппротивление с боем доставляет в жилые пока места, чтобы люди клали их под пороги и на подоконники. Чтобы люди могли выжить.

Откуда взялись кристаллы, не знал никто, кроме самой верхушки Соппротивления — Мастеров. И Ваня, даже живя рядом с одним из них и регулярно навещаясь к нему в лабораторию, так и не смог выведать эту тайну.

Почему кристаллы так реагируют на монстров? Почему взрываются, соприкоснувшись с существами из иного мира? Почему отпугивают их — даже тех, кто ни разу не сталкивался ни с чем подобным?

— Почему Аня носит кристалл на шее, но еще жива? — задал вопрос Ваня, глядя в серое небо, в котором далеко-далеко вверху парило крылатое существо, то самое, о котором рассказывал Миша. Оно не нападает на людей, пока они не покусятся на его территорию. И оно убивает других, опасных тварей. Но разве оно — друг? Разве можно жить с ним рядом, ожидая, что оно вот-вот наступит на кристалл и возненавидит людей? Разве можно... любить его?

Ваня не знал. Он надеялся, что Мастер Кристаллов развеет его сомнения.

В Штабе в это время было не так много народа — все ушли патрулировать улицы или даже, взяв машины, отправились в далекие районы, чтобы снабдить людей самым необходимым — пищей и водой. К сожалению, оружия и кристаллов не хватало, и люди все равно гибли. Но это было лучше, чем ничего.

Гораздо лучше.

Охранник открыл металлическую дверь в здание, узнал Ваньку и потискал радостно сопящего Мелкого — тут его очень любили. Но вскоре пес вырвался и потрусил за маленьким хозяином, терпеливо поднимающимся по лестнице наверх.

Вокруг стоял пыльный полумрак. Когда-то это здание, наверное, было очень светлым, ведь окна тут были огромными, во всю стену! Но теперь все стекла были намертво закрыты металлическими пластинами, чтобы существа — не дай Бог! — не прорвались в это здание, не убили Мастеров и не уничтожили зародыши кристаллов. На некоторых этажах кто-то из Сопротивления старательно рисовал поверх пластин граффити, изображавшие поверженных чудовищ и героических бойцов.

На восьмом этаже появилось новое граффити. На нем человек в темной одежде, чем-то похожий на Мишу, сияющим кристаллом в руке теснил монстра-Пожирателя. Рядом с нарисованным бойцом выразительно скалил зубы рыжий пес размером с пони. Ваня остановился рассмотреть картину повнимательнее, потом с усмешкой покосился на Мелкого, морщившего нос от запаха свежей краски:

— Я вижу некое сходство. Правда, тут ты совсе-е-ем не мелкий. Что скажешь?

Пес посмотрел на картину и трижды чихнул, не одобряя запах краски. Ваня рассмеялся и потянул тяжелую дверь, пропуская собаку и проходя вслед за ней.

Весь этаж был выделен Мастеру Кристаллов. Правда, Фёдор Степаныч самоотверженно отдал под лабораторию все, кроме двух маленьких каморок, где жил сам и хранил вещи.

Все остальные помещения, когда-то бывшие офисами, были заставлены многочисленными стеклянными емкостями, наполненными прозрачной жидкостью. В нее макались тонкие нитки, смоченные реактивами, и на их концах медленно формировались прозрачные зародыши кристаллов.

Когда зародыш вырастал достаточно большим, Мастер Кристаллов аккуратно переносил его в другую миску, в которой жидкость была уже другая — розоватая, липкая, пахнущая кисло и странно. И в ней зародыш становился полноценным боевым кристаллом — красным, легким, как пластик. Он мог быть разных размеров, в зависимости от того, для чего использовался дальше.

Особенно Ваня любил рассматривать кристаллы для защитного барьера. Они были похожи на розы с острыми стеклянными лепестками — это усиливало их чувствительность к иномирным существам.

Ваня пошел вперед по коридору, слушая шаги и цокот когтей Мелкого по пыльному кафелю пола. Вокруг — закрытые двери, из-под которых струится темнота — зародыши кристаллов растут только без света, разрушаясь от единственного блика на стеклянной колбе, от случайно включенной лампы.

Только из-под одной, самой дальней двери тянулась дорожка света. Там Мастер Кристаллов проводил конечную обработку и большую часть свободного времени. Там светло, там слышно позвякивание пинцета о края посуды, когда Мастер стряхивал с кристалла последние капли раствора.

Мелкий поставил уши торчком, по-собачьи улыбнулся, свесив язык. И потрусил к двери, скрести ее лапой и тихо гавкать, чтобы Мастер впустил нежданного гостя — любимого и мохнатого, и даже дал что-нибудь вкусное!

Ваня тоже заулыбался и ускорился. Но что-то привлекло его внимание. Тихий звук из-за приоткрытой двери в одну из комнат с кристаллами.

Мальчик, помедлив, заглянул туда. Это же Штаб, тут не может быть ничего опасного.

Может, крыса пытается выудить вкусный кристалл из пробирки? Он ведь соленый, хрустящий. Любо-дорого погрызть, слушая затем в своей норке, как из-за пропажи ругается Мастер Кристаллов. А потом крыса с удивлением обнаружит, что стала несъедобной для тварей на улице. И детишки ее, родившись, тоже окажутся несъедобными...

Но нет, на столах и полках нигде не горбился, сжимая в лапках добычу, вороватый серый грызун. Ваня, пожав плечами, закрыл дверь в комнату. Если бы он посмотрел в сторону каморки, где хранятся вещи Мастера, он бы увидел, как дверь в нее беззвучно закрывается, и за ней исчезает что-то серое.

Но Ваня не посмотрел туда. Он потянул на себя другую дверь — ту, куда уже успел проскользнуть Мелкий. Фёдор Степаныч поприветствовал мальчика, указав ему на кушетку и прикрыв за ним дверь.

Но перед этим Мастер погрозил пальцем тому, кто выглядывал из каморки. И повернулся обратно к Ване, улыбаясь и поправляя круглые очки.

— Чем обязан визиту, малыш?

Ваня сидел за высоким столом в разноцветных химических разводах, отхлебывая чай из чашечки и дожидаясь, пока готовый кристалл, выуженный из миски с раствором, высохнет.

Мастер сидел напротив, с противным скрипом обрабатывая один из кристаллов напильником.

Худой, лысоватый мужчина с густыми бровями, свешивающимися прямо на оправу очков, он всегда нравился Ване. Мальчик любил его ехидную улыбку и острый нос с вечно блестящим кончиком, любил разговоры о кристаллах и о том, какие монстры живут на улицах. У Фёдора Степаныча был целый альбом, куда он зарисовывал существ по описаниям Миши, и про каждое из них он мог сказать что-то интересное.

До катастрофы он работал в зоопарке, и изучать животных было ему привычно. А любимое хобби — резьба по дереву — пригодилось сейчас, когда напильник все время соскальзывает с кристалла, мешая придать ему ровную цилиндрическую форму.

— Я хочу сделать из этого пули, — пояснил он в ответ на вопросительный взгляд Ваньки. — Чтобы наши люди могли отстреливать Коршунов.

Коршуны — летающие твари с метровым размахом крыльев, похожие на птеродактилей с двумя клювами. Обычно вне большой стаи они боятся нападать на крупных существ, но несколько раз умудрялись, спикировав с неба, оторвать человеку руку и скрыться в облаках. Мелкий однажды успел ухватить такую тварь за крыло, и подоспевший Миша забил ее ногами. Но чаще существа улетали безнаказанными, и обычные пули не могли их остановить.

— Хорошая мысль, — Ваня в последний раз встряхнул кристалл, закрепил его в зажиме на высокой подставке и взял в руки лупу и фонарик. — А то только Мелкий смог за такой тварью успеть. Людям сложнее, — мальчик поднес лупу к глазу и стал светить на кристалл под разными углами, чтобы увидеть возможный дефект — трещинку или пузырек, а может — след от крысиных зубов.

Ваня нахмурился. Он увидел кусочек нитки, застрявший в самой середине кристалла. Значит, он не рабочий. И не взорвется, если его коснется монстр. «Кажется, я нашел ответ на один из вопросов...»

— Мелкий у нас вообще молодец, — Мастер наклонился и потрепал спящую собаку по мохнатому боку. Пес приоткрыл глаз, довольно причмокнул и вскоре ровно засопел. Только лапы иногда подергивались — Мелкому снились бесконечные улицы, заполненные чудовищами, и Ваня, которого любой ценой нужно отвести домой...

— Да, Мелкий — просто чудо, — подтвердил Ваня, отложил забракованный кристалл и задумчиво посмотрел на Мастера. — Знаете, я тут кое-что подумал. А вы так много знаете про существ...

— Что такое? — Фёдор Степаныч перестал пилить кристалл и посмотрел на Ваню с интересом и легким беспокойством во взгляде.

— Их можно приручить?

— Что?! — Мастер чуть не выронил кристалл.

— Просто... — Ваня растерянно пожал плечами, — они ведь бывают довольно умными. И, возможно, им не обязательно нас убивать? Ну, чтобы жить? Миша рассказывал, что большой крылатый зверь не трогает людей, а ведь он животное, — мальчик заговорил быстрее, видя, что изумленный Мастер хочет его перебить. — Может, тогда умные существа, вроде Пьющих Плоть, могут стать нашими союзниками? Друзьями?

Мастер вздохнул и опустил голову. Он молчал несколько минут, и Ваня начал волноваться. Ну конечно, он дурак — говорить такое человеку, который потерял столько друзей после катастрофы! «О чем я только думал...»

Но Мастер посмотрел на Ваньку грустными глазами, увеличенными стеклами очков:

— Ты хочешь спросить меня про Аню?

— Да, — машинально ответил Ваня, потом вздрогнул:

— Так вы знаете?

— Более того, — Мастер встал, подошел к двери и тихо позвал кого-то. Из коридора донеслись странные шаркающие шаги, и в дверях показалось существо.

Оно было сгорбленным и серым. У него не было глаз, только рот — беззубый, старческий. Длинные руки с чутко шевелящимися пальцами, короткие ноги. На длинной шее болтался красный кристалл на цепочке.

Существо замерло, покачиваясь и настороженно принохиваясь.

Ваня посмотрел на Мастера и спросил дрожащим голосом:

— Оно не опасно?

Услышав людской голос, существо припало к полу, разинув беззубый рот в угрожающем, низком вое, от которого Мелкий мигом проснулся и оскалился. На спине существа раскрылись прорезы, и из них выдвинулись трепещущие гребни, покрытые розовой слизью.

Чудовище выпустило когти и бросилось к Ване.

Глава 5. Снять панцирь

Ваня все еще пытался перевести дух, запивая испуг остывшим сладким чаем. Сердце колотилось, как барабаны каннибалов, что уже вломились в квартиру, связали живших там людей — и готовят ритуал, который напитает плоть жертвы мощью темного бога, и передаст эту силу его последователям...

Мелкий вскарабкался на соседний стул, с трудом на нем удерживаясь, переступая соскальзывающими лапами, но умудряясь заглядывать мальчику в глаза: «Как ты? Успокоился?»

Ваню все еще била дрожь. Ведь всего десять минут назад чудовище, жившее в каморке у Мастера Кристаллов, попыталось его убить. Пусть от испуга, пытаясь защитить себя и своего друга от расправы людей, и без того напуганных злыми существами.

Чудовище — Мастер звал его Гришкой — забило в дальний угол комнаты, сжимая в руках миску с чаем, в которую Фёдор Степаныч щедро плеснул коньяку. Монстр так сильно перепугался, услышав голос незнакомого человека, что не сразу понял, что это был ребенок. Только какое-то наитие заставило его втянуть когти, прежде чем схватить маленького человека и вздернуть его в воздух.

И лишь тогда, по легкости, с которой человека удалось поднять, по запаху сестренки Ани на его коже, Гришка понял, что в его руках Ваня, маленький друг Мастера. И услышал отчаянный вой Мелкого, не понимающего, почему один его друг пытается убить другого.

Тогда гребни Гришки с шелестом втянулись обратно в тело, а беззубый рот раскрылся. Монстр беззвучно молил о прощении, опуская ребенка на землю, а Мастер уже бросался к Ване, пах страхом и беспомощностью...

Оба они — и Гриша, и старик-человек, знали, что теперь только чудо убедит ребенка не пойти к другим людям. Не рассказать им, что монстры поселились как минимум в двух домах, и что самые уважаемые, самые героические члены Сопrotивления — Миша и Мастер Кристаллов — оберегают мерзких тварей. Своих друзей и любимых...

Гришка поднял безглазую голову и повернул ее к Ване. Все его серое тело дрожало, а из щелей на спине, где исчезли гребни, струилась розоватая слизь — его единственная защита в прежнем мире, пока неведомая сила не выдернула монстра в проклятый город. Сухие темные губы дрогнули:

— Пхрости мхеня, — чудовище втянуло голову в плечи и тихо всхлипнуло, издав странный шипящий звук. Тот самый, благодаря которому Фёдор Степаныч больше года назад дал ему имя: — Пхриш-ш-ш...

Это случилось год и девять месяцев назад, в день, когда два мира смешались, как кровь с серной кислотой.

Будущий Гришка оказался дома у Степаныча внезапно, перепугавшись даже больше, чем сам владелец квартиры. Еще минуту назад монстр уютно свернулся в гнезде из кристаллов, что рождаются из его слизи — а вот уже совсем беспомощный, голый, лежит на полу в странной норе, а какое-то жуткое розовое существо в обрывках цветной кожи громко кричит и зовет на помощь!

Пришлось броситься к нему, зажать кричащий рот и сидеть. Ждать, пока незнакомое существо успокоится, почувствовать, как спинные гребни безуспешно из-за света пытаются

нарастить корку кристаллов, толстый панцирь из которых так хорошо защищал мирного монстра в прошлом.

Гришка только казался безглазым. Зрение у него было, пусть и слабое из-за закрывающих глаза складок кожи. Но все же с внешним миром его, в основном, связывали обоняние и слух, и розовое существо он старательно обнюхал, запоминая. Здесь, в этом странном месте, Гришке понадобится любой союзник.

Там, снаружи странной норы, слышался рев Пожирателя и отчаянные крики розовых существ — чудовище, которого в будущем назовут Гришей, успело почувствовать, какая мягкая у них плоть, и понимал, как, наверное, радуется Пожирателя этот факт. Ведь эту плоть так легко разорвать когтями!

Но Гришка не ест мясо. И для Пожирателя он — без панциря, без нормального логова — такая же легкая добыча, как эти розовые существа.

Надо что-то делать!

Монстр осторожно отпустил владельца норы, в которой он оказался, убедился, что розовое существо пока не собирается нападать. Прокрался к одному из выходов наружу, закрытых чем-то прозрачным, но едва ли способным спасти от кого-то, кто захочет сюда влететь. Протянул руку себе за спину и провел по ближайшему гребню, снимая слой слизи и пряча его в темноте между ладонями. В ней почти сразу образовались маленькие кристаллы, запомнившие мысль, что розовых существ надо считать друзьями, и Гришка осторожно распределил их по подоконнику. Потом повторил это с дверью, под недоуменным, испуганным взглядом человека.

Степаныч не понимал, что происходит. С улицы доносился грохот и крики умирающих людей. Их раздирали на куски монстры, появившиеся из ниоткуда. А это безглазое слизистое существо не пыталось его убить! И эти кристаллы, которые оно раскладывает повсюду... что это?

— Эй! — сказал Фёдор Степаныч, и монстр обернулся. — Кто ты такой? Откуда взялся?

Гришка озадаченно провел липкой ладонью по своей лысой голове. Язык существа был ему непонятен, а вот его мысли были очень... необычными.

— Как тебя зовут? — спросил человек, подходя все ближе.

Чудовище сделало шаг назад и удивленно мотнуло головой, издав странный всхлип, переходящий в шипение. «Пхриш».

— Гришка? — нервно хихикнул Федор Степаныч. Монстр неуверенно улыбнулся в ответ.

Существа его вида общались больше мыслями, чем словами, сидя в норах глубоко под землей. Они не вылезали из панцирей, а взрывающимися осколками от них покрывали вход в нору, чтобы отпугнуть крупных хищников и мелких тварей, поработанных грозными богами во имя никому не нужной войны.

Гришка никогда не вылезал из своей норы, не видел ничего, кроме кусочка неба, обновляя кристаллы у самого входа. Но... мысли розового существа — человека? — были чем-то ему близки.

Хотя и непонятно — как можно так ненавидеть свой панцирь? Как можно жить, выбираясь из любой норы, куда жизнь тебя загоняет? Как можно... так страстно познавать все новое? Даже то, что может быть опасным?

Будущий Мастер Кристаллов был из тех людей, что однажды отдают беднякам все вещи и отправляются в дальние страны. Из тех, кто мечтает очутиться в волшебном мире даже в сорок восемь лет. Из тех, кто никогда не стареет и не забывает свое детство — со всеми мечтами, уроками и маленькими, но важными чудесами.

Гришка не понимал этого. Но очень хотел понять. Он потянулся к незнакомому существу всей душой, как тянется к солнцу цветок, не знавший прежде света. Так человек, впервые видя море, входит в воду и пробует ее соль на вкус.

...Гришка протянул человеку кристалл.

Ваня вздрогнул и проснулся. Мальчик не запомнил момент, когда его сморил сон — но то, что именно снилось, запомнил хорошо.

Гришка сидел все там же, и Мелкий спал, вытянувшись у его когтистых ступней. Федор Степаныч ушел проверять зародыши в одну из темных комнат, и оттуда то и дело доносились тихое звяканье мисок и не менее тихая ругань — Мастер честно пытался не разбудить Ваню.

— Я проснулся! — громко сказал мальчик, и услышал из темной комнаты радостный возглас и тут же — самозабвенный грохот переставляемой посуды. Ваня невольно улыбнулся и перевел взгляд на монстра. Его безглазое лицо было непроницаемо, но мальчик все еще помнил тот сон. Помнил чувства существа... нет, Гриши.

— Я понял, почему ты так поступил, — сказал Ваня, и монстр вздрогнул, повернув к нему серое лицо. — Я не сержусь. Мы ведь подружимся?

Гриша, помедлив, сказал-всхлипнул:

— Дха, — он чувствовал, что мальчик не кривит душой. И это стоило того, чтобы снять защитный панцирь. Да и кому он нужен — этот панцирь? Были бы друзья, ради которых ты избавишься от него навсегда.

...Ваня шел домой, разглядывая подарок от Гришки — странный кристалл, состоящий из двух разноцветных — красного и янтарного, закрученных, как две влюбленные улитки.

Гриша дал его мальчику, сказав, что эта вещь ему однажды очень «пригодится». Ваня не стал отказываться — кристалл был красивым и как будто грел ладонь, вызывая странное чувство защищенности. "Теперь у меня есть талисман..."

Мусор и мелкие камушки скрипели под подошвами кроссовок, Ваня торопился. Надо было идти вслед за Мелким, к дому, поговорить с приемными родителями. Сказать, что ему все равно — кто они, из какого мира и как выглядят, когда засыпают в полнолуние.

Нарисовать Аню в ее природном облике — Мастер нашел в лаборатории краски, и сейчас они, зажатые под мышкой, пачкают майку. Этот рисунок потом вклеят в альбом Мастера, а еще мальчик планирует перерисовать в цвете всех существ из этого альбома.

Заодно узнает о них побольше, ведь не все из них опасны для людей. И многие живут здесь, под защитой Сопротивления, и выполняет работу, не связанную с кристаллами. Дружат с людьми, помогают им. Питаются человеческой едой — или трупами чудовищ, принесенными из города специально для них. Ставят метки на людях и домах, чтобы отпугнуть голодных, диких собратьев...

— Каждый из них носит кристалл на цепочке, — говорил Фёдор Степаныч, указывая на Гришку, на шее которого действительно болтался красный кристалл. — Кристалл с дефектом, естественно, чтобы не взорвался ненароком. Но, если увидишь такой амулет у кого-то, ты будешь знать, что он из наших.

Они много чего еще обсуждали.

Припасы, которые скоро закончатся — но их восполнят съедобные грибы, которые сородичи Гриши выращивают в подвалах уже сейчас. Каннибалов-Отступников, как оказалось, уже давно выслеживали отряды из дружественных людям Пьющих Плоть, выпущенных через охраняемую брешь в кристалльной защите. Правда, по большей части они находили в обнаруженных святилищах только мертвых — неведомая сила словно иссушала сектантов, выпивая из них жизнь.

Наверное, каннибалы стали жертвой темного бога, которому служили.

Гриша и Аннет рассказывали, что этот бог существует на самом деле. Он захватил их мир десятки лет назад, привел в него титанов и убил множество мирных существ. По его воле титаны сражались друг с другом, порабощали местных и собирали из них армии, поворачивали русла рек, затопляя целые поселения на их берегах. Существа, которым каким-то чудом удалось скрыться, прятались в норах, надеясь, что однажды все наладится, так что тихий мирок проклятого города, в котором злобные титаны перебили друг друга, как пауки в банке, оказался для существ сытным и безопасным местом. Это людям здесь было тяжело и страшно, а монстры были счастливы...

...По крайней мере, те, о ком было известно. Ведь некоторые бесследно пропали!

— Мы не знаем, почему в городе стало так мало мелких чудовищ, — говорил Фёдор Степаныч. — Мы не могли их всех перебить, но их нет уже почти полгода! Они словно ушли куда-то, не расставив даже меток...

Но сейчас, двигаясь домой и со смехом отталкивая игриво прыгающего Мелкого, Ваня меньше всего думал о чудовищах за кристальной границей.

Он думал, как завтра попросит Мишу научить правильно кидать кристаллы — ведь Гришка специально для мальчика сделает серию боевых кристаллов поменьше, чем обычные, под детскую руку.

И еще мальчик хотел предложить кое-что необычное. Гриша много рассказывал про Зверодактиля — крылатого монстра, про которого на днях говорил Миша.

Ваня собирался его приручить.

— Пожалуйста, помогите, — плакала девушка, зажимая рану на худом плече. Агата еще пыталась идти, но ноги не слушались — слишком велика была потеря крови. — Я больше не вынесу... кто-нибудь, помогите! — она разрыдалась безнадежно и глухо, сползая по стене, оставляя на побелке скупой кровавый след.

Вдруг — щелчок замка, оглушающее громкий. И стук, гулкий, вездесущий, будто великан шагает по улице. «Хотя нет. Это мое сердце бьется».

Кто-то в подъезде открыл дверь, но у девушки уже не было сил повернуть голову в ту сторону.

— Держи! — мужской голос, грубый, озлобленный. «За что вы так со мной...» — Сожми в руке, и мы к тебе выйдем.

Что-то звенит по плитам пола, совсем рядом. Кинули из дверей — и тут же захлопнули, провернули все замки. Агата приоткрыла глаза и с трудом сфокусировала взгляд. Где же...

Вот он. Небольшой красный кристалл — защита от нечисти. «Вы думаете, я чудовище?»

Тонкая рука шарит по грязному полу, девушка теряет равновесие и падает лицом вниз, ударяется зубами и носом. До крови. Но что эта кровь, когда твое плечо и спина исполосованы когтями, и при каждом биении сердце-предатель толкает из тела еще немного крови — словно мало ему той, что алыми каплями и лужицами ведет на улицу, через вырванную с корнем подъездную дверь...

Рука нащупывает кристалл, сжимает его изо всех сил. Агата закрывает глаза и уплывает куда-то, где нет ни чудищ, ни злых людей, что не спасут, не помогут...

Щелчок, скрип. «Неужели вышли за мной?»

Действительно, шаги.

Двое — мужчины, крупные. Много жизненных сил. Повезло.

Когда один из них наклонился, чтобы поднять израненную девушку, Агата извернулась и впиалась зубами ему в горло. Повалила мужчину на пол с легкостью,

немыслимой для хрупкой девушки. Сладкая кровь наполнила ее рот, и новый прилив сил помог удержать бьющуюся жертву — куда ему до темного Бога, чья мощь струится теперь в венах Агаты!

Она почти не слышала, как второго мужчину избивали двое Служителей — они прятались там, за дверью, совсем рядом. Именно там они до этого резали спину Агаты когтем мертвого чудища, что ниспослал им Великий.

Теперь они вносили будущую жертву в дом и начинали готовиться к ритуалу.

Агата оторвалась от мужчины и медленно вытерла окровавленный рот его безвольной ладонью. Улыбнулась и коснулась губами покрытого испариной, еще теплого лба мертвеца:

— Ты послужишь Богу, став пищей для Его племени, — она грациозно встала, взяла труп за ногу и легко втащила в квартиру. Порванная рубашка на секунду разошлась, и случайный зритель заметил бы, что страшные раны стянулись, не оставив и шрама на нежной коже. Но в пятиэтажном доме не было других жителей, что могли бы это увидеть.

Темный бог делал все, чтобы его Служители оставались незамеченными.

Все пошло не так, как было задумано.

Служители должны были молиться и бить в ритуальные барабаны, а обнаженная жрица должна была танцевать и петь в кругу кровавых рун. Лишь потом, войдя в транс, она должна была десять раз пронзить жертву костяным ножом во славу темного Бога.

Но, едва зазвучали барабаны, Агата закричала страшно и дико, срывая с себя одежду и покрывая кожу кровавыми следами от острых ногтей. Потом она бросилась к связанной жертве, не переставая кричать, и голыми руками вспорола мужчине живот. И погрузила туда ладони...

Агата очнулась через пятнадцать минут. В ушах еще бился ее пронзительный крик: — Убейте их! Сотрите их с лица земли! Уничтожьте!

Жрица замолчала, оглядывая дело своих рук изумленно и испуганно. Мужчина, предназначенный в жертву, лежал на полу мертвый, и в его развороченном животе чадили угли из жаровни. Тело второго человека было разорвано пополам, и у верхней половины не хватало обеих конечностей.

Агата разжала пальцы, и одна из оторванных рук упала на пол с глухим стуком. Жрица посмотрела на Служителей, забившихся в противоположный угол комнаты. На их лицах был ужас. Ужас и восхищение.

Правда, у одного из них уже не было левого глаза, а у второго — уха. Оба попались на дороге жрицы, а ей нужна была стена, у которой они стояли.

А теперь на ней был рисунок кровью.

Он изображал четверых — ребенка, мужчину с закрашенным лицом и женщину с рогом на лбу.

И собаку.

Глава 6. Крылья и когти

Кости сухо хрустели под ногами, а мертвый Прожора давил на плечо. Ваня замедлился и перевел дух, Мелкий тут же подбежал к нему и ткнулся мокрым носом — как ты? Совсем устал?

— Все в порядке, — уверил собаку Ваня и ухватил добычу поудобнее. Миша, идущий впереди с двумя монстрами под мышками, обернулся:

— Тебе помочь? — в ответ он увидел упрямо пожатые губы и отрицательное мотание головой.

Прошло уже полгода с того дня, как Ваня встретился с Гришей.

Миша был безумно рад, что мальчик смог подружиться с существом из другого мира, не обвиняя их больше в жуткой смерти родителей. Ваня еще сильнее полюбил Аню и, как она рассказывала, познакомился с молодым Пьющим Плоть, усыновленным начальником караула.

Но было и что-то еще, что не давало ребенку жить беззаботно, наслаждаясь новой семьей и друзьями. Незвестный груз лежал на его плечах уже полгода, как туша Прожоры в эту минуту.

Ваня вытянулся и очень повзрослел лицом. Его глаза, видевшие то, что не должен был видеть ни один ребенок, смотрели серьезно и мрачно, выглядя прозрачно-серыми лужицами на коже, покрытой черной краской — в этом мальчик тоже подражал Мише, своему приемному отцу и кумиру.

Еще он также начал носить темную одежду, чтобы быть незаметным для существ в ночи. Но сейчас был день, и два человека были ясно видны на фоне черно-белой, усыпанной костями земли.

Здесь, в разрушенном пятиэтажном здании, жил Зверодактиль — огромное летающее существо, покрытое жесткой щетиной, с гребнями по бокам головы и широкой пастью. Над нею горели два внимательных черных глаза, видящие даже в крошечной тьме с огромной высоты. Собственно, так Зверодактиль и питался — ночью он пикировал на зазевавшихся монстров, что вылезали на охоту за людьми.

Именно поэтому Соппротивление дало добро на приручение Зверодактиля. Тот милостиво принимал подношения в виде трупов убитых существ, но отгонял всех от своего гнезда, переворачивая машины и валяя по земле особенно упрямых людей, жаждущих взглянуть на его птенца.

То есть — Михаила и Ваньку.

Оба они уже не раз падали из разжавшихся когтей с высоты трех метров. Так Зверодактиль пытался объяснить, что людям здесь не рады. Только Мелкого он не трогал, непонятно, почему. Они даже сдружились, и пес мог забраться в самое гнездо, туда, куда не пускали хозяев и где жил пушистый, а теперь подросший птенец Зверодактиля.

А вот хозяевам пса было сложнее. Вот и поглядывали они на небо, ожидая, когда же в нем появится треугольный силуэт крылатого чудовища, готового ринуться вниз, отхлестать сухими полотнищами крыльев, еще и когтями нарезать землю вокруг на ломти, не задев, тем не менее, человека.

Однако бдительное чудище все не появлялось. Люди смогли подойти к самому зданию, где среди балок и обломков стен располагалось гнездо из мусора и вырванных с корнем деревьев.

Миша, помедлив, сбросил обоих мертвых Прожор на землю:

— Тут и оставим. Не будем рисковать.

Ваня согласно кивнул и тоже избавился от своей ноши, глухо ударившейся о землю и раскинувшей в стороны лапы с длинными когтями. Потом мальчик глянул на небо, подобрался и тихо сказал:

— Мелкий, внимание! Миша, там Коршуны, осторожно.

В небе действительно кружила стая небольших крылатых существ, издающих заинтересованные крики, рассматривая замерших людей внизу. Эти твари любили бросаться вниз и отрывать руки и ноги у людей прежде, чем те успевали вскинуть оружие.

Мелкий припал к земле и заворчал угрожающе. Однажды он смог справиться с Коршуном, но тогда крылатый монстр был один. А тут целая стая. Что делать?

Вдруг Коршуны заметались, суетливо и растерянно, не зная, куда лететь. А на них, вынырнув из дымчатого облака, ринулся треугольный силуэт, похожий на Зверодактиля. Но куда быстрее, да и не разменивался прежде гордый крылатый монстр на подобную мелочь. А это существо металось туда-сюда, хватая Коршунов широкой пастью и изворачиваясь в полете, как гимнаст, поддевая бьющуюся добычу когтистой задней лапой.

Следом за незнакомым существом из облака выскользнул и сам Зверодактиль. С отеческой гордостью монстр обогнул место охоты своего ребенка и, хлопая крыльями и поднимая пахнущий пылью и плесенью ветер, опустился перед людьми.

Кости захрустели под когтистыми лапами, а длинная шея изогнулась, когда большая морда, похожая на короткую крокодилию, обнюхивала подношение — троих мертвых Прожор, принесенных людьми.

Зверодактиль посмотрел на них, поблескивая черными глазищами, раздувая ноздри и красные гребни по бокам головы. Он не мог решить, наказать ли людей за вторжение на запретную территорию, или позволить уйти, не отхлестав крыльями и не уронив с высоты.

Но за него решил кое-кто другой.

Младший Зверодактиль, увидев новое развлечение, оставил в покое изрядно поредевшую стаю Коршунов и спикировал вниз, смешно растопырив при приземлении пальцы задних лап и оставив после себя длинную полосу разбросанных костей. Отряхнулся, принялся к людям и собаке.

А потом с интересом потянулся к Ване, переступая согнутыми крыльями, взволнованно дергая хвостом и гребнями вдоль головы и спины. Мальчик, помедлив, протянул навстречу чудовищу руку в черной перчатке.

Щетинистая морда коснулась человеческой ладони, мягкие губы, покрытые пушком, прихватили пальцы, длинный язык обвился вокруг запястья. Зверодактиль часто, заинтересованно сопел, не сводя взгляда черных глаз с лица маленького человека.

Ваня рассмеялся:

— Привет! Давай дружить!

Глава 7. Дар безумного бога

Город был пуст и безмолвен, только редкие людские голоса доносились из робко приоткрытых, затянутых защитной проволокой форточек.

Вечная осень, наступившая больше двух лет назад, стерла в порошок траву и листья деревьев, теперь согнувшихся и молча умирающих, бессильно вытянув хрупкие ветви в навечно затянувшееся облаками небо.

Растения чувствуют гармонию мира и то, что с ней происходит. Они вянут, когда в вашей квартире творится что-то неладное, они сбрасывают листья, когда во дворе совершается жестокое убийство. И теперь, когда город был отрезан от мира неведомой силой, растения тихо погибали, не вынося присутствия рядом того, что так исказило привычный ход вещей.

Обломившиеся ветки судорожно всхлипывают, ломаясь под колесами внедорожника. Прежде по улицам нельзя было проехать на машине — брошенные автомобили перегораживали дорогу.

Да и кто заботился тогда о том, чтобы кому-то не помешать? Люди бросали все — вещи, машины, животных — лишь бы выжить в кровавом пиршестве, наступившем на улицах города, когда на них шагнули хищные, обезумевшие монстры из другого мира.

Но теперь чудищ в городе было совсем немного. И никто не мог понять, почему.

Сейчас стало возможным выходить на улицу даже ночью, а члены Сопrotивления смогли освободить от машин основные улицы и пути к заселенным районам. Но, если монстры ушли из города, значит — они появились где-то еще?

Разумные существа, тайно живущие среди людей за защитной границей из кристаллов, тоже не знали ответ.

— Если бы мы знали, куда пойдут остальные, то давно бы вам сказали, — говорила Аня, готовя обед на всю семью, плюс Мастер Кристаллов и коробочка на вынос, для Гришки. — В нашем мире мы точно так же не представляли, что творится вокруг. Титаны создавали армии из слабых существ, водили их туда-сюда, воюя. А мы, те, что посильнее, жили себе в пустынях и норах, старались не показываться и не вдумываться в происходящее, — девушка поежилась и беспомощно посмотрела в глаза Мише.

Он, прочитав ее немую просьбу о поддержке, потянулся навстречу и обнял, прижал к себе любимую. Как же тяжело ей пришлось там...

В любом случае, теперь люди почти перестали гибнуть на улицах. Автомобили Сопrotивления ездили повсюду, проверяя обстановку, развозя уже почти не нужные кристаллы, а также очень нужную провизию и воду.

Еду — сухие грибы, напоминающие опята на вкус и пемзу — на вид, выращивали в норах существа того же вида, что и Гриша, а воду фильтровали через зубчатые клешни еще какие-то дружественные монстры, с которыми Мише еще не довелось познакомиться.

У разведчиков Сопrotивления были другие занятия — они выслеживали остатки агрессивных и хитрых существ, что иногда все же наведывались в дома, куда еще не успели завезти кристаллы. А еще Сопrotивление не теряло надежду поймать последнее племя каннибалов — или, хотя бы, найти их иссохшие трупы.

Мастеров молчание врага радовало еще меньше, чем его активность. Когда каждую неделю находили места, где проводились кровавые ритуалы, это хотя бы было объяснимо. И был шанс найти их однажды и уничтожить. А сейчас от каннибалов нет ни следа, и это пугало Мастеров только больше.

Ведь мало ли, что задумал безумный враг, поклоняющийся темному божеству?

Тем не менее, жизнь в проклятом городе налаживалась. Люди уже не надеялись выбраться отсюда. Но они хотя бы могли выжить.

Никто не ожидал того, что случилось в день знакомства Вани с молодым Зверодактилем. А если бы и ожидали — что бы изменилось?

Все было predetermined заранее.

Попрощавшись со Зверодактилями, Миша и Ваня направились через усыпанный костями пустырь к внедорожнику, терпеливо ждущему хозяев.

Мелкий первым влетел в приоткрытую дверь, устроился на переднем сиденье и нетерпеливо приплясывал, пока хозяева усаживались. Миша пристегнулся и оглянулся. Увидел изнывающую собаку и, усмехнувшись, открыл окно.

Мелкий тут же высунулся наружу по самую грудь, вертя головой и высунув розовый язык. Он так любил ездить в машине! Сейчас они тронутся, и можно будет всласть полаять на ветер, треплющий высунутый язык, теребящий уши и дующий, дующий в мокрый нос!

Миша начал осторожно объезжать глубокую выбоину на асфальте, а Ваня разлегся на задних сиденьях, подставив покрашенное черным лицо легкому ветерку из окна. Они ехали домой, утром Аня обещала сделать на ужин лазанью из подземных грибов. Потом планировалась настольная игра, и Мелкий опять незаметно стащит со стола песочные часы...

Вдруг пес, со счастливым видом принюхивающийся к воздуху за окном, зарычал глухо и растерянно. Он смотрел вперед, в сторону Штаба.

Сменившийся ветер принес оттуда запах пороха.

И крови.

Внедорожник затормозил у защитной границы, и Миша буквально выпрыгнул из машины, бросившись к баррикадам из бетонных блоков, перегородившим улицу. Тут должен был быть караул — дюжина бойцов Сопrotивления, товарищи и друзья Миши.

И он действительно был здесь.

Развороченные, разорванные люди лежали тут и там. С оторванными конечностями, со снятыми скальпами. С пустыми глазницами, устало глядящими в безучастное небо.

Маслянисто блестели вырванные из животов внутренности, перечеркнув забрызганный кровью асфальт. И кристаллы, повсюду кристаллы, которыми караульные пытались отбиваться от напавших на них чудовищ.

В воздухе стоял запах бойни, который так часто встречал Мишу в квартирах в городе, когда он не успевал добраться до запертых людей раньше, чем чудовища. Но встретить его здесь, на пороге родного дома...

Миша стиснул кулаки, с его губ сорвалось тихое рычание. Ярость горячим клубком крутилась где-то в солнечном сплетении, наматывая нервы все туже и туже. «Кто посмел, кто это сделал?!»

— Миша! — окликнул его Ваня, наклонившись к чему-то, заслоненному упавшим с баррикады блоком. Мужчина, сдерживая беспомощный, злой крик человека, потерявшего близких друзей, подошел к мальчику, рядом с которым нервно крутился Мелкий.

У пса был напряженный и напуганный вид. Он, как и люди, не понимал, что происходит. Он чувствовал ярость хозяина, и шерсть невольно становилась дыбом. Но Ваня приглаживал ее холодной ладонью, и мысли у него были недетские. Такие же, как в тот день, когда убили его мать.

— Это похоже на человека, — сказал Ваня, не поднимая головы, когда Миша приблизился. — Но я не уверен...

Нечто, лежащее у самых баррикад, действительно выглядело странно.

Это был человек, поросший серой, мохнатой плесенью. Тут и там она отходила от кожи широкими пластами, но до последнего цеплялась за нее синими прожилками, уходящими глубоко в тело и, видимо, переплетающимися с его сосудами. Похоже, эта мерзость забирала много сил у своего носителя — даже этот толстый серый покров не мог скрыть ужасной худобы.

Особенно длинные ворсинки паразит отрастил на лице человека, полностью его закрыв, не оставив даже щелочки для глаз. Ворсинки эти все еще шевелились. Плесень была жива, а вот носитель — уже нет.

В груди его были отверстия от пуль, и плесень сползлась к ним, жадно впитывая кровь и обнажив часть кожи на животе. На ней виднелись грубо вытатуированные символы. Увидев их, Миша с отвращением сплюнул:

— Каннибал. Но что это за штука на нем? — он протянул руку, но плесень зашевелилась, жадно потянувшись навстречу длинными усиками. Миша тут же отдернул руку и отступил подальше. «Что же это такое?»

Ваня тем временем достал из кармана красный кристалл и осторожно уронил его на тело каннибала, стараясь не задеть шевелящиеся ворсинки. Хмыкнул:

— Как я и думал. Не взрывается, — подумав с минуту, мальчик поднял взгляд на Мишу и задумчиво произнес, вспоминая уроки Мастера: — Видимо, паразит слишком мал, чтобы кристаллы сочли зараженного человека опасным. Или плесень возникла уже здесь, в нашем мире. Но как?

— Эволюционировала? — предположил Миша. — Или ее кто-то вывел. Не все же каннибалы - безмозглые фанатики, мог найтись и ученый...

— Даже если мы поймем причину, нам сейчас это не поможет, — решил Ваня, глядя в сторону Штаба. — Важнее, смогли ли наши защититься без кристаллов...

— Ты прав, — Миша поднялся и положил руку на рукоять пистолета. Его глаза обеспокоенно вспыхнули. — Надо скорее помочь нашим! И защитить жилые кварталы. Если каннибалы идут по этой улице — а следы ведут именно туда — то они скоро придут к нашим семьям!

...Где же еще быть врагам темного бога, как не в Штабе? А если их там не будет сейчас, то они туда придут, рано или поздно. Там живет их друг — тот старикашка в круглых очках. Чем-то он им дорог.

Вот глупцы!

Агата фыркнула тихо, как кошка, и тенью проскользнула мимо взволнованных караульных, обсуждающих нападение на жилые кварталы. «Да-да, там резвятся слуги нашего Бога», — думала девушка, просачиваясь мимо охранника на вахте. — «Бегите-бойтесь, они вам много проблем доставят. И отвлекут всех от меня...»

Вверх по лестнице — бегом, босые пятки стучат по холодному кафелю, оставляют едва заметные следы — россыпь спор Дара Божьего, что дал племени силу исполнить волю Его.

Жаль, но Дар не прорастет нигде, кроме как в подготовленном теле — изможденном, заморенном голодом, покрытом надрезами во многих местах. О, сколько тел иссекла Агата, прежде чем ей самой досталась крупица Дара! Но теперь она — легкая серая тень, видящая и слышащая все вокруг, наделенная бесконечной силой.

Кто сможет противостоять ей? Жрице темного Бога, сосуду для Его воли!

Где-то на заднем плане сознания слышатся чужие взволнованные мысли, многоголосый шепот — это Дар связывает всех носителей. У кого-то в городе проблемы,

их убивают. «Вы не маленькие дети, разберетесь сами. Я — та, кто исполнит веление Его. А ваша задача — сделать шум!» — шипит мысленно Агата, взбегая на восьмой этаж.

Останавливается резко, глядит на картину, нарисованную на металлических пластинах, закрывающих окно. Злость и ненависть наполняют Агату, расплзаясь от кончиков пальцев и дальше, раскаляя, сжигая, как сжигала ее плесень Божьего Дара, проникая в каждую клеточку бьющегося в агонии тела.

На картине изображены враги — двое из них! Мужчина, что красит лицо в черный цвет. И его паскудная шавка, что вечно настораживалась и рычала, когда Агата пыталась подобраться поближе к ним в городе. Только это не позволило уничтожить их еще до штурма.

А ведь это сильно облегчило бы задачу! Агата зло усмехается и плюет на картину. А затем просачивается в дверь в лабораторию, где слышны голоса Мастера Кристаллов и что-то взволнованно говорящего солдата.

«Вы думаете, те людишки в городе, которых сейчас едят мои ребята — это ваша главная проблема? Нет, глупые. Ваша проблема — то, что скоро Сопrotивления не станет. Без Мастеров вы — просто кучка смертных с пистолетами».

Краска на картине, куда попала слюна Агаты... того существа, в которое она превратилась... пузырилась и растворялась, стирая нарисованное лицо Миши.

...Аня в своей квартире выключила рацию мужа, по которой она уже несколько часов слушала последние новости.

Медленно, недобро улыбнулась, показав на секунду острые клыки.

Каннибалы двигались как раз по ее улице.

Глава 8. Союзники

Миша бежал по улице с пистолетом в руках. Его лицо, покрытое черной краской, не выражало ничего, только серые глаза смотрели вокруг с беспокойством.

Миша боялся вновь увидеть следы борьбы, тела тех, рука об руку с которыми он сражался столько раз. Но никого не было — отряд каннибалов, покрытых странной серой плесенью, что, похоже, соображает сама по себе, прошел по улице, не встретив сопротивления.

Большая часть бойцов была в городе, а остальные проводили время с семьями. Никто не ожидал, что на них могут напасть. Защитный контур из кристаллов не пропускал сюда чудовищ, а каннибалы никогда еще не осмеливались нападать открыто. Они только прокрадывались в квартиры с наивными жителями и, убив их, уходили прочь, исчезнув из поля зрения до следующего кровавого ритуала.

Но теперь они напали, и Миша не успевал благодарить небеса за то, что людям запретили выходить на улицы после полудня из-за нападений Коршунов. Крылатые твари переселились из полуразрушенного центра города на окраины, скрываясь от Зверодактителя, учившего детеныша пикировать на жертву из облаков.

Сзади Миши слышалось дыхание Ваньки. Мальчик постоянно оглядывался, высматривая врагов. Но увидел только высунувшегося из окна мужчину — и крикнул ему про каннибалов.

Мелкий согласно гавкнул, обернувшись на маленького хозяина. Другие люди только мешают следовать за монстрами, да и следы могут затоптать.

Хотя такой запах сложно перебить — каннибалы очень сильно пахли плесенью. Мелкому не нравился этот запах, хотя прежде он казался приятной приправой к найденной в кустах старой косточке. Но эта плесень не довольствовалась косточками.

Каннибалов она пожирала живьем.

Миша бежал, и перед его глазами скупой чередой застывших кадров замирали увиденные картины.

Асфальт, чья-то кровь. Темная, свернувшаяся еще в венах владельца — кто-то из каннибалов был ранен в схватке на границе. Поросшие плесенью следы босых ног в грязи на обочине. Совсем свежие — Мелкий расчихался, сморщив морду.

Меньше километра до жилых районов. Там, в зданиях, окруженных отдельным кристалльным кольцом, живет большая часть семей Сопротивления. Там же находятся лазарет и детский дом, и несколько многоэтажных зданий выделено под беженцев из других районов города. И еще один дом только подготавливается к заселению, в стены его замуровываются кристаллы, проводится вода и чинится проводка.

Его будущие жители пока живут в фургонах и грузовиках, стоящих рядом на улице. Именно они станут первыми жертвами каннибалов.

Миша ускорился. Он успеет, успеет...

Шарахнулся от переулка, в котором что-то темное качалось из стороны в сторону. Чертыхнулся. Всего лишь Силуэт. Он питается грязью. Несколько таких существ тайно живет в старых зданиях, прячась от людей и отколупывая крошащуюся штукатурку. Их можно позвать к себе домой пообедать, если Аня ушла к подруге, сказав убраться...

А ведь раньше Миша даже не представлял, что будет так много знать о существах из другого мира.

Он был обычным человеком и даже думал какое-то время, что счастлив.

«Я был очень глупым...»

Миша был из тех парней, которые не замечают, как становятся стариками. Они превращаются в улыбчивых дедушек, пахнущих сухим табаком, любящих рыбалку и не помнящих, как женились на нелюбимой.

Жизнь течет мимо них спокойно и ровно, не задевая ничего внутри. Они провожают ее удивленным взглядом, беспомощно улыбаясь, но не двигаясь с места.

Обычно такие, как Миша, вырастают в полных семьях, где больше одного ребенка. Опекают младших сестер и братьев, заводят многих друзей, что провожают жизнь таким же удивленным взглядом — и удерживают тех, кто вдруг решает познакомиться с нею поближе.

Их досуг — студенческий, даже в сорок лет. Они ходят в ночные клубы, угощают девушек коктейлями и, не встретив ответного интереса, возвращаются домой на такси, чтобы с друзьями вместе посмотреть любимый фильм.

Так Миша и жил.

Ни радость, ни горе не задевали его души, он словно спал, уже не надеясь проснуться.

Выучился на юриста, а работал тренером в спортивном клубе своего брата. По вечерам Мишу забирали на машине друзья, а иногда — ждала девушка в коротких шортиках, одна из тех, что ходят на занятия ради красивого тренера со светлыми волосами и теплой улыбкой.

Когда он спал, сны не приходили. Редко, когда Миша особенно сильно напивался в клубе, ему снилась невысокая девушка с темными волосами.

Она сидела на подоконнике и читала книгу, а глаза у нее от края до края были черные.

— ...Мишка! — закричал человек, появившийся на дороге, когда они шли мимо гаражей, покрытыми рисунками того же художника, что рисовал граффити на окнах в Штабе. — Мишка, слава Богу!

— Егорка? — боец замедлился и перешел на шаг, глядя, как Мелкий, не останавливаясь, чуть не сбивает щуплого мужчину с ног, обнюхивая и облизывая его.

Егор — худой, большеглазый и длиннорукий, похожий на грустного богомола — был другом Миши в прошлой жизни, до катастрофы, и работал в том же клубе. В тот злосчастный день он не пришел на работу, приболел. Это спасло ему жизнь.

Позднее они с Мишей встретились уже в Штабе, куда прокрались по кишашим монстрами улицам, услышав сообщение из динамиков о наборе в Соппротивление. Голос одного из нынешних Мастеров звал всех, кто не боится монстров, помочь Соппротивлению отстоять город и спасти близких.

В тот день Егор и Миша долго сидели рядом и вспоминали погибших друзей. А потом разошлись, встречаясь только после вылазок, когда разведчик возвращался из города, а инженер выходил со склада оружия.

— Миша! — Егорка подбежал к своему другу. Его худое лицо выражало непередаваемую гамму чувств. Смесь ужаса, недоверия, беспокойства... вины? — Вы целы, мы так боялись. У нас тут такое!

— Что случилось?

Ваня подошел поближе, придерживая шевелившего ушами Мелкого и прислушиваясь.

— Только не удивляйся тому, что я скажу, — Егор вдохнул поглубже. — Если увидишь на улице монстра — не трогай его.

— Что?! — Миша уставился на друга, часто моргая. Он начал подозревать...

— Отступники, — пояснил Егор, — поросли какой-то хренью и напали на нас. Они очень сильные, и кристаллы на них не действуют. Трое из них ворвались в лазарет, и тут случилось нечто нереальное! Наши медсестры превратились в Пьющих Плоть и порвали их на куски! Оказывается, — инженер развел руками, пытаясь выразить все свое изумление, — среди нас все это время жили твари! Существа, только они на нашей стороне!

— Их много? — спросил Ваня и был удостоен полубезумного взгляда. Мелкий, чувствуя всеобщее возбуждение, вертелся под ногами и заглядывал в глаза — люди, что такое? Мне же интересно!

— Не знаю! Но без них мы были бы мертвы, — Егор запустил руки в волосы и замотал головой. — В башке не укладывается. Они даже в оружейной живут, прячутся на чердаке. Два серых горбуна. Я-то думал, куда еда пропадает... А они как выпрыгнут!

— То есть штурм отбит?

Инженер кивнул.

— Почти. Часть каннибалов разбежалась, но остальные загнаны на стройку, и существа их добивают, — Егор как-то беспомощно посмотрел в сторону и сказал глухо: — Твоя жена тоже там.

— Отлично! — Миша заулыбался. — Тогда я к ней!

— Нет, ты не понял, — снова попытался Егор. — Она — одна из них. Пьющая Плоть.

Миша хотел ответить, но Мелкий вдруг зарычал. Раздался стук быстрых шагов по жестяной крыше, и с ближайшего гаража на землю прыгнул каннибал.

Он был также покрыт серой плесенью, как и тот, которого Ваня обнаружил на границе. Он пах едко и приторно, а длинные, в две ладони, ворсинки топорщили на лице каннибала. Нет, вместо его лица!

— Твою мать! — закричал инженер тонко, истерично. Слишком много он пережил за сегодня, хрупкая психика уже не выдерживала. «Не боец», — подумал Миша, оттолкнул друга в сторону и выстрелил.

Каннибал содрогнулся, когда пуля с чавканьем вошла в его тело. Но только зашипел, припав к земле, и показал свое лицо — нити плесени разошлись в стороны, открыв глазам Миши пустой череп, поросший изнутри каким-то оранжевым мхом.

Боец выругался и снова выстрелил, целясь в этот мох. Но чудовище успело сомкнуть нити обратно и отпрыгнуть, тут же рванувшись к Мише. И в него попал кусок щебня — Ваня еще помнил, как учился кидать кристаллы.

Каннибал — то, чем он стал — резко повернулся к мальчику и въедливо зашипел. С вытянувшихся в сторону Ваньки длинных нитей закапало что-то, от чего асфальт стал пузыриться. Монстр отклонился назад, втянув ворсинки в пустой череп, не замечая пули за пулей, что всаживал в него Миша, и визга Мелкого, трущего лапами обожженный кислотными парами нос.

Чудовище собиралось выпустить кислоту в Ваню.

Из гаража, на котором был нарисован автомобиль с шестью подобранными лапами, донесся недовольный рык. Металлическая дверь приподнялась, и огромная зазубренная клешня беззвучно перекусила каннибала пополам.

Обе его половины с сухим стуком упали на щебенку, а плесневые нити отчаянно вытянулись во все стороны, пытаясь нащупать следующего носителя.

— О, — Миша опустил пистолет и растерянно качнул головой.

— Привет, Отшельник, — Ваня вырвал из земли пучок сухой травы и подошел к клешне, стал оттирать дымящиеся кислотные следы. Обитатель гаража довольно заурчал, высунув из-под двери длинные усы.

— Ты как? — Миша подошел к Егору, стоящему у трупа каннибала.

— Нормально, — голос инженера звучал слабо, но огромные глаза смотрели уже почти адекватно. — Прости, что я себя так повел.

— Все хорошо. Это мне не впервой драться с монстрами, — Миша брезгливо отступил от нитей плесени, вкрадчиво вытянувшихся в его сторону. — Черт, ну и мерзость!

Егор, помедлив, достал из кармана зажигалку. Вопросительно посмотрел на друга, увидел кивок и шелкнул огнивом.

Кислота каннибала пришлась по вкусу огненному существу, живущему во всех мирах, чтобы избавлять их от лишнего и злого. Труп занялся ярким огнем, и членам Сопротивления пришлось отступить на несколько шагов.

Егор покосился на друга и сказал:

— Ты так отреагировал, когда я сказал про Аню... — он посмотрел на Ваньку, закончившего оттирать кислоту. Отшельник благодарно заурчал и легко ущипнул мальчика, вновь пряча клешню под гаражную крышку. — Неужели ты все про нее знал?

— Конечно! — Миша посмотрел в небо и улыбнулся воспоминаниям, — Я знал это с того момента, как встретил ее! — Он посмотрел на своего друга и нахмурился. — Скажи, где та стройка. Я должен помочь своей жене!

Глава 9. Осколки

Фёдор Степаныч вынимал готовые кристаллы из раствора, когда в лабораторию, минуя двух караульных, зашел Мастер Оружейник — низкорослый, приземистый мужчина в мундире и с блестящей даже в этом полумраке лысиной.

Лицо его, всегда какое-то квадратное и недовольное, сейчас выражало крайнюю степень растерянности.

Оружейник подошел к Мастеру Кристаллов и молча наблюдал за его работой, тяжело вздыхая над самым ухом. Потом проворчал:

— Тяжело это признавать, но ты был прав. Твари все-таки встали на нашу сторону.

Оружейник, в прошлом — высокопоставленный военный, а в настоящем — глава армии Сопrotивления, никогда не доверял чудовищам. Его сын погиб от клыков одной такой твари, и только этот хрупкий старик, переманивший на свою сторону остальных Мастеров, не позволил Оружейнику выследить всех «мирных» монстров, поселившихся среди людей.

Он, едва узнав об этих хитрых тварях, готов был врываться в квартиры и пихать каждому человеку в глотку боевой кристалл — пусть взрываются монстры, притворяющиеся людьми! Все равно ведь ударят исподтишка, что бы там не говорил наивный старик.

А они, вместо того, чтобы ударить в спину, прикрыли ее собой, рискуя всем, что имели.

— Я надеялся, что так будет, — откликнулся Фёдор Степаныч, отставляя в сторону банку с розовой слизью Гриши и глядя на своего вечного противника, гордого, сердитого. С огромным трудом признающего свою ошибку. — Но я не буду злорадствовать. Ты не мог этого знать.

Оружейник отвел глаза, в которых было раскаяние и злость на самого себя:

— Я должен был тебя выслушать. В конце концов, ты сдружился с одним из них, вы общались телепатически, он поделился с тобой памятью! Но нет, я думал только о мести.

Мастер Кристаллов вздохнул. Он всегда осознавал, что будут люди, искренне ненавидящие существ за все горе, пережитое по их вине. Мечтающие отомстить, прогнать, уничтожить.

Да разве можно простить пришельцев из чужого мира после того, как видел Пожирателя, запикивающего части людских тел в обе зловонные пасти? После того, как Карла перебирал внутренности твоего убитого друга, как четки? Увидев черные глаза Пьющего Плоть на лице любимого человека, смирившись с тем, что тот, кого ты помнил, мертв, пусть он и стоит перед тобой — разве ты сможешь простить этих тварей?

«Но, раз смог Ваня...»

Фёдор Степаныч часто вспоминал этого мальчика — мальчика, видевшего, как отец съедает его мать, видевшего смерть человека от рук Карлы. Продержавшегося столько времени в одиночку, в районе, где на тот момент было больше чудовищ, чем во всем остальном городе!

Но Ваня после всего этого не выдал свою приемную мать — Аню, Пьющую Плоть. Не выдал Гришу — а ведь как сложно было бы Мастерам объясниться перед людьми, если бы он это сделал! И даже смог подружиться со многими существами, тайно живущими рядом с людьми и теперь вступившимися за них.

Раз ребенок смог простить — смогут и остальные. Вот и Оружейник признает свою неправоту — а ведь он был самым ярким противником дружбы с монстрами из другого мира!

Мастер Кристаллов ликовал, когда протянул Оружейнику руку:

— Забудем о разногласиях. Ошибиться может каждый. Сейчас важнее рассказать людям правду.

— Так точно! — сказал Оружейник, осторожно сжимая липкие от реагентов, тонкие пальцы Мастера. Про себя военный решил, что станет союзником и другом для пронизательного старика — и искупит свою ошибку, помогая людям и существам жить рядом друг с другом. — Поторопитесь, совещание скоро начнется.

Дождавшись рассеянного кивка, Оружейник отвел в сторону занавески из резиновых полосок, не пропускающие в комнату с кристаллами губительный для них свет. Вышел в коридор, оглядываясь и пытаясь понять, куда исчезли охраняющие лабораторию часовые.

Он успел увидеть брызги крови на стене и полу перед тем, как Агата прыгнула с потолка и вырвала у него сердце.

Ваня остановился и нахмурился.

— Что случилось? — спросил Миша, нетерпеливо глядя в сторону стройки, до которой оставалось от силы сто метров. Обычное недостроенное здание — голые стены, пустые окна. Обрывки огораживающих ленточек, развевающиеся от каждого дуновения.

В доме сухо трещали выстрелы — там шла схватка существ и людей с теми, кто отказался от своей человеческой сущности. С каннибалами, поросшими странной серой плесенью, которая дала им столько силы — и теперь пожирала их изнутри.

Миша хотел скорее помочь друзьям, ворваться внутрь, найти Аню и убедиться, что она цела!

Но Ваня дрожал и тер руками лицо, размазывая черную краску и часто моргая. Часть его, таинственная и прежде неощутимая, была тревогу, размахивая руками и крича о том, что вот-вот произойдет что-то страшное.

Мелкий тоже как-то странно засуетился, нервно оскалившись и подвывая. Пришлось Мише схватить его за ошейник и подтянуть к себе. Но все равно пес ворчал и пытался вырваться.

— Что-то не так, — медленно, как-то совсем беспомощно произнес мальчик, глядя в сторону Штаба, находящегося на другой стороне улицы. — Что-то плохое происходит...

— Привет, старикашка! — пропела Агата, появляясь за спиной Мастера. — Время умирать!

Фёдор Степаныч мгновенно развернулся, и в лицо Агате полетела гость свежих кристаллов. Они встретились с целью... и беспомощно осыпались на пол, не причинив жрице вреда.

— Бесплезно! — с ликованием в голосе крикнула девушка. — Мой Бог защищает меня! — она схватила старика за грудки, легко подняла щуплое тело в воздух и посмотрела в его лицо, улыбаясь безумно и яростно. — Ты слышишь? Он защищает меня!

Степаныч слышал — но не слова, а громкое шипение, которое казалось Агате связной речью.

Она не видела, что ее тело, когда-то прекрасное, теперь иссохло и превратилось в скелет с потрескавшейся кожей. Не замечала плесени, тянущей нити из многочисленных ранок.

И не знала девушка, что ее нежное личико с прекрасно очерченными губами, никогда не знавшими нежного поцелуя — давно исчезло. Ворсинки плесени шевелятся на его месте, тянутся к лицу Мастера, сморщившегося от отвращения и кислотного запаха.

А когда ворсинки расходятся, в них видны глаза Агаты — огромные, синие и безумные. Один из них уже не закрывается — мешает плесень, прорастающая на глазном яблоке.

Второй смотрит на Фёдора Степаныча с ненавистью, и Агата смакует это чувство, как изысканное вино, радуясь тому, что лучше всех других может послужить темному Богу, уничтожив Его врагов!

Девушка визжит от злобы и, подняв врага еще выше, кидает его через всю комнату. Старик врывается в шкаф с посудой для кристаллов, чувствует, как осколки впиваются в него через халат.

Видит свою кровь. Видит Агату, которая, качаясь из стороны в сторону и шипя, идет к нему, и с плесневых нитей ее брызжет кислота.

Старый Мастер смутно видит еще кого-то, кто медленно заходит в лабораторию. На спине расплывчатого силуэта топорщатся гребни, а голова на длинной шее качается из стороны в сторону, переводя взгляд со жрицы на раненого человека.

— Гриша, — хочет шепнуть старик, но сознание уже уплывает в темноту.

В ней кто-то протягивает Мастеру бокал с вином и осколками кристаллов.

Ваня глухо застонал. Его лицо было бледным, а взгляд застыл, словно мальчик видел что-то ужасное, с чем не мог смириться.

От стройки донесся крик и звуки выстрелов. Секунду спустя из окна вылетели две сцепившиеся фигуры. Одна из них рассыпалась в плесневую пыль от удара о землю. Вторая — та, что поменьше — успела уцепиться за ветку дерева и теперь быстро, с нечеловеческой ловкостью спускалась вниз.

Увидев Мишу, Пьющий Плоть помахал рукой и заулыбался. Это был Артём, друг Вани и приемный сын начальника караула. Родителей подростка тоже убили на его глазах — монстр-Пожиратель вломился в дом, где они жили с тех пор, как неведомая сила выкинула их в незнакомый мир.

Никто не успел сбежать.

Артём чудом укрылся в подвале, где просидел две недели, питаясь крысами, пока отряд Сопrotивления не убил поселившегося в доме Пожирателя и не выпустил паренька на волю. Никто тогда не понял, что он — Пьющий Плоть.

А начальник караула — толстый усатый мужчина с добрым взглядом и просто непередаваемым чувством юмора — даже узнав о природе подростка спустя месяцы, не изменил принятого до этого решения.

Он усыновил Артёма. И стал для него прекрасным отцом, научившим полудикого паренька тому, как надо вести себя среди людей.

А Ваня стал для него другом, понимающим без слов и знающим про Артёма все-все. Не у каждого такой есть. Тем более у того, кто только притворяется человеком.

Сейчас Артём был в своем природном облике — у него не было кожи, из-под жестких волос выглядывали блестящие завитые рога, а черные глаза были лишены ресниц и смотрели обеспокоенно.

— Великие боги, что с ним? — Пьющий Плоть увидел Ваньку и вздрогнул. — Он в трансе?

— Не знаю, — Миша пожал плечами и спросил: — Что у вас происходит? Ты видел Аню?

— Аня в порядке, а мы почти победили, — Артём забрал почти потерявшего сознание Ваню из рук Миши и с беспокойством посмотрел в бледное лицо своего друга. На шее Пьющего Плоть висел красный кристалл на цепочке. — Почти всех уже убили. Слушайте, может, я его в лазарет оттащу? Мне не нравится его запах.

— Давай, — согласился Миша, и тут Мелкий выскользнул из ошейника.

Не оглядываясь и не реагируя на оклики, пес помчался по улице в сторону Штаба, прижав уши и рыча. Скорее, скорее! Пока не поздно, пока еще можно что-то изменить.

— Присмотри за ним, я за Мелким! — успел крикнуть Артёму боец, срываясь с места вслед за собакой.

Только сейчас Миша начал понимать, почему пес мог так себя вести.

Ветер принес от Штаба запах каннибала.

Глава 10. Выпустить крылья

Агата отступила, шатко и нервно, разглядывая появившееся перед ней существо.

Она уже собиралась подойти к отброшенной старикашке, изрезанному стеклом, жалко сплюснвшемуся от удара, истекающему сладким кровавым соком. Хотела свернуть тонкую шею и впитаться в безвольную щеку мертвеца, разрывая ее зубами...

Но увидела, как резиновые ленты, закрывающие дверной проем, заколыхались, и в лабораторию вошло чудовище.

Хотя какое там чудовище! Мерзкое, странное существо. Серое, горбатое, с пальцами рук, касающимися пола, как у тупой гориллы! И эти гребни на спине, покрытые слизью — мерзость, мерзость.

— Уйди, — сказала Агата, шипя, отчего плесневые нити вокруг ее лица зашевелились и покрылись капельками кислоты. — Не мешай мне, тварь, противная темному Богу! Он даже не взял тебя себе во служение, как других. Ты противен ему...

— Нхет, — просипел Гриша. — Я схам откхазался.

Город был пуст, как в те дни, когда монстры могли напасть на любого, кто подходил к окну. Здесь, в районе, защищенном Соппротивлением, кристаллами, отважными бойцами — здесь люди могли жить почти так же, как до катастрофы. Выходить на улицы небольшими группками, вывешивать белье на балконы, включать свет. Жить, а не выживать.

До этого дня, когда кристальный барьер преодолели чудовища, которых он не смог остановить.

И одно из них сидело на потолочной балке, нервно скребя ее желтыми ногтями, оставляя пятна плесневых спор там, где балки касался тощий живот и выступающие ребра. Каннибал, изъеденный плесенью, движимый одной целью — занести споры в другого человека — ждал свою жертву.

И он дождался — хрупкая черноволосая девушка, переговорив с командиром отряда, двинулась в эту сторону, оглядываясь и зачем-то принохиваясь. Прекрасно.

Дождавшись, пока девушка подойдет ближе, каннибал с ликующим шипением прыгнул вниз, раскрыв плесневые нити, чтобы сжечь нежную кожу, ослабить тело, внедрить паразита...

Аня переломила опутанный плесенью позвоночник прежде, чем каннибал успел заметить ее черные, нечеловеческие глаза. Девушка стряхнула серые споры с узких ладоней и пошла дальше, стараясь выглядеть безобидной.

Каннибалы, зараженные плесенью, совсем потеряли рассудок.

Теперь они прятались по углам недостроенного здания, дожидаясь кого-нибудь одинокого и слабого, чтобы передать ему свой «Дар». Хрупкие на вид Пьющие Плоть были идеальной приманкой, на которую каннибалы бросались бездумно и тупо, мгновенно погибая от их рук.

Люди под коркой плесени были уже мертвы, а темный бог не подумал объяснить разумному паразиту, как поступить, если существа встанут на сторону людей. Он и сам не знал, что такое возможно.

— Он пхредложил нам союз, кхогда не смогх пхоработить, — спокойно говорил Гриша, наклоняясь, чтобы поближе рассмотреть раны Степаныча, медленно качая безглазой головой, словно в трансе. — Слабых он сразу пходчинил и увел куда-то. А нас — не смогх.

— Вранье! — закричала Агата, стискивая кулаки с такой силой, что плесень на них потрескалась. — Он мог вас подчинить, он побрезговал!..

— Нхет, — повторил Гриша, поворачивая к жрице бесстрастное лицо. Он не слышал ее слов, только шипение. Но мысли в голове, заполненной плесенью, мысли фанатика и безумца — он чувствовал их.

И даже мог на них отвечать.

— Тхвой бог не всемогущ. Он не может поработить тех, кто сам этогхо не гхочет. А ты — захотела. И ты... — Монстр медленно приподнял верхнюю губу и вдруг сказал спокойным, ясным голосом без намека на обычный хрип: — Ты напала на моего друга!

Выпустив когти и жутко оскалившись, Гриша бросился на жрицу. Его движения больше не казались неуклюжими. Монстр выпрямился и казался выше ростом, стал двигаться быстрее. Гребни выдвинулись, как лезвия, обрастая кристаллами и скрежеща при каждом движении.

Гриша был зол, и Гриша был готов к бою — впервые за всю свою жизнь, когда он прятался то в своей пещере, то в камерке в лаборатории Мастера. Но монстр больше не собирался прятаться.

Агата взвизгнула и плюнула кислотой, но Гришка отпрыгнул в сторону, увернувшись от кислотной струи. Припал к полу и с почти танцевальным изяществом завел руку за спину, сомкнув пальцы на чем-то, зажатом между двумя гребнями.

Агата распахнула единственный не тронутый плесенью глаз, увидев, как Гриша достает из-за спины длинный, острый... кристалл. Тот, что, пока монстр спокойно рассказывал про богов и существ, формировался между двумя слизистыми гребнями.

Жрица попятилась. Нет, нет! Она не готова биться с тварью. Теперь стало ясно, почему погибали ее собратья, всякий раз окатывая ее своим отчаянием и болью! Их убили существа. Эти монстры заодно с людьми!

«Великий Бог, почему? Почему ты не предупредил нас? Почему не сказал, с чем мы столкнемся? Или тебе было все равно, и ты просто... использовал нас? Ты послал нас на смерть?!»

Агата не успела обдумать эту мысль, с трудом увернувшись от красного кристалла, вспоровшего воздух там, где она стояла. Гришка наступал, размеренно взмахивая оружием и держа когтистую лапу наготове. Выжидая.

Жрица растерянно пятилась, шипя и пытаясь накопить в нитях достаточно кислоты. Но она не успевала, не успевала... Ворсинки плесени на спине почувствовали, что утыкаются в стену, и тут Гриша взмахнул когтями. Агата метнулась в сторону, и острый кристалл вонзился ей в плечо — и дальше, в стену, припиливая.

Гришка сделал шаг назад, слыша, как жрица бьется и кричит от боли. Саму рану она не почувствовала, но кристалл, этот мерзкий кристалл! Он словно вкручивался в тело, растекался по всем жилам, каждую клеточку опалая адским пламенем! Агата визжала и дергалась, пытаясь избавиться от этой невыносимой боли. Она не понимала, что боль — не ее. Что это плесень, живущая в ней и принадлежащая другому миру, не выносит слишком долгого прикосновения кристалла.

Гришка увидел, что девушка перестала биться и бессильно привалилась к стене, закрыв глаз. Второй, заросший плесенью, смотрел куда-то вдаль стеклянно и пусто. Плесень не шевелилась, медленно темнея. Кристалл, припиливший жрицу к стене, покрылся черными прожилками — вытянутой из тела плесенью.

Гриша, помедлив, подошел ближе. Он чувствовал пульсирующую боль жрицы и не желал мучительной смерти даже столь отвратительному существу.

Когда он сделал последний шаг и протянул когтистую лапу, Агата взвилась, выбросив вперед плесневые нити. Гриша дернулся, отшатнувшись, и кислота чудом не попала на лицо. Но — на грудь и плечо, взбугрив кожу белым и рыхлым, вырвав из темных губ тонкий крик боли. Гриша упал, извиваясь и крича, когти его рук судорожно царапали обожженную грудь, делая только хуже.

А Агата вновь задержалась, как сломанная марионетка, обезумев от не-своей боли.

Плесень в ее теле гнула мышцы и кости, тянула жилы, лишь бы спастись. А тело-носитель можно рвать, можно ломать — паразит найдет другое. Может, попробует добраться до раненого чудовища, ползущего по полу к столам с уцелевшими в схватке реагентами? Оно слабо теперь, уязвимо.

Станет новым носителем.

Плесень дергает телом Агаты, разрывая ее плоть об острый кристалл. Свобода! Чужая боль отпускает жрицу, и она кричит от новой, уже своей.

Рука, сухая, изъеденная паразитом, с глухим стуком падает на пол. Агата, плача единственным глазом, пытается остановить кровь, бьющую фонтаном из осиротевшего плеча. Но плесень уже прорастает в рану, с шипением поглощая свежую кровь.

Шатаясь, Агата поднялась с пола и перевела полубезумный взгляд на раненое чудовище. Это... все... из-за него! Сделав несколько шагов, жрица споткнулась обо что-то звякнувшее. Тот длинный кристалл в потеках ее крови, весь дымящийся от кислоты! С внезапно накатившей злостью она пнула оружие, лишившее ее руки, и кристалл отлетел ко входу, наполовину скрывшись в резиновых лентах.

Гриша же из последних сил стянул со стола миску с раствором для кристаллов — своей слизью, и вылил содержимое на свою рану. Она тут же перестала болеть, и кровь остановилась, увязнув.

Монстр повел головой, чувствуя, как враг подходит все ближе. Перед полуслепыми глазами плавали круги, мешая разглядеть противника, а нос чуял запахи, которые не могли тут быть.

Тихо вздохнув, Гришка нащупал в гребнях второй длинный кристалл, еще не успевший сформироваться. Стиснув зубы, потянул за него, вырывая из своей спины. Теплая кровь потекла между гребнями. Но монстр понимал, что все равно не успеет ударить.

А Агата уже вобрала нити плесени, чтобы плюнуть кислотой в ненавистное безглазое лицо.

Кристалл вошел в ее тело с сухим хрустом, проломив плесневый слой под лопаткой и выйдя у ключицы. Агата со свистом втянула воздух и дважды вздрогнула, пытаясь схватиться за лезвие, скользкое от ее темной, мертвой крови.

Миша выпустил кристалл, так кстати подобранный у входа, и скинул дымящиеся перчатки. Жрица медленно повернулась к нему. В глубине глаза искрой сверкнула ненависть, и Агата вновь набрала для плевка кислоты пополам с кровью.

Но второй кристалл вошел в ее тело чуть ниже первого, царапнув о грудину и показавшись наружу между ребрами. Поднявшийся Гришка слабо улыбнулся Мише через плечо оседающей на пол жрицы.

— Ты очень вовремя, — сказал монстр, касаясь своей раны, уже поросшей тонкими пластинками кристаллов.

Миша посмотрел на раны Гришу. На Мастера, лежащего на полу в беспамятстве. На жрицу, все еще пытающуюся схватиться за проткнувшие ее кристаллы. На Мелкого, утробно на нее рычащего от входа. перевел взгляд на монстра и ошеломленно кивнул:

— Я вижу.

— Он будет жить? — спросил Миша, опустившись на колени рядом с Гришкой.

Монстр, осматривающий Мастера, поднял безглазую голову и, поморщившись от боли в обожженной груди, пожал плечами:

— Не знаю. Я пытаюсь зарастить его раны кристаллами, но получается плохо. Есть еще один способ его спасти, но я не уверен... — Гриша отвернулся, понурившись.

Миша, помедлив, заметил:

— Ты стал иначе говорить. Перестал хрипеть.

— Я изменился. Может, это и к лучшему, — очень тихо и задумчиво сказал Гришка.

— Эй... герой... — очень тихо донеслось из центра комнаты. Миша напрягся и поднялся с колен, глядя на жрицу, лежащую на полу и спиной опирающуюся на перевернутый в пылу драки стол. В метре от нее стоял Мелкий, вздыбивший шерсть и оскаливший зубы. Он грозно рычал всякий раз, когда Агата шевелилась. Но она уже не пыталась освободиться от кристаллов.

Зараза уходила из ее тела, освобождая измученный разум, уже отвыкший мыслить свободно. Откуда-то изнутри поднималось отчаяние и злость на Великого Бога, что так легко пожег слугами, обрекая их на страшную смерть...

Стоит ли дальше хранить ему верность? Вот этот человек, боец, ненавидимый Богом, он так красив, так добр к друзьям! Он не заслуживает смерти. Надо дать ему — и всем остальным — шанс на спасение. Надо сказать ему... правду.

— Герой... — шепнула она, когда Миша подсел ближе, несмотря на предупреждающее рычание собаки. — Я должна была убить тебя.

— Меня? — переспросил мужчина, с безразличной жалостью глядя на умирающую жрицу. Плесень уходила с ее тела, втягиваясь в кристаллы и открывая почерневшую от яда и кислоты кожу. Один глаз, похоже, вытек, когда плесень с него сошла, и теперь закрылся. А второй смотрел совсем иначе, без ненависти, без злобы.

Миша с удивлением заметил, что жрица, несмотря на потемневшую кожу и единственный оставшийся глаз, безумно красива. И очень молода.

— Темный бог, поработивший нас, — шептала Агата, слабо улыбаясь черными, окровавленными губами, — считает тебя опасным. Ты и есть опасный. Ты — и твой мальчик. И жена твоя. Даже твой пес.

— Это звучит странно, — заметил Миша, растерянно оглядываясь на Гришу, но Агата вдруг рванулась вперед, схватила его за руку под испуганный лай Мелкого.

Она смотрела ему в глаза и говорила хрипло, лихорадочно быстро:

— Вы можете всех спасти! Вернуть прежний мир! В вас есть сила, она свела вас всех вместе. Тебя, мальчишку, женщину с рогом, собаку. — Миша дернулся, вырывая руку из захвата Агаты, и жрица упала обратно, сползая на пол и беспомощно улыбаясь, шепча: — В самом центре города есть здание, под ним спит титан. Но в том здании находится то, что вам нужно, чтобы всех спасти. Отведи туда мальчишку вместе с собакой, пусть они...

Вдруг Мелкий зарычал, а потом и вовсе — завыл, и в голосе его слышался искренний страх. Агата осеклась, глядя куда-то в сторону. Единственный глаз распахнулся, словно увидев что-то ужасное.

Миша посмотрел в ту сторону, но не увидел ничего. А когда он перевел взгляд на Агату, ее мелко трясло, а на губах выступила кровавая пена. Какая-то странная тень лежала у нее на лице, словно чья-то ладонь давила, вжимая жрицу в пол, не давая ей дышать и жить...

В комнате был кто-то еще. Невидимый, но почти физически ощутимый из-за своей бесконечной ярости. Она навалилась на грудь, сжимала сердце раскаленной ладонью, иглами впивалась в глаза. Тени по углам комнаты извивались, росли и набухали, заполняя все вокруг...

Мелкий выл, а Гриша удерживал Мастера, бьющегося так, что худое тело выгибалось дугой, и в него впивались новые осколки. Жрица умирала, а темный бог тянул

ее душу к себе, улыбаясь, как воспитатель в детском доме улыбался, прежде чем в первый раз ударить ее по лицу.

Но... что-то было не так! Невидимые пальцы сомкнулись в пустоте, упустив свою добычу. На мертвом лице Агаты застыла удивленная полуулыбка, как будто тот, кто взял девушку за руку и спас от темного бога... был странным. Не таким, как она думала.

...Тени в последний раз вскинулись и разочарованно опали, упустив добычу. Миша растерянно замотал головой. О чем эта жрица говорила? И что же заткнуло ей рот? Тот самый бог?

Мужчина услышал странный звук и обернулся. Гриша держал на руках Мастера и что-то бормотал глухо и растерянно. Теперь Миша наконец увидел плесень, начавшую пробиваться через пропитанный кровью белый халат. О боже!

— Как это случилось? — помертвевшим голосом спросил боец.

— Он умирает, — сказал Гриша, не обращая внимания на вопрос. — Эта мерзость заразила его, и он умирает. Скоро он станет таким же, как эта девушка. Мы не можем проткнуть Мастера кристаллом, как ее, он не перенесет этого.

— И мы ничего не можем сделать? — горло Миши перехватило, что-то горькое встало в нем комом. Нет, нет...

— Я попробую кое-что, — сказал Гриша спокойно. — Но при этом я могу умереть.

— О чем ты? — шепотом спросил Миша, беспомощно глядя в изможденное, какое-то восковое лицо старого Мастера.

— Я закуклюсь вместе с ним, — сказал Гришка певуче. — Мой народ умел это делать до того, как эти боги пришли в наш мир. Мы забыли, как это делается, когда стали жить в норах, и наши кристаллы для закукливания стали панцирем.

— Это спасет его? — с надеждой спросил Миша. — Постой, почему ты сказал, что можешь умереть?

— Тот, кто выйдет из кристалла, будет совсем иным существом. Меня, моей памяти, моих желаний — всего этого может больше не быть. Мой народ уже давно не знает, кем мы становимся, выходя из кристалла. Но мы становимся иными, это точно. А значит — умираем.

— Но Мастер выживет?

— Думаю, что да. Он будет внутри кристалла вместе со мной, и никакое зло не сможет причинить ему вред. И у тебя будет достаточно времени.

— Достаточно для чего?

— Чтобы сделать то, о чем говорила эта девушка, — Гриша поднял голову, и, несмотря на отсутствие у монстра глаз, Миша почти физически почувствовал его взгляд. — Ты ведь хочешь победить того бога и спасти нас?

— Да, — сказал Миша, и понял, что это действительно так.

Гриша кивнул, и его гребни зашевелились, выдвигаясь из спины все дальше.

— Тогда сделай это. Поезжай в центр города, возьми Аню, Ваньку, Мелкого и много оружия. Если этот бог тебя так боится, значит, есть отчего.

— Я справлюсь, — пообещал Миша, и Мелкий за его спиной согласно гавкнул.

Гриша улыбнулся, и его спина вся зашевелилась, заколыхалась, словно что-то рвалось из нее наружу, что-то, таившееся многие годы и поколения. И теперь оно выходило на свет.

Спина Гриши с треском разошлась в том месте, откуда в бою он вытянул второй кристалл. Брызнула кровь, но ее было мало. А гребней было много, и они все выходили и выходили, распахиваясь во всю ширь, и слизь на них застывала на воздухе, превращая гребни...

...В крылья.

В красные, сетчатые крылья с острыми краями. Гриша, напоследок вновь послал другу теплую улыбку, закрыл этими крыльями и себя, и Фёдора Степаныча. Под алыми перепонками что-то шевелилось какое-то время, а затем затихло.

Протянув руку, Миша коснулся одной из перепонок и почти не удивился, почувствовав под пальцами твердый, сплошной кристалл.

Мелкий прижался к его ноге и по-собачьи вздохнул, опустив уши. Хозяин потрепал пса по загривку, задумчиво глядя на свое отражение в огромном кристалле, в который превратись двое его хороших друзей.

А затем он поманил за собою Мелкого и, крепко стиснув зубы и уверенно ступая, двинулся прочь.

Его ждало много дел.

Глава 11. Решимость

В лазарете было много больных — схватка с каннибалами, несмотря на вмешательство неожиданных союзников, не обошлась без жертв. Тут и там работали медсестры, вырезая пораженные плесенью участки тел, зашивая раны и успокаивая напуганных мирных жителей, боявшихся возможной эпидемии из-за спор, что разлетелись по округе.

Но одна палата все же оказалась свободной, и на койке, застеленной шуршащей клеенкой, лежал худенький мальчик, глядя в потолок.

Длинный коготь нежно провел по его лбу, убирая мокрую прядь волос. Пьющая плоть была в своем природном облике — больше не было необходимости прятаться. Все знали, кто она.

Знали, что для многих подобных ей люди остаются легкой добычей и излюбленной пищей в новом мире. Пьющие Плоть — чудовища, принимающие человеческий облик, умеющие читать мысли, невероятно сильные и кровожадные.

Так считалось.

Но некоторые Пьющие смогли побороть жажду крови, поселившись рядом с людьми и подружившись с ними.

Оказалось, что жуткие монстры — прирожденные врачи, чующие любую заразу, притаившуюся в крови пациента. Способные прооперировать любого, используя вместо наркоза чары. И всего за пару прикосновений определить причину недомогания мальчишки, час назад принесенного с ужасным припадком.

Ваня слабо улыбнулся медсестре. Это была высокая худая женщина средних лет, с коротко стриженными волосами, в белом халате и очках. Они особенно странно смотрелись на лишенном кожи лице, и в ямочке между ключицами уютно лежал красный кристалл на тонкой цепочке.

— Скажите, что со мной случилось? — мальчик поморщился. Его голова кружилась, все вокруг казалось каким-то слишком объемным. Странное ощущение...

Медсестра ободряюще улыбнулась, блеснув длинными клыками из-под черной губы:

— Все нормально. Ты абсолютно здоров.

— Тогда почему мне так... странно? — мальчик повернул голову, глядя на Пьющую растерянно и жалобно.

— Это уже другой вопрос, Ванюша, — задумчиво произнесла медсестра, вновь касаясь лба мальчика и вливая в него чары. — То, что с тобой случилось, нормально для нашего мира, но не для вашего. Малыш, ты установил связь с друзьями. В нашем мире это часто случается между теми, кто дорог друг другу.

— То есть я стал чем-то вроде телепата? — удивился Ваня, забыв о головокружении и чуть приподняв голову. — Как вы? И Гриша?

— Да, именно, — медсестра нахмурилась, услышав громкие голоса из-за двери, отполированным когтем поправила очки на носу. — Но ты должен знать, что это странно. Люди не могут образовывать связь такой силы, это ненормально. К тому же обычно это проявляется от самого рождения, а ты столкнулся с таким эффектом только сейчас. Так что способность эта не врожденная. Но тогда откуда она взялась?

— Наши миры могут влиять друг на друга? — предположил мальчик. — Или что-то влияет именно на меня?

— Хотела бы я это знать, Ванечка...

Из-за дверей вновь донеслись голоса, о чем-то громко спорящие. Медсестра оскалилась и сверкнула мигом почерневшими глазами:

— Что-то там расшумелись. А раненым нужна тишина! Я схожу и разберусь, а ты лежи. Привыкни к новым ощущениям, освойся. Думаю, некоторым вещам смогут обучить тебя Артём и Аня. А пока — просто отдыхай.

Ваня покорно прикрыл глаза, еле услышав, как за медсестрой закрылась дверь. С ним творилось что-то неладное.

Телепатия пульсировала, обжигая не привыкший к ней разум. Она рождалась долго, и вот — проклюнулась, и зрение перестало быть нужным. Даже зажмурившись, Ваня чувствовал — вот столик, вот картина на стене. Вот дверь, а за дверью два ярких, теплых всполоха — Миша и Артём. И Мелкий на улице, сидит, подняв уши, и слушает город.

Аня дальше, ее почти не видно. Но она — там. И Фёдор Степаныч с Гришей — так близко и почему-то далеко. Спят? Но живы, и это хорошо...

Мальчик лежал на кушетке, улыбаясь. Он мысленно касался друзей, чувствуя их тепло и беспокойство. Как будто все они стоят совсем близко, и шепчут Ваньке свои кровавые мысли, которые он никогда, никогда и никому не расскажет...

Вдруг Ваня задохнулся и сел на кушетке, сдержав крик и испуганно обхватив себя руками. Мальчика била крупная дрожь.

Он почувствовал нечто.

Оно ощущалось везде, как отравы в озерной воде. Враждебное, туманное, злое. Оно желало Ваньке смерти, оно вцепилось в него, обжигая и ослепляя, пыталось добраться до мозга, выжечь его дотла.

А еще Ваня почувствовал страх этого существа. Страх - и бесконечную злобу.

— ...Вы не должны брать его с собой! — от злости Артём срывался на крик, а сквозь человеческий облик проступала истинная сущность. Веснушчатая кожа то появлялась, то пропадала, а удлиняющиеся клыки впивались в нижнюю губу. — Он болен, а вы даже не знаете, сможете ли его защитить!

— Я уже пять раз сказал, что не собираюсь брать Ваньку в бой, — Миша уже с трудом сохранял спокойствие. Артём стоял на своем уже полчаса, явно не собираясь отпускать друга. Тем более - в центр города, где останки древних титанов, затаившиеся чудища и втоптаные в землю дома! — Если начнется схватка, я сделаю все, чтобы малыш остался невредим.

Артём открыл рот, чтобы возразить, но Миша поднял руку, останавливая его:

— Жрица каннибалов сказала, что можно вернуть прежний мир. Что темный бог боится только нас! Мы связаны, и если мы придем в центр города, то сможем все вернуть назад! Да ты только представь, — Миша стиснул кулаки, уставился куда-то в пространство застывшим взглядом. — Мы больше не будем заперты в городе, ожидая очередных козней от каннибалов и тварей. Больше не будем считать погибших друзей, не будем каждый день навсегда прощаться с близкими, шагая за порог дома. Глупый ребенок! Да ты пойми, что на кону! Это стоит любого риска...

— Бред умирающего каннибала не стоит смерти моего друга, — сказал Артём, сжав зубы и почернев глазами. — Не моя проблема, если вы думаете иначе и гонитесь за иллюзиями.

Вдруг на плечо подростка опустилась тонкая рука, лишенная кожи.

Миша уважительно кивнул коротковолосой медсестре, присматривавшей за Ваней:

— Мы, наверное, сильно расшумелись? Простите. Мы спорили...

— Ребятки, вы меня тоже простите, — ласково и виновато улыбнулась медсестра, блеснув клыками, — но я вас немного подслушала. И — снова прости, Артём — я соглашусь с Мишей. Ванюше действительно придется поехать с ним.

— Но почему? — взметнулся подросток. С появлением старшей Пьющей облик Артёма перестал меняться — он снова был обычным подростком с кудрявыми волосами, веснушками по всей коже и живыми темными глазами, сейчас возмущенно горящими.

— Ванюше стало плохо потому, — пояснила женщина, — что он почувствовал боль и страх того, с кем образовал связь. С непривычки это тяжело, тебе ли не знать.

— Но... — заморгал Артём. — Он же человек! Как так?

— Не он один это умеет, — вдруг сказал Миша. — У меня связь с Аней. Я чувствую, если она поранится, а она всегда знает, если со мной случается что-то плохое. Я думал, это нормально для вас. Даже не пытался как-то объяснить.

— Это не нормально для вас, — подчеркнула Пьющая. — У других людей такого не наблюдалось, мне бы стало известно. Но это — одно из доказательств вашей связи с Ваней. Вы — избранные, как бы странно это ни звучало.

— Скажите еще, что Мелкий тоже чувствует эту связь, — фыркнул Артём. — Вы же боевая четверка, надежда обоих миров.

Миша нахмурился:

— Он всегда приходит на помощь вовремя. Даже если находится на другом конце улицы, все равно прибегает в нужный момент. Это не раз спасало мне жизнь.

Все трое замолчали, обдумывая услышанное.

Миша устало потер переносицу, и Пьющая заметила, как он осунулся за последние дни. Черная краска смазалась и сыпалась с лица, забившись в складки у рта и морщинки вокруг глаз, состарив этим Мишу на многие годы.

А в глазах его тоже была усталость — от потери друзей, от непрерывной борьбы, от ожидания смерти. «Даже лучшие из нас не могут так жить вечно», — подумала медсестра, глядя на бойца с сочувствием. Она не раз молилась утраченным богам, чтобы все вернулось обратно — во времена до слияния миров, до вторжения титанов в ее родной мир и уничтожения всего, что было дорого ее народу.

«Если есть хоть один шанс все вернуть — я готова отдать за это жизнь!»

Скрипнула дверь, и в коридор вышел Ваня. Бледный, шатающийся, глядящий полубезумно. Из его носа текла кровь, падая на кафель пола тяжелыми каплями.

— Во имя всех богов, Ванечка! — медсестра бросилась к нему, опустилась рядом на колени, вытащив из кармана халата и приложив к носу мальчишки кусочек бинта. — Я же просила не напрягаться.

— Я не напрягался, — сказал Ваня сквозь зажатый нос, напомнив самому себе Гришку. — На мхеня напхали.

— Что?! — Миша напрягся и взялся за рукоять пистолета. «Кто посмел...»

— Телепхатически, — пояснил Ваня и отстранил руку Пьющей, чтобы сказать нормально. — Я мысленно касался вас, учился управлять этим даром. И тут что-то большое и злое коснулось меня и попыталось выжечь все мозги. У него почти получилось, но я успел отсоединиться. Вы не упоминали о таком, — мальчик вопросительно посмотрел на медсестру. — Что это может быть?

— Темный бог, — шепнул Миша, вспоминая тень, раздавившую жрицу каннибалов. Боец хмыкнул и посмотрел на Артёма: — Ты все еще уверен, что Ваня будет здесь в безопасности? Если эта тварь так нас боится, то не лучше ли нам разобраться с ней сейчас, пока она нас на расстоянии не прикончила?

— Может и так, — сдался Артём. — Но я все равно не ехал бы туда только втроем. Пара отрядов Сопrotивления послушила бы неплохим прикрытием на случай атаки.

— И ничего бы не вышло. Жрица ясно сказала: «Идите вместе». Если вокруг будет толпа народа, ничего не сработает, я уверен.

— Вы знаете, — сказал Ваня, вновь приковав к себе все взгляды, — а ведь я сначала даже не знал, о чем вы. Но коснулся мысленно Миши — и теперь я знаю все. Так Гриша и Мастер закуклились в кристалл? А та жрица встала на нашу сторону перед смертью? Думаю, ты прав, Миша. Я согласен, — мальчик прикусил губу и нахмурился. — Мы найдем темного бога!

Увидев Ваньку, выходящего из лазарета, Мелкий устроил радостную пляску с прыжками и даже умудрился, подпрыгнув, лизнуть мальчика в нос. Пес был рад встрече с другом. Кто знает, может, он и почувствовал в какой-то момент, что младшему хозяину угрожает опасность?..

Ваня, все еще борясь с головокружением, привычно разлегся на задних сиденьях. Но дверь с другой стороны раскрылась, и в машину молча сел Артём, спихнув ноги Вани на пол. Миша, укладывающий в багажник какие-то мешки, с удивлением заглянул в салон.

Артём скорчил рожу:

— И не пытайся меня разубедить. Я еду с вами. Или побегу за машиной. Поверь, догоню.

Миша хмыкнул и отвернулся, пряча улыбку.

А Артём шепнул тихо, так, что ни боец, ни счастливый из-за нового попутчика Ваня его не услышали. Только Мелкий, сидящий спереди, повернул одно ухо на еле слышный шепот:

— Ваня, я не позволю забрать еще и тебя.

Мелкий отвернул ухо обратно и затих.

Понимал ли пес, что ждет его хозяев впереди? На какой риск они идут? И что они могут и вовсе не вернуться домой? Возможно.

Ведь порой собаки понимают куда больше людей.

Глава 12. Пыль и миражи

— Уходи.

— Ты снова не рад мне?

— И не буду рад. Все из-за тебя. Люди гибнут!

— Ты тоже приложил к этому руку. Без тебя ничего бы не случилось. Это я дал тебе силы сделать это, но смешал миры — ты, и только ты...

Собеседник горько молчит. Тот, другой, усмехается:

— К слову, мне понравилась твоя попытка. Эта троица... боец, ребенок и собака. Ты почти обвел меня вокруг пальца. Но теперь я знаю, чего от них ожидать. Они умрут, как только подойдут сюда.

— Ты все равно не поверишь, но я здесь ни при чем. Не я собрал их вместе, не я дал им силу.

— Ты прав. Я не поверю.

Граница была пуста, на баррикадах следы засыхающей крови — несколько часов назад здесь прошли каннибалы. Наверху, на самой дальней бетонной плите, сидела невысокая фигурка — молодой Пьющий Плоть быть послан сюда охранять границы.

Удивительно, но этому внешне хрупкому пареньку было вполне по силам выполнять работу десятка вооруженных людей. Как жаль, что раньше никто не знал, что монстры могут быть дружелюбны. Может, отделались бы меньшими жертвами.

Увидев подъезжающую машину, он в три огромных прыжка оказался на земле и легко сдвинул одну из плит, перегораживающих улицу.

Артём открыл окно и высунулся из него по пояс, пожав когтистую руку часового и перекинувшись с собратом парой слов. Скользнул обратно на сиденье, нервно взъерошил кудрявые волосы:

— Говорит, от центра города идет какая-то вибрация. В Штабе не так заметно, а тут прям по ногам бьет. Не нравится мне это.

— Ты можешь остаться, — отозвался Миша, выруливая на одну из улиц, ведущих к центру.

Пьющий Плоть дернул плечом в серой майке и нахохлился. Но вскоре Ваня сумел его разговорить — только у него это получалось так непринужденно. Не прошло и пяти минут, как мальчишки обсуждали предшествующую нападению каннибалов вылазку к Зверодактилям, а еще через полчаса Мише пришлось свернуть с прямого пути.

Соппротивление расчищало часть улиц от мусора — фонарей, свороченных неуклюжими Пожирателями или нашедшим очередной насест Зверодактилем, от вывернутых участков асфальта и обломков стен. Но убирали они не все улицы, а только те, по которым хотя бы в перспективе мог проехать отряд, спешащий на далекий сигнал о помощи из дымовой ракеты.

А вот ближе к центру города никто не стал бы звать на помощь — здесь уже давно не осталось людей. Часть их сожрали, часть удалось эвакуировать и поселить у Штаба, под защитой. А тут жили только монстры, нападая друг на друга и блуждая от самого центра до защитной кристалльной линии.

Поэтому Миша и смотрел по сторонам так внимательно, держа руку на кармане комбинезона — там хрустели кристаллы. И Мелкий высовывал морду в окно, бдительно принохиваясь и шевеля ушами.

В отличие от людей, пес даже в машине чувствовал, что что-то не так. Низкая вибрация, о которой говорил часовой, была повсюду — в земле и воздухе, волнами расходясь по городу. Она была неприятной, вызвала странные мысли. Скажем, какого цвета будет кровь Ваньки, если впиться в его руку зубами? И перестанет ли так весело смеяться Артём, когда собачьи клыки вспорют его горло?..

Мелкий опустил голову и насупил, прижав уши. Ему точно не нравилась эта вибрация!

Миша вновь сверился с картой и съехал на боковую улочку, огибая завалившее дорогу дерево, в ветвях которого висел чей-то иссушенный скелет. Потом порылся в бардачке и нашупал свой талисман.

Пара бусинок и коготь Ани на кожаном ремешке. Она сломала его, когда вместе с будущим мужем взламывала дверь пустой квартиры, чтобы там переночевать. В этом доме пахло специями и выпечкой, на дверях нашлись зарубки — старые хозяева каждый год замеряли, как растут их дети.

Миша захотел остаться здесь, едва переступил порог. Аня, в родном мире ютившаяся в норе, тоже одобрила новый дом. Она облюбовала подоконник, где сидела, читая книги, найденные в соседнем доме, библиотеке. Именно Аня первой услышала голос из громкоговорителя, созывавший выживших присоединиться к Сопротивлению и бороться с монстрами. Именно она убедила Мишу пойти на тот голос и стать бойцом, которым люди смогут гордиться.

«Как она там? Может, все же стоило взять ее с собой?.. Нет, я не хочу подвергать ее опасности. Мы с Ванькой справимся сами!..»

Опомнившись, Миша резко крутанул руль и затормозил, въехав на тротуар передними колесами. Ваня успел вцепиться в спинку кресла, а Артём, высунувшийся в окно, ушиб лоб о край стекла. Мелкий запоздало рычал, вздыбив шерсть.

Ваня припал к стеклу и ахнул.

— Сидите тихо, — шепнул Миша, доставая кристаллы из кармана. Но он понимал, что это ему не поможет.

С одним Пожирателем сложно справиться, а сейчас их трое! Но как? Они же не собираются в стаи!

...Они шли медленно, переваливаясь и касаясь асфальта пальцами длинных рук. Они так мало двигались за свою жизнь, что поросли мхом и лишайником, который крошился и сыпался с них при каждом шаге.

В каждом монстре было не меньше трех метров в высоту, каждый весил многие тонны — тонны животной злобы и бесконечного голода. Это он заставлял Пожирателей бросаться на все живое, что проходило мимо их нор, разрывать плоть огромными когтями, запихивать в обе пасти...

Артём зашипел, потемнев глазами. Он задыхался от подступившей к самому горлу ненависти — точно такая тварь убила его семью! Сожрала родителей, а потом держала мальчика в страхе, не давая и шанса уйти из дома. Заставляя корчиться от бессилия и тоски и мечтать, мечтать о мести...

— Артём, спокойно, — сказал Миша, не сводя взгляда с огромных монстров, шеренгой бредущих по улице. Они были слепы и не чувствовали присутствия пищи так близко. Пока — не чувствовали. — Среди них нет Пожирателя, убившего твоих родных. Того убил твой приемный отец. Он уже отомстил за тебя. Он ждет тебя дома! Тебе нужно выжить и вернуться к нему. Не делай глупостей.

Артём всхлипнул, вздрогнул, сжимая кулаки так, что удлинившиеся когти глубоко впились в ладони. Зажмурился и замер, почти не дыша.

Пожиратели подошли совсем близко. Машина вздрагивала от каждого шага огромных чудовищ, проходящих мимо. Вот одно — три замшелых рога, нижние клыки

выпирают из обоих ртов. Вот второе — с гребнем на спине. И третье — у него только один рог, но длинный, гнутый. И нижняя пасть, свернутая куда-то набок.

И именно третий монстр вдруг остановился у самой машины. Втянул воздух, задумчиво постукивая зубами и скребя когтями по асфальту. Чудовище.

Миша затаил дыхание. Его сердце билось часто и горячо, а пальцы подрагивали в жажде схватки. Безднадежной, ведь прошедшие мимо Пожиратели все услышат и тоже вступят в бой. Но нужно защитить дрожащего Ваньку и замершего с закрытыми глазами, ровно дышащего Артёма. Только Мелкого не нужно защищать — он тоже будет драться.

В последний раз втянув воздух с отвратительным свистом, Пожиратель недовольно рыкнул и двинулся дальше, раздраженно мазнув рукой по боку машины.

Внедорожник покачнулся, чиркнув колесами по асфальту, жалобно зашатался, откатываясь назад. Ваня невольно пискнул и тут же зажал себе рот, глядя в сторону монстров испуганными глазами. Но его не услышали.

Чудовища ушли.

— Почему они уходят? — спросил Ваня, когда помятый с одного бока внедорожник вновь ехал по улицам. — Что их спугнуло? Они же не отходят далеко от нор.

— Полагаю, — сказал Миша, — их спугнуло то же самое, отчего на нас напали каннибалы. И из-за чего мы сейчас едет в центр. Та вибрация...

— А почему мы остановились?

— Дальше — пешком, — будничным тоном сказал Миша, открывая дверь Мелкому. Пес сделал несколько радостных прыжков, разминая лапы, и отбежал в сторону по собачьим делам.

Ваня тоже выскользнул из машины и уже через пару шагов понял, о какой вибрации шла речь. Она была очень сильной, отдавалась в мгновенно онемевших ступнях, поднималась по костям и позвоночнику. И впивалась в мозг, как тупое сверло, проворачиваясь в нем неторопливо, путая мысли...

— А почему пешком? — спросил у бойца Артём, разминая плечи и потягиваясь. Миша молча указал на дорогу. Которая кончилась, оборвавшись резко и сыпуче, свесив рваный асфальтовый язык вниз, в провал.

А дальше был центр города. То, что от него осталось.

Когда миры смешались, множество титанов оказалось в одном небольшом городе. Запертые в нем, окруженные странными зданиями и хрупкими людишками в них, титаны не сомневались ни минуты.

Здесь, совсем рядом, стоит протянуть когтистую лапу, щупальце или руку — давние враги! Те самые, с которыми шли сражения многие века, от самого начала времен, когда в далеком-далеком мире неведомый творец наполнил этих огромных существ своей яростью.

Титаны вцепились друг в друга, разрывая на клочки древнюю плоть, вспахивая землю исполинскими ногами и ровняя с ней многоэтажные здания.

Они все погибли, и тела поверженных растворились в воздухе чужого для них мира. В живых остался только один титан — самый сильный, самый жестокий. Чтобы залечить раны, он нашел себе убежище. В огромном котловане, в земле, с которой перемешалось то, что еще недавно было жилыми и офисными зданиями — и людьми, находившимися там.

Титан смешался с этой землей, напитанной людской кровью. Титан и сейчас здесь. Он спит.

— ...Ничего себе, — ахнул Ваня, глядя за край обрыва. Там, внизу, уже не было города. Только земля, утрамбованная огромными ногами, да ржавые балки, торчащие из нее тут и там, как кости из открытого перелома. — И тут был центральный район?

Миша вздохнул, молча взваливая на плечи две тяжелые сумки. Одну тут же вырвал из его рук Артём, грозно сверкнув на человека черными глазами. Боец хмыкнул и промолчал. Подросток его раздражал, но был в чем-то полезен — сказывалось влияние приемного отца, начальника караула и очень опытного воина. Да и Ваня чувствовал себя спокойнее, когда рядом другой ребенок, пусть и Пьющий Плоть.

Мелкий, покрутившись вдоль края обрыва, нашел самый пологий участок и начал бочком спускаться, задирая голову и поглядывая на людей — как вы там, не отстали? Миша последовал за ним быстро, ставя ноги под углом и балансируя сумкой.

Стоя на ровной земле, боец настороженно оглядывался, пока Артём помогал спуститься Ваньке, у которого из-за вибрации снова закружилась голова.

Развороченный центр города казался пустыней — только земля, куда ни погляди. Почему-то — горячая, словно нагретая солнцем. Но солнце вот уже который месяц еле проглядывает из-за облаков...

Миша всмотрелся вдаль, сквозь дрожащий от поднимающегося жара воздух. Что это... там? Похоже на здание! Но здесь же не осталось ни одного целого строения. Или это не так?

— Думаю, нам туда! — указал боец, и вскоре отряд двинулся в жаркий и долгий путь.

Земля крошилась и плакала сухой пылью, скрипя на зубах и обжигая легкие. У Миши была фляга с водой, и только это спасало отряд от жажды.

Они шли уже полчаса, а далекое здание, казалось, не приблизилось ни на шаг.

Мелкий, которому было хуже всех из-за близости к горячей земле, шел впереди, повесив хвост и то высовывая язык от жары, то пряча его назад, облепленный поднявшейся пылью. Шерсть пса посерела, темные пятна на ней потускнели. Проведя рукой по собачьему боку, Ваня увидел, что его рука стала грязно-коричневой.

Немногим лучше было и Мише в его кожаном комбинезоне. Он тяжело дышал и вытирал пот с лица. Вибрация била в ноги ритмично и зло. И все больше с каждым шагом. Но почему?.. Нет сил думать об этом.

Мише все казалось, что он слышит голос любимой. Аня звала его откуда-то, еле слышно, ласково. Звала домой, где она вытрет пот с его лба, прогонит усталость нежным поцелуем. Таким прохладным...

Ваня остановился и всмотрелся в дымку, недоуменно морща лоб. Что там такое? Как будто ходит кто-то! Но Миша смотрит туда и ничего не видит. И Мелкий спокоен. Наверное, показалось.

Мальчик двинулся дальше. Вибрация отдавалась уже не в голове, а в самом сердце. Оно все пыталось угнаться за рваным ритмом, в котором пульсировала земля и все вокруг, словно в диком танце, которым каннибалы приветствовали новую жертву темному богу.

Миша остановился и потянулся за флягой, жадно запрокинул ее над пересохшими губами. Но не вода, а пыль потекла из нее, запорошив соленое от пота лицо, попав в горло.

Боец с какой-то детской обидой посмотрел на флягу, а потом руки сами разжались, сами поднялись и с силой вцепились в короткие волосы. Но и эта боль была почти неощутима.

Только жара, только тяжелые удары сердца, только ноги, отказывающиеся идти — онемели от гула, пронзившего каждую косточку.

Пыль снова ударила в лицо и ноздри, а за ней — и сама земля, сухая и горячая. Пронизанная вибрацией, которая ликующе впиалась в тело бойца, заставляя всю кровь бурлить и рваться из пор, прочь, прочь...

Миша снова услышал нежный голос Ани. Она тут, рядом, она поможет. Она... под землей?

Он приоткрыл заплывший глаз и увидел ее. Увидел лицо в трещинах на земле. Но это была уже не любимая жена, а пыльное чудовище, укравшее ее голос и улыбку. Теперь оно хотело украсть и жизнь Миши. И тянуло клыки к его шее...

Миша не слышал хриплые крики мальчика, увидевшего в дымке над землей приближающегося отца. Не слышал вой Мелкого, не почувствовал, как пес дергает хозяина за воротник комбинезона, пытается поднять, сдвинуть, да хоть что-нибудь предпринять!

И не услышал, как испуганно кричит Артём, ушедший далеко вперед и с ужасом увидевший, обернувшись, как его спутники корчатся на земле, отбиваясь от несуществующих врагов.

И как подросток подхватил Ваньку на руки и побежал обратно, к автомобилю, прочь из этого места! Лишь бы спасти друга, лишь бы не потерять его...

И Миша тем более не увидел, как резко Артём остановился. Как скрипнул зубами и обернулся.

И сделал шаг назад.

...Миша раскрыл глаза и увидел, что Артём пытается поднести к его губам флягу. «Там же нет воды, там пыль!» — хочет сказать мужчина, но не может. Фляга наклоняется, и влага из нее помогает разлепить пересохшие, искусанные губы. «Все же вода...»

Под правой рукой Миша чувствует мягкую шерсть — дрожащий Мелкий прижался к хозяину, пытаясь хоть как-то его поддержать.

— Где мы? — хрипло спросил Миша. — Ты отнес нас обратно к машине?

Артём хмыкнул и опустил глаза, словно вспомнив что-то постыдное:

— Нет, мы там, куда шли, — Пьющий поднял взгляд, и в нем было изумление. И страх, и много чего еще. — Вам стоит это увидеть. Это неопишимо!

Глава 13. Это неправильно

— ...О Боже, — прошептал Миша, запрокинув голову. Впервые за очень долгое время голос бойца дрогнул. — О Господи!

Здание плакало, тоскуя по людям. Многие стены давно рассыпались на мелкие обломки и бетонную пыль, серыми полосами расчертив ладони и запястья титана.

Миша потерял равновесие и прислонился к бетонной плите, переводя дыхание и боясь вновь поднять глаза. Но увиденную картину словно выжгли на обратной стороне век. Семнадцатизэтажное здание, спрятанное в огромных каменных ладонях.

Худой, сутулый мужчина сидел на крыльце напротив лазарета, придерживая забинтованную руку и щурясь сквозь разбитые очки. Сегодня вся жизнь Егора изменилась!

Это было совсем не в его характере — броситься на помощь к отряду бойцов, сражающемуся с парой неизвестно откуда вылезших каннибалов. Пусть он сначала привычно оцепенел, вжавшись в стену и сдерживая крик... зато потом смело бросился в бой, подобрал пистолет, выпавший из руки погибшего! Повалил последнего врага на землю и пристрелил его, лишь затем почувствовав боль в руке, сломанной каннибалом в двух местах.

Истерика накрыла его позднее, в лазарете. Инженер плакал и смеялся, бормотал о том, что это должен был увидеть Миша, а затем подрывался с места, не зная, что собирается делать — бежать, куда глаза глядят, или искать новых врагов, чтобы снова убедиться в том, что вовсе не такой трус, каким себя считал прежде.

Чтобы Егор успокоился, одна из работающих в лазарете Пьющих Плоть ненадолго положила ему на лоб ладонь, и теперь мужчина то и дело начинал беспричинно улыбаться, несмотря на боль: так ему было хорошо и спокойно!

Егор благодушно наблюдал за суетой у дверей лазарета. Вот кого-то заносят внутрь на носилках, а рядом идет Пьющая Плоть в истинном облике: ух, страшна! Хорошо, что они на одной стороне...

Так, а что тут делает жена Мишки?..

Аня, милая девушка с роскошными темными волосами, шипела и скалила длинные клыки, споря о чем-то с медсестрой, с которой они минуту назад вышли из лазарета. Аня — Пьющая Плоть, одно из разумных чудищ, вставших на сторону людей в битве со слугами темного бога. Как и медсестра с короткими волосами, с которой она вела спор.

Егор качнул головой, удивляясь про себя, как сильно все изменилось всего за один день. Монстры оказались заодно с людьми, Миша был женат на Пьющей Плотью, а в сердце инженера все-таки нашлось место смелости. Кто бы мог подумать...

Аня запустила пальцы в волосы, замотала головой. По ее губам можно было прочесть «Как ты могла их отпустить!», на красивом лице застыли отчаяние и беспомощность. Девушка побрела прочь по улице, даже не оборачиваясь. Медсестра виновато понурилась, глядя ей вслед.

Из дверей лазарета донеслись взволнованные голоса, и медсестре пришлось вернуться туда. Поэтому она не увидела того же, что и Егор.

Как Аня остановилась. Снова провела рукой по волосам, задумчиво принюхиваясь к ветерку и почернев глазами. Медленно сжала руки в кулаки...

...И побежала.

Глубоко под землей спал титан, спрятав тайну в огромных ладонях.

Здание помещалось в них целиком, как хрупкая раковина. Под тяжестью пальцев гиганта стены крошились и подавались внутрь, готовые в любой момент сложиться и сгинуть в бетонной крошке.

Но титан был осторожен. Он не дышал, чтобы земля не качнулась над его грудью. Не думал, чтобы мысли не проломили камни. Он был бережен и терпелив.

Ведь тайна жила в его ладонях.

Несколько бетонных плит, то ли оставшихся от одного из разрушенных зданий, то ли выпавшие из ладоней титана, прислонились друг к другу, образовав хоть какое-то подобие укрытия посреди раскаленной пустыни. Мелкий взобрался по ним на самый верх, осматриваясь и охраняя короткий отдых маленького хозяина и его друга.

Завидев Мишу, пес вильнул хвостом и вновь насторожился, глядя в сторону, где две исполинские ладони держали рассыпающееся здание. Мелкому не нравилось это зрелище. Пес не знал, что такое «абсурд», но знал слова «страх» и «опасность». И впереди была именно опасность.

Что-то ждало их там, в здании. И оно наблюдало за ними издалека.

...Миша опустил на землю рядом с мальчишками и развел руками, не находя слов после всего увиденного. Артём посмотрел на него, криво улыбаясь:

— Впечатляет, ага. Не думал, что мы найдем тут такое! — Пьющий Плоть мотнул кудрявой головой в сторону здания и весь съезжился. Спросил как-то непривычно кротко: — Что будем делать?

— Я не знаю, — хрипло сказал Миша. — Нам сказали найти здание, а дальше мы вроде как все сами должны понять...

— А что внутри дома, ты присматривался? — подал голос очнувшийся Ваня, сидящий в стороне, обхватив руками колени с кровью от ссадин, проступающей сквозь джинсы. Миша качнул головой:

— Я ничего не видел, все заслоняют эти руки.

— А я видел, — сказал Ваня. — На самом верхнем этаже.

— И что там? — спросил Артём недоверчиво.

— Свет. Наверху кто-то есть. Может, это его мы должны найти?

Миша шумно выдохнул, и все замолчали, думая каждый о своем. Артём тоскливо размышлял, как здорово было бы жить, никогда не видя подобного. Ваня пытался представить себе рост титана, если руки его так огромны.

А Миша думал, как подняться на самый верх здания, минуя держащие его огромные руки и опасности, поджидающие внутри крошащихся стен. Мелкий снаружи порыкивал, прислушиваясь к далеким шорохам, а здание тихо сочилось пылью.

Слабый огонек на верхнем этаже дважды моргнул, словно кто-то прошел мимо окна, на миг заслонив источник света.

— Я пойду туда один, — наконец сказал Миша, поднимаясь. Ваня тоже вскочил, еще не до конца осознав услышанное.

— Как это — один? — в глазах мальчика были удивление и обида, он вмиг забыл о ссадинах и усталости, о том, что хочет есть и пить, и что колени все еще дрожат после пережитого по дороге сюда. — Мы должны идти все вместе!

— Это слишком опасно, — мотнул головой Миша, проверяя боевые кристаллы в карманах куртки и расстегивая одну из сумок. В ней блеснул гладкий ствол — перед тем, как выдвинуться в путь, Миша заглянул в оружейную. — А вашими жизнями рисковать я не хочу.

— Миша, как ни странно, прав, — поддакнул Артём. — Мы будем только мешаться. Вдруг придется драться? Ладно — я, но тебе там точно не место.

— Но, — Ваня опустил голову, не умея выразить словами то, что чувствовал всем нутром, — так же будет... правильнее...

— Не беспокойся. — Миша опустился на колено рядом с мальчиком, заглядывая ему в лицо, такое бледное и странно взрослое. — Мелкий присмотрит за мной. А Артём — за тобой. Я оставлю вам пакет с кристаллами на случай, если какая-нибудь пакость придет из пустыни. И вернусь, как только выясню, что опасности в здании нет! Согласен?

— Я скажу, что нет, — Ваня отвернулся, нахмурившись, — а ты все равно пойдешь один. Но я чувствую, что нужно идти всем вместе.

— Мы и пойдем. Когда я вернусь. — Миша вновь поднялся, достал из кармана мешочек с черной краской и принялся покрывать ею лицо, маскируя человеческий запах и настраиваясь перед сражением. Что бы он ни говорил мальчишке, он был уверен, что в здании есть кто-то опасный.

Но дети должны остаться здесь, переждать бой и прийти уже в зачищенное здание.

«Едва ли будет много монстров — нечего есть, людей вокруг нет, — размышлял Миша. — А будь тут стая, за это время они бы давно друг друга перебили. Нужно войти внутрь, найти укрытие и подорвать гранату. Когда твари сбегутся на звук — кристаллы с пистолетами, и Мелкий, прикрывающий спину. Мы такое уже делали, помнишь? Все будет хорошо, лишь бы эта махина под землей не начала двигать лапами. А со всем остальным мы справимся».

...Ваня смотрел вслед бойцу, страстно желая, чтобы появился кто-то еще, кто-то сильный, чтобы помочь Мише, если это будет нужно.

Здание на фоне заката превратилось в темный силуэт, похожий на угрожающе сжавшийся кулак. Словно вот-вот ударит, упадет вниз, раздавит отважного человека...

Мальчик поежился. Сзади Артём ворочал бетонные плиты, делая из них подобие убежища и втаскивая внутрь изрядно полегчавшие сумки — Миша взял с собой большую часть оружия. Теперь он шел вперед, и от каждого шага поднималась пыль, оставляя позади медленно тающий белесый след.

Мелкий трусил рядом. Псу не нравилось, что Ваня остался позади, это было неправильно. Но нечто волновало еще больше. Тишина, таившаяся в доме, к которому они шли. Она была нехорошей.

Какой-то ненастоящей.

Миша прошелся вдоль здания, запрокинув голову и приоткрыв рот. Дом, сжатый в чудовищно огромных руках, казался маленьким и хрупким. Каждое запястье, уходящее под землю, было шириной с это здание, а на кончике одного пальца Миша мог бы устроить неплохой пикник.

Кожа на гигантских ладонях только издали была похожа на камень. Теперь было видно, что она покрыта толстым слоем слизи, и в нем застревали обломки, сыплющиеся из разрушающегося здания.

Миша качнул головой и двинулся к единственному заметному входу — пролому в стене, где когда-то было крыльцо и дверь в подъезд. Вот она, лежит на камнях и россыпи деревянных щепок, готовится оглушительно загреметь под неосторожной ногой. Обойдем стороной, Мелкий — рядом!

Миша, держа пистолет наизготовку, вошел в место, когда-то бывшее холлом. Здесь было темно, огромные руки снаружи заслонили весь свет. Ничего не видно дальше порога, усыпанного осколками, только слышно, как протяжно стонут где-то наверху внутренности здания, стиснутые чудовищной силой.

Миша нащупал фонарик и сделал шаг в темноту. Мелкий, прижав уши, двинулся следом, и крадущиеся шаги вскоре затерялись, словно темнота была чем-то большим, чем отсутствие света.

Словно она была живой, либо живым было то, что в ней скрывалось.

Живым и голодным.

Глава 14. Последний луч

По небу за пеленой облаков ползло краснеющее пятно — солнце клонилось к горизонту. В такую погоду не должно быть жарко, но сама земля источала тепло. Ее грело тело титана, погребенное глубоко внизу.

Между двумя бетонными плитами, сложенными домиком, было душно и тоскливо.

— Я беспокоюсь за него, — сказал Ваня, перебирая кристаллы в оставленном Мишей мешочке. Артём, глядящий на оружие против его собратьев с неодобрением и опаской, пожал плечами:

— Миша со всем справится. Ему же не впервые зачищать здания.

Ваня тихо вздохнул:

— Но эти здания не охранялись злобными богами. И он точно знал, какие существа там могут находиться. Боже, у меня такое чувство, что все идет не так, как надо! — мальчик запустил пальцы в волосы и замотал головой, пытаясь отключить назойливый внутренний голос, бьющий тревогу и не дающий даже задремать, облегчив тем самым ожидание в духоте и жаре.

— У меня тоже, — еле слышно шепнул Артём. Потом вздрогнул и выпрямился, стиснув зубы. Голос его прозвучал почти зло. — Я пойду туда и посмотрю, все ли в порядке. Но учти, — Пьющий Плоть строго сдвинул брови, глянув на обрадованного Ваньку, — если я увижу, что все в порядке, то тут же вернусь! Миша может постоять за себя, а ты — нет!

— Хорошо, спасибо! — мальчик чуть не бросился обнимать Артёма, но вовремя вспомнил про боевые кристаллы, сжатые в ладони. А пока он их скидывал обратно в мешочек, друг уже преобразился.

Артём лишился кожи и подрос на полголовы, вьющиеся волосы распрямились и встопорщились жесткими черными иглами, и из них выдвинулись гнутые рога. Черты лица заострились, проявив его истинную сущность — хищную, черноглазую. Подумав, Пьющий Плоть стянул запыленную майку, обнажив костяные пластины на худых боках и острый гребень вдоль спины.

Когда Артём вылезал из пыльного убежища, Ваня последовал за ним, с наслаждением после духоты вдохнув теплый воздух. Мальчик давно сбросил свою черную куртку, оставшись в полинявшей от частых стирок желтой майке. Здесь, в серой пустыне, оставшейся на месте центральной части города, этот желтый цвет смотрелся странно и неуместно, как цветок, выросший посреди воронки от взрыва.

Артём основательно потянулся, не сводя серьезного взгляда со здания, куда ушел Миша, и рук титана, его обхвативших. Потом покосился на Ваньку:

— Не иди за мной, — с этими словами он сорвался с места, оставив на земле глубокий отпечаток когтистых ног и сиротливые кроссовки. Хмыкнув, Ваня их подобрал и нырнул обратно в духоту убежища. Там взял на всякий случай в руки мешочек с кристаллами и затих, поблескивая глазами в полумраке.

Половина его сознания была здесь, дожидалась друзей, волновалась за Мишу, готовилась метнуть кристалл во врага, если он сунется в убежище.

Но другая часть мальчика, совсем недавно обретенная, не принадлежащая его миру... кружила в небе над пустыней.

Кружила и кого-то звала.

Трое Демонов-Пожирателей, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, шли по улице прочь от центра города. Их мозги были неспособны на сложные размышления, как у большинства созданий из их мира, где опыт передавался от родителей к детям по мысленным каналам. Им не было необходимости что-то узнавать или запоминать — всегда можно было обратиться к памяти вида и понять, что нужно делать в той или иной ситуации.

Вот и сейчас громадные монстры вели себя так, как поступали их предки из поколения в поколение, сталкиваясь с неведомой опасностью. Из-за нее несколько Пожирателей уже сошли с ума и ушли в сухую и горячую землю, где живет Большой и Страшный, и откуда еще никто не возвращался, уходя в поисках норы или за едой.

Вот и шли Пожиратели прочь, не желая, чтобы их мысли стали пустыми и странными, и чтобы ноги сами не понесли их в пустыню, как несчастных собратьев. Где они там, почему не вернулись? Кто это бежит по дороге навстречу, съедобный?

Нет, лучше отойти в сторону. Это не мягкое и вкусное существо, каких раньше было много в городе. Это одна из быстрых и рогатых, что в старом мире селились большими группами у водоема, общались голосами, чтобы их мысленные разговоры никто не подслушал, и нападали стаями.

Пожиратели помнили, как быстрые рогатые становились очень сильными, если задеть того, с кем они связаны. А эта женщина догоняет невидимую нить, связавшую ее с кем-то в центре города, может, даже в пустыне. Не надо ей мешать, если шкура дорога...

Трое Пожирателей, стоя на обочине и опустив громадные головы с двумя зубастыми ртами, дожидались, пока Аня промчится мимо, выставив вперед блестящий на лбу рог и упрямо стиснув зубы. Босые пятки глухо и часто ударяли в асфальт.

Не каждый автомобиль обогнал бы девушку, бегущую, чтобы спасти своего любимого.

Ваня поморщился от неприятного ощущения, похожего на зуд, но какой-то непонятный. Как будто зудящая часть тела находится далеко, и почесать ее нет возможности. От чего так?

И почему это ощущение усиливается?

Окончательно потеряв себя в этом зуде, Ваня, не замечая этого, принялся выбираться из убежища, ободрав одно плечо о бетонную поверхность. Пальцы зарылись в пыль, потревоженные мелкие камешки покатались в открытые сумки у самого входа. Со второй попытки Ваня выполз на свет, и длинная тень потянулась от него куда-то вбок — солнце уже почти зашло.

Подставив потное лицо слабому ветерку, мальчик наконец-то смог мыслить трезво. «Зачем я вылез, это опасно!»

Торопливо оглянувшись по сторонам, Ваня убедился, что вокруг нет врагов, и с облегчением упал на колени, вновь поддавшись непонятному зуду, постепенно переходящему в ноющую боль. «Какое ужасное чувство...»

Услышав — или же почувствовав? — что-то, Ваня поднял голову и прищурился, увидев фигуру, движущуюся со стороны здания. Странную фигуру, хромающую и четырехногую!

Мальчик встал на ноги и нервно нащупал в кармане джинсов единственный имеющийся сейчас при нем кристалл — подарок Гриши после первой их встречи, двухцветный и свернутый, как ракушка. Для мальчика это был ценный талисман, напоминание о том, что даже среди монстров можно найти себе доброго друга.

Странная фигура подковыляла ближе, и стало видно, что состоит она из Артёма и Михаила, навалившегося на него, еле переставляющего ноги. Ахнув, Ваня побежал к ним,

ища глазами Мелкого. Зуд окончательно превратился в боль, и мальчик уже мог определить места, где она сосредоточена — правая нога, левый бок, затылок.

Краем глаза Ваня наконец увидел Мелкого, бегущего от здания, петляя и уворачиваясь от клыков нескольких серых тварей. Но вот они начали отставать, неуверенно рвякая вслед, и пес прибавил ходу, нагоняя раненого хозяина.

Ваня поднырнул под вторую руку Миши и помог Пьющему Плоти уложить тяжелого бойца на бетонную плиту. Мальчик старался не плакать от вида ран, от запаха крови, собственной беспомощности и никчемности. Но слезы все равно потекли по бледным щекам...

Увидев это, Миша попытался улыбнуться:

— Эй, малыш, не надо, — голос звучал хрипло, но в нем была задорная нотка, в такой ситуации казавшаяся издевкой. — Я еще не умер.

— Побереги силы, — рыкнул Артём, начиная расстегивать кожаную куртку на тяжело вздымающейся груди. — И не мешай мне работать!

Ваня всхлипнул, увидев рваную дыру на куртке и майку Миши, наполовину пропитавшуюся кровью. Саму рану он даже не разглядел, скривившись и уткнувшись в шерсть тихо поскуливающего Мелкого, пришедшего его утешить.

Раздался треск разрезаемой ткани — Артём, не церемонясь, вспорол ее когтями и погрузил руки в рану, тихо рыча ругательства себе под нос. Как и любой Пьющий Плоть, он умел лечить, пусть и не так хорошо, как взрослые женщины — медсестры в лазарете.

Когда Ваня отнял лицо от шерсти Мелкого, рана уже зарубцевалась.

— Еще затылок, — подсказал мальчик, — и нога. Правая.

Удивленно на него взглянув, Артём все же положил руку на лоб бойца и тут же нахмурился. Минуту спустя он полез закатывать штанину. И зло присвистнул.

Скомандовал:

— Ванька, принеси-ка кристаллы из норы.

Мальчишка мигом вскочил, оббежал плиту и нырнул в убежище, ободрав локоть. Схватил мешочек с кристаллами не за тот конец, и они посыпались на землю, мешаясь с пылью.

Пока Ваня собирал их обратно, он услышал снаружи переговаривающиеся голоса и долгий, странный хлюпающий звук. Похолодев изнутри и прижимая к груди вновь наполненный мешочек, мальчик вылез наружу.

Он увидел Артёма, вытирающего рот тыльной стороной ладони. Мишу, перевязывающего ногу полоской ткани от своей майки.

И, прежде чем ткань ее накрыла — большую дыру на его ноге.

Артём зло дернул плечом, глядя на Мишу:

— Я не знаю, успели ли мы до того, как яд расплзся. Если нет, то через час ты можешь умереть. А если будешь активно шевелиться, то еще раньше, — голос подростка впервые за весь разговор дрогнул, выдав истинные чувства. — Как же вы умудрились так попасться?!

— Там, в здании, — начал говорить Миша, — огромная толпа этих тварей. Они все мелкие, не больше Карлы, но их тьма тьмушая. Сидят себе в оцепенении, но при виде меня сразу подорвались и навалились кучей. Я их кристаллами, а с верхних этажей еще столько же спустилось! Так и окружили, и драли со всех сторон.

— Понятно, — опустил голову Артём. — То есть по самому зданию не пройти?

— Поверху тоже. Все руки этого титана в слизи, она жжется, — сказал Миша, показывая перчатки, словно обугленные на ладонях. — Я пытался вылезти в окно рядом с рукой, когда понял, что меня окружают. Задел слизь, пришлось забыть об этом.

— То есть нам никак не добраться до последнего этажа... — пустым голосом попытожил Ваня. Его шатало от усталости и разочарования. Стоило ехать сюда и столько

пережить, стоило подвергать жизнь Миши такому риску! Все равно цели не достигнуть, все зря...

— Ты сказал, там мелочь вроде Карлы? И они в оцепенении?

— Да, и у нас новые проблемы, — будничным тоном сказал Миша. — Ночью они проснутся и пойдут по нашим следам. И вам лучше поторопиться, если хотите...

— Заткнись, — без всяких эмоций в голосе отозвался Артём. — Никаких «вам». Ты уже поиграл в героя и теперь можешь умереть от яда. Видеть не могу твоего самопожертвования! К тому же, — Пьющий Плоть клыками прикусил губу, — мы не успеем уйти до наступления темноты. Смотри!

Солнце, словно прощаясь, показалось из-за облаков. Его луч задумчиво пробежал по земле, коснулся щеки Ваньки и погас.

Наступила ночь.

Они сидели, крепко обнявшись, и ждали.

Здание, безмолвное в дневное время, теперь как будто ожило. Изнутри него доносился непрерывный гул, скрежет многих когтей, взвизги дерущихся существ и стук камней, случайно ими роняемых в перекосившуюся шахту лифта.

Вот-вот они осмелеют и пойдут по кровавому следу. Вот-вот...

Артём в своем истинном обличье мерил землю шагами, тихо порывивая и заламывая когтистые руки. Мелкий лежал, прижавшись теплым боком к ногам Миши, а Ваня уткнулся лбом в плечо бойца, смотрел в пространство сухими глазами, снова думая свои недетские мысли. Миша держал на коленях винтовку, готовясь отстреливать приближающихся тварей и хоть чем-то помочь тем, кто может прийти сюда в следующий раз.

А будет ли он, этот раз? Может, жрица каннибалов была права, говоря о том, что только они могут победить этого врага? Может, больше никто даже сюда не доберется, не говоря уже о том, чтобы добраться до того огонька...

«Но что я сделал не так?» — спрашивал себя Миша, боясь ответа куда больше, чем нарастающего шума со стороны здания. «Я был лидером этой команды. В чем я был не прав?» Боец вздрогнул, внезапно все поняв.

«В вас есть сила, она свела вас вместе. Тебя, твою жену, мальчика, даже собаку. В самом центре города есть здание. Отведи туда мальчишку».

Миша запрокинул голову, улыбаясь горько и страшно. Он не взял с собой Аню! Даже не сказал ей, куда они поехали, потому что знал, что она отправится с ними. «Вот так ты и хотел защитить жену? Да она голыми руками смогла бы победить всех тех тварей в здании!»

И, хуже того...

«Ванька. Ты не взял его с собой в здание. С его способностями вы могли бы просто пройти мимо тех падальщиков, не потревожив их! Если бы не твоя гордость и глупость, вы уже были бы на верхних этажах, а не сидели тут, ожидая смерти. О боже...»

Пытаясь спасти того, кого любил, боец обрек и себя, и ребенка на верную гибель.

...Погрузившись в тягостные мысли, Миша не услышал приближающиеся хлопки крыльев.

Глава 15. Прибывшие на зов

Его жизнь, пока еще очень короткая, не принесла новых воспоминаний. Все, что у него было — это память предков, хранящая образы родного мира, так не похожего на то, чтобы было сейчас вокруг.

Предки помнили реку — в ней можно было плавать, пугая водных жителей и смывая с чешуи хлопья пепла из облаков. Помнили скалы из тонких кристаллов, наклоненные к закату, крошащиеся и хрупкие, но поднимающиеся высоко-высоко, где из обломков можно построить гнездо. Сидя там, птенцы могли грызть скалу, вглядываясь в воспоминания камней, знавших другие гнезда и великие охоты.

В новом мире вокруг нет скал, а камни помнят лишь самих себя. За облаками только одна луна, и в ее лучах не танцуют рогатые и быстрые. Прежде они жили стаями на берегу реки, течение которой несло острые кристалльные осколки, кусающие пятки и крылья плывущих по течению...

Под чужой луной не хочется плодиться, а единственный птенец не хочет петь. Только мелкие падальщики продолжают размножаться, но их это не спасает, все равно рожденные уходят в пустую землю, к Большому и Злому. Там умирает их память, оставляя бессмысленную шкурку, умеющую только кусаться.

Над пустой землей не хочется летать.

Оттуда по новому миру ползет злобная зараза, и это чувствуют даже мягкие безвкусные существа, обитавшие здесь раньше. Они все глухие и слепые, их память не вмещает даже одну единственную жизнь.

У всех, кроме одного. Он пришел когда-то к самому гнезду, и был в нем кусочек прежнего мира. Многие луны были в серых глазах, и хранилась в них память о чем-то, что не должен помнить мягкий и безвкусный. И сила жила в нем, росла, словно кристалл в темноте.

Прошло время, и дитя обоих миров позвало на помощь. И все, кто знал и слышал, должны были направиться в пустые земли, спасти и помочь.

...Зверодактили рвали воздух крыльями, догоняя лучи чужого им солнца.

Семеро падальщиков выбежали из здания, где их собратья собирались с духом, чтобы тоже последовать по кровавому, вкусно пахнущему следу.

Тихий голос, что прежде позвал их сюда, в логово, тоже заставлял идти. Говорил, что рогатый и быстрый, утащивший прочь раненую еду, не справится с целой стайей. Что умрет и тоже будет съеден, насытив никого и всех сразу.

Вот и бежали падальщики, припадая к земле. Семь сутулых теней с вытянутыми мордами, и еще одна — следовала чуть поодаль. Это был Карла, существо умнее и хитрее других. Зачем сражаться, если можно подойти позже, разогнать падальщиков укусами ядовитых зубов и получить всю добычу?

К тому же сегодня именно этот Карла израсходовал часть яда на сбежавшую пищу. Теперь он хотел с ней пообщаться чуть ближе, когда ноги ее уже отнимутся, а тело еще не разучится кричать.

Существа увидели логово своей добычи и ускорили бег. Там, среди бетонных плит, можно будет всласть порезвиться, разрывая зубами чужую плоть, погонять самую мелкую добычу, слушая ее отчаянные крики...

Будет весело!

Услышав странный звук, Карла мгновенно припал к земле и затаился. Он увидел, как один из падальщиков удивленно вякнул и растянулся на земле, скребя пыль когтистыми пальцами. Второй, обрадовавшись новой еде, двинулся к трупам, но под тот же звук споткнулся и упал, расплескав свою голову.

...Миша улыбнулся и передернул затвор винтовки, вновь тщательно прицелился. Новый выстрел прозвучал ровно между ударами сердца, и третий падальщик рухнул на землю.

Почувствовав отдачу, Миша сморщился. Нога, плоть которой «отпил» Артём, не чувствовала боли, но сейчас по ней расходилось странное, тянущее ощущение. Боец надеялся, что это не яд, ведь ему нужны были все силы, чтобы отбить атаку.

Минутная слабость его команды прошла сама собой полчаса назад. Миша потянулся к сумке и начал перебирать винтовку, Артём стал натачивать когти, а Ваня, вместе с Мелким обследовав округу, нашел идеальное возвышение, откуда можно будет стрелять - высокий холм чуть в стороне от убежища. Сейчас Миша находился именно на нем.

Подстрелив еще двух падальщиков, боец взял из сумки второй магазин. К этому моменту оставшиеся существа поравнялись с большим обломком камня, лежащим за сто метров до убежища. Подумав, Миша не стал в них больше стрелять, и лежащий рядом Мелкий согласился с его решением.

Когда падальщики подбежали достаточно близко, камень выпрямился и выпустил когти. Это был Артём.

Пьющие Плоть умели притворяться не только людьми.

Под звуки схватки умный Карла прокрался к бетонным плитам, откуда пахло теплым и беззащитным. В убежище пряталась самая маленькая добыча, но даже она лучше, чем ничего...

...Когда Карла сунулся в нору, брошенный Ванькой кристалл снес ему голову со всеми умными мыслями.

Выстрел! Миша снова сморщился и тихо зашипел от ноющей боли в ноге. Ему кажется, или она переместилась чуть выше? «Нет. Я просто нервничаю. Тварей становится больше...»

Падальщики шли уже не маленькими группами, а непрерывающимся потоком, привлеченные запахом крови убитых сородичей и звуками схватки.

Ваня высунулся из убежища и крикнул Артёму:

— Уйди в сторону, пусть они до меня доберутся!

Пьющий Плоть с треском переломил хребет очередному падальщику и полоснул когтями по глазам следующего, окропив землю вокруг его черной кровью. Услышав крик друга, он послушно метнулся в сторону, уводя за собой пятерых существ. Еще пятеро принялись и, рыча, двинулись в сторону Вани. Мальчик нырнул обратно в убежище, но твари знали — не уйдет.

Задев друг друга серыми боками и огрызаясь в ответ, падальщики спустились в убежище. Они успели увидеть, как с другой стороны в заранее вырытой норе исчезают ноги мальчика. А потом граната, начиненная боевыми кристаллами, взорвалась, убив одного мелкого монстра и осколками прикончив остальных.

...Ваня вынырнул из норы с другой стороны убежища, фыркая и отплеывая пыль. Его майка из желтой стала грязно-оранжевой, а джинсы и локти окончательно ободрались о камни. Мальчик покрутил головой, высматривая врагов, и побежал вверх по склону, к Мише и Мелкому, прижимая к груди мешочек с кристаллами и две гранаты.

Сухая земля пылилась и ползла под ногами, мелкие камешки сыпались вниз по склону. Но Ваня уже почти преодолел половину дороги, когда за спиной его раздалось

тяжелое дыхание — один из падальщиков, обогнув сражающегося рядом с убежищем Артёма, пустился в погоню за легкой добычей.

Мальчик на бегу запустил руку в мешочек за кристаллом, прыгнул в сторону и замахнулся, успев увидеть оскаленную морду падальщика, похожего на волка, бесшерстного, безухого и многоглазого. Но земля снова поехала под ногами, и Ваня неловко опрокинулся набок, разжав пальцы и подставив беззащитное горло острым клыкам...

Внезапно вокруг стало совсем темно. Мальчишку словно накрыло плотной, мокрой тканью, мягко ударило ею и откинуло в сторону. Земля вокруг взметнулась пылью, и порывы неясно откуда взявшегося ветра кинули ее Ваньке в лицо. Сквозь глухие удары этой ткани о землю он услышал, как вдалеке испуганно закричал Артём. А вблизи — падальщик, громко и коротко, словно кто-то перекусил его пополам.

Секунда — и ткань исчезла. Ваня успел увидеть залитую черной кровью землю, следы когтей на ней. А потом майка с треском врезалась в подмышки, а земля ушла из-под беспомощно перебирающих ног.

Один ботинок соскользнул и покатился вниз по склону. Камешки от его падения еще долго сыпались вниз, пока не добрались до Артёма, бегущего вверх с безумными глазами.

Твари, с которыми он дрался, скрылись в темноте при виде Зверодактиля. Да и у самого Артёма вид крылатого монстра и шелест его кожаных крыльев вызвали первобытный ужас, подступивший к самому горлу. Хотелось забиться в какую-нибудь нору, сжаться в комок, притвориться камнем, как делали Пьющие Плоть многие века назад.

Но — Ванька в когтях хищной твари. Нельзя его там бросать!

Зверодактиль в три удара крыльями преодолел расстояние до Миши и разжал когти, уронив мальчишку рядом с мужчиной, схватившимся за пистолет-пулемет и едва не выпустившим пару одиночных выстрелов во внезапно возникшую из темноты крылатую тень.

Мелкий прыгнул вперед и ощерился, заслоняя раненого хозяина мохнатым боком.

Ваня перекатился, смягчая удар, как учил его Миша, поднялся, испуганно глядя на Зверодактиля. Крылатый монстр не переставал махать крыльями, переступая по земле самыми кончиками когтистых лап. Темно-алые при свете дня гребни настороженно шевелились по обе стороны вытянутой головы, чешуя скрипела при каждом движении.

Чудовище не сводило взгляд сухих черных глаз с лица Ваньки, словно что-то пытаясь в нем рассмотреть — или примериваясь атаковать?

Нет, монстр все же оттолкнулся от земли и взмыл в воздух, оставив за собой запахи сухой штукатурки и дикого зверя. Полминуты спустя Артём наконец-то добрался до друзей и с облегчением увидел Ваню, живого, потрепанного, в порванной майке и без одного ботинка.

От самого здания донесся истошный визг Карлы, атакованного младшим Зверодактилем, кружащим вокруг здания и заставляющим паникующих существ с криками разбегаться, прятаться под прикрытие стен и огромных рук, спастись! Ведь это был самый страшный их кошмар — Крылатый.

Никакая пища не стоит смерти в его когтях.

Все внизу было усыпано телами погибших существ. Простреленными из винтовки, разорванными острыми когтями, затоптанными собратьями во время панического бегства от Зверодактилей.

— Почему они прилетели? — недоверчиво спросил Артём, стоя на возвышении в своем кудрявом человеческом облике. Он смотрел, как крылатые существа кружат вокруг здания, не давая обитателям даже высунуться оттуда.

— Разве важно — почему? — дернул плечами Миша и тут же поморщился от внезапной боли в спине. Голос его звучал хрипло. — Они нас спасли. Теперь мы доживем до утра.

«Если ты не умрешь от яда», — подумал Артём, подмечая бледность бойца и то, как он припадает на ногу, которая не должна была чувствовать боли после того... лечения. Только если яд остался в ране и теперь расплзался по всему телу.

«Ванька и Аня будут горевать», — понял Пьющий Плоть и понурился.

— Смотрите, птенец летит сюда, — сказал Ваня, стоящий рядом с Мишей и позволяющий бойцу тяжело опираться на свое плечо, как на костыль.

— Да уж, — фыркнул Артём, — тот еще птенчик!

Маленький Зверодактиль почти не уступал своему родителю в размерах — с размахом крыльев метров в пять, с длинным копьевидным хвостом, широким гребнем на макушке, а не по сторонам головы, как у старшего.

Зверодактиль облетел вокруг холма и приземлился, подняв тучу пыли, которая забила в глаза и носы, заставив Ваню и Мелкого слаженно расчихаться.

Сгорбившись и сложив крылья, Зверодактиль наклонил голову набок и посмотрел прямо на мальчика. «Мы уже знакомы, — говорил его взгляд, — не бойся меня». Подумав, Ваня сделал шаг вперед и вытянул руку, не пугаясь острых зубов крылатого существа:

— Ты прилетел, потому что я позвал? — глаза монстра еле заметно прикрылись, мальчик растолковал это как согласие и сделал еще один шаг, крепко зажмурившись и не позволив руке Миши себя удержать. — Ты хочешь еще помочь? — Шаг, и чужой разум раскрывается, как ракушка, впуская Ваню. — А ты сможешь это сделать? — Ладонь человека коснулась наклоненной морды существа, и оба они открыли глаза, договорившись. — Я готов!

— Что случилось? — осторожно спросил Артём, напряженный и нервный из-за близости крылатого хищника. — На что это ты согласился?

— Полететь на нем до нашей цели, — сказал Ваня, глядя тихо урчащего Зверодактиля по длинной шее, проводя ладонью по щетине, растущей между серыми чешуйками. — Он разрешает.

— Один? Ты что, это же опасно! — ахнул Миша.

— Я знаю. — Ваня с удивлением посмотрел на приемного отца. — Но тебя он не унесет, как и нас с Артёмом вместе. К тому же, — мальчик снова провел рукой по шее прикрывшего глаза Зверодактиля, задумчиво кусая губу, — Артёма он не согласится везти.

— Я из его мира, и я хищник, — кивнул Пьющий Плоть, и Миша бросил на него отчаянный взгляд.

— Мы же не можем отпустить Ваньку одного!

— А что нам остается?! — Артём почти мгновенно сорвался на крик, выплескивая всю боль и усталость этого дня. — Сидеть здесь и ждать, пока те твари осмелеют? Пойти назад, зная, что ты и ста метров не пройдешь? Что конкретно ты предлагаешь, герой? — последнее слово он почти выплюнул, тут же об этом пожалев.

На Мишу было страшно смотреть.

Больной, раненый, усталый. Неспособный защитить того, кем дорожил. Измученный боец опустил голову и медленно, медленно ею качал, отрицая все происходящее. Артём зашипел сквозь зубы и отвернулся. Ваня же подошел к Мише и обнял его, уткнувшись в пахнущую кровью куртку:

— Мы еще увидимся, обещаю. Я не собираюсь там умирать. — Мальчишка посмотрел в глаза бойцу серьезно и по-взрослому строго. — И ты обещай, что дождешься меня.

— Попытаюсь, — сказал Миша тихо. — Но мы даже не знаем, что там тебя ждет...

— Нам и не нужно знать! — Ваня шагнул назад и взъерошил себе волосы, подняв от них облако серой пыли. — Все было решено за нас. Все наши поступки уже были предсказаны, и мои способности — тому подтверждение. Откуда они вообще взялись? Как я умудряюсь ими пользоваться, если ничему не учился? Это ведь я позвал Зверодактилей, — мальчик понизил голос, почти шептал, — я даже не заметил, как мне это удалось...

— Нам могли напороочить смерть, — сказал Миша, устало глядя куда-то в ночное, затянутое облаками небо.

— Мы точно не узнаем, пока я не попаду в здание. — Ваня повернулся к Артёму и виновато улыбнулся. — Прости, что бросаю тебя тут.

Пьющий Плоть уверенно кивнул:

— Я присмотрю за Мишей, и мы тебя дождемся.

— Договорились! — Ваня обошел Зверодактиля по кругу, прикидывая, как на нем держаться. Монстр, поймав на себе оценивающий взгляд, изогнул шею, и между крыльями образовалась удобная выемка, куда Ваня со второй попытки смог взобраться. Зверодактиль выпрямился, и мальчишку уютно обхватило со всех сторон, не давая выпасть. — Вы не поверите, но тут удобно!

— Мелкий, куда!.. — спохватился вдруг Миша, но пес уже вспрыгнул вслед за Ванькой и прильнул к нему, облизывая пыльное лицо мальчишки и всем видом показывая, что уходить не собирается. — Похоже, он хочет с тобой. Зверодактиль не против, кажется. Может, это и к лучшему, будет, кому тебя защитить...

...Зверодактиль часто хлопал крыльями, набирая высоту с тяжелым грузом на спине. Ваня щурился от встречного ветра, прижимая к себе теплый собачий бок, но все равно смотрел по сторонам, чтобы ничего не упустить.

Оказалось, пустыня совсем маленькая! Наверное, та странная вибрация заставляла команду ходить кругами, раз они так измучились по дороге. А на самом деле дома виднелись всего в трех-четыре километрах от этого здания.

«Как странно...»

А город с такой высоты вовсе не казался огромным. Он был весь серый, темный в местах, где не осталось людей. А дальний краешек его тускло светился — там Штаб Сопротивления, там Аня и дом, где Мишу с Ваней так любят и ждут.

Зверодактиль обогнул исполинские руки, сжавшиеся вокруг здания, криками приветствуя своего родителя. Тот пролетал неподалеку, пугая монстров, снова попытавшихся вылезти наружу — и попрытавшихся, когда небо над ними закрыла крылатая тень.

Младший Зверодактиль сделал последний круг, примериваясь, и, сложив крылья, ринулся в промежуток между двумя гигантскими пальцами. К яркому огоньку, горящему на верхнем этаже здания.

Ваня зажмурился из-за воздуха, упруго бьющего в лицо, и крепче прижал к себе Мелкого, рычащего и поднявшего шерсть дыбом от волнения и страха высоты.

...Артём и Миша, затаив дыхание, смотрели, как Зверодактиль подлетает к верхним этажам.

И оба закричали в ужасе, когда гигантская ладонь пошевелилась, выронив треть здания из своего плена.

Пошевелилась и сбила Зверодактиля, несущего Ваню и Мелкого на своей спине.

Глава 16. Бессилие

...Огромные пальцы рванулись навстречу летящему Зверодактилю. Здание вздрогнуло и просело в руках титана, разрыдавшись осколками и осыпав нижнюю свою часть на сухую землю.

Оглушенный грохотом и треском, Зверодактиль метнулся в сторону. Он почти сумел увернуться от покрытых слизью пальцев титана, когда один из них все же задел его. Самым кончиком, прежде чем исполинская ладонь вернулась на место, удерживая пытающееся разрушиться без опоры здание.

Удар пришелся на бок, отбросил крылатого монстра в сторону. Зверодактиль услышал, как вскрикнул-всхлипнул Ваня, испуганно гавкнул Мелкий, скользя когтями по чешуйчатой спине.

Небо с землей плясали и кувыркались. Зверодактиль забил обожженными крыльями, пытаясь выровнять полет. Мальчик, дитя многих миров, странно обмяк на крылатой спине, по загревку текла теплая кровь. Монстр, волнуясь, отчаянным рывком смог выправиться и закрутил головой, пытаясь понять, что случилось с ребенком и вторым, мохнатым пассажиром.

Крылья болели, слизь, защищавшая кожу титана, впивалась в перепонки, пытаясь их проесть, прогрызть, не позволить лететь. От боли в голове Зверодактиля начали путаться мысли, перекатываясь в ней, царапая изнутри и влажно потрескивая, как ломающиеся кости.

Как больно крыльям! И спина ноет все сильнее, это все те двое — тяжелые, бескрылые и жалкие, давят на загревок, оглушительно и сладко пахнут кровью. Скинуть бы их, может, научатся летать по пути к земле? А пока они будут учиться, можно будет спикировать на их друзей, рвать обоих когтями, пока не перестанут кричать и сопротивляться...

А если старший Зверодактиль попробует помешать — и с ним разделаться, чтобы не влезал больше не в свое дело, жалкий крылатый недо-раб!..

Вдруг загревок прошила новая боль, резкая, отрезвляющая. Это Мелкий вонзил клыки в Зверодактиля, чтобы прогнать завладевшее им наваждение. Монстр замотал головой, распахнул глаза и поставил дыбом гребень, оскалившись.

Все обман!

Теперь крылатый зверь наконец-то увидел настоящего врага — темную, маслянистую дымку, вкрадчиво тянущуюся откуда-то из глубины здания, лентами повисшую в воздухе, обвив тело, лапы и душу Зверодактиля.

Отчаянно и гортанно закричав, он забил крыльями сильнее, мотая головой и вырываясь из дымных объятий, полосую темную пелену когтями, поднимаясь наверх, в небо, далеко, чтобы затем...

Спикировать вниз и пробить угрожающе сгустившуюся дымку, всем телом почувствовать отраву в каждой ее частичке. И ощутить ярость врага, когда тот понял, что не успеваешь остановить падение Зверодактиля — между пальцами титана, к яркому огоньку и неведомой тайне.

Налетев на торчашую балку, крылатый монстр почувствовал, как с него безвольно соскальзывает мальчик — дитя двух миров. Но сознание уже покинуло Зверодактиля.

От него больше ничего не зависело.

...Когда Зверодактиля окутал черный туман, Миша мог только смотреть на это с холма, сжимая бесполезный сейчас пистолет. Боец сидел на земле, ноги его уже не

держали. Иначе побежал бы к зданию в порыве спасти, помочь хоть чем-нибудь — а ведь нечем...

Такой же беспомощный сейчас Артём глухо рычал рядом, почти лишившись человеческого облика, выпустив когти, словно силой мысли пытался переместиться на сотни метров, тоже вступить в бой.

В какой-то момент Зверодактиль опомнился, метнулся в сторону, яростно крича и пытаясь ударить странный туман когтями. А потом взмыл вверх, уворачиваясь от дымных щупалец, и камнем упал между пальцев титана, туда, куда должен был доставить Ваню и Мелкого.

А потом наступила тишина. Лишь черный дым, повисший в воздухе, низко и недовольно гудел, просачиваясь обратно в здание, прощально сыплющее бетонной крошкой вслед обрушившимся нижним этажам.

Только теперь Миша смог медленно разжать стиснутые кулаки, только теперь вспомнил, как дышать. «Боже мой, Ванечка! Мелкий! Вы живы?!»

Артём зажмурился и тихо зашипел, не находя слов, чтобы выразить чувства. Вдруг он понял, что от волнения вцепился в плечо Миши, и выпущенные когти давно обагрились человеческой кровью.

Но боец этого даже не почувствовал.

От этой мысли подростку стало совсем плохо. Ваня где-то там, наверняка раненый, может, даже мертвый. А Миша тоже умирает, пусть сам этого еще не осознает. И Артём ничего, ничего не может с этим поделать!

Артём почувствовал, как к глазам подступают слезы, и тихо сполз на горячую землю рядом с бойцом, уткнувшись лбом в рукав его грязной, изодранной куртки. Спросил глухо: — Мы можем им чем-то помочь сейчас?

Миша покачал головой, голос его звучал устало, озвучивая невеселые мысли:

— Нет, мы не сможем взобраться туда, в здании полно существ. Да и первых этажей уже нет. Оставшийся Зверодактиль нас не понесет — даже слушать не станет, мы же не Ванька. Если малыш вместе с Мелким выжил после той схватки в небе, то сейчас очень близок к цели. Я буду верить, что он выжил, а ты?

Пьющий Плоть, уткнувшийся лбом в пыльный кожаный рукав, молча кивнул и прижался к бойцу еще крепче. Впервые со смерти родителей Артём чувствовал себя таким бессильным.

И снова можно только ждать. Пока уйдет Пожиратель, не дающий сбежать из дома, ставшего ловушкой, где все пахло кровью родителей, а по ночам бродило эхо их предсмертных криков.

Пока Ваня вернется верхом на Зверодактиле, с радостной улыбкой на лице. «Артём, опять ты беспокоишься по пустякам». «Поехали домой, я нашел противоядие для Миши!» «Врага больше нет, мы свободны, больше не нужно сражаться!»

«Не бойся, теперь все будет хорошо».

Миша вздрогнул, когда услышал еле слышный скулеж. Так Мелкий жаловался хозяину, когда стекло от разбитых окон на улице застревало в собачьей лапе.

Артём скулил и плакал от собственной беспомощности, а призрак Вани шептал ему слова утешения.

Старший Зверодактиль парил в потоках воздуха, поднимающихся от раскаленной земли. Он в очередной раз облетел здание, пытаясь заглянуть туда, куда влетел его отважный птенец. Но нет, пальцы титана сомкнулись над верхними этажами, закрыв собою и таинственный огонек, и дорогу крылатому зверю, так хотевшему помочь своему ребенку.

Но тот хотя бы остался жив, крылья откликнулись на его боль, а в голову медленно просачивались чужие воспоминания. Тот напавший туман, он был похож на то, что двое Зверодактилей уже видели однажды, когда пытались улететь из города.

Несколько дней назад они почувствовали, что темный бог набирает силу, что вот-вот начнет уничтожать все вокруг, не жалея ни здания, ни гнезда на их крышах. Тогда Зверодактили попробовали покинуть город, найти себе новое место, где можно будет наконец-то научить птенца древним песням. Но там, где кончались дома, начинался черный, непроглядный туман, думающий какие-то свои, плохие мысли. Зверодактили побоялись влетать в него, зная, что могут выбраться наружу уже совсем другими...

Так значит, тот туман пришел отсюда? Тут поселился его создатель? Тогда ему не повезло — у птенца который день режутся зубы. Вот и почешет их о туманного врага, поможет ребенку многих миров сделать то, ради чего он был создан Пастырем.

Да и Пастырь не оставит своего подопечного без присмотра...

Зверодактиль хрипло каркнул и вновь облетел вокруг здания, у самой земли, чтобы его угрожающий полет был виден мелким тварям в их укрытии. Чтобы не смели вылезать те, кто не умеет охотиться с честью — только нападать исподтишка, впиваться ядовитыми зубами, воровать чужие яйца из любовно построенных гнезд!..

Стоп, а это еще что? Зверодактиль неловко окончил величественный полет, сделал два длинных прыжка по земле, растопырив пальцы лап. Встал, опираясь на сгибы крыльев и шумно принохиваясь.

Плохо. Очень плохо. Тех, кто приближается из здания, не отпугнуть красивым полетом и грозными криками. Их не обратить в бегство, не сбить прицельным ударом лапы.

Зверодактиль тихо заклокотал, изогнув шею и недовольно прищурившись.

— Что там такое? — спросил Артём у бойца, доставшего из сумки бинокль и наблюдавшего за странным поведением Зверодактиля.

Миша промолчал, покусывая губу, перевел бинокль на вход в здание, где за обломками мелькали какие-то тени. Вот одна из них шагнула на свет...

Боец тихо выругался и посмотрел на Артёма:

— Пожиратели. — Пьющий Плоть ахнул и попытался что-то сказать, но боец все равно закончил: — Не меньше пяти штук. Все идут сюда.

— Черт, — Артём часто заморгал, запустив руки в кудрявую шевелюру. Болезненно оскалился. — Вот черт! И что нам делать?

— А что делает Пьющий Плоть, когда встречается с Пожирателями? — спросил Миша, уже зная ответ.

— Если он один? Убегает.

Они помолчали, напряженно думая. Миша нервно проверил, заряжен ли пистолет, Артём задумчиво выпустил когти. Потом резко их втянул и прищелкнул пальцами:

— Слушай, но ведь если они идут за пищей... они почти сразу найдут кучу вкусной еды! — Артём поймал на себе удивленный взгляд и улыбнулся: — Падальщики! Их трупы все еще там, мы же их столько поубивали. А Пожиратели не проходят мимо еды. Они до нас просто не дойдут!

Миша задумчиво хмыкнул и снова нацелил бинокль на приближающихся врагов. Пальцы бойца чутко, как у слепца, скользили по лежащему на коленях пистолету. Его тяжесть беспричинно успокаивала, как будто жалкие пули могут что-то сделать против бронированных Пожирателей.

Артём смотрел, как Зверодактиль вновь поднимается в воздух и парит над шестью Пожирателями, нарезая круги в ночном небе. Серые крылья его мерно хлопали, словно отсчитывая отведенное друзьям время.

Окровавленные губы еле заметно дрогнули.

«Артём...»

Ваня открыл глаза, и мир закружился вокруг него, как атакующий Карла, то отступая и прячась в темноте, то бросаясь вперед, показав гнилые зубы в жадном оскале.

Стена. Стена, дырка в ней. Балка в ржавых лохмотьях, от взгляда смущенно гнется, уходит в сторону. Потолок похож на рыхлый творог, крошится, сыплется. То надвигается к самому лицу, то убегает выше неба, к звездам и Зверодактилям, среди них живущим...

Как больно всему телу, каждой клеточке. Только ногам не больно — их будто бы и нет. Ну и пускай. Зато сердце молотом бьет в виски, и дышать почему-то так трудно, словно сидит кто-то на груди, давит...

Нет, не на груди. Вон там, чуть в стороне. Сидит.

Ваня повернул туда глазные яблоки, увидел. Падальщик, совсем близко, ближе танцующего потолка. Бледный, сутулый, с маленькой, словно обкусанной головой на длинной шее. Оскаливший зубы, облизывающийся часто-часто.

«Ну конечно, — рассудил Ваня сквозь боль, — я весь в крови, так вкусно пахну. Странно, почему он до сих пор не напал?»

Словно услышав его мысли, падальщик сделал робкий шаг. Тут же с другой стороны от Вани донесся угрожающий клекот, и мелкий хищник порскнул в сторону, нырнув в большую дыру в полу. Совсем рядом с мальчиком недовольно шуршало, скребло когтями и пахло сильным зверем.

«Зверодактиль, ты?»

Стиснув зубы, Ваня попытался перевернуться на бок и закричал, совершив слишком резкое движение. Опираясь на дрожащую руку, поскуливая от боли, мальчик смог приподняться и, переждав дрожащую темноту в глазах, присмотреться.

Крошащиеся бетонные плиты напозлали друг на друга, пытаюсь выяснить, кто здесь пол, а кто — стена, щерились металлической сеткой по краям, устало сочились песком. На одной из них и лежал сейчас Ваня, изломанный и беспомощный. На другой сидел, нахохлившись, Зверодактиль, раскинув в стороны изорванные, окровавленные крылья.

Дальше провал, ведущий к нижним этажам — туда ускользнул падальщик, там кто-то еще шуршит и многогласно повизгивает, но пока не поднимается. Боится Зверодактиля.

И все это — в теплом желтом свете, льющемся из двери в самой дальней стене. И как она еще устояла, не перекосилась, не рухнула? Но нет, стоит. И дверь едва прикрыта, а за нею — неведомая цель, к которой Ваня и его друзья с таким трудом двигались.

Она так близко! Но ноги не слушаются, а ползти так долго и больно... Ваня тихо застонал и опустил голову на шершавую, холодную бетонную плиту.

Он сдался. Так устал...

Теплая шерсть вдруг коснулась руки. Ваня снова открыл глаза и увидел Мелкого, израненного, измученного. Он поджимал переднюю лапу, а часть шкуры спеклась в сплошной кровавый ожог. Один собачий глаз слезился и не открывался, а второй с беспокойством смотрел на Ваньку. «Что, маленький хозяин, и тебе досталось?»

Мальчик слабо улыбнулся и провел рукой по уцелевшему участку собачьей шкуры:

— Я рад, что ты жив, дружище, — Ваня прикрыл глаза и почувствовал, как Мелкий ложится рядом, прижавшись теплым боком, влажным от крови.

Мальчишке разом стало легче. Как будто он снова оказался дома, где Аня бренчит посудой на кухне, а Миша в сотый раз чистит любимый пистолет. Ваня читает, устроившись на диване, Мелкий лежит у него в ногах, сонно глядя, как перелистываются страницы книги. Пес дышит ровно и тихо, а в глазах его столько странной мудрости...

Ваня ахнул и резко сел, поняв, что больше не чувствует боли. И ноги снова слушаются! Мальчик испуганно посмотрел на Мелкого, чьи раны тоже затягивались.

Пес словно и не обращал на это внимания, глядя на маленького хозяина с интересом и заботой. И все той же мудростью в серьезных карих глазах...

— Я все понял, — шепнул Ваня. — Никакая ты не собака.

— Верно, — сказал Мелкий.

Глава 17. Смелые и быстрые

Пожиратели устало брели вперед, на запах крови и яда.

Они уже давно ничего не ели, давно впали в оцепенение и сидели на полу полуразрушенного здания, обхватив себя когтистыми руками. В безнадежной попытке переждать, пережить то странное чувство, когда воля твоя принадлежит кому-то еще, а память предков исчезла, унеся с собой все то, ради чего ты прежде существовал...

А теперь вынужденная нора Пожирателей рассыпалась, и осколки ее насмерть придавили мелких падальщиков, которые раньше даже не осмелились бы поселиться рядом с рогатыми, слепыми исполинами.

Очнувшись от тяжелого сна, вырвавшись из-под крошащихся обломков, Пожиратели запрокинули к пустому небу безглазые лица, разинули две зубастые пасти. Вдохнули воздух, колкий и кусачий от наполнившей его пыли, сожалея о том, что сон их пока не стал вечным...

Но там, вдалеке, была пища. Была кровь, впитывающаяся в сухую землю, были тела, иссохшие и ослабевшие от голода, как и сами Пожиратели. И двое существ, пока еще живых, опутанных нерушимыми узами. Их лучше не трогать, с ними лучше не связываться. К ним лучше вообще не приближаться, а дать выполнить то, ради чего они пришли — во благо всех существ, во всех мирах!

Но выбора нет. То, что осталось в здании, и то, что жило в их телах — не терпело неповиновения. Оно велело идти вперед. И Пожиратели шли.

Что им еще оставалось?..

— Сейчас твой боец и его маленький приятель станут кормом для моих слуг, — голос гладко шуршал, словно перекачивая во рту каждое слово, наслаждаясь звучанием и смыслом. — Мальчик и собака уже почти умерли, а женщина осталась в городе. Жаль, что у меня нет крылатых рабов, красиво было бы скинуть ей на руки недоеденные остатки мужа...

— Тебе еще не надоели эти игры? — во втором голосе звучала бесконечная усталость, остающаяся после того, как заканчиваются последние слезы и силы. — Не надоело, что люди не могут тебе ничего противопоставить? Нечестная борьба...

— Как такое может надоест? — голос искренне удивился вопросу. — Эти безнадежные порывы, самопожертвование во имя глупых идеалов и никчемных друзей... Да и что может быть прекраснее существа, погибшего за шаг до своей цели, за миг до победы? Вот этот мальчишка, Ваня. Каково умирать, зная, что почти добрался сюда? Чувствуя, как раны появляются на телах друзей, как они гибнут в пастях Пожирателей! Тебе не интересно?

— Нет, — собеседник сжал зубы и отвернулся к стене, обхватив себя руками. Голос остро засмеялся.

Тени от его смеха закружились по комнате, а болезненная вибрация разошлась по зданию, заставляя уцелевших падальщиков и Карл биться в припадках, выцарапывая себе глаза, а Пожирателей — ускорить шаги по раскаленной земле...

И заставляя Ваню наконец-то разомкнуть пересохшие губы и спросить, глядя на существо, долгое время притворявшееся собакой:

— Так кто же ты?..

Миша закончил пересыпать боевые кристаллы в маленькие мешочки и вновь с нарастающей тревогой посмотрел на приближающихся Пожирателей — четкие фигуры на

фоне светлой земли, ясно видимые даже в ночной тьме. Их когтистые лапы увязали в земле, сухой и сыпучей, но монстры подходили все ближе.

— Плохо, — сказал Артём. — Я не думал...

— Тоже заметил? — спросил Миша, указывая на крайнего Пожирателя. Только что монстр миновал труп подстреленного из винтовки Карлы, даже не обратив на него внимания. — Они сюда не едут, их послали за нами. Артём, послушай, — Миша понизил голос, — я хочу, чтобы ты ушел. Меня ты отсюда не вытащишь, а вот сам спасешься. Не надо умирать здесь, не...

— Иди к черту, — без каких-либо интонаций сказал Артём. — Я не уйду. — Увидел, что Миша что-то хочет возразить, и рывкнул, оскалившись: — Я сказал, иди к черту!

— Глупый, — устало шепнул Миша, пытаясь завязать последний мешочек пальцами, в которых уже чувствовалось жжение. Яд, от которого бойца уже перестали слушаться ноги, продолжал распространяться, словно медленно натягивая на тело горячее свинцовое одеяло, заснуть под которым так легко...

Если бы только демоны-Пожиратели не подходили все ближе, грозя сделать смерть не такой безболезненной. Да и глупый мальчишка, Пьющий Плоть, зачем-то включивший Мишу в свою стаю, готовый защищать его, беспомощного, даже ценой своей жизни.

А ведь мог бы убежать, вернуться в город. И никто бы его не осудил...

«Кроме Ваньки. И его самого».

Артём невольно вздохнул, глядя, с каким трудом Миша завязывает последний мешочек, как морщится от покалывания в пальцах. Но Пьющий Плоть не мог ему помочь — в мешочке были кристаллы, они бы сразу взорвались от близости иномирного существа.

Артём взъерошил кудрявые волосы, чувствуя, как с них сыпется мелкая пыль. Сделал вид, что предыдущего разговора не было, и непринужденно спросил, указывая на кристаллы:

— Ты так их разложил, чтобы взрыв был сильнее? И чтобы оглушить ими Пожирателя?

— Да. Но я не смогу их добросить сейчас, сил не хватит. Я хотел разложить их по склону, как мины. Но, раз уж ты остаешься...

Миша поднял голову и серьезно посмотрел в лицо подростку. Артём какое-то время выдерживал его взгляд, потом понял смысл сказанного и ахнул:

— Но я-то тем более не смогу их кидать!

— Сможешь, — Миша запустил руку в сумку и нащупал что-то зазвеневшее. — Ваня давно придумал это, но у нас руки не доходили использовать. Он говорил, этим смогут пользоваться даже существа вроде тебя. Мне кажется, получится неплохо!

Артём принял из рук бойца новое оружие.

— А как этим пользоваться?

Миша показал. Артём хмыкнул:

— Это безумие! Но мне, — он потемнел глазами и по-звериному ухмыльнулся, — нравится.

Зверодактиль кружил над пустыней, угрожающе снижаясь, когда закладывал очередной вираж над Пожирателями. Они вытянулись в длинную шеренгу, и пыль поднималась от их шаркающих лап.

Зверодактиль топоришил гребни, когда слабый ветер доносил до него запах врагов — изможденных, усталых, голодных. И больных, безнадежно больных, чего пока не поняли, не почуяли бескрылые союзники.

Жесткая шерсть на загривке стояла дыбом. Крылатый зверь прежде не знал, что умеет так ненавидеть.

Болезнь, живущая в телах Пожирателей, была противна самой сути благородного существа, живущего небесной свободой и хранящего мудрость многих крылатых поколений. И Зверодактиль точно знал, что заразе, охватившей демонов, нет места ни в одном из миров!

Эта мерзость, эта болезнь, она все уничтожит, если позволить ей выжить! Она выберется из пустыни вместе с умирающими Пожирателями, и тела их раскроют бездумные Коршуны, разнося заразу повсюду в легких крылатых телах...

...Когда враг понял, что ему нужна армия, он призвал в свою пустыню могучих Пожирателей. Сломил их волю, лишил сил к сопротивлению и поразил тела болезнью, чтобы она выросла и окрепла, напитавшись силой слепых демонов.

Но врагу пришлось поторопиться, и болезнь не успела достичь своего пика. И племя каннибалов, прошедшее через весь город на зов своего бога, встретило в конце своего пути выгнанного им навстречу Пожирателя, зараза в крови которого еще не была готова. Каннибалам пришлось неделями истязать себя, чтобы слабый паразит смог проникнуть в чужое тело и укрепиться в нем.

Но теперь болезнь наконец-то набралась силы. Она готова была проникнуть в любое тело... нет, в каждое тело на своем пути! И начать триумфальное шествие по городу, чтобы подготовить его так, как следует.

К тому, чтобы жалкий маленький мир достойно встретил конец..

...Зверодактиль забил крыльями и зло закричал, глядя на Пожирателей, в телах которых сухо шевелила ворсинками ядовитая плесень. Шестеро монстров — вестников конца этого мира — шли вперед, чтобы сперва уничтожить бескрылых союзников, а затем вынести ужасную болезнь в проклятый город.

Нельзя этого допустить!

Зверодактиль сложил крылья и спикировал на крайнего Пожирателя, не думая о том, что врагов больше, что бескрылые союзники слабы, а младший сородич не успеет прилететь на помощь.

Крылатый монстр вступил в бой, зная, что не смеет проиграть.

Пожиратель, сбитый с ног весом рухнувшего с неба существа, покатился по земле в клубах пыли. Чужие зубы впивались ему в слепое лицо, а острые когти вонзались в грудь, вспарывая и разрывая.

Пожиратель попытался вырваться, полоснуть когтями в ответ, но сильные крылья били по лапам, снова и снова прижимая их к земле. Все, что смог сделать монстр — это разинуть обе зубастые пасти и закричать от боли, выдыхая споры болезни прямо в оскаленную морду врага.

Но Зверодактиль лишь вогнал когти глубже в иссохшую плоть. Крылатое существо откуда-то знало, что жуткая болезнь не сможет поработить его.

Знало, что Пастырь рядом, и он защищает.

Остальные Пожиратели безразлично прошли мимо своего гибнущего в чужих когтях собрата, и лишь один из них остановился, принялся и замахнулся лапой, собираясь одним ударом переломить беззащитный хребет Зверодактиля...

И отшатнулся, почувствовав чужие зубы, вонзающиеся в руку и морду. Укусы были неглубокие, но ощутимые, и их все больше! Пожиратель замахал лапами, чтобы сбить неведомого зверя, закружился на месте. Не понимая, что укусы прилетают издалека.

И что это вовсе не укусы.

Пистолет-пулемет часто рывал в руках Миши, одну за другой выплевывая пули, чтобы отогнать чудище от сражающегося Зверодактиля.

Другие Пожиратели подошли к склону холма и неуверенно затоптались на месте, чувствуя, как рыхлая в этом месте земля проваливается под их тяжестью. Монстры задумались, как подняться к своей цели, огрызающейся укусами издалека.

А Артём в облаке пыли сбежал вниз по склону, огибая Пожирателей и привлекая их к себе криком. Монстры повернулись к новой цели, оскалившись.

Пьющий Плоть ахнул, разглядев своего врага. Пожиратели были покрыты плесенью, как и напавшие прежде на Штаб Сопротивления каннибалы! И плесень эта пробивалась сквозь толстую кожу, густым слоем росла на горбатых спинах, угрожающе шевелясь и лишая Артёма возможности ударить врага когтями.

Как хорошо, что у него уже был другой выход!

Пьющий Плоть показал зубы в злорадном подобии улыбки и крутанул свое «оружие».

Мешочек, закрепленный на длинной цепочке, позволяющей Артёму не соприкасаться с кристаллами, описывал в воздухе угрожающие круги. Быстрее. И быстрее.

Артём оскалился еще сильнее и двинулся вперед. Из темных губ вырвалось низкое рычание, а острый гребень выдвинулся чуть дальше из худой спины. Подросток выросел прямо сейчас, в бою, обретая новые силы.

Пожиратели удивленно попятились, наклонив рогатые головы. Эта мелочь — один из рогатых и быстрых — совсем их не боялась. Более того, всем поведением показывала, что это им стоит отступить!

И почему-то Пожиратели чувствовали страх. Чувствовали, слыша плавные шаги Артёма, теснящего их прочь от холма. Чувствовали, видя прочные нити, связывающие его со многими существами вокруг — на холме, в здании, в городе. Даже со Зверодактилем, полосующим когтями Пожирателя, уже прекратившего сопротивляться.

Пьющий Плоть защищал свою стаю, и он готов был умереть ради нее.

Артём закричал и прыгнул вперед. Мешочек с кристаллами ударил в морду ближайшего Пожирателя, и ночь осветилась огненным всполохом. Пьющий Плоть кувыркнулся, раскручивая второй мешочек и уворачиваясь от первого, горящего, оставляющего за собой клубы дыма.

Оглушенный Пожиратель взревел, закрывая огромной лапой обожженное лицо. Но второй снаряд Артёма ударил его в грудь, взрываясь. Ожог раскрылся на серой коже, как черный цветок, и плесень тут же вытянула из него нити, выпивая всю льющуюся кровь и лишая своего носителя остатков сил.

Пожиратель покачнулся от внезапной слабости, колени его подогнулись...

— Артём, в сторону! — внезапный крик заставил Пьющего Плоть резко обернуться. Он успел увидеть, как вниз по склону катится граната, и тут же метнулся прочь, увернувшись от лапы одного Пожирателя и стремительного броска другого.

Взрыв за спиной превратив прыжок в кувырок, Артём успел отбросить свое горящее оружие прочь, иначе напоролся бы на него, катясь по земле.

Пожиратели заревели, оглушенные взрывом и болью от осколков кристаллов, впившихся в их слепые лица. Встретив такой отпор в обычной ситуации, они бы отступили. Не стоит столь зубастая дичь этих жертв, слишком сильна боль от ожогов и страх перед укусами, прилетающими издалека.

Но то, что поселилось в их телах, отступить не собиралось. Оно должно было выполнить приказ своего хозяина, и тогда, может быть, однажды... он создаст своему слуге настоящее тело.

Теперь уже паразит вступил в игру. Он не чувствовал боли Пожирателей, не знал, что такое страх перед маленьким, но отважным.

...Один из монстров метнулся вперед и схватил оглушенного Артёма за ногу, вздернул в воздух, не обращая внимания на пули, впивающиеся в покрытую плесенью спину.

И замахнулся, чтобы одним ударом когтистой лапы покончить со смелым, рогатым и быстрым...

— Я расскажу тебе, кто я, — сказал Мелкий. — Слушай внимательно, времени мало.

Глава 18. Чужой мир

Ваня протянул руку и коснулся теплой шерсти, замороженный странным светом в собачьих глазах. В следующий миг сияние вокруг стало нестерпимым, а чья-то невидимая ладонь легла на лицо мальчика и мягко толкнула, опрокидывая.

Сознание Вани рассыпалось, как песок из бессильно разжавшихся пальцев, и он увидел...

...Увидел мир, залитый слишком жарким солнцем. Лучи его плясали и отражались в прозрачных кристаллах, собранных в огромные скалы, неживые на вид, но выдвигающиеся из холодного песка по утрам, чтобы найти и выпить новый рассвет...

Ваня увидел реки, текущие через пустыни, алые берега и существ, живущих в норах, вырытых в сухом и темном иле. Некоторые из них жили поодиночке, тщательно охраняя свою территорию, другие селились стаями, третьи — рыскали вдоль берега, разоряя чужие норы и воруя припасенную еду.

Все они не отходили далеко от воды, все боялись неба и существ в нем, что строят гнезда в пустынных кристаллах, слишком старых, чтобы уходить по ночам под землю.

...Раз в несколько сотен лет реки исчезали, оставив после себя каменеющие под солнцем русла. Вскоре они становились каньонами, и жили в них только падальщики, выколупывающие из ила сохранившиеся в нем остатки живого.

А остальные обитатели когда-то плодородных земель собирались у иссохшего русла. Они ждали, мирно и безмолвно, и хищники лежали на высыхающем иле рядом со своей прежней добычей, вместе слушая, как из пустыни к ним движется песок. Он готовился занять свое законное место, лишь на время отвоеванное рекой.

А существа ждали того, кто спасет их от пустыни. И всегда, всегда дожидались. Он мог выглядеть по-разному.

Мог быть рогатым и быстрым — или массивным и слепым, но с десятью рогами. Мог расправить огромные крылья на фоне заката, окрасив солнечный свет в алое и сосудистое. Мог сгорбленной тенью падальщика пробежать мимо, неслышно и незаметно, и только зов его, тянущий за собой каждую живую душу, помогал узнать Пастыря в любом из выбранных обликов. И последовать за ним.

Путь мог длиться многие дни и ночи, пока вслед за проводником не выводил к реке, уже пробившей себе небольшое русло в песке. И даже укрепившей его красным илом, в котором уже совсем скоро можно будет вырыть новые норы!

...Проследив за тем, чтобы никто не заблудился в пустыне, Пастырь взлетал на одну из распутившихся навстречу солнцу скал и смотрел, как река набирает силы.

Существа разбредались по ее берегам, выбирая места получше, чтобы вырыть норы для гнезд и посадок съедобных грибов. Некоторые делали норы для засад на других, а некоторые превращали будущий дом в панцирь, больно кусающий того, кто приблизится.

Все выживали, как могли — и была в этом какая-то странная гармония, тонкая грань между жизнью и угасанием, какая и бывает в прокаленной солнцем пустыне. Жизнь на полоске влажной земли, на берегу реки, несущей осколки кристаллов, ранящие лапы ступивших в воду... она была удивительно хороша.

Над рекой несся смех рогатых и быстрых, пляшущих вокруг новой общей норы. Вдалеке, в сердце пустыни, крылатый зверь выводил свою песню. Танцующие на берегу передразнивали его задорным улюлюканьем — и прятались, едва увидев в небе заинтересованную этими звуками тень.

Существа праздновали очередную победу над смертью — и бог улыбался, глядя с высокой скалы за их причудливым танцем.

Многие собратья Пастыря называли себя правителями этого мира, хранителями его Врат и защитниками от любого зла. Боги эти жили в далеких краях, лишь изредка пролетая над доверенным им миром, творя чудеса для всех, кого встречали на своем пути.

И лишь Пастырь считал себя слугой, а не правителем. Чудеса его были порой малы — вывести к реке заплутавшего в пустыне, отогнать падальщиков от старика, отбившегося от стаи, задеть крылом играющего на мелководье ребенка, подарив ему тайное знание и новые мысли.

За эти маленькие чудеса боги часто дразнили его «мелким».

Пыль скрипела на стиснутых зубах, ноги ударяли в рыхлую землю — Аня бежала вперед, забыв об усталости и ноющих мышцах.

Черные глаза Пьющей Плоти смотрели вперед, почти ничего не видя. Не зрение вело девушку вперед, а нечто иное — нить, на которую ее сердце нанизано с того дня, как она услышала голос Миши.

Она чувствовала, что нужна ему.

Лишь на секунду Аня замедлила бег, когда увидела выступившее из темноты завораживающее зрелище — полуразрушенное здание в руках титана. Но тут же рыкнула, мотнув головой, и вновь ускорила.

Темнота поспешно пятилась, пропуская бегущую девушку, и вот уже сквозь нее прорываются звуки схватки. Аня взбежала вверх по холму и увидела поле боя, Зверодактиля, кружащего над ним...

Пятеро Пожирателей с хрустом давили ногами трупы падальщиков и спотыкались о распростертое тело своего собрата, неуклюже и злобно отмахиваясь от частых выстрелов с холма.

Один из монстров держал в воздухе Артёма, готовясь ударить по нему когтистой лапой, чтобы вспороть беспомощно вздымающийся живот. А потом все пятеро двинутся к холму, к Мише, от которого пахнет болезнью и ранами, который не сможет защищаться...

Ане не пришлось даже задумываться — тело действовало само, вспомнив, как Пьющие Плоти, объединившись, отгоняли Пожирателей от поселений много веков назад. И пусть сейчас все наоборот, пусть Пожирателей пятеро, а она — одна...

Она не может проиграть!

В три прыжка преодолев спуск с холма, Аня оказалась лицом к лицу с врагами, слепо обернувшись на новый звук. Это было рычание, исходящее из самой темной глубины горла, где у женщин всех миров живет ярость матери, готовой защитить свое дитя.

Пожиратели замешкались, пока паразит в их телах осознал появление нового врага. Аня тут же этим воспользовалась. Нырнула под руку одного из монстров, увернулась от удара другого, покатила под ноги третьего... и оказалась в одном прыжке от Пожирателя, держащего Артёма!

Успела!

Удар. С сухим треском рука монстра переломилась и отлетела в сторону, рассыпая ядовитые споры, неспособные причинить вред той, что пришла из темноты, чтобы помочь близким.

Пожиратель взревел, разинув обе пасти, когда плесень вытянула нити из раны, поглощая свежую кровь и вновь обжигая болью своего носителя.

Аня вновь ударила когтями, и уцелевшая рука воющего Пожирателя разжалась, а Артём покатился по земле, оставляя на ней кровавые следы от ран на боках, разорванных когтями чудовища...

Раненый Пожиратель взмахнул оставшейся лапой, пытаясь задеть Аню, но девушка поднырнула под него и вновь ударила, выскивая уязвимое место в поросшей плесенью броне. Монстр взревел, когда сухожилие на его ноге оборвалось под чужими когтями.

Туша Пожирателя рухнула на землю, подняв песок в воздух и на миг заслонив Пьющую Плоть, едва успевшую выскользнуть из-под многотонного монстра.

Вынырнув из тучи пыли, девушка оскалилась и выпустила когти из обожженных кислотными нитями пальцев. Сейчас кожа Ани была темно-алой, волосы жесткой гривой топорщились во все стороны, а глаза горели зло и ярко на лице, еще совсем недавно казавшемся красивым и нежным.

...Но для Миши в этот момент во всем мире не было существа прекраснее, чем его любимая жена.

Мирной жизни Пастыря оставалось длиться считанные дни. Он чувствовал это в воздухе, набухшем и потемневшем в предвкушении беды. Слышал в мыслях израненных существ, бредущих через пустыню от далеких гор.

Что именно там творилось? Пастырь не знал. Только слухи приходили странные и недобрые.

Будто бы один из богов, что правят миром, сидя на каменных тронах, изменился.

Сбежавшие из тех мест рогатые и быстрые делились с собратьями рассказами о том, как этот бог убивал и мучил своих подданных, наслаждаясь и напитываясь их болью. Как реки пересыхали от его дыхания, а черный туман заслонял солнце там, где бог, потемневший сутью, раскрывал зазубренные крылья.

Пастырю не нравились эти слухи. Он нашептал жителям берегов укрепить норы, а лучше перебраться подальше от гор, к истоку реки, где в кристальных лесах можно будет укрыться от войны и бури.

А сам бог остался, в обличии крылатого и хищного подлетая к границе тумана и пытаясь дозваться до собрата, с которым творилось что-то очень плохое. Почему он так изменился? Почему боль и бессилие слабых существ начали так его привлекать?

Пастырь страдал, глядя, как потемневший собрат его играет в очень странные игры. Как нравилось ему отобрать и убить ребенка на глазах у матери! Или заставить рогатую и быструю смотреть, как тело ее любимого рассыпается в пыль, бесследно мешаясь с песком пустыни...

Пастырь больше не мог просто смотреть на это. В самом своем быстроногом обличье он помчался к скалам, где на тронах сидели, замерев в долгой дреме, другие боги. Они должны были помочь, остановить обезумевшего собрата!

...Камни хрустели под ногами юного Пьющего Плоть, с удивительно тонким и встревоженным лицом — и глазами бога, сияющими в полумраке пещеры. Они уже должны были осветить троны и существ, сидящих в них.

Но в пещере не было ничего. Лишь обломки драгоценных кристаллов, валяющиеся на полу, да пятна плесени, странно вздрагивающей, когда на нее падал свет. Пастырь больше не чувствовал присутствия братьев — лишь зло, набирающее силу под черным туманом.

Зло, которое нужно было остановить.

Аня вновь поднырнула под лапу Пожирателя, целясь когтями в уязвимую подмышку. Ее руки горели — плесень, покрывающая кожу чудовищ, обжигала кислотой того, кто пытался ранить ценного носителя. Но Аня не чувствовала боли.

По крайней мере, своей.

На холме был Миша, и струна, связывающая Пьющую Плоть с ее возлюбленным, дрожала, болезненно дергая девушку за самое сердце.

Она чувствовала, как ноги бойца не слушаются его, как пальцы отказываются жать на курок — вот уже и выстрелы прекратились, ведь оружие не перезарядить! И боль, сильная боль, поднимающаяся по позвоночнику, не дающая вдохнуть полной грудью, поднять голову, чтобы вновь увидеть любимую — возможно, в последний раз...

Аня вновь зарычала, припав к земле и в ярости своей не давая четверым Пожирателям сделать и шаг вперед, к прежде так больно кусающей издалека цели. А женщина видела темные круги, плывущие перед глазами мужа, и взмахи ее когтей были все отчаяннее.

Куда бы ни направлялся ее муж, Аня собиралась его там встретить.

Позади Пожирателей Артём нашупал в пыли свое оружие — мешочки с кристаллами, подвешенные на цепочках. Выпрямившись и тихо застонав от боли в израненных боках, подросток задумался, как привлечь к себе внимание хотя бы одного монстра, чтобы облегчить бой Ани.

Но чьи-то острые когти впились в его плечи, земля нырнула вниз, а крик застрял в горле, вбитый назад ветром.

Легко, словно человек, переставляющий шахматную фигурку с клетки на клетку, Зверодактиль перенес Артёма, сбросив его рядом с Аней, прямо перед мордой не успевшего ничего сообразить Пожирателя.

Не успев отдышаться и опомниться от испуга, Артём замахнулся оружием. Взрывчатый мешочек бесследно пропал в огненной вспышке, кроваво расплескав голову монстра.

Другой Пожиратель завопил, когда в его рога вцепились когти, а удары крыльев Зверодактиля поволокли полуоглушенного врага вниз по склону. Все, что оставалось монстру — это загонять когти в крылатое существо, неуязвимое в своей ярости.

Оно защищало рогатых союзников — и Мишу, медленно умирающего на вершине холма.

Пастырь бежал по пустыне, не находя себе ни места, ни облика. Рога, гребни, чешуя и гладкая кожа, крылья и многие лапы — все это лишь на миг появлялось в дрожащем мареве, вместе с ветром пытаясь скрыться в сердце пустыни. Сбежать, чтобы не слышать криков ужаса и звуков, с которыми огромные руки выворачивали из земли живые кристаллы, стирая их в песок.

Пустынные существа, похожие на смутные тени, питающиеся пылью, а некоторые — случайными путниками, мчались наравне с Пастырем, заглядывая ему в глаза, задавая тысячу безмолвных вопросов, на которые бог и сам не знал ответа.

Позади рушился прежний мир, а обезумевший, потемневший сутью собрат Пастыря смеялся, глядя, как выпущенные им чудовища разрушают то, что веками жило и росло под солнцем.

Бегущий в пустыне Пастырь вспоминал последний разговор с собратом — темной дымкой со странными мыслями, шепчущей о чем-то непостижимом, горьком и страшном.

— Тебе не понять, мой мелкий и глупый собрат. Ты никогда не сможешь переступить ту грань, что я нашел и преодолел. Знаешь, что это мне дало? Силу.

— Ты используешь ее, чтобы разрушить то, что мы создали! Это непра...

— Нет, что ты. Это разрушение дает мне мою мощь. Скажи, сколько времени и сил уходит на то, чтобы вырос один пустынный кристалл? Представь, что я сотру его в порошок. А ведь я сотру. И эта сила станет моей! А детеныш? Такой нежный. Сколько в

нем надежд, возможностей. Сколько усилий уходит на то, чтобы его родить! А я убиваю его...

— Брат, послушай, так нельзя. То, что ты получаешь, разрушая, уничтожит и тебя самого. В кого ты превращаешься? Я тебя уже с трудом узнаю. Ты ведь помнишь, мы были дарованы этому миру, чтобы...

— Это мир был дарован нам! Для нашей жизни, наших игр, преумножения наших сил! Не моя вина, что ты и наши... бывшие братья считали иначе. А я буду играть. Я буду наслаждаться тем, что делаю. А когда мир разрушится — я найду другой, в котором будет так же интересно.

...Пастырь ускорил бег, разогнав новую стайку пустынных призраков, кинувшихся к нему за успокоением — о великий, скажи, звуки вдаль не значат ничего плохого? Но бог не хотел им врать. То, что творилось за его спиной, значило только одно — мир рушится, как хрупкий кристалл в руках злого детеныша.

— ...Я не стал тебя убивать, потому что ты слаб. Ты мелок и жалок. Играть с тобой — неинтересно. А вот увидеть твои мучения, когда все, чем ты дорожил, превратится в пыль под моими ногами... Или мне лучше не торопиться? — Черный туман запульсировал, существо, за ним скрывающееся, заурчало от удовольствия. — Может, мне позвать друзей? Я нашел один маленький, разрушенный мир неподалеку от нас. Его обитатели там уже достаточно развлеклись. Ни единого целого камешка, только пыль и обломки лун в небе. Уверен, теперь эти создания согласятся сыграть со мной — и всем этим миром.

— Брат, прошу, не делай этого, — взмолился Пастырь, как никогда сожалея о своей слабости. — Это наш мир, мы защищали его столько времени! Если ты устал, если хочешь уйти — уходи. Но не разрушай то, что мы создали. Мы, все вместе! И ты тоже...

— Именно. Все мы, боги, владеем этим миром. Но сейчас владельцев только двое — ты и я. — Существо в тумане остро улыбнулось, и Пастырь вздрогнул, поняв, к чему оно клонит. — Значит, только ты можешь остановить меня. Если ты хочешь помешать, если не побоишься выступить против меня и моих друзей — ты спасешь свой мир. Что скажешь? Хочешь умереть героем?

Нет, Пастырь не хотел. Он не мог вступить в безнадежный бой, зная, что смерть его оставит целый мир на растерзание странным играм отступника и его «друзьям».

Пастырь не забыл о тех, кого нужно было защитить. Он собрал всех, до кого дотянулся зов, и отвел их в убежище, за одну ночь сотворенное из нескольких сросшихся пустынных кристаллов.

Пастырь вовсе не сдался. У него была тайна, и звалась она знанием. Сейчас, когда за его спиной титаны, огромные и яростные, крушили новый для них мир... Пастырь продолжал верить, что не ошибается.

Ведь миры — живые, а все живое само умеет бороться с болезнью внутри себя.

Глава 19. Горечь

Аня вскрикнула и покатилась по склону, отброшенная ударом когтистой лапы. Кровь хлестала из разорванного бока на сухую землю, пыль забивалась в рану...

Девушка с трудом поднялась, кашляя и зажимая расплосованный бок.

В метре от нее лежал Зверодактиль. Когти мертвого Пожирателя глубоко вонзились в его грудь, сомкнувшись на уже не бьющемся сердце.

...Застывшие глаза крылатого существа смотрели печально и мудро. В здании, скрытом в исполинских ладонях, птенец спрятал голову под изорванное крыло, горюя.

Аня мчалась по склону, торопясь вновь вступить в бой, несмотря на боль в ране. Артём не справится в одиночку!

Девушке осталось пробежать совсем немного, когда из-за покрытых плесенью спин Пожирателей донесся крик, тонкий и страшный. И звук, с которым когти входят в податливое тело, разрывая и кромсая.

Аня зарычала, слыша отголоски чужой боли. Опоздала!

Злость и беспомощность влили новые силы в усталые мышцы. Пьющая Плоть взвилась в яростном прыжке — стройный силуэт на фоне темного неба, горящие глаза, острые когти.

С глухим стуком Аня приземлилась на покрытый плесенью загроможденный ближайшего Пожирателя, замахнулась. Не обращая внимания на серые нити, обжигающие лодыжки и руки, девушка вогнала когти в щель в панцире на шее врага. Глубже, еще глубже — суметь достать до мозга...

Удар! И Аня вновь катится по земле, а второй Пожиратель неторопливо шагает следом, пока собрат его оседает на землю, подергиваясь, как сломанная марионетка.

Последний из шести монстров замахнулся, чтобы покончить с рогатой и быстрой во славу своего повелителя.

Больше никто не сможет ему помешать.

...Гниющая трава чавкала под ногами. Миша вновь поскользнулся и упал, испачкав руки в склизкой грязи, черной, как туман, что ласково вьется вокруг, нашептывая странные и злые истории.

Вокруг были и другие люди, шагали слепо и бездумно в тумане, что крал их память и слизывал слезы с бледных щек. Он питался ими, питался их болью — всем, что осталось у людей, не знающих даже, о чем горюют...

Но не только люди были здесь. Рогатые и столь же усталые шли мимо и плакали о том, чего не помнили. Где-то вдалеке бессильно раскрывались опутанные туманом крылья, а обладатель их выл, тоскливо и безнадежно, мечтая о забытом полете и свободе.

Мише показалось, что рядом прошло что-то огромное, пахнущее зверем, всколыхнув туман и шагами растревожив зыбкую, пропитанную гнилью землю.

«Пожиратель», — подумал боец и остановился на секунду, пытаясь понять, откуда пришла эта мысль. Почему ему захотелось назвать то чудовище именно так? С этим что-то связано?

Что-то, что нужно вспомнить?..

Миша запустил пальцы в короткие волосы, замотал головой, глядя вперед полубезумными глазами. Потом резко выпрямился, застонав от боли, пришедшей откуда-то издалека, где не все дела еще были закончены.

«Пожиратель, конечно же! Я помню, как впервые его увидел».

— Эта тварь, — сказал Миша спокойно и ясно, и туман не смог выпить его голос, — пыталась убить Аню в первый день вторжения.

Туман, услышав его слова, заволновался и сгустился, черными щупальцами потянулся к человеку, пытаясь заткнуть, подавить, поглотить! Но Миша только сильнее стиснул кулаки, не обращая внимания на воздух, наполненный горечью и злобой, нечеловеческой злобой...

Он говорил, почти выкрикивал, с силой вырывая те образы из памяти:

— Я думал, что это женщина в беде, решил помочь, бросился туда и с голыми руками — на Пожирателя! Я чуть не умер, но Аня меня вытащила. Только потом я узнал, что она — не человек. Но это было не важно! В тот день, — его голос дрогнул, — я понял, что буду с ней всегда! Всегда, когда ей понадобится моя защита.

Туман взревел и ринулся к Мише, но боец уже исчезал, и боль вновь накрыла его свинцовым одеялом, а Пожиратель рычал не только в воспоминаниях — вот здесь, рядом, внизу холма!

Последним, что успел увидеть Миша в месте, откуда вырвался, был черный туман, соткавшийся в невысокую фигуру. Она источала тот туман, она и была им!

У нее было юное и красивое лицо — и взгляд, полный бесконечной ненависти.

Миша окунулся в боль, как пловец — в ледяную воду, и забился в ней, впиваясь пальцами в серую пыль, пробивая жесткому воздуху путь в легкие. Удержаться. Не уйти обратно — туда, где черный туман и его хозяин ждут того, кто сдастся.

Нет уж!

Боец с глухим рыком извернулся, пополз вперед, волоча за собой онемевшие ноги. По подбородку текла кровь из намертво закушенной губы — ну и пусть, это уже не важно! Аня, там, внизу — Аня...

Сумка, рука не дотягивается до ремня, утопает в сухой земле, беспомощно шарит, нащупывает. Согнуть, подтянуть — смотри. Вот то, что ты ищешь. Бери.

Помнишь, как Мастер Кристаллов говорил об этой вещи? Она не готова, небезопасна, недоработана. Но разве это имеет значение, когда сердце горит, из последних сил сопротивляясь яду, а пальцы не слушаются, не поддевают новое оружие — а как стрелять?..

Не важно! Схватил.

Миша утонул в пыли, падая в нее лицом, откашливаясь и все равно — двигаясь вперед, нет, уже вниз, вниз по склону. И рык Пожирателей был все ближе, и Артём кричал — отважный, глупый мальчишка, и что ты забыл в этом чертовом месте? Не сбежал, не спасся. Но помог, да — помог, и благодаря тебе Аня все еще жива.

«Если ты выживешь — спасибо. Если я выживу... нет, едва ли».

Достаточно близко. Теперь — можно стрелять.

Миша содрогнулся, увидев, как Артём закричал, насквозь пронзенный чужими когтями, отбрасываемый в сторону. Как скорчился, руками пытаясь остановить кровь — а Аня бросилась на врага, безумно красивая, смелая.

Любимая.

«Я поклялся тебя защитить».

Пальцы не слушались, не давали нажать на курок. Но Миша все равно целился, всей душой надеясь, что успеет выстрелить.

И вот уже Пожиратель замахнулся, а Аня беспомощно ощерилась навстречу когтистой лапе... А Миша укусил себя за губу так сильно, что пальцы дернулись от боли и... послушались хозяина.

Оружие, переделанное из ракетницы, выстрелило.

Крупный кристалл, разрывая воздух, успел блеснуть рассыпающимися гранями, прежде чем впитаться в лапу Пожирателя. И раскрыться в огненно-красной вспышке, отбросить чудовище прочь от Ани.

Пожиратель взмахнул уцелевшей лапой, взревев на два голоса: глубокий и звериный — самого монстра, и тонкий, отчаянный — паразита, живущего в его теле. Боль почувствовали они оба.

Пожиратель повернул рогатую голову в сторону Миши и зло оскалился. Кровь и кислота паразита закапали на землю из двух чудовищных ртов, когда монстр повернулся обратно к Ане...

Боец выстрелил снова, и голова Пожирателя исчезла в огненной вспышке.

А ракетница в руках Миши взорвалась, оторвав ему пальцы.

Аня поднялась, застонав от боли — своей и Миши. Она хотела взбежать по склону, к любимому, что лежит там, так близко! И ему нужна помощь, целебные чары...

Но нельзя. Надо помочь Артёму, его раны страшнее. Нельзя оставить его умирать, надо что-то сделать...

Только бы хватило на это сил!

Аня, хромая и перешагивая через раскинутые руки мертвых Пожирателей и полусасыпанные землей трупы падальщиков, подошла к Артёму. Упала рядом с ним на колени, сдерживая слезы. О боги...

Рана была ужасной. Острые когти Пожирателя наискось перечеркнули живот и грудь подростка, и кровь... она уже почти не текла. Но Артём был жив, и дыры в его груди влажно клокотали, словно тоже пытаясь дышать вместе с мальчишкой.

Самая страшная рана почти сливалась с лишенным кожи телом. Только влажный блеск вокруг нее и темные следы на песке выдавали, сколько крови потерял подросток.

Но он сумел дождаться помощи, не умереть вот так, в чужом мире, в одиночестве, под звуки безнадежной схватки. Сумел...

Черные глаза Артёма были широко раскрыты, смотрели на Аню внимательно и ясно, словно чего-то ожидая. Девушка сглотнула и положила ладони на рану, готовясь влить в нее свою жизнь. Лечить!

Но окровавленная рука накрыла ее пальцы, отводя их в стороны.

Артём скривил губы в подобии беспомощной улыбки. Лишенное кожи, бледное лицо казалось усталым и каким-то очень спокойным. Потрескавшиеся губы дрогнули, беззвучно произнеся всего одно слово.

«Миша».

Секунду Аня смотрела в глаза Артёму, а затем резко прижалась щекой к ладони Артёма, шепча горячо и быстро:

— Спасибо тебе! Я не смогу без него жить, не смогу...

«Иди», — подумал Артём, глядя на Аню, ее заплаканное лицо, раны на спине и боках. И, словно услышав его мысли, девушка поднялась, беспомощно глядя на подростка, словно ожидая, что он передумает. И захочет жить.

Но Артём отвернулся, коснувшись щекой земли, влажной и липкой от крови. Услышав неровные, отдаляющиеся шаги, он вновь сумел улыбнуться, по-взрослому горько.

Артём полюбил Аню очень давно.

С того момента, как она пришла в приют, где сироты вроде Артёма жили, если их не брали в новую семью. В то утро солнце путалось в темных волосах, а ее суть, хищная и прекрасная, на долю секунды мелькнула в тонкой улыбке...

В тот день Артём полюбил Аню. И возненавидел Мишу, того, кто посмел связать ее душу со своей, навеки.

Но она любит этого глупого человека. Это за ним Аня пробежала полгорода, ради него вступила в безнадежный бой. И если теперь, спасая Артёма, она лишится последних сил, так необходимых для лечения Миши...

То будет несчастлива всю свою жизнь.

Печально улыгнувшись, Артём закрыл глаза, позволяя черному туману налететь и навсегда забрать воспоминания о несбывшемся и дорогом...

Карандаш шершаво скользил по бумаге, красная линия тянулась за ним, пытаюсь передать то ощущение — текучесть и вязкость, река с алыми берегами, протянувшаяся сквозь пустыню...

Другой карандаш, черный, промчался по листу, вырисовывая силуэт, сломал грифель, споткнувшись о второй рог. Ничего, второй рог будет сломанный. Эти существа живут вдоль реки, роют норы, водят хоромы, поют...

Нарисовать и других, больших и громоздких — у них две пасти и нет глаз. Один из них старый, с бородой, и его атакуют мелкие, серые создания — это местные падальщики, трусливые и гадкие.

Но их не любит вон та галочка — наточить карандаш, раскрыть галочке кожистые крылья! Это большой хищный зверь, он охотится на тех, серых! А гнезда вьют в кристаллах, они видны в пустыне — вон, в верхнем левом углу.

Синеглазый мальчик откинулся на спинку стула и улыбнулся, любуясь рисунком.

Какой странный мир пришел сегодня во сне! Лизнул ладонь, как собака, подставил голову для поглаживания — я хороший, не бойся меня. Можешь нарисовать. Может сочинить стишок. Помни меня, не забывай!

— Я не забуду, — шепнул мальчик, глядя на рисунок — красно-синяя лента реки, ряд нор в ее берегах, и повсюду существа. Такие разные и странные...

Мальчишка подскочил, улыбаясь, нашел кнопки и старательно прикрепил лист над своей кроватью. Тяжелый какой, словно вовсе не карандашом на нем рисовали...

Словно это больше, чем рисунок.

Синеглазый мальчик разгладил тяжелый листок, снова любуясь своим творением.

...А затем он вышел из комнаты и побежал вниз по лестнице, где мама уже приготовила обед, а папа только вернулся с работы и уже читал свежую газету, что-то тихо бурча себе в усы.

Когда дверь комнаты закрылась, нарисованные крылья сделали пробный взмах.

Глава 20. Чужая боль

Птицы покинули город, и в небе, затянутом серыми и сухими тучами, больше никто не летал и не пел. Газоны желтели с каждым днем, сколько их ни поливали, а воздух потяжелел и душил по ночам стариков и младенцев.

Город чувствовал приближающуюся беду, но не знал, откуда ее ждать.

Люди тоже не знали. Многие пытались загнать тревогу вглубь себя, многие напивались, только усиливая это чувство. Многие кончали с собой, не выдерживая странной тяжести в груди, теней, оживающих за их спинами. И многие уезжали, торопливо накидав вещи в сумки, загнав в машины бьющихся в истерике детей — и собак, охрипших от воя.

Город звенел ключами, запирающими дома, прощально вздыхал вслед покидающим его людям...

...А мальчик стоял у своего рисунка, слушая, как мама плачет в соседней комнате, а отец бездумно и пьяно переключает каналы телевидения — в последнее время в семье все было не так, все было странным и неправильным.

Даже сны.

Синеглазый мальчик сморщился, еле сдерживая беспомощные слезы — и вновь взгляделся в нарисованные фигуры. Станный мир, залитый солнцем, странные создания, его населяющие...

Нет. Это не могло быть сном.

Этой ночью рисунок снова ожил, а комнату заполнили звуки, каких мальчик никогда раньше не слышал. Прежде это были только песни на чужих языках, шуршание песка, плеск волн, бьющихся о красные берега...

Было так здорово засыпать под эти звуки, понимая, что рисунок — дверь в другой мир, красивый и странный.

Но сегодня все было иначе.

Всю ночь мальчик слушал звуки охоты и схватки, предсмертные крики, треск плоти, рвущейся под чужими когтями — и шаги кого-то огромного, выше дома, выше многих домов! — и шаги эти приближались. Тени тянули к мальчику когтистые лапы, а кто-то многогогий отражался в оконном стекле, зубасто и странно улыбаясь...

Этой ночью синеглазый ребенок не смог спать в своей кровати, побоявшись приблизиться к рисунку, над ней приколотому. А теперь...

Он собрался с духом и протянул руку, чтобы сорвать проклятый рисунок со стены...

Ваня ахнул и закрыл лицо руками. По грязным щекам текли слезы, а чужая боль вгрызалась во внутренности.

— Артём... — Ваня сквозь слезы посмотрел в светящиеся глаза Мелкого, — умер...

Мелкий — древний и мудрый бог в обличье собаки, Пастырь — вздохнул и теснее прижался к мальчику, смывая горе воспоминаниями, чужими и странными.

«Так было? Так было в тот день? Когда чудовища пришли в наш мир...»

Пастырь мчался, едва касаясь земли лапами, меняя облик, чтобы перелететь, перепрыгнуть, просочиться сквозь новые препятствия — фонарные столбы, падающие на улицы, дома, от нового подземного толчка превращающиеся в поток пестрого мусора.

Два Пожирателя вцепились друг в друга посреди улицы, не понимая, как оказались так близко — но зная лишь, что чужака нужно прогнать со своей территории любой ценой.

Пробегая мимо, Пастырь задел монстров призрачным крылом.

Пожиратели замерли, мотая безглазыми головами и утратив всю свою ярость. Подумав, они разошлись и двинулись на поиски укромных нор — пока их бог отгонял хищную пустынную дымку от уже почти растворенных ею беспомощных существ — обитателей нового мира.

Мира, захваченного врагом.

...Пастырь помнил того, кто привел сюда его темного собрата. Успел увидеть, прежде чем взмах черного крыла отбросил мелкого бога прочь.

Это был детеныш, синеглазый и напуганный. За спиной его раскрывал крылья дымный и темный силуэт — и смеялся, наконец-то найдя единственное существо, мешавшее уничтожить, сровнять с землей мир Пастыря...

— Ваш мир держался, потому что кто-то снаружи помнил о нем, — сказал Ваня, глядя в пустоту застывшим взглядом. — Пока все было так, темный бог не мог ничего сделать.

...Но это не помешало ему отследить нить, связывающую умирающий мир с другим, здоровым и чистым. С ребенком, в нем живущим.

И прорваться к этому ребенку, буквально откусив кусок здорового мира и поразив его болезнью — своей злой волей. И пускай титаны — глупые рабы! — проследовали за ним и поубивали друг друга, оказавшись на столь маленькой территории. Цель была достигнута.

И мир, откуда прибыл Пастырь, оказался связан с новым, только что созданным.

Маленьким миром проклятого города.

— Представь... — Пастырь насторожил собачьи уши и за хвост выудил из памяти Вани нужный образ. — Представь, что на обрывистом берегу озера сидит мальчик с удочкой. И за эту удочку потянул огромный, злой зверь, поселившийся в этом озере. И потянул он так сильно, что в воду не только упал мальчик, но и отломился кусок обрыва, на котором он сидел. Этот кусок — твой город. Он оказался в озере, там, где Темный мог легко его достать. Конечно же, он так и сделал.

Пастырь опустил взгляд и невесело усмехнулся, свесив язык набок:

— Как Темный мог пройти мимо такого удобного места для своих игр? Вы, люди, как никто умеете страдать. Все дело в одиночестве. Вы не можете делиться ни памятью, ни чувствами, вы рождаетесь и умираете одни, в абсолютной темноте. А теперь вас в ней ждет Темный — и ваше одиночество дает ему новые силы...

Пастырь посмотрел в глаза Ваньки и вздохнул:

— А еще он растет. Не знаю, что будет, если ему не помешать.

Аня бежала вверх по склону, не чувствуя боли в ранах.

Перед глазами все плыло и плясало, и девушка только чудом не наступила на оброненный кем-то взрывчатый кристалл. Извернулась, перепрыгнула, неловко подвернув ногу, но тут же продолжила бег — мимо трупов падальщиков, полуразрушенного убежища, пахнущего Ваней и кровью врагов...

На вершине холма Аня остановилась, зажав рот обожженной, соленой от крови ладонью — сдерживая крик при виде своего мужа.

Он лежал, безвольно упав лицом в пыль рядом с разряженной винтовкой, вытянув вперед изломанные, осиротевшие без пальцев руки. На их коже темнели серые, въевшиеся пятна — следы яда, расползшегося по всему телу, не оставляя и одного шанса выжить...

Но Миша все еще был жив. Аня всхлипнула, услышав слабое биение его сердца.

Она и не запомнила, как в два прыжка преодолела последние метры до лежащего Миши, как перевернула его на спину и прижалась, прижалась к холодной груди, сотрясаясь от сдерживаемых рыданий — и чужой боли, вгрызающейся в самое сердце...

Когда Пьющая Плоть начала впитывать отраву всем телом, чужая боль начала отступать, сменившись своей, почти невыносимой, скрутившей мышцы и затянувшей взор черным туманом. В висках заломило, а из горла вырвался невольный крик.

Но и тогда Аня не остановилась.

С когтей ее руки, опущенной на землю, медленно стекало черное и вязкое, прошедшее через всю девушку, оставившее ее мужа в покое, в покое...

Аня чувствовала, как шипят от боли ее обожженные внутренности, и как вся ее сущность призывает прекратить истязание — зачем, остановись, это слишком больно! Это невозможно вытерпеть!

Но придется. Аня не могла, не хотела потерять своего мужа. Того, с кем она могла быть самой собой, засыпая в полнолуние, с кем можно было делиться самыми сокровенными мыслями. Говорить о своем мире, о бескрайних пустынях и сияющих кристаллах — и о реках с красными берегами.

И даже о самом страшном — о затопленных норах, у одной из которых рыдала когда-то маленькая девочка, царапая детскими еще, мягкими коготками засыхающую глину. Пытаясь достать давно задохнувшихся родителей...

И о том, как черный туман навеки затмил сияющие луны, и как дрожала земля под ногами титанов, из-за которых река в тот день повернула свое русло...

Аня в последний раз зарычала сквозь зубы, вытягивая из мужа последнюю каплю яда и впитывая ее, сладко и гнилостно пахнущую, в дымящуюся землю.

Всхлипнув, девушка опустила голову на грудь Миши и наконец-то позволила себе по-настоящему расплакаться.

— Ты выдал мне силу, которой я не умею пользоваться, — голос мальчика звучал хрипло и отчаянно, — ты притащил меня сюда, а там, внизу, умирают мои друзья! Да с чего ты взял, что я смогу остановить это чудовище? Мелкий, я ребенок! — Ваня запустил в волосы грязные пальцы, беспомощно скривившись. — Да разве я смогу против него хоть что-нибудь сделать?

— А я — собака, — Мелкий сморщил морду, улыбаясь. — Овчарка, если не ошибаюсь. Собака-Пастырь. И я не делал ничего — не наделял тебя силой, не бросал Мишу в бой, не велел Ане бежать сюда. Я просто свел вас вместе. Остальное вы сделали сами.

...В день, когда Пастырь встретил Мишу, мелкий бог занимался делами, ставшими обычными с тех пор, как он и его подопечные оказались в этом странном городе.

Разогнать существ по норам и подвалам, успокоить и усыпить. Отвести их подальше от мест, где много людей — эти мягкотелые создания все время собирались в стаи и нападали на тех, кто приближался к их норам. Совсем как рогатые и быстрые.

Несмотря на это, Пастырь никак не мог понять людей.

Они казались ему странными — не откликались на зов, не могли установить мысленную связь.

Точнее, не хотели.

«И чего такого ценного в ваших мыслях? — хотел спросить у них Пастырь. — Разве они стоят такого одиночества? Вы ведь не знаете настоящей близости, вы — слепы и глухи друг к другу и ко всем остальным! Ваши стаи — притворство и расчет, а ваша любовь — любовь слепцов, покрытых шипами и ранящих друг друга!»

А может, это сам Пастырь что-то не понимает? И эти мягкие существа все же способны установить связь — если найдут того, с кем эта связь возможна? Нет, едва ли...

В тот день Пастырь с вялым интересом наблюдал за человеком, ушедшим из безопасного места и крадущимся по улице в поисках других выживших. Высокий человек, с лицом, измазанным чем-то черным, в кожаной куртке, забавно скрипящей при ходьбе — и как он этого не слышит?..

Вдруг легкий ветерок взъерошил светлые волосы Миши, донесся до Пастыря запах человека — и еще один, который никак не мог от него исходить.

Но как? Неужели?..

Пастырь, сидящий на крыше, распахнул крылья и бесшумно взмыл в небо, чтобы едва ощутимым туманом опуститься на улицу, по которой шел Миша, оглядываясь и готовясь метнуть кристалл в любую подозрительную тень.

Кристалл, принадлежащий миру Пастыря! Такие кристаллы взрывались, обжигая и отравляя любого, кто приблизится к ним! Значит, Кристальный Творец подружился с людьми? Вылез из своей норы — а может, даже вспомнил, что у него есть крылья?

...И, похоже, не только он живет с людьми. Туман еле заметно сгустился у шеи Миши и прохладно принюхался. Знакомая метка! И невидимая нить, уходящая в сторону людского гнезда.

Этот человек установил связь с рогатой и быстрой. Удивительно. А ведь такое казалось невозможным! И все же...

В тот день туман проследовал за Мишей до самого дома. Пастырь, незримый и беззвучный, увидел, как Аня встретила мужа счастливой улыбкой. Как они сидели в одном кресле, свернувшись в уютный двойной калачик, как Пьющая Плоть следила за мыслями читающего Миши, и как они одновременно смеялись над забавным моментом в книге.

Пастырь таился под креслом и ковром, шуршал вместе с переворачиваемыми страницами и вспоминал давнюю легенду о существе, держащем два мира на своих ладонях. Мелкий бог слышал, что это существо почти всеильно в местах, где эти миры пересекаются...

Но это же просто легенда! Но если нет, то Дитя сможет разъединить миры. Если только это действительно правда.

Осталось только найти подходящего ребенка.

На следующий день Миша увидел несколько падальщиков, гоняющих по улице мелкого щенка. Испугав монстров парой брошенных кристаллов, мужчина подобрал жалобно твякающего песика. И он не увидел, как падальщики растворились в воздухе, едва боец повернул за угол...

Так пес, окрещенный Мелким, оказался в странной семье из человека и Пьющей Плоти.

— А потом ты привел ко мне Мишу, чтобы он меня спас, — кивнул Ваня. — И тогда я получил силу?

— Нет, — Мелкий дернул ухом, обеспокоенно прислушиваясь к чему-то далекому. — Ты должен был признать их родителями. Это случилось, когда ты понял, кто такая Аня, и счел ее матерью, а не врагом. С того момента ты — дитя двух миров. Не родное, но любимое. Оба мира дают тебе силы — как родители дают их своему ребенку. И, если ты попросишь, то миры сделают ради тебя все. Никакой темный бог не сможет им помешать.

Мелкий подался вперед и прижался к Ваньке, позволив обвить мохнатую шею дрожащими от усталости руками.

Пес тихо вздохнул и сказал почему-то очень печально:

— Поэтому ты сможешь войти в ту комнату. Сможешь перерезать нить, связавшую этот город с моим миром. Если ты сделаешь все правильно, то все вернется на круги своя, а пленники темного бога обретут свободу.

— А если я ошибусь? — тихо спросил Ваня, сморщившись и уже не находя в себе слез, чтобы хоть как-то облегчить боль и усталость.

— Если ты ошибешься, оба наших мира уже никогда не будут прежними.

Глава 21. Без страха

Миша открыл глаза и понял, что боли не стало. Она исчезла, оставив после себя тоскливое онемение во всем теле. Только чуть саднило где-то в его глубине — обожженные внутренности сжимались, вспоминая недавнюю муку.

Но их уже лечили. Теплые ладони лежали на груди бойца, теплые глаза смотрели в его лицо, расцветая в нежной улыбке.

«Милая, — шепнул, нет, только подумал шепнуть Миша, — ты жива...»

Аня заметила, как дрогнули его окровавленные губы, покачала головой, уронив на лицо прядь грязных, спутанных волос:

— Не говори, ты еще слаб. Но яд из тебя я выудила, — девушка улыбнулась победно и устало, поправляя свою изорванную майку. — Осталось залечить внутренние раны, и ты будешь в полном порядке. Потом я побегу к Ваньке и помогу ему. Знаешь, не думала, что ты его отпустишь. Не в твоём это характере. Ты и меня-то с собой не взял... — хриловатый, замученный голос Ани продолжал говорить о чём-то, но муж её уже почти не слушал, только взглядом скользя по любимому лицу.

«Ты пришла за мной. Опять меня спасла. Победила Пожирателей, чтобы увидеть, как я почти ушел в тот туман. Милая, прости», — Миша беспомощно скривил губы, и Аня торопливо склонилась над ним, целуя нежно и торопливо, пытаясь ободрить.

Миша отвел взгляд, глядя в медленно светлеющее небо с синеватыми полосками облаков. Ему было горько. «Я почти не чувствую своего тела. Рук и ног как будто нет. Яд сделал меня инвалидом. Милая моя, прости. За что я так тебя мучаю...»

Аня с тревогой заметила потемневший взгляд Миши и хотела уже сказать... правду. Что она не будет притворяться, будто не чувствует безволия и пустоты в теле любимого. Что все равно готова терпеть и ждать. Готова быть с ним, и все это не важно — Миша ведь жив, и она жива! И она будет рядом, даже если больше никогда не почувствует на себе объятий любимого...

Аня встряхнула головой и строго посмотрела в лицо бойца, чтобы все сказать. Но Миша смотрел на нее с испугом.

На что-то позади нее.

Аня успела развернуться, и когтистый удар пришелся вскользь, вспоров бок вместо того, чтобы пронзить сердце.

Девушку отбросило в сторону, и черный туман свернулся в тонкий хлыст, едко свистнувший ей вслед, рассекая спину. И снова, по вскинутым рукам, по оскалившемуся лицу. Выбив тонкий крик и брызги крови.

И еще раз. И снова.

...На земле вокруг Ани раскрылся кровавый веер из брызг, а девушка затихла, свернувшись калачиком и мелко вздрагивая.

Темный бог улыбнулся, опустив тонкую руку и задумчиво любуясь каплями крови на серой земле.

Он был невысок и болезненно строен. И черен, как будто вся темнота мира таилась в этой скудной оболочке, под венцом из десяти изогнутых рогов.

Юный Пьющий Плоть повернул голову к беспомощному Мише, который безуспешно пытался сдвинуться с места, прожигая врага ненавидящим взглядом.

Тонкое и красивое лицо бога осветилось искренней улыбкой, как будто он встретил друга после долгой разлуки.

Только глаза его потемнели от ненависти, и Миша понял, что сейчас умрет.

Свет сочился из-под двери, освещая ноги Ваньки — босые и израненные. Он неловко переступил, и мелкие камушки заскрипели, как чьи-то больные зубы. Мальчик отдернул ладонь, не решившись коснуться облезлой дверной ручки.

Медленно вдохнул и выдохнул. Обернулся, растерянно глядя на Пастыря.

Пес сидел на бетонной плите, и ветер шевелил его шерсть, задувал в настороженные уши. Солнечный луч, пробившийся сквозь щель в стене, позолотил собачий загривок и неожиданно ярко отразился в карих глазах.

Поймав взгляд ребенка, Пастырь ободряюще кивнул:

— Не бойся. Там, за дверью, ты увидишь пуповину, связывающую наши миры и мир этого города. Тебе нужно ее разрезать. Возможно, там же ты найдешь мальчишку, которым наш враг воспользовался, чтобы эту пуповину создать. Но вряд ли он жив — и едва ли сохранил разум после всего этого. Но все равно будь осторожнее — там может быть охрана. С ней тебе придется разбираться самому.

— А ты, — устало и почти безнадежно спросил Ваня, — разве не пойдешь со мной?

— Нет. Наш враг сейчас внизу. Я спущусь и не дам ему вернуться и помешать тебе.

— Ты же слабее его. Ты точно сможешь победить? — несмотря на собственное положение и все то, что узнал за последние минуты, Ваня продолжал беспокоиться за своего пса — пусть это даже и мелкий бог.

Пастырь тяжело вздохнул:

— Враг питается силой, идущей из нашего еле живого мира. И люди, умершие и попавшие в его туман, тоже дают ему силу. В бою мне не победить, но задержать его я смогу. Это так странно, — помолчав, продолжил Пастырь, улыбнувшись, — столько всего зависит от ребенка и слабого бога, которому роль собаки подходит больше, чем героя. Но я готов им стать. Если мне придется умереть ради того, чтобы ты смог спасти наши миры, я это сделаю — и буду счастлив, что сделал в своей жизни хоть что-то не мелкое.

Пастырь прощально провел носом по руке Вани, по-собачьи встряхнулся и побежал мимо раненого Зверодактиля, который лежал у пролома, ведущего на нижние этажи. Крылатый монстр без любопытства проводил бога взглядом черных глаз.

Обернувшийся Ваня увидел, как пес, похожий на овчарку, растворяется в лучах рассвета.

— Здравствуй, боец, — медленно, словно смакуя каждое слово, произнес темный бог. — Наконец-то ты в моей власти. У тебя и не было шансов победить меня. Хотя ты старался. Было весело! — Враг неожиданно оказался совсем рядом, босой и когтистой ногой пихнул Мишу в бок, усмехаясь. — Тебе почти удалось добраться до меня. Даже моих Пожирателей смог прикончить. А ведь я много надежд возлагал на заразу в их телах...

Миша зашипел сквозь зубы, изо всех сил пытаясь пошевелить хотя бы пальцем. Нет, только не так! Нельзя умирать вот так, беспомощным, оставляя Аню и приемного сына в когтях этой твари! Надо... что-то... делать.

— А может, — лицо бога подернулось темной дымкой раздумий, — новым носителем станешь ты? И сам принесешь заразу в свой дом, к друзьям, а затем будешь смотреть, как они страдают и умирают, до последнего вдоха проклиная тебя, мерзкого предателя. Это будет хорошим наказанием, не правда ли? — враг усмехнулся, обнажив черные и блестящие клыки. — Для жалкого насекомого, посмевшегося пойти против бога!

Миша стиснул зубы и почувствовал, что его рука слабо дернулась, словно отвечая на желание ударить прямо в это смеющееся лицо. Но рука вновь безвольно упала в пыль, и

солнце издевательским нимбом обвело рога Темного бога. Глаза сами собой зажмурились, ослепленные...

А земля вдруг ушла из-под безвольного тела. Миша испуганно раскрыл глаза, но увидел только свет вокруг. Яркий — и теплый, как нагретая солнцем шерсть.

И чей-то мокрый, холодный нос на секунду — и так знакомо! — коснулся руки...

Откуда-то издалека Миша услышал протестующий крик темного бога. Но боец уже терял сознание, уплывая за горящую полосу рассвета, туда, где не было ни боли, ни тумана.

Дверь открылась с тихим скрипом, и Ваня, не давая себе снова испугаться, шагнул за порог, сжав в руке свой талисман — двухцветный кристалл, подаренный Гришей.

Яркий свет ударил в глаза, и мальчик несколько секунд стоял, беспомощно моргая и слепо выставив кристалл вперед.

Но никто не напал, и зрение вернулось, поплыв перед глазами багрово-черными пятнами. Ваня свободной рукой протер лицо от выступивших слез, оглядываясь растерянно. Как странно...

...Квартира была чиста и светла, блестела паркетом и гладкими боками шкафов. Стены были белыми, чистыми и ровными — словно снаружи, буквально в паре шагов, за дверью, вовсе не было перекошенного здания, рассыпающегося в огромных руках. Словно там — знакомый мир без всяких монстров, и ток течет по проводам, чтобы вот так ярко горели лампы...

Жители квартиры прежде были богаты. Каждая вещь молчала серьезно и гордо, зная свою цену — от массивных шкафов до пейзажей на стенах. Рядом с ними странно смотрелись детские рисунки в тонких рамочках, с названием и датой, любовно подписанными взрослой рукой.

Ваня, сжав кристалл в грязных пальцах, настороженно двинулся по коридору. Ноги оставляли на паркете кроваво-пыльные следы, в большом зеркале мелькнуло отражение — Ваня вздрогнул, не признав себя, израненного и бледного.

Комнаты. Всего четыре комнаты. Ближайшая дверь — что за ней? Ваня уже собирался повернуть ручку, но замер, в последний момент услышав тихое царапание. Как будто кто-то, лежа на полу, лениво поддевал когтем нижний угол двери.

Внутренне похолодев, мальчик шагнул назад. «Там не человек...»

Новый звук заставил Ваню резко обернуться. В дальней комнате кто-то был! Помедлив, мальчик крадучись двинулся вперед...

Солнце поднималось, длинными тенями обводя поле битвы.

Удар. Еще удар.

Пес жалобно взвизгнул и покатился по земле, меняя обличье, чтобы залечить полученную рану. Появившийся на его месте Пьющий Плоть извернулся, как кошка, ускользая от нового удара хлыстом.

Его противник сплюнул черной слюной:

— Как же ты мне надоел! Если бы я раньше знал, что за всем этим стоишь ты... — глаза Темного бога мрачно сверкнули, и он выудил из потемневшего воздуха второй хлыст. — Сколько времени потрачено из-за такого ничтожества!

Пастырь не успел ответить, отступая под новыми ударами и отражая черный хлыст наскоро сотканым из света посохом. Сухая земля ехала под ногами, во рту был привкус крови — бог уже не успевал исцелять раны.

Между двумя взмахами хлыста Пастырь успел метнуть во врага сгусток света. Темный бог отмахнулся от атаки, рыча от злости.

Только неожиданность позволила мелкому богу забрать у противника из-под носа его беспомощную добычу — Мишу, и успеть отнести его к подножью холма. Теперь слабые атаки Пастыря уже не срабатывали, а враг собирался выплеснуть на него всю свою злобу.

Темный бог был в ярости. Какой-то слабый, никчемный и мелкий божок — и доставил столько неприятностей! А ведь бог о нем уже и не вспоминал — где там бегают эта мелочь, отброшенная крылом в самом начале игры? Еще и выжила, и попыталась все разрушить. «Не позволю!»

Обожженный новым ударом хлыста, Пастырь превратился в алую пустынную дымку и попытался улететь с порывом ветра, уводя противника подальше от Миши и его жены. Аня уже очнулась и подползла к мужу, теребила его, беспамятного, с испугом глядя на схватку двух богов.

Нет, на избиение мелкого бога.

Враг, увидев, что Пастырь пытается сбежать, взмыл в воздух и спикировал на дымку, полосуя ее когтями и не находя себе облика от злости — пасти, когти, шипы скалились в лицо мелкому богу, уже почти не сопротивляющемуся — бесполезно же!

Из последних сил Пастырь принял обличье Пьющего Плоть — не хотел умирать безликим. И лежал, раскрыв глаза и только вздрагивая, когда когти темного чудовища еще глубже проникали в его тело.

Прозрачная, как слеза, кровь мелкого бога уходила в землю, а с губ дыханием срывалась молитва, столько раз слышанная от Вани перед сном.

«Не убоюсь зла».

— Ты пришел, — сказал мальчик. — Ты выжил. Так странно...

— Здравствуй, — шепнул Ваня, прислонившись к косяку двери и понимая, что по его грязным щекам уже давно текут слезы. Что-то перегорело в нем за этот день. Что-то очень важное.

И вид светлой, аккуратной детской комнаты после этого казался неестественным и странным. Игрушки на полках, с застывшими улыбками на счастливых лицах и мордочках. Рисунки на стенах... Как может все быть таким радостным, когда снаружи творится такое — и люди, и друзья умирают!

Наверное, для мальчика все это было так же странно. Для лежащего в кровати синеглазого мальчика.

Он был абсолютно седой. И очень бледный — настолько, что почти сливался с белой подушкой и одеялом, под которым его тела было почти не видно. Только руки бессильно лежали поверх одеяла да седая голова медленно, рывками поворачивалась, чтобы лучше разглядеть Ваню.

Рядом с мальчиком на кровати лежал потрепанный плюшевый динозавр. На стене над нею пульсировало окно, черное и блестящее, как деготь. Заросшее чем-то живым, тянущим тонкие нити из темного проема — и мальчик старался держаться от этих нитей подальше.

«Пуповина, о которой говорил Мелкий», — понял Ваня. — «Вот он, источник силы Темного бога...»

Черное окно было живым. Оно дышало, вбирая в себя воздух и отдавая нечто иное, сочащееся в открытую дверь мимо Вани.

— А, это, — синеглазый мальчик проследил за взглядом своего гостя и устало улыбнулся. — Тут был мой рисунок. Я нарисовал чужой мир, а рисунок стал оживать по ночам. Я сорвал, а под ним было вот это. Отсюда и вылез тот демон... — Мальчик повел

худыми плечами под одеялом. Голос его звучал хрипло и тихо. И слишком спокойно для ребенка, пережившего столько горя.

«В нем все тоже давно перегорело», — подумал Ваня и вздрогнул, когда из соседней комнаты донесся странный чавкающий звук. И знакомое царапанье.

Седой мальчик поморщился, как от боли, бледными пальцами сжимая одеяло:

— Не бойся, они не выйдут. Если не выпустить — не выйдут.

— А кто там? — спросил Ваня.

— Мои родители.

Глубоко под землей титан уже не спал.

Многие месяцы он был неподвижен, бережно сжав огромные ладони вокруг многоэтажного здания. Мысли его молчали, замерев, чтобы не потревожить и не свести с ума рабов Друга Из Тумана. Того, кто вывел титанов из давно умершего мира, кто позволил вновь резвиться: разрушать, убивать, воевать...

Но теперь все изменилось. Не было больше других исполинов, не с кем стало биться. А туманный Друг заставил последнего из них уйти под землю, замереть и затихнуть, надолго. И только недавно заставил пошевелить огромной ладонью — издевка, жалкая подачка для того, кто вынужден столько времени сохранять неподвижность.

А ведь он не раб. И давно хотел разрушить весь город — почему нельзя, зачем столько терпеть, зачем оставаться в таком маленьком мире, зачем...

Теперь титан начал злиться на туманного Друга, и мысли его оглушили небо.

Глава 22. Разорванная нить

В светлой комнате, заставленной игрушками, истекало силой окно в другой мир. Оно вытягивало черные нити в сторону мальчишек, сидящих на кровати. Одного — грязного, окровавленного и усталого. Второго — бледного и седого.

— Скажи, ты сможешь это сделать? — спросил седой синеглазый мальчик. — Ты остановишь этот... ужас?

— Я попробую, — сказал Ваня, сжав холодную ладонь мальчишки над белым одеялом. — Я должен это сделать.

— Да, — шепнул ребенок, прикрыв глаза. — Ты должен. Тебе ведь нужно убить меня, да? — Синие глаза раскрылись и смотрели смиренно. — Так сказал тот демон. Сказал, что если кто-то придет сюда, нужно выпустить родителей из той комнаты, и тогда никто не успеет мне ничего сделать. Но я не стал... Я хочу умереть.

Ваня сглотнул, остро почувствовав пыль и кровь у себя во рту. Вдохнул и мягко сжал ладонь мальчика, пытаясь представить себя Мишей — взрослым, все понимающим. Знающим, какие слова нужно сказать, чтобы утешить ребенка.

— Никто тебя не убьет, малыш. Тебе просто нужно забыть об этом мире. Тогда и ты, и этот город будете свободны.

— Но как?! — В голосе мальчика впервые появилось хоть какие-то чувства. Боль, отчаяние, безнадежность. — Как такое можно забыть?

— Я помогу тебе, — сказал Ваня и вдруг понял, что действительно поможет. И даже знает, как. — Закрой глаза!

Губы мальчишки дрогнули, но он послушно — и очень медленно — откинулся на подушку. Ресницы, золотистые на кончиках, опустились на бледные щеки, и веки чуть подрагивали вслед движениям глаз.

Ваня слышал мысли ребенка — о том, что сейчас в его тело должен войти нож. И что теперь он точно все забудет — ведь мертвые ничего не помнят, если не попадают в черный туман. А ведь он не должен попасть туда, Господи, пожалуйста! И пусть это не будет слишком больно...

Ваня высвободил одну руку из сжавшихся пальцев мальчика, и тот вздрогнул, убедившись, что прав в своих мыслях. Но грязная ладонь легла ему на лоб, а Ваня шепнул:

— Не бойся, — и сам закрыл глаза.

«Я — Дитя двух миров, так ведь, Пастырь... Мелкий? И оба мира дают мне силы. Твой мир подарил мне способность читать чужие мысли и касаться их. А мой... мой дал мне все остальное».

«Я справлюсь!»

Темный бог замер, его когтистая лапа застыла в воздухе, не успев вновь вонзиться в тело Пастыря. Черные глаза многоликого монстра раскрылись:

— Как... он добрался?

Вдруг что-то, что происходило в совсем другом месте, скрутило темного бога. Он забился, крича и запуская когти в собственную кожу. Чувствуя, как что-то невидимое кромсает его силу. Лишает власти!

Монстр упал на землю, воя от бессилия и боли. Каждый новый облик причинял только большие страдания, и на землю черными хлопьями падала его выгоревшая суть.

Пастырь, лежащий в смеси пыли и крови, слабо, но торжествующе улыбнулся.

«Создатель этого мира больше не помнит и не боится тебя. Ты снова слаб и смертен, мой бедный брат...»

Мелкий бог из последних сил перетек в новый облик. Окровавленный пес, хромая, побрел куда-то прочь.

Его никто не преследовал.

...Черный сгусток в чужом разуме — горе. И видятся в нем лица родных, которых ты больше не увидишь — они теперь чудовища, монстры, не пройти мимо них, не позвать на помощь. И шагает кто-то по городу, ровняя здания с землей, заглядывает к тебе в комнату — огромный глаз — окно в безумный разум, слезится раскаленной лавой...

А потом дни и ночи в квартире — но она уже не твоя, в ней страшное за каждой дверью. Не выйти, не выбраться — в коридоре чудовище глядит из зеркала. А в комнате — демон, черный и жуткий, садится на кровать, смотрит и шепчет. Лицо у него детское, крылья — черные, а рассказы так ужасны...

Про то, что во всем этом кошмаре, горе, во всех смертях виноват — только ты.

...Ваня открыл глаза. Кровать была пуста. Только осталась вмятина на белой подушке — там, где лежала седая голова маленького мальчика, познавшего ужас.

Ваня коснулся ткани, еще хранящей тепло ребенка, и вздохнул. Потом поднял глаза на окно в другой мир — темную, маслянисто блестящую пленку на стене, где когда-то висел детский рисунок. Пуповина, связывающая мир проклятого города с миром Пастыря.

— Как мне тебя уничтожить? — спросил Ваня. — Как разорвать эту нить?

Ответа не было. Чужой мир за окном дышал болезнью, а где-то глубоко под землей злился кто-то раскаленный и страшный.

Ваня думал. Его дар пульсировал и рвался наружу.

Темный бог страдал, впервые в жизни. Кашляя от приступов боли, спотыкаясь и падая, он побрел к зданию, проклиная нахлынувшую слабость. Все эти сотни лет — и годы в этом мире! — он был всемогущим. Он мог творить то, что хотел.

Теперь все исчезло.

Больше не было черного тумана, что придавал божеству силы. Темный бог чувствовал себя слепым и голым, и новая ярость поселилась в его теле — ярость бессилия.

Какая-то жалкая мелочь, ребенок!..

...За городом медленно рассеивался черный туман, и те, кто в нем бродил, бесконечно горюя и питая темного бога... исчезали. Они светились и растворялись в воздухе с тихими возгласами, освободившись. И наконец-то вернувшись домой!

Зарывав, темный бог побежал к зданию, загребая землю неестественно вытянувшимися лапами, отбрасывая куски своей сущности — и вовсе потеряв привычный облик. Длинными прыжками монстр мчался вперед, его горбатая тень искажалась и тянулась в рассветных лучах.

Вот уже здание. Там будет мальчишка. Убить его, порвать на куски, выпить душу! И не позволить сделать что-то еще, что-то непоправимое!

Вдруг — выстрелы! Монстр покатился по склону холма, визжа от боли. Изогнув длинную шею, темный бог оскалился и зашипел, увидев нового противника. «Ты! Насекомое!»

Аня держала пистолет-пулемет мужа в окровавленных руках. Ее глаза смотрели страшно — и были черными от ярости. Девушка вновь прицелилась, но враг уже выпустил дырявые крылья, увернулся от выстрелов в воздухе. И дымкой просочился между огромными пальцами — в здание.

Аня выругалась и побежала за ним. Очнувшийся Миша приподнялся на локтях и проводил обеспокоенным взглядом жену, исчезнувшую в здании, в тени огромных рук древнего титана.

Ваня сидел на кровати, запустив пальцы в грязные волосы. В голове перекатывались мысли, взрослые и злые. Наверное, теперь они будут такими всегда, всю оставшуюся жизнь...

Из коридора донесся тихий звук, и Ваня вскинул голову, крепче сжав вздрогнувший кристалл в похолодевшей ладони.

Окровавленный пес, похожий на овчарку, слабо вильнул хвостом и выразительно поджал лапу — смотри, как мне досталось! Но я выжил. Ты рад?

— Не притворяйся, я знаю, что ты не Мелкий, — сказал Ваня, и вздрогнул, когда кристалл-ракушка с шелестом развернулся, расправив спирали. Тонкое кристалльное лезвие удобно легло в руку, и Ваня почувствовал себя неожиданно защищенным. «Гриша, твой подарок оберегает меня!» — Не думай, что я подпущу тебя ближе, тварь.

— Чертов мальчишка, — сказал темный бог, выпрямляясь и морщась от боли. — Сколько от тебя проблем...

— Мне это нравится! — Холодная улыбка тронула губы ребенка. — И это только начало. Скажи, почему ты заставил ту огромную тварь под нами держать этот дом?

— Нужно же было к чему-то его приспособить! — Темный бог беспечно повел израненными плечами. — К тому же он так страдает, когда лежит неподвижно. Мне это нравится.

— Да. — Ваня опустил голову, поворачивая кристалл и любясь его гранями. — Но дело ведь не только в этом. Нет, не подходи! — мальчик вновь поднял оружие, краем глаза заметив вкрадчивый шаг. — ...Я понял, что ты не хотел, чтобы с этим домом что-то случилось. Ведь в нем — окно в твой мир, и на нем держится весь этот чертов город!

— Умный мальчик! — Темный бог улыбнулся еще шире. — И ты верно уже понял, что не сможешь разрушить дом. Как ты собираешься разжать эти пальцы? Пощекотать их кристаллом? Облаять своим ручным богом? — последнюю фразу он почти прорычал, изменившись в голосе.

Улыбка исчезла с черного лица, которое вытянулось вперед, обнажив острые зубы. Темный бог начал расти, и его длинные рога коснулись потолка. Напитываясь силой, текущей из окна в другой мир, из потрепанной оболочки вновь родился монстр.

— Не знаешь, что делать, да? — Чудовище сделало шаг вперед, уже не боясь жалкого кристалла в руках ребенка. — А вот я знаю. Я заставлю тебя вновь дотянуться до того мальчишки и притащить его сюда. А потом я вырву твое сердце и скормлю ему по кусочкам. Знаешь, ведь люди умеют очень красиво умирать! — Бог мечтательно обмахнул безгубую пасть красным языком, оскалился, приблизив морду к лицу оцепеневшего мальчика. — За этим так интересно наблюдать. А в моем тумане тебя целую вечность будут рвать на куски твои друзья! Или даже мама с папой... Как тебе такое?

Ваня молчал, прикрыв глаза и чуть отвернувшись от зловонного дыхания монстра. Бог рыкнул и схватил ребенка за плечи, заставляя посмотреть себе в глаза:

— И тебе никто не поможет! Ты мой, и ты заплатишь за то, что со мной сделал!

— Почему же, — медленно сказал Ваня. — Мне поможет мой новый друг.

— Какой еще друг? — прошипел бог, и мальчик очень спокойно посмотрел в его черные, горящие ненавистью глаза:

— Большой друг.

В глазах чудовища недоверие сменилось осознанием. А затем — ужасом. Темный бог отпрянул от мальчишки, слыша, чувствуя, как вздрагивают стены, как гудит, сминаясь пол...

— Знаешь, — сказал Ваня, — люди умеют очень красиво умирать.
На несколько долгих секунд мир превратился в грохот. А затем исчез.

Осколки брызнули из сомкнувшихся ладоней исполина. Пыль облаком поднялась в воздух — и замерла в нем, желтея в рассветных лучах. Камни и песок шумно сочились сквозь огромные пальцы, земля стонала в глубине.

Только тогда Миша смог закричать.

И, словно отвечая ему, земля содрогнулась и закричала тоже, разрываясь на куски. Она вскрылась сотнями трещин, и из нее поднялся титан. В потоках земли бесследно исчез барахтающийся Миша.

Исчезло все.

Страхнув с себя остатки пустыни, титан шагнул в город. Надоедливый мысленный голос наконец-то стих. Больше никто не посмеет ему указывать!

Дома лопались под его ногами, а с покатых плеч срывались капли лавы. Огромный, налитый яростью глаз жадно смотрел на город, который теперь можно было сровнять с землей.

И, пока он будет громить здания и давить тех, кто в них прячется...

Пока шаги его будут сотрясать и вспучивать землю, а небо устанет отзываться громом на злые мысли...

...Проклятый город наконец-то проснется.

Эпилог. Нечто забытое

Город сонно ворочался, разбуженный первыми птицами. Моргал загорающимися окнами, фыркал первыми заводящимися моторами, будил людей шорохом шин по асфальту...

«Доброе утро».

Город не помнил сна этой ночи. Только водил невидимыми пальцами по новым трещинам в стенах, печалась своим морщинам, вздыхал вслед машинам скорой помощи — сколько людей умерло во сне!

И телевизоры забормотали с рассветом о неведомых терактах, выбросах, дырах на солнце. Они не знали правды, искали ее — не видя, да и зачем...

А город горестно и смутно вспоминал черный туман своего сна — и тех, кто так не смог из него выйти.

И тех, кто оставил в проклятом месте нечто большее.

В кустах оглушительно пели птицы. Где-то плакал ребенок и звучала музыка, мимо с шуршанием проезжали машины.

На скамейке сидел худой мальчик в выцветших джинсах и желтой майке, с книгой в руках. В ногах у него сидел небольшой пес, похожий на овчарку.

У пса были очень умные глаза.

— Значит, ты последовал в наш мир за Мишей? — спросил мальчик. — Я думал, ты вернешься к себе.

Мелкий повернулся и положил голову Ване на коленку, подмигнул:

— Ваш мир мне нравится больше. В моем снова есть хорошие боги, они позаботятся обо всем. А здесь... здесь многим нужно указать дорогу к источнику. Тому же Мише.

Мальчик вздохнул, глядя на другую сторону улицы, на здание спортивного клуба. Пару часов назад туда вошел светловолосый мужчина с рассеянным взглядом — как будто он потерял что-то важное, но не может вспомнить, что именно.

— Он правда ничего не помнит? — Ваня устало потер переносицу. — Так жаль...

— Я буду рядом и помогу ему вспомнить, — решительно сказал пес, встряхнувшись. — И я помогу ему найти Аню.

— Мелкий... — тихо сказал мальчик, — а почему я все помню?

— Ты слишком много вынес из проклятого города. Ты не можешь этого забыть. Как и Гриша с Фёдором Степанычем!

Ваня невольно улыбнулся:

— Хотел бы я их сейчас увидеть. Говоришь, они позаботятся об Ане? Настоящие ангелы-хранители, — взгляд мальчика стал мечтательным. — Даже с крыльями.

— К тем, — продолжил Мелкий, — кто побывал в том кошмаре, проклятый город будет приходить во снах. Они будут бродить по заброшенным улицам, встречать призраков и собственных двойников. Их память будет подпитывать это место — и потому проклятый город будет существовать очень долго. Но больше в нем не будет пленников.

— Кроме темного бога, — сказал Ваня, и Мелкий согласно наклонил голову:

— Кроме него.

Они помолчали, слушая ликующих птиц. Мимо прошел мальчик с пронзительно синими глазами. Увидев Ваньку, ребенок остановился и сморщил лоб, пытаясь вспомнить, где мог его раньше видеть. Но мотнул головой и побежал догонять родителей.

Уши Мелкого резко поднялись, глаза блеснули — из спортивного клуба вышел Миша. Пес завилял хвостом от избытка чувств, посмотрел на Ваню:

— Мне пора, дружище! Пора мне снова стать его собакой.

— Мелкий, стой! — голос Вани звучал так, будто он готов расплакаться. — Как мне теперь со всем этим жить? Родители замечают, что со мной что-то не так! И учителя в школе! Я хочу забыть все, как Миша, но не получается! Я хочу, чтобы того кошмара не было в моей жизни, но ведь он был...

Мальчик опустил голову, и Пастырь осторожно коснулся его руки мокрым носом:

— Сейчас ты думаешь о том, какую цену заплатил за то, что вынес из того города. Тебе больно и страшно, но это пройдет. Ты поймешь, что получил больше, чем потерял. Малыш, просто поверь мне — это так!

Ваня шмыгнул носом и улыбнулся:

— Хорошо, если это правда. Ну, беги! Миша уже далеко ушел.

— От моего носа он не скроется, — сказал Мелкий, а потом запрыгнул на скамейку и прижался к Ване, тепло лизнув его в щеку. — Если тебе будет одиноко, знай — я всегда буду рядом. И укажу тебе верную дорогу.

Ваня порывисто обнял пса, уткнувшись носом в шерсть на загривке. А потом смотрел, как мелкий бог бежит по улице, догоняя своего хозяина. Он увидел, как Пастырь чинно дождался зеленого сигнала светофора и перебежал дорогу, а потом скрылся за углом — там, где ждала важная часть его судьбы.

Миша шел, задумчиво позвякивая мелочью в карманах. Весь этот день был каким-то зыбким. Так бывает после слишком реального сна, когда ты просыпаешься и не можешь понять, мир по какую сторону зеркала тебя встречает.

И почему темные переулки стали вызывать такой интерес? Хотелось прокрасться туда, держа подозрительную тень на прицеле, хотелось спугнуть кого-то и преследовать, гнаться...

«Вот только ты спугнешь там только пару кошек».

А еще... дом казался чужим. Кого-то в нем не хватало — на подоконнике, сидящего с книгой в руках, или на диване, вытянувшего лапы...

«Какая чушь!» — Миша мотнул головой и жутковато рассмеялся, испугав проходящую мимо девушку.

Как там он сказал Егору, когда тот спросил о его самочувствии? «Я как будто буквально вчера потерял в автокатастрофе жену, ребенка и собаку. И плевать, что у меня ничего из этого и не было!»

Тогда Егор посмотрел на Мишу странно пронизательно. И сказал: «Иди домой». Да, в пустой и странный дом, в котором до боли не хватает кого-то еще...

Миша решил, что этим вечером напьется.

Вдруг из очередного переулка вылетела собака. Она посмотрела на Мишу сияющими глазами и бросилась к нему, как будто встретив старого знакомого.

— Эй, мелкий, ты чего? — рассмеялся Миша, пряча лицо от языка прыгающего вокруг пса. Тот уже стоял на задних лапах, передние радостно стучали в грудь мужчины, оставляя грязные следы собачьих пяток. Хвост вилял так, что пес чуть не падал. — Откуда столько радости?

Миша опустил на корточки и позволил псу себя облизать. Мужчина гладил мохнатые бока, тербил висячие уши и... улыбался до ушей.

— А ты славный! Ты чей-то? — Миша огляделся и не увидел никого, кто интересовался бы собакой. Только мальчик в желтой майке на той стороне улицы чуть усмехнулся, глядя на странную парочку, и двинулся дальше. — Похоже, что ничей. Тут неподалеку есть хорошая мясная лавка. Ты ведь хочешь мяса? Я угощаю!

Собака гавкнула от избытка эмоций и снова начала прыгать, оставляя следы грязных лап на коленях смеющегося мужчины.

...Вскоре Миша двинулся обратно по улице, а пес шел рядом, как будто его этому кто-то учил. Ни у кого из прохожих не возникло бы сомнений — да, это идут пес и его законный хозяин.

— Так, мы пришли! Мелкий, выбирай! Какого мяса ты хочешь?
«Вырезки», — подумал Мелкий, благодарно вильнув хвостом.

А где-то, в совсем другом мире...

Река с красными берегами текла, сливаясь с закатным небом на горизонте. Следы огромных ног медленно заполнялись водой — и больше некому было их оставить. Больше некому было разрушать то, что росло веками.

И небо было чистым — ничьи туманные крылья больше не заслоняли его. Многие луны выглядывали из низких облаков, взывая ко всем живущим в береговых норах, приглашая станцевать в лунном свете, на время забыв о вечной охоте...

Рогатые и быстрые вылезали из нор и поднимали к небу тонкие руки, смеясь, как им уже давно не смеялось — только плакалось. Но теперь... в мире больше не было зла.

Только гармония — и боги, ее стражи, вновь заняли свои места на кристалльных тронах высоко в горах.

Рогатые и быстрые танцевали вокруг нор, поймав плескучий ритм речных волн, бьющихся о берег.

Одна из девушек танцевала особенно самозабвенно, словно пытаясь танцем сказать нечто очень важное — но забытое даже ею. Две очень странные крылатые фигуры наблюдали за ней с холма.

А в небе кружили два Зверодактиля, и старший из них радовался первой песне, рождающейся в разуме его детеныша.

Темнело, и город неторопливо зажег фонари. Сегодня люди не спешили засыпать — словно боялись возвращения тьмы. И свет горел в каждом окне, и отовсюду звучала музыка.

Накрапывал мелкий дождь, украшая желтую майку оранжевой крапинкой.

Ваня бросил пару монет уличному флейтисту, у которого было странно знакомое лицо. Кажется, в проклятом городе он был бойцом Сопrotивления...

Ваня брел по улице и размышлял. Между его бровями залегла первая, маленькая еще морщинка — знак безвозвратно ушедшего, но пока не забытого детства.

Навстречу шли какие-то шумные парни, ищущие денег и развлечений — лучше за чужой счет. Мальчик отвел от себя их мысли, пройдя мимо незамеченным. Он сам не понял, как это сделал.

На улице давно стемнело, а мальчик все шел вперед. В каждом лице он видел призраки проклятого города. «Вот ты, кем ты там был? Бойцом? Может, тебя убили монстры в первый же день? Или ты был каннибалом, поклоняющимся тени чудовищного зла?»

Ваня думал о том, что проклятый город никуда не делся. Думал о монстре, что заперт там и ищет путь на свободу. О том, как всего один ребенок может переломить ход войны. И о мелком боге, оказавшимся сильнее и больше, чем думал сам.

И еще Ваня думал о своей приемной матери. Найдет ли Миша свою жену, вспомнит ли о том, кем был раньше — и всегда? Встретятся ли они снова?

В кармане завибрировал мобильный. Родители звали сына домой. У Вани перехватило дыхание от мысли, что родители — живые родители! — ждут его дома и волнуются.

Понимание этого нахлынуло с такой силой, что брызнули слезы. Ваня запрокинул голову и посмотрел на небо, не мешая влаге стекать по щекам. Он был счастлив. Безумно счастлив!

И город — больше не проклятый — под шепот дождя сочинял совсем другие истории.

Часть 2. Темный город. Другие истории

Спрашивая дорогу у незнакомца, будьте очень осторожны. Кто знает, куда он может вас привести, и что за монстры прячутся в темных переулках, поджидая беспечных прохожих? И если все же случилась беда... откуда ждать помощи? Найдется ли хоть один человек в вашем городе, которому под силу справиться с ожившим ночным кошмаром?

Пролог

Добро пожаловать в наш город, и с новосельем! Я вижу, вы приехали со своей семьей? Это хорошо. Уверен, вам здесь очень понравится — здесь есть несколько хороших школ для ваших дочек, красивые парки и пара кинотеатров. Модные магазины завлекают витринами, стильные девушки ходят по улицам, приветливо улыбаясь встречным...

Жить здесь — одно удовольствие!

Дальше по улице вы можете увидеть здание библиотеки, из него как раз выходит полная девушка в очках, уткнувшись в новую книжку. Напротив — кинотеатр, сюда ходит наша молодежь, а всего через квартал можно найти ночной клуб. Но туда лучше не забредать, не очень хорошие ребята там тусуются.

Вот один из них как раз курит у самого входа. Станный он какой-то, дерганный. Но и улыбается, подмигивает местным девушкам, думает, с какой из них познакомиться поближе. Мы еще вернемся к нему, но пока пройдем дальше.

Вот наша старшая школа. В следующем году ваша дочка в нее будет поступать, верно? Хорошо. Смотрите, какие интеллигентные студенты из нее выходят! Сразу видно, что каждого в будущем ждет хорошее рабочее место, крепкая семья, приличный дом...

Присмотритесь вот к этому молодому пареньку. Видите его серьезный, пронизательный взгляд? Странную дымку в нем? Он кое-что знает о нашем городе, только тс-с-с! Никто больше об этом не подозревает. Вот почему паренек обходит улицы легким, пружинящим шагом, заглядывая во все переулки, вот почему у него так мало друзей, а родители до сих пор не могут понять, куда он исчезает порой по ночам.

Но тс-с-с. Я вам этого не говорил. Возможно, стоило бы сказать чтобы вас уберечь. Но нельзя...

Не оборачивайтесь, когда идете по темной улице. Бойтесь иссохших газонов и странных незнакомцев. Никогда, никогда не следуйте за ними, куда бы вас не вели!

Этот город прекрасен, но у него есть изнанка. Темная тайна, отражающаяся в ночных витринах и шепчущая сквозь белый шум в приемниках. Это наш секрет, говорить о нем не стоит. Мы стараемся вовсе забыть о нем, живем, как жили прежде, лишь кричим во снах и горстями пьем успокоительные в особенно страшные ночи.

Тс-с-с. Прислушайтесь, это шаги. Помните парня, выходящего из клуба, со странным взглядом и широкой ухмылкой?

Он выходит из машины, насвистывая что-то себе под нос, открывает заднюю дверцу и наклоняется над чем-то. Над кем-то. В бледной руке что блеснуло — нож?

Да.

Он вытаскивает из машины девушку. Она одета в вызывающе короткую юбку и откровенный топ, лямки которого сползли, но девушка не обращает на это внимания. Она не может толком стоять, ее шатает от выпитого алкоголя и чего-то еще, что ей вколол этот странный парень.

Девушка еще не знает, что ее ждет. Странный парень тащит ее в темноту, в переулок, подталкивая в спину ножом и оставляя царапины на обнаженной коже. И там что-то происходит, что-то страшное, что-то...

Всмотритесь в глаза этой девушки. Они больше не моргают, только слезы размывают густую тушь на ресницах и медленно расширяются зрачки. В них можно увидеть, как нечто приближается, подползает все ближе, протягивает когтистую лапу...

Всмотритесь в это существо, запомните его тело и пальцы, покрытые засохшей кровью. Запомните черные глаза, которых больше, гораздо больше, чем у любого человека...

Вы видите, оно тоже посмотрело на вас!

Но тс-с-с.

Оно тоже вас запомнило

Глава 1. Верный слуга

Лёха чертыхнулся и звонко положил трубку телефонного аппарата, не дослушав гудки. Чтоб вас всех! Сегодня никого не интересует его товар. А ведь самое время кого-нибудь найти, если он не хочет новых проблем...

Хлопнув дверью будки, Алексей, но для всех, и для себя тоже — Лёха, двинулся по знакомому маршруту, чуть замедлил шаг у припаркованной машины, но решил идти пешком. Кто знает, может, по дороге кто-нибудь встретится? В конце концов, впереди еще целый день.

Спрятав руки в карманы ветровки и сгорбившись, Лёха двинулся вдоль по улице, лениво и сумрачно разглядывая торопливых прохожих, одетых в костюмы — офисный люд, бесполезные, бездушные функции. словно проститутки, коими они, собственно, и являются — та же униформа, те же мертвые глаза и фальшивые улыбки.

Может, сегодня выбрать кого-то из них? Нет, слишком опасно, их быстро хватятся.

Лёха еще ниже наклонил голову, минуя офисы, провожаемый редкими безразличными взглядами — тощий парень с надвинутым на голову капюшоном, развязанные шнурки, вялая неторопливая походка. Сама безработица.

Вскоре он вышел из центра города, сразу вздохнул свободнее и даже ненадолго скинул капюшон, открыв бледное лицо с очень резкими, неправильными чертами.

Людей вокруг стало меньше. Через полчаса улица и вовсе опустела, все разошлось по рабочим местам и занялось делами, не думая о том, что самые страшные преступления творятся при свете буднего дня, когда мало кто может услышать с улицы крик о помощи.

Лёха замер у автобусной остановки, вновь натянул капюшон серой ветровки и как будто задремал. Он сутулился от по-осеннему пронизывающего ветра, но не уходил, чего-то ожидая, а черные глаза в тени капюшона часто моргали, бегая из стороны в сторону и оглядывая пустую улицу.

Так голодный паук перебирает лапками в центре своей паутины, слыша приближение мухи.

Пётр Леонидович на ходу посмотрел на часы, чудом не выронив папку с бумагами, и выругался. Близоруко прищурившись, взгляделся в вывеску с названием улицы, даже смутно не представляя себе, где находится.

Кто бы мог подумать, что, собирая нужные бумаги к собеседованию, так просто будет оставить на тумбочке карту! Кажется, он где-то на пути к центру. Вопрос только — в какую сторону идти?

Пётр ускорил шаг, оглядываясь и пытаясь найти хоть какого-нибудь человека, чтобы узнать у него направление. Вокруг, как назло, не было ни души — рабочий день начался, и настала одна из тех безлюдных минут, какие бывают, когда все, кому нужно было идти, дошли, а остальные еще не выдвинулись.

Одиноким мужчиной в темно-синем костюме и с растрепанной папкой бумаг в руках шел по улице, беспомощно оглядываясь, пока наконец-то не увидел парня. Тот стоял у козырька остановки рядом с рекламным щитом с нарисованными на нем неправдоподобно рыжими чипсами, рвущимися прочь из упаковки.

Паренек явно никуда не торопился, сгорбившись и натянув на глаза капюшон серой ветровки. Судя по резким движениям, он был пьян или с похмелья, но Пётр все равно был рад его видеть.

— Здравствуй! — мужчина широкими шагами подошел к пареньку. — Не подскажешь, в какой стороне центр?

— Подскажу, — хриплым, тихим голосом ответил Лёха. — Могу даже показать короткий путь, старик!

— Буду очень благодарен! — обрадовался Пётр. — А то я как раз опаздываю. Ты меня просто спасаешь, дружок...

«А он приятный, этот дядька. Даже жаль, что мне попался именно он».

— А теперь сюда, — сказал парень, вновь заворачивая за угол. Пётр уже потерял счет поворотам и начал злиться, понимая, что уж теперь окончательно опоздал на свое собеседование.

— Послушай, это даже не смешно, — осторожно сказал Пётр Леонидович, стараясь сдерживать раздражение. — Я тороплюсь.

Мужчина сердился, но про себя еще поворотом ранее решил, что не будет срываться на парне с его неудачными шутками.

Общение с дочкой-подростком научило Петра относиться философски к большей части жизненных проблем, теперь вывести его из себя было практически невозможно. Только смерть жены смогла выбить его из колеи на много месяцев, но именно сейчас он смог вернуться в нормальное состояние — и сохранить спокойствие, когда хотелось схватить идущего впереди парня за капюшон и хорошенько потаскать.

— Осталось совсем немного, старик! — Парень развернулся с широкой улыбкой, одной рукой стянув с головы капюшон, а другую так и не вынув из кармана грязной ветровки. — Строго говоря, мы уже пришли!

— Пришли? — Пётр обвел глазами узкую улочку, выбитые или заколоченные во многих местах стекла, мусор на земле. Откуда-то издалека доносились гудки машин и музыка, но здесь царило запустение. Не очень похоже, чтобы в ближайших домах кто-то жил. — Ты что, издеваешься?..

Вместо ответа Лёха в один плавный шаг оказался рядом с мужчиной. Его рука метнулась вперед, как кобра, и ужалила Петра в плечо.

Тот отшатнулся, вскрикнув от неожиданности и боли, споткнулся и упал. Поднеся руку к плечу, он увидел тонкий шприц, на всю длину иглы вошедший под его ключицу. Шприц поднимался и опадал вместе с испуганным дыханием человека. Пётр выдернул шприц и в ужасе, еще не осознав произошедшее, уставился на парня:

— Ты что творишь?!

Лёха расхохотался, исказив некрасивое лицо в пугающей гримасе. Пётр вдруг отчетливо понял, что человек перед ним совершенно безумен, и страх холодными пальцами стиснул его внутренности.

— Старик, ты еще не понял? — Лёху била нервная, ликующая дрожь, но глаза смотрели ясно и холодно. Даже с каким-то сочувствием. — Ты умрешь сегодня. Не пытайся сопротивляться.

Пётр попытался встать, но ноги его не послушались. В голове гудело, слюна во рту казалась вязкой. Расплывающийся перед глазами парень наклонился к нему, одним движением вздернул на ноги и куда-то потащил. Пётр пытался разжать чужие пальцы на своем вороте, но слабость в руках все усиливалась, становясь ноющей, давящей...

Разбитый тротуар узкой улочки прервался там, где было свалено особенно много мусора. Там, за горами полураскисших коробок, старых холодильников и пустых бутылок, таился небольшой, пустынный переулок, куда мусор почему-то не добрался. Сюда не выходило ни одного окна, не забредали дворовые кошки и редко — очень редко — добирался кто-то из людей. Вряд ли этот переулок значился хоть на одной карте.

Лёха с легкостью тащил за собой слабо упирающегося, оглушенного наркотиками человека, всей своей сущностью чувствуя, как приближается оно. То, что Лёха сам не до конца понял и изучил, то, с чем он впервые столкнулся год назад, когда перед ним, пьяным и полубезумным, открылось истинное лицо этого невзрачного переулка.

С каждым шагом стены домов вытягивались вверх, пока не сомкнулись где-то высоко, у самого неба, скрыв солнце. В наступившем мраке кирпичная кладка стен рассыпалась, обнажив что-то красное, пульсирующее, живое. Но вот оно уже отступило в темноту, и переулок окончательно преобразился.

Воздух наполнился зловонием: сладковатым запахом гниения и смерти. На земле лежали какие-то темные груды, с них стекала слизь. Но запах исходил не от нее, а от твари, что жила в этом месте долгие годы.

Она скрывалась в темноте — сгорбленная тень у дальней стены с влажным шелестом пошевелилась, почуяв Лёху и его жертву.

Лёха отпустил воротник Петра, и тот упал на колени, изо всех сил пытаясь сохранить сознание. Он не верил глазам. «Мне вкололи наркотик. Это все видение, бред, наркотический сон! Оно ненастоящее!» — уверял себя Пётр, стиснув голову руками и качаясь туда-сюда.

Лёха тем временем подошел к самой тени и опустился на одно колено, не обращая внимания на слизь, пачкающую потертые джинсы:

— Моя Госпожа, я исполнил твой приказ, — парень с обожанием смотрел в темноту, где скрывалось существо. — Этот человек послужит тебе пищей!

Тварь заинтересованно подалась вперед, и тусклый свет упал на ее лицо. На то, что заменяло ей лицо.

Пётр увидел блеск сотен черных глаз. Увидел зубы. Увидел кровь, стекающую по бледной коже твари.

Это был не сон.

Пётр закричал.

Один из тех редких часов, когда город словно полностью пустеет, закончился, и улицы снова ожили.

По улицам неслись машины, звуки их моторов сливались в единый гул, повисший над крышами домов. Люди выходили из подъездов, направляясь за покупками или на прогулку, припозднившееся сотрудники спешили на работу. Мерно хлопали двери магазинов, где-то залаяла собака, и ей вторил нервный автомобильный сигнал.

Молодой парень с удивительно некрасивым, но живым и радостным лицом шел по улице, вежливо пропуская пешеходов и оценивающе поглядывая на проезжающие машины. Он интересовался автомобилями, пусть и гораздо меньше, чем обычно старался показать.

Лёха свернул в арку одного из домов, миновал грязный двор, вошел в подъезд и, торопливо взбежав по короткой лестнице, чуть не упал, споткнувшись о последнюю ступеньку. В заплыванном лифте он стоял, прижавшись лбом к дверям и тяжело дыша, и только со второй попытки смог открыть дверь своей квартиры, не попадая ключом в замочную скважину.

Здесь пахло рвотой и химией, и почти не было мебели — только несколько столов да сваленный матрас на полу. На него и рухнул Лёха, корчась и до крови закусив губу. Его глаза смотрели в потолок, из них струились горячие слезы.

Это были слезы счастья.

О, если бы его прежние друзья знали, на что он променял знакомый с детства кайф! Да они бы жизни отдали за то, что он обрел сейчас! Никакая дурь — а Лёха знал, с чем сравнивать! — не могла доставить столько блаженства.

Лёха тихо выл, скребя ногтями пол возле матраса, а его губы кривились в широкой, безумно счастливой улыбке.

Госпожа умела наградить своего слугу. Хотя сегодня она наконец-то нашла ему замену.

Глава 2. Недобрые сны

...Существо склонилось над неподвижным человеком, опустил кисти рук в его разорванный живот. Серые, длинные пальцы перебирали еще теплые внутренности, словно пытаясь в них что-то найти — или спрятать.

Тварь неразборчиво бормотала себе под нос, мотая головой в изорванном капюшоне, тряся дряблым телом под дырявыми лохмотьями. От нее шел сладкий запах разложения, как будто продолжала гнить даже не плоть, а едкая кровь в черных жилах.

Вдруг она замерла, что-то услышав. Кровь стекала по серым, изъеденным язвами рукам, из-под грязных лохмотьев донеслось недовольное шипение.

Новый шорох, еще ближе. Тварь плавно, хищно шагнула ему навстречу, пригнувшись и вытянув вперед когтистые руки. Там, в темноте, кто-то был! Человек? Или призрак из тех, что иногда сюда забредают?

Все верно, призрак. Тварь расслабилась, усмехнулась, обнажив окровавленные клыки, и резко взмахнула руками, прогоняя незваного гостя.

Лиза испуганно вскрикнула и провалилась в темноту, так и не успев разглядеть лицо убитого человека.

Девочка села на кровати, обхватив себя руками. Кудрявые волосы, на ночь заплетенные в короткую косичку, растрепались и прядями упали на лицо, скрыв глаза и дрожащие губы.

С детства Лиза видела очень яркие сны о полетах над водопадами, пустынями и лесами. В тех снах все было как будто наяву, и они запоминались надолго.

Но теперь они все чаще превращались в кошмары. Как сегодня, когда полет закончился в жутком переулке — и то, что в нем происходило, нескоро удастся забыть.

Это началось месяца три назад, с момента смерти мамы. Лиза очень хотела бы плакать, кричать, выплеснуть свое горе... но вот только от этого стало бы хуже папе, а она не хотела причинять ему еще больше боли.

Родственники с удивлением говорили отцу Лизы, что его дочка очень спокойно переносит трагедию. Возможно, в их словах была доля укора — как так, она не плачет, не страдает? Какая бессердечная девочка!

Но Лиза вытерпела и это. Слезы так и не были пролиты, но вместо них пришли кошмары.

Как те сны из детства, они не забывались. Их можно было только загнать в дальние уголки памяти — туда, где люди оставляют самые болезненные мысли и поступки, туда, где хранился день смерти мамы...

Нет, об этом не нужно думать. Не сегодня! И не завтра. Никогда!

Лиза спустила с кровати ноги, брезгливо потеряла их друг о друга, стряхивая песок, который поселился в доме после недавнего ремонта и наотрез отказывался уходить, как девочки ни выслеживали его с мокрыми тряпками наготове. Возможно, тут бы помог пылесос — но он затаился где-то в одной из неразобранных коробок, до которых у папы никак не дойдут руки.

Лиза вышла из своей комнаты, прислушавшись к звукам из-за соседней двери. Тишина. Маша еще не проснулась. Хорошо! Значит, есть время прийти в себя после глупого сна.

Вперед, мимо лестницы, ведущей вниз, к папе. Мимо замшевого зеленого дивана, с которого Лиза вчера оттирала строительную пыль, стараясь, чтобы разводы хотя бы немножко побледнели — что поделать, если во время ремонта папа забыл накрыть зеленого бедолагу пленкой?

Ванная — раковина — зеркало. «Ну и вид у меня! Хоть сейчас в фильм про зомби».

Лиза долго плескала в лицо холодной водой, шлепала себя по щекам, растягивала губы в фальшивой улыбке, чтобы за завтраком казаться веселой. Не думать о маме, ее смерти, той больнице.

Не думать о папе, его ночных слезах, невычищенных ботинках и потрепанной папке с документами для собеседований.

И нет, не надо вспоминать тот глупый сон, ту тварь и кровь вокруг человека на земле.

«Почему я не разглядела его лицо?..»

В то время, как Лиза Брагина собрала волосы сзади, чтобы скрепить их маминой заколкой и почистить зубы, ее младшая сестра закончила рисунок.

Комната Маши была также пуста, как и все остальные комнаты в новом доме. Здесь были только кровать да шкаф для игрушек, но Маша, не любившая пустоту, подошла к вопросу творчески.

Теперь шкаф пустовал, но его обитатели расползлись по всему полу, местами соорудив себе дома из пустых коробок — тех, что все же разобрал папа, разложив жизненно необходимые вещи по местам в новом доме.

Но в эту минуту игрушки Машу не интересовали. Она отложила цветной карандаш в сторону и нахмурила брови, мигом став похожей на папу, который точно так же хмурился в тяжелые моменты.

Маше было четыре года, и она совсем не умела рисовать. Но кое-что ей все же удалось изобразить.

Темноту. Чудовище. И кровь вокруг.

Услышав, как открылась дверь ванной, девочка торопливо, не глядя, сунула рисунок под матрас, чтобы Лиза не увидела, что там изображено. Дети могут не заметить многое из того, что происходит в их домах, но именно они, вбирая все, как губка, могут ясно показать, что в семье происходит не так.

В доме Брагиных с недавних пор принято было умалчивать о своих чувствах.

И страхах.

Дверь комнаты открылась, Маша улыбнулась, увидев сестру, которая сейчас, с собранными волосами, выглядела совсем по-взрослому и была особенно похожа на их мать.

Лиза, поняв, что сестренка давно не спит, тоже заулыбалась, смешливо прищурившись:

— Ты проснулась, котенок? Тогда одевайся, пошли завтракать! Ну же!..

...Со второго этажа донесся смех и топот — девочки веселились, щекоча друг друга и притворно ругаясь. Заскрипел зеленый диван, когда на него упала Лиза, отмахиваясь от хохочущей сестры.

Мужчина, сидящий внизу, на кухне, и листающий газету, невольно улыбнулся, прислушиваясь к их веселью. Сегодня он не был одет в костюм, оставшись в джинсах и домашней майке с въевшимися следами краски.

Мужчина был бледен и выглядел устало, но улыбка его красила.

Лестница из светлого дерева заскрипела под ногами девочек, Лиза вовремя поймала поскользнувшуюся сестру, не переставая смеяться, вошла на кухню — дверь напротив лестницы — и остановилась, удивляясь болезненной бледности отца.

Маша же не обратила на нее внимания, с разбегу прижавшись к папиной руке и счастливо улыбаясь.

Пётр Леонидович с любовью провел ладонью по курчавой головке младшей дочери: — Ну как, выпались, родные мои? — улыбка собрала морщинки вокруг его покрасневших, усталых глаз, и сердце Лизы болезненно вздрогнуло.

«Папа, что с тобой?»

На кухне, где все еще пахло краской после ремонта, царила сосредоточенная тишина, прерываемая только стуком столовых приборов о фарфоровые тарелки и тихим бурчанием закипающего электрического чайника.

Пётр ел, с огорчением заметив, что опять пересолил яичницу, но девочки снова делают вид, будто все в порядке. Готовить еду было сложнее, чем ему казалось, когда это еще делала его жена.

Он стал еще рассеяннее в последние дни.

После того случая...

Нет. Пётр нахмурился. Об этом не стоит думать. Если мыслить логически, то обо всем, что случилось неделю назад, следует вовсе забыть, навсегда!

Пётр Леонидович нахмурился и неожиданно громко клацнул ножом по тарелке. Извинился перед девочками и вновь задумался.

Да, на него напали, но ведь он сам виноват! Спрашивать дорогу у какого-то наркомана, идти вместе с ним по пустым улицам, без оружия! Неудивительно, что его обкололи какой-то пакостью и обобрали.

Впрочем, пропавший кошелек — только первая из бед.

Его могли чем-то заразить. Первые дни после того, как еле добрался до дома и отдал костюм в химчистку, Пётр всерьез думал пойти на обследование. Но чужой город, незнакомые врачи и грядущие поиски работы остановили его, напугав возможными проблемами. Со временем Пётр сумел убедить себя, что обошлось, и все осталось, как было.

Кроме снов. И воспоминаний.

Теперь тот переулочек снился ему каждую ночь, и существо, что привиделось Петру в бреду, что-то шипело себе под нос, точно заклинание — и приближалось. С каждым днем, с каждым разом оно оказывалось все ближе.

Это все было не по настоящему, но страх все равно сковывал Петра по утрам, словно в тот день, когда ему впервые привиделась эта тварь. Первобытный ужас, воплощенный кошмар...

Возможно, из-за этих видений и расшатанных за последние месяцы нервов, Пётр начал чувствовать себя все хуже. Он уже не был уверен, что найдет в себе силы сходить на собеседование, даже получив из химчистки единственный деловой костюм. Впрочем, еще на пару месяцев хватит отложенных денег — можно не торопиться.

Главное, чтобы о нем не беспокоилась Лиза.

Пётр украдкой покосился на старшую дочку, вздрогнув от того, как она похожа на мать. Это потом она наденет джинсы, майку с изображением своей любимой рок-группы, распустит светлые волосы — и станет самой собой, милой Лизой, любимой дочкой.

Но сейчас она — призрак. Призрак жены, умершей два месяца назад.

Пётр опустил глаза, чувствуя, как изнутри него рвутся слезы. Вдруг он дернулся от внутренней боли, как будто что-то в нем провернулось и сместилось, перестраиваясь. Тошнота подступила к горлу, и он со стуком отложил вилку с ножом в сторону, не доев половину своей порции.

Люси с беспокойством посмотрела на отца:

— Папа, все в порядке?

— Да... — Пётр вдруг закашлялся, зажав рот ладонью. перевел дыхание. — Со мной все хорошо. Просто поперхнулся.

Натянуто улыбнувшись дочкам, Пётр вновь принялся за еду, не заметив, что на руке, которой он зажимал рот при кашле, остались капли крови.

Школьники возвращались домой с занятий, разбившись на небольшие компании и весело переговариваясь. Беззаботные, молодые и все какие-то слишком ясные, словно чисто вымытые стаканы.

Вот один из старшекласников — выглаженная рубашка, пиджак, небрежно переброшенный через локоть, русые волосы, зачесанные назад. Спокойное интеллигентное лицо, серые глаза. Он шел вместе с невысокой, невзрачной девушкой, улыбаясь и непринужденно поддерживая разговор.

Там, где от центральной улицы ответвлялась улочка поменьше, он замедлил шаг, словно прислушиваясь к чему-то далекому. Девушка остановилась, удивленно посмотрела на него. Парень тряхнул головой, вернул на лицо улыбку и двинулся дальше.

Он оглянулся только один раз, чтобы запомнить этот поворот и эту улочку. Серые глаза заинтересованно блеснули. .

Он почувствовал что-то, скрывающееся в глубине маленьких безлюдных улиц. Что-то злое.

И хищное.

Глава 3. Призраки и страхи

— Мама, я сегодня не приду домой, — школьник поддел носком ботинка мелкий камешек, отбросил его в сторону, и тот угодил в сливную решетку. Провалился сквозь нее и ухнул в канализацию, скрывшись от пристального света ночных фонарей. — Я у Сары переночую, она позвала... Да, хорошо. Вы уж повеселитесь без меня. Да. И я вас люблю...

Он сбросил звонок, постоял минуту, ежась от холодного ветра и о чем-то задумавшись.

После занятий парень успел зайти к Саре и переодеться из школьного костюма в свои старые джинсы и майку — одежду, куда более пригодную для того, что Иван собирался сделать.

Уйдя из дома подруги, он зашел в кафе неподалеку — и случайный наблюдатель был бы очень удивлен, увидев, что парень так и не очутился по ту сторону двери. В кафе за стойкой суежилась темнокожая продавщица с красивой татуировкой вдоль тонкой руки, звенели ложки, которыми размешивали сахар в терпком кофе...

Среди посетителей не было и следа высокого паренка в потертых джинсах.

Прошло два часа, кафе успело закрыться, а на улице стемнело. Дверь, полчаса назад запертая продавщицей, вдруг открылась, и из нее вышел Иван. Теперь на его плечи была накинута серая ветровка, а в руках появилась спортивная сумка с чем-то небольшим, но явно тяжелым.

Внимательно оглядываясь, паренек свернул с людных улиц, подальше от клубов и ресторанов, еще работавших в этот поздний час. От людей, которые могут заинтересоваться одиноким школьником — и тем, что он несет в своей сумке.

Песок на асфальте чуть слышно хрустел под подошвами ботинок Ивана, а парень как будто совсем не волновался, что идет по самым темным, страшным переулкам. Он словно знал, что здесь нет ничего опасного, следовал по какому-то только ему известному маршруту и остановился лишь для того, чтобы позвонить матери и соврать, будто ночует у подруги.

Сара нравилась его родителям — милая девочка, спокойная и прилежная. Она хорошо влияла на Ивана и помогала с учебой, когда он в очередной раз заболел.

Когда они думали, что он заболел.

Только Иван знал, что его подруга не так проста, как всем кажется. Она чувствовала и понимала многое из того, что недоступно простым людям, и сразу узнавала, когда ее приятелю нужна помощь, даже пускала к себе в комнату втайне от родителей, чтобы дать выспаться после тяжелой ночи.

Такой, как сегодняшняя.

Иван повел плечами, отгоняя мысли о Саре, ее толстых очках и мудрых, совиных глазах. Есть вещи, о которых, он знал, не стоит думать перед делом. Всего пара минут мыслей о родителях, друзьях, любимом псе — и вот он, страх за свою жизнь, стискивает голову, заставляет свернуть с опасного пути. А потом — газетные вырезки о пропавших людях, бессонные ночи, чувство вины.

Нет, больше Иван не позволит страху взять над ним верх.

Он резко остановился, вновь почувствовав то же, что и днем. Теперь ощущение было не таким сильным, как будто создание, чье присутствие он ощутил прежде, заснуло или спряталось. Но оно было рядом. Иван это чувствовал!

Он наклонился, поставив сумку на землю около груд мусора, и сорвал пару проклюнувшихся травинок с ближайшего газона, давно запущенного. Сжал пальцы, и травинки расплзлись на волокна, как будто уже выросли сгнившими.

Иван выпрямился и уставился в темноту ничем не примечательного переулка, где не горело ни одного фонаря. По спине под майкой побежали холодные мурашки, как бывает, когда ты свешиваешься в давно заброшенный колодец и вдруг чувствуешь, что из его темноты на тебя тоже кто-то смотрит.

«Я на месте. Это здесь».

Она была очень, очень стара.

Так стара, что уже и не помнила, откуда взялась. Все, что она когда-либо знала и помнила — это голод, который, сколько бы ни съел, не удаётся утолить. Да и зачем утолять желания? Лучше им потакать.

И она потакала.

Пожирала беспомощных тварей, одну за другой, слыша их крики, разрывая плоть когтями и выпивая кровь, чтобы стать еще сильнее и опаснее.

Она росла, сбрасывая шкуру за шкурой, оставляла их пылиться на старом месте, а сама перебиралась в новый мир, прорываясь сквозь все границы, чтобы вновь потешить себя свежей пищей.

Но все это было не то, что нужно.

Миры, куда она попадала, были слишком малы, пусты и недолговечны. Крошечные островки жизни, которых хватало на считанные столетия, жалкие клочки силы, которую можно было бы потратить на рост — но нет, приходилось их направлять на поиски нового мира и съедобных тварей.

«Если бы только удалось попасть в большой мир, где будет много пищи и простора, — думала она, ломая хребет последнему живому созданию, похожему на прозрачную птицу, в маленьком мире, что вмещал в себя только леса на склоне высокой горы, — я смогла бы вырасти и дать потомство. Если мы не съедем друг друга, то сможем расплодиться еще больше...»

И она пыталась пробиться в большие миры, но раз за разом что-то не пускало ее. Как будто нечто разумное ставило эти преграды, и оно было очень, очень сильным.

Но однажды она вдруг почувствовала слабость в защите большого мира. Граница, не дававшая ей проникнуть туда и пожрать обитателей, истончилась в одном месте, словно кто-то здесь уже прорывался — и почти победил!

Существо, которое Лёха позднее назовет Госпожой, решило воспользоваться столь редким шансом.

Вынутый из сумки фонарик светил вызывающе ярко в такой темноте. Стены, с которых местами отпадала краска, казались покрытыми трупными пятнами. Иван провел рукой по одному из них и почувствовал, что обнажившаяся штукатурка пропитана какой-то слизью.

«Ночью это место ближе всего к тому, чем оно является».

Переулок был совсем коротким, можно даже увидеть, как с двух сторон машины проезжают по улицам, которые он соединял. Но здесь не было ничего — ни мусора, ни граффити, которые, точно татуировки, покрывают все укромные уголки в этом районе.

Только запах гнили в воздухе — и зловещая тишина, словно переулок на самом деле отрезан от внешнего мира. Мигающие фарами машины ехали с обеих сторон, срезая путь в

обход заторов, но шелест шин не доносился до ушей Ивана. Вообще никаких звуков, кроме его собственных шагов.

Иван медленно пустил свет фонарика вдоль стены, вглядываясь в мокрые потеки на ней. Пожалуй, он больше не был уверен, что хочет сражаться с неизвестной тварью. Ведь она спит, а сюда вряд ли кто-то заходит - это место само отталкивает случайных прохожих. Так зачем рисковать?..

— Нет, пожалуйста! Не хочу умирать! — женский крик прорезал тишину так близко, что Иван отпрыгнул в сторону и успел разглядеть кричащую. Разинутый в крике рот, потеки туши на щеках. Кровь, текущая из рваной раны на шее вниз, на белый топик. Одна рука оторвана, на ее месте был кровавый лоскут.

Руки Ивана затряслись, на миг уронив свет на асфальт, и видение исчезло. Только сердце билось в груди, как безумец о стену, и руки дрожали так, что еле удерживали фонарик. Иван сделал несколько глубоких вдохов и закрыл глаза, прислушиваясь. Да, теперь он слышал. И как он не заметил этого раньше?

Этой ночью переулочек был полон призраков.

Тонкая граница прорвалась под ее когтями, и новый, огромный мир, полный свежей пищи, раскрылся перед нею. Она вдохнула аромат мягких тел и свежей крови, почувствовала податливость разумов, которые так просто будет подчинить...

Но минутой спустя огромный мир превратился в крошечную клетку, стены которой сжали создание, проникшее в чужой мир. Она сдирала бока, пробираясь к выходу из этого места, но всякий раз упиралась в незримые границы, сквозь которые на этот раз не было сил прорваться. Она не думала, что такое возможно! Это была ловушка!

Первое время попавшее в западню существо боролось, пытаясь разрушить свою тюрьму. Годы спустя стало ясно, что это бесполезно, но к тому моменту будущая Госпожа истратила остатки сил на попытки, раз за разом ломая клыки, прогрызть стены, асфальт, незримые границы этой мерзкой клетки. Все бесполезно.

Смерть от голода — что может быть унижительнее? Всю свою жизнь тварь жила, чтобы есть, и всегда была голодна. Но теперь то, что подарило смысл жизни, ее убивает.

Попав сюда, тварь была размером с дом, и от ее длинных, сильных рук нельзя было скрыться на самой высокой скале. Теперь она едва ли достала бы человеку до пояса.

Силы убывали, тварь уже смирилась со скорой смертью.

Большой мир оказался коварным местом. Не стоило сюда ваться.

Все изменилось, когда в переулочек забрела кошка. Это было старое, больное животное, и оно искало место, чтобы тихо умереть.

Тварь не поверила глазам, увидев в своей клетке существо из большого мира. Неужели? Неужели оттуда кто-то может прийти?! Но думать было некогда. Существо метнулось вперед и в считанные секунды сломало кошке шею и дрожащими руками разорвало живот, чтобы достать внутренности...

Следующие несколько лет шли столь же долго, мучительно. Но теперь существо знало, чего ждать, и берегло силы. Оно дремало, свернувшись калачиком в проклятом переулочке, и выжидало.

В переулочек забрел бездомный. Он был безнадежно пьян и заснул, дав возможность невысокой тени из темноты приблизиться на расстояние укуса.

Потом были и другие. У всех было нечто общее, и тварь вскоре это поняла. Наркоманы, пьяницы, одурманенные или безнадежно больные люди — вот, кто мог попасть

в мир будущей Госпожи сквозь непроницаемую для нее самой границу. Они редко забредали в этот переулок, но тварь умела ждать.

У нее не было выбора.

До тех пор, как она встретила Лёху — не было.

Иван сидел на земле, привалившись спиной к влажной штукатурке. Он смотрел на призраков, что собрались в этом переулке, стеная и плача о своей смерти.

Их было много. Слишком много для такого безлюдного места. Что же их сюда привело — к ужасу, к смерти от клыков хищной твари? А ведь многие из них — молодые девушки...

«Тварь спит и никого не убивает?» — с неожиданной яростью спросил он себя. — «Да ты просто жалкий трус!»

Одна из них стояла у противоположной стены, закрыв ладонями лицо, и между ее пальцами стекала густая кровь, пятная короткие шортики. Иван мысленно коснулся ее и увидел, как она поцеловала на ночь больного брата, уходя на свою постыдную работу — в последний раз. Потом она попадет сюда, чтобы встретить чудовище и умереть...

Иван сжал кулаки и всмотрелся в лицо ее брата, запоминая синеватые веки, круги под впалыми глазами, слабую улыбку. Запоминая старую мать, сидящую в другой комнате, и морщины на ее сухих руках.

Он всматривался долго, до боли в висках, пока ногти не проткнули кожу ладоней, а сердце вновь не застучало часто, тяжелым, злым ядром вырываясь из груди.

Он открыл глаза и понял, что призраки — нет, воспоминания! — исчезли. Они оставили только усилившийся запах гниения в воздухе и слезы на щеках юноши в потертых джинсах, сидящего на земле с фонарем на коленях.

Иван поднялся, подтянул к себе сумку, стиснув зубы от злости, подступившей к самому горлу. Взвизгнула дешевая пластмассовая молния, и парень достал из сумки вещь, которую не положено носить с собой добропорядочному школьнику. Тяжелый пистолет удобно лег в руку, мигом придав уверенности и стерев последние следы страха.

Иван закрыл глаза, собирая все силы и заряжая их бесконечной ненавистью к твари, таящейся по ту сторону границы. И шагнул, чувствуя, как воздух сгущается, чтобы после - пропустить парня в другой мир.

Мир, где его уже ждут.

Глава 4. Тварь из темноты

Иван прорывался сквозь грани миров, словно через тонкие пленки, натянутые на его пути.

В горле першило, воздух был сухим и спертым. Им давно никто не дышал. Некому дышать на границе, где знакомый нам мир превращается в нечто иное, стараясь защитить людей от скрытого здесь зла.

Каждый шаг, каждый вдох теперь давался Ивану с усилием и болью. Но он не сдавался, продолжая идти, пусть и стискивая зубы от страха, что может остаться здесь навсегда, и злобы на монстра, что ждал его впереди.

Иван уже не раз выдерживал такие переходы. Выдержит и сейчас.

Вдруг все закончилось, и Иван сделал последний болезненный шаг. Ботинок погрузился в слизь, глухо чавкнув, и темнота накрыла парня с головой, когда стены переулка сомкнулись высоко над нею.

Иван включил фонарик и крепче стиснул рукоять пистолета. Руки вспотели, запоздало реагируя на страх, который остался в старом мире. Теперь разве что сердце колотилось слишком быстро, но разум был спокоен и ясен.

Нечего уже терять. Ты перешел грань.

Иван, удивительно спокойный и бледный, огляделся, обводя переулок светом фонарика. В красноватой, пропитанной кровью слизи, что застыла на стенах толстым слоем, тут и там замерли полуобъеденные трупы — запас твари на черный день. Некоторые из них были почти не тронуты. Тварь могла позволить себе припасти лишнего.

В воздухе застыл сладковатый запах давно сгнившего мяса, какой бывает, если оставить в теплом месте на месяц когда-то мороженую рыбу. Запах был невыносим, его источала каждая вещь — от слизи, что все здесь покрывала толстым слоем, до трупов и скелетов, застывших в ней.

Но сильнее всего пахло от твари, замершей в дальнем углу своего логова.

Влажная темнота расступилась перед светом фонаря, и Иван увидел существо, напрягся, чувствуя его силу. Тварь, похожая на старуху, кутающуюся в дырявые лохмотья, пошевелилась, подавшись навстречу человеческому запаху. Под капюшоном горели черные глаза, старческий рот пустил блестящую струйку слюны. Тварь не торопилась нападать, разглядывая неожиданного визитера.

Госпожа была заинтригована. Неужели новая пища? Но почему она ничем не опьянена? Лёха описывал много видов наркотиков, что могут привести сюда человека, но ночной гость слишком здраво мыслил. Значит ли это, что он пришел сюда сам? Как Лёха?

Госпожа хрипло принюхалась, и Иван вздрогнул от ее резкого движения, не решаясь выпустить пулю издалека в темноту и медленно, шаг за шагом подходя все ближе. Под ботинками хлюпала едкая слизь, в ней встречались человеческие и звериные кости. Иван смотрел на тварь и видел ее безумные, голодные мысли. Видел, какой она была прежде — огромной, страшной, сильной.

Исполинское создание, пожирающее все, до чего доставали ее бесчисленные руки. Они появлялись из-под лохмотьев, стоило рядом пошевелинуться будущей пище, будь то хоть самое мелкое и безобидное создание. Пожиратель миров, оставляющий после себя выеденные пустыни и обглоданные скелеты. Даже одноклеточные существа пожирались ею, выцеживаясь из морей и рек перед тем, как Госпожа — так она себя теперь называла — перемещалась к новой кормушке.

Здесь она попала в ловушку и стала меньше. Уязвимее. Но она все равно опасна...

Госпожа вновь приюхалась и взволнованно сжала лапы с длинными, грязными когтями. Ночной гость был не простой пищей! И да, он мог попасть сюда, не будучи пьян или безумен! Особенный, такой особенный...

Иван вздрогнул и запаниковал, увидев, с какой скоростью тварь метнулась к противоположной стене, чтобы разглядеть своего гостя получше. Она припала к земле, под ее лохмотьями что-то бугрилось, а когти скребли слизь, оставляя в ней глубокие борозды.

У человека на шее было что-то из другого мира, из такого же большого! Значит, он может перемещаться между мирами, не попадая в ловушки. И этот человек сам пришел сюда! Если бы Госпожа знала, то даже не тратила бы силы на того, другого раба. Этот будет куда полезнее, и он поможет ей выбраться отсюда, когда с ним случится то же, что и с тем, вторым. Но этого раба она не станет отправлять в большой мир, слишком велик риск упустить добычу...

Иван не стал вслушиваться в ее дальнейшие мысли и выстрелил. Грохот, заключенный в маленьком переулке, оглушил, в руку с силой ударила отдача.

Ужаленная, тварь завизжала и прыгнула вперед, вмиг преодолев разделяющее их расстояние. Прежде, чем выронить фонарь, Иван успел увидеть ее развевающиеся лохмотья. Бледное тело, покрытое язвами. Восемь лап, одна из которых заломила его руку с силой, против которой он ничего не мог сделать, как ни напрягал мышцы.

Оскаленная морда оказалась в паре сантиметров от его лица — десятки блестящих черных глаз, старческий рот, в котором было всего несколько желтых, слоющихся клыков. Он близко их рассмотрел, прежде чем чужие мысли, до того подслушиваемые, впились в его разум, разрывая на части.

Рот наполнился кровью, а воспоминания закричали от боли, когда их начали сжигать. Сжирать! Чтобы оставить место только для покорности, дать Госпоже сотворить то, что она уже много раз делала с другими...

Иван тоже закричал прямо в морду твари и ударил в ответ, собрав все силы, объединив их в единственном предмете, что для этого годился — в своем талисмানে.

Кристалльный кулон на тонкой цепочке вспыхнул нестерпимо ярко. Сгусток света ударил изумленную Госпожу в бледную грудь, покрытую язвами и складками гниющей кожи, так и не разжавшую руки тварь отбросило назад, вдавив в стену, ломая кости.

Иван упал на колени, взвывая от боли в правой руке. Она согнулась под немыслимым углом, из рукава ветровки закапала кровь — перелом был открытый и страшный.

Раненая тварь заскребла лапами в слизи, пытаясь выпутаться из костей скелета, что лежал у самой стены. Но кости, скрепленные остатками гниющего мяса, держали крепко, а слизь разъедала страшный ожог на груди, грозясь покончить с Госпожой прежде, чем до этого додумается жалкий человечиска.

Иван наклонился и, шипя, опустил уцелевшую руку в слизь, в которую погрузился рукоятью оброненный пистолет. Стряхнул остатки едкой дряни, обожженные пальцы левой руки неловко легли на курок, привыкая к тому, что всегда делалось правой.

Парень подошел к твари, бесстрастно глядя, как она пытается выбраться, и нацелив пистолет на ее отвратительную голову. Поняв, что все бесполезно, обессилевшая Госпожа сдалась и посмотрела в глаза человека. Раскрыла старческий рот, надеясь, что все люди хоть немного похожи на Лёху:

— Я... помогу выполнить все твои мечты...

— Мечтаю, чтобы ты сдохла, — сказал Иван и нажал на курок.

Лёха, широко улыбаясь, принял деньги от покрытого татуировками мужчины, залпом допил виски из маленькой рюмки и вышел из клуба, напоследок с силой ущипнув официантку за задницу, постаравшись, чтобы после этого остался яркий синяк.

Лёха не любил женщин, особенно красивых. Все они проститутки, но красивые еще и смеют выбирать себе клиентов...

Он сел в машину, небрежно кинув на кожаное сиденье конверт с деньгами за последнюю партию дури, и резко газанул, напугав двух миленьких девиц, переходящих улицу по направлению к клубу. Одна из них показала ему средний палец, но отъезжающий Лёха только радостно ей улыбнулся.

— Вот ублюдок! — охарактеризовала его девица.

— Приходи сюда через три недели, и ты узнаешь, насколько! — рассмеялся Лёха и добавил чуть тише: — Я с радостью скормлю тебя моей подружке...

Он выехал на одну из центральных улиц и с ревом поехал дальше, издевательски сигналив проходим и веселясь, когда те вздрагивали и отпрыгивали от обочин. У Лёхи сегодня было просто замечательное настроение!

...И он, и Госпожа были уверены, что их встреча не была случайной. Это было предопределено заранее! И это было прекрасно, так думали оба.

Лёха наконец-то мог убивать, не думая о том, что трупы кто-нибудь найдет. Чередуя бездомных с проститутками, выезжая за ними даже далеко за пределы города, он мог не бояться, что когда-нибудь попадетсЯ.

Иногда он задумывался — а что, если и другие убийцы, которые видели монстров или слышали голоса, которые велели им убивать, вовсе не были безумцами? Если они тоже имели ручных монстров, которых нужно было кормить? Тогда все они не виноваты в том, что делали!

Как и Лёха не виноват. Совершенно не виноват.

Он доехал до своего дома, поднялся на лифте и зашел в свою унылую квартиру. Но сегодня она казалась уютной и радостной. Лёха даже решил для разнообразия принять дозу дури — совсем ее забросил с тех пор, как Госпожа предоставила ему особый кайф, от которого нет никакого отходняка. Если, конечно, вовремя сунуть кусок мяса ей в пасть...

Нет, Лёха вовсе не собирался служить ей вечно — хотя в переулке от него звучали совсем другие слова и клятвы. Нет-нет, стоит ему заподозрить... стоит сутенерам переговорить друг с другом и заинтересоваться тем, куда пропадают поехавшие с ним девочки... стоит только почуять слежку копов...

В конце концов, это же не он из них двоих сидит в клетке? Он свободен, и всегда может остановиться. Да, точно, он может остановиться!

Лёха планировал предать Госпожу через полгода. Впрочем, сама Госпожа собиралась сожрать союзника уже через месяц — когда для него подрастет замена.

Однако все равно они оба думали, что между ними есть некая важная связь, и что любой из них почувствует, если случится что-то непоправимое.

Но Лёха ничего не почувствовал. Он крепко спал в тот миг, когда голова Госпожи разлетелась на сотни прогнивших кусочков.

Иван вышел из переуллка, сжимая раненую руку, побледневший и осунувшийся. Не удержав равновесия, оперся о стену и медленно сполз вниз, заметив, что кожа на левой руке обварилась и слезает серыми клочьями. Вторая же рука болела, как будто готовая отвалиться, и кровь продолжала течь, пропитав весь рукав.

Иван запустил ноющие, обваренные пальцы в карман, нащупывая телефон, чтобы вызвать скорую. Вдохнул, увидев черный экран в радужных разводах — уже четвертый телефон не выдерживал переходов между мирами, отказывая в самый ответственный момент.

Парень тихо всхлипнул и посмотрел на небо, пытаясь понять, что с ним будет дальше. До людных улиц он не доберется, а даже если доберется — что делать потом?..

Когда он опустил взгляд, то увидел собаку, бегущую по улице, останавливаясь, чтобы деловито обнюхать оставленные кем-то бутылки. В темноте она казалась призраком, бесшумно скользящим по дороге, и глаза ее вспыхивали зеленым, когда она подбегала к очередному фонарю.

Увидев Ивана, пес остановился и вильнул хвостом, как старому знакомому. Иван слабо улыбнулся и сказал:

— Опять следил за мною, да?

— И привел подмогу, — добавила Сара, появляясь из темноты. Иван просиял, несмотря на всю свою слабость. Призрачный пес, тихо гавкнув, побежал прочь и скрылся в темноте. — Тебя, однако, потрепали, — она осеклась. — ...Боже, что такое?

— Я же убил ее, — сказал Иван, обращаясь к кому-то еще и словно мигом забыв про подругу. — Почему вы здесь?

Иван смотрел за спину Сары, как будто увидел призрака. Возможно, так и было — Сара знала, что он это умеет. В такие моменты его лицо становилось особенно печальным, а в глазах появлялся тщательно спрятанный страх.

Но сейчас в них было что-то новое. Гнев? Неужели он злится?

Да, так и было. Иван смотрел на призраков, выходящих из теней, окровавленных. Разорванных. Они стонали и хрипели, заполняя улицу, словно жители города, населенного мертвецами. Те из них, что могли произносить слова, чьи лица не были съедены тварью, говорили с Иваном, и он стиснул руку в кулак, не чувствуя боли в обожженной коже.

— Я убью этого подонка, — сказал он хрипло, и Сара вздрогнула, услышав нечто страшное и незнакомое прежде в голосе Ивана. — Я найду и убью его!

Школьник перевел взгляд на Сару, и она поняла, что призраки исчезли. Но ее друг выглядел так, словно готов был разрыдаться от злобы и беспомощности.

— Он приводил их сюда! — школьник словно выплюнул комок ярости с этими словами. — Он скармливал их этой твари! Я убью его! Я...

Не договорив, Иван забился, сползая на асфальт, и на его губах выступила пена. Сара, не размышляя, бросилась к нему, стараясь не думать о его словах, о том, что же он встретил в том переулке. Стараясь только помочь.

Иногда от друзей требуется только это.

Жуткий крик прорезал тишину пустого дома, забившись под потолком, как летучая мышь.

Если бы дома были Лиза с Машей, они проснулись бы в холодном поту и трясась от страха — таким отчаянным, горестным, нечеловеческим был этот крик. Но девочки на пару дней уехали к бабушке, и отец был дома один.

Один — и беспомощен.

Крик из спальни Петра повторился, прервавшись долгим чавкающим звуком. Потом раздался звук, словно кусок свежего мяса упал на пол.

И еще. И еще...

Потому что творение живет даже тогда, когда творец погибает.

Глава 5. Сны города

На утреннем небе не было ни облачка. Солнце светило ярко, смутно отражаясь от пыльных окон дома и умудряясь согреть даже сквозь осеннюю куртку. Люди еще отсыпались после рабочей недели, и на улице было пусто, только где-то негромко тархтела газонокосилка и лаяла проснувшаяся собака.

Прекрасная погода для пикника!

Пётр сидел на скамейке у дома, вытянув ноги в стоптанных кроссовках и греясь на солнце. Рядом лежала сумка, из которой заманчиво пахло сосисками. С улицы донесся шорох шин подъезжающей машины, и отец Лизы встал, слабо, но искренне улыбаясь.

За рулем автомобиля был Тимур, коренастый и усатый лучший друг Петра, знакомый ему еще со школы. Тимур всегда был самым веселым и жизнерадостным в их компании, любил рыбалку, дальние походы и ночевки в палатках, носил неизменные джинсовые куртки и банданы, из-за которых ему больше подошел бы мотоцикл, нежели представительная машина.

Тимур работал управляющим директором на каком-то заводе за городом, но в эти выходные решил проведать приятеля и вытащить его на пикник у реки. Пётр хотел было отказаться, сославшись на плохое самочувствие, но подумал, что свежий воздух, холодное пиво и хороший друг помогут ему почувствовать себя лучше к приезду дочек.

Тимур высунулся из окна:

— Дружище, да ты совсем хреново выглядишь!

— Кодекс Дружбы! — напомнил ему их детские правила Пётр, садясь в машину и кидая сумку на заднее сиденье.

Тимур ухмыльнулся в усы и выкрутил руль, разворачивая автомобиль:

— Правило третье. Не лезь к другу. Понял!

Пётр хмыкнул и откинулся на спинку кресла, чувствуя, что уже начинает засыпать под мерный гул мощного мотора и тихий рок из магнитолы. Тимур что-то рассказывал, спрашивал, Пётр даже отвечал и смеялся в нужные моменты дружеских баек.

В полудреме мужчина размышлял о том, что у его друга уже есть маленький внук. С легким ужасом он думал о Лизе и ее будущем. Неужели у нее тоже однажды появится ребенок? Но она еще такая маленькая, и разве за каких-то четыре года это изменится, пусть ей и будет уже двадцать...

Грудь снова кольнула боль, и Пётр поморщился. Ему точно нужно сходить к врачу, как только найдет работу. Что-то с ним не так. Слишком много странных симптомов. Слишком сильная слабость в теле. Слишком яркие сны...

Машина давно покинула город и неслась вдоль залитых солнцем полей, тут и там прерываемых мелкими рошицами и капустными полями. В открытые окна врвался свежий воздух, но и он не бодрил. Отец Лизы заснул, изредка мелко вздрагивая.

Ему снился сон, словно он был очень голоден. Еда была совсем рядом, но кто-нибудь может заметить его, и тогда все пропало...

Машина свернула в лес, воздух стал влажным и теплым. Рядом была река, и с утра вдоль ее берегов еще не было ни других компаний с барбекю, ни одиноких рыбаков, никого.

Пётр все еще спал, когда Тимур встряхнул его за плечо:

— Просыпайся, соня! Правило второе: помоги другу накрыть поляну!

Ему снилось, будто он решил.

...Птицы снова запели, переговариваясь об увиденном. Листья, упавшие от удара, медленно уплывали вниз по течению. Капот автомобиля был смят о стоящее у воды дерево, одно колесо продолжало крутиться. По треснувшему лобовому стеклу медленно ползли алые капли.

Раздался резкий хруст.

Брызг крови стало больше.

Высокий школьник подошел к любимой кофейне и на секунду задержался, глядя в зал сквозь витражное стекло. Из приоткрытой двери доносились звуки джаза и запахи кофе, кто-то смеялся, кто-то делал комплименты девушке за стойкой.

Иван вздохнул, неловко поправляя тяжелую сумку здоровой рукой. Вторая, закованная в гипс, ныла и болела при любом движении.

Но он давно научился не обращать внимания на боль.

Закрыв глаза, школьник открыл дверь и шагнул в зал. Недолгое сопротивление воздуха — и он внутри. Аромат кофе исчез, сменившись запахами пыли, давнего разложения, плесени. На уши давящей подушкой опустилась тишина, в первый визит сюда он даже подумал, что оглох. Позже он научился слушать.

Научился слышать.

Слышать тихие стоны полуразрушенных зданий и асфальта, вздущегося изнутри под воздействием неведомых сил. Слышать шепотки призраков, проходящих сквозь стены, задевая остатки крыши высокими рогами. Слышать мерное, спокойное дыхание спящего города. Это ведь и был его давний сон.

Его изнанка.

Помедлив, Иван открыл глаза. Да, это был зал все той же кофейни. Так бы он выглядел, если бы люди его покинули десятки лет назад. Осколки чашек на грязном полу... единственный уцелевший кофейник на покосившейся полке... разбитые окна.

Немногие уцелевшие витражи покрылись слоями пыли, стойка была проломлена, словно на нее наступил кто-то огромный. В крыше зияла дыра, сквозь которую виднелись ветви мертвых деревьев, скрюченные, как пальцы скелетов. За ними тускло светило сквозь сплошные облака бельмо, в настоящем мире бывшее солнцем.

Иван хорошо знал это место и этот город. И знал, что оставаться надолго здесь нельзя.

Школьник аккуратно положил сумку на полку рядом с кофейником и, не удержавшись, подошел к пустому оконному проему, выходящему на главную улицу. Жадно всмотрелся туда, стиснув обожженными пальцами край подоконника.

Город — тень, призрак города — был мертв и пуст. Ни единое живое существо не подавало в нем голос, никто не шагал по его улицам, не тревожил серый песок, их покрывший. Песка становилось все больше — город медленно рассыпался в пыль, истончаясь с каждым днем.

Однажды он и вовсе станет пустыней.

Иван прищурился, пытаясь вспомнить, что за здание должно виднеться там, на западе. Его силуэт казался незнакомым, слишком изменившись со временем. Но прежде, чем парень смог рассмотреть его, пыль на улице взметнулась в легкой поземке. По городу пробежался едва ощутимый ветерок, горячий и затхлый.

Иван поежился и прошептал:

— Ты даже сквозь сон меня чувствуешь, да? — он торопливо подошел к двери, зажмурился и открыл ее. Вдохнул запах кофе, как всегда оглушенный шумом живого города.

... Но за мгновение до того, как открыть глаза, школьник услышал приближающиеся шаги. Ступив на улицу, он не стал оборачиваться. Боялся увидеть то, что попыталось за ним последовать.

Постояв с минуту, подставляя разгоряченное лицо свежему воздуху и успокаивая биение сердца, парень развернулся и вновь вошел в кофейню. Настоящую, живую кофейню, полную звуков и запахов. Иван решительно подсел к невысокой девушке в пушистом сером свитере и схватил стоящую на столе чашку, отхлебнул, не чувствуя вкуса. Глянул искоса, поймав ее укоризненный взгляд:

— Только не надо меня осуждать.

— Я знаю что это бесполезно, — отозвалась Сара, поправляя очки. — Ты все равно будешь ходить туда и рисковать жизнью. Не могу понять только, зачем тебе это?

— Хочу помнить, — коротко ответил Иван. Девушка поморщилась, прячась за раскрытой книгой. «Орнитология», — прочитал парень и усмехнулся.

— Как будто город даст тебе забыть, — помолчав, сказала Сара. — Ты каждый день встречаешься с ужасами и чудесами, недоступными другим, неужели этого мало?

Иван вздохнул:

— Ты не понимаешь. Иногда я просыпаюсь и думаю, что сошел с ума. Что вся та история мне просто приснилась. И не было ни Миши, ни Мелкого, ни Ани... и темного бога не было. И я — просто обычный паренек с богатым воображением. А потом... — он пожал плечами, — потом я встречаю чудовище и понимаю, что это все взаправду. И что никто, кроме меня, справиться с этим кошмаром не сможет. И тогда мне становится страшно!

Сара подалась вперед и осторожно сжала, стараясь не причинить боли, его обожженную руку. Иван печально улыбнулся в ответ:

— Я просто хочу помнить, что уже встречал настоящее зло. Оно было сильнее и умнее любого чудовища, которого я могу встретить сейчас. И... — улыбка стала шире, — тогда я смог его победить!

Госпожу пора было кормить.

Лёха шел вдоль вечерней улицы, пристально вглядываясь в лица прохожих. Некоторые не обращали внимания, некоторые отвечали прямым взглядом и злились на наглеца. Такие ребята убийце нравились — их злость приятно бодрила. Но сегодня он искал совсем другой взгляд...

Девушка в белой юбке, идущая навстречу, опустила взгляд и поправила волосы. Снова посмотрела на поравнявшегося с ней незнакомца, смущенно улыбаясь.

«Я нравлюсь тебе, крошка?», — подумал Лёха.

Убийца развернулся и пружинящей походкой нагнал ее, коснулся локтя, остановив:

— Эй, привет! Меня зовут Саша, а тебя? — на его лицо отбрасывала блики переливающаяся вывеска кинотеатра.

— Татьяна, — она чуть покраснела. Миленькая. Совсем молоденькая, одета прилично. Подойдет!

— Татьяна, — повторил он, словно пробуя имя на вкус. — Позволишь тебя проводить, Таня? Нельзя такой красавице гулять по городу в одиночестве!

Помявшись, девушка согласилась. Ей было действительно страшновато возвращаться домой так поздно. Но что поделать, сегодня пришлось задержаться в офисе...

Лёха непринужденно беседовал с ней всю дорогу, расспрашивая о работе, об увлечениях, о родителях. И сам рассказывал про себя, дав волю воображению. О да, Саша был очень хорошим человеком, работал юристом, тоже любил читать, да и жил совсем неподалеку от Тани, какое совпадение!..

Таня чувствовала себя все спокойней, поддавшись обаянию некрасивого, но удивительно приятного парня...

Убийца шел, галантно поддерживая ее за локоть и стараясь скрыть то, как сильно тряслись сейчас его руки. Это с каждым разом начиналось все раньше, а ведь помнится, в первое время ломка приходила лишь через полтора месяца. Мир переставал быть ярким и радостным, еда становилась безвкусной, а любые запахи казались приторной вонью.

Только Госпожа могла вернуть его миру радость. Новая доза ее благодарности — вот, что ему было нужно, думал Лёха, мило улыбаясь девушке и придерживая шприц, спрятанный в рукаве.

Он еще не знал, что Госпожа мертва. Что маленький мир, в котором она была заключена, исчезнет, как только ее тело полностью истлеет. Уже сейчас оно почти растворилось в едкой слизи, обнажив кости многих рук...

Одна из них по-прежнему сжимала нечто, предназначенное Лёхе.

Потерянный бумажник отца Лизы.

Глава 6. Пустой дом

Темнело. За окном машины мелькали цветные огни ночного города и фары автомобилей, от водителя пахло табаком, он очень хотел курить, но сдерживался при детях. Младшая девочка сопела на заднем сиденье, прижимая к себе игрушечного медведя, а старшая — высокая, кудрявая — сидела на переднем, указывая мужчине нужные повороты.

Лиза сама еще толком не знала город, как и ее отец, но ответственно изучила дорогу от бабушки до дома, на случай, если отец за ними не заедет и придется добираться на такси. Она подозревала, что он может либо проспать, либо снова заблудиться, либо загуляться с дядей Тимуром. Дядю Лиза любила, он всегда угощал девочек конфетами, охотно участвовал в играх, с ним можно было даже советоваться по поводу общения с мальчиками — в отличие от папы, который краснел и заикался, услышав подобные вопросы.

Такси подъехало к дому, встретившему девочек темными окнами и тишиной. Интересно, когда папа вернется? Лиза достала мобильный и набрала номер отца. Не отвечает. В душе шевельнулось легкое беспокойство, но девочка его подавила. Не надо волноваться, папа наверняка скоро приедет. Надо будет приготовить ужин к его приезду и уложить Машу...

Машина аккуратно заехала во двор и остановилась, водитель пошел выгружать сумки с вещами девочек и бабушкиными подарками к новоселью.

— Вставай, мы приехали! — обернулась Лиза. — Сейчас мы поедим и уложим тебя спать в кроватку, ладно?

— А сказку мне считаешь? — сонно пробормотала сестренка, трогательно потягиваясь. Лиза улыбнулась:

— Ты и без этого уже засыпаешь...

Водитель занес вещи на крыльцо, Лиза некоторое время разбиралась с замком, путая бабушкин ключ, ключ от старого дома, ключ от почтового ящика... затем нужный ключ нашелся, девочки попрощались с таксистом и зашли в дом.

Щелкнул выключатель, осветив пустую гостиную, дверь в подвал, лестницу и коридорчик на темную кухню. В доме стоял какой-то неприятный, гнилостный запах «Наверное, папа мусор не вынес». Лиза сказала:

— Котенок, иди пока к себе, я приготовлю покушать и приду.

— Хорошо, — Маша зевнула и начала подниматься по лестнице. Затем остановилась, ее глаза округлились. Она шепнула:

— Лиза, там кто-то есть...

— Кто? — Лиза, разбиравшая сумки, вскинула голову. Сестренка сказала еще тише:

— Я не знаю, но оно дышит...

По спине Лизы пробежали мурашки. Потом она взяла себя в руки. «Я взрослый человек, а Маша просто боится темноты».

— Я схожу, проверю! — она решительно шагнула к лестнице, но сестренка подскочила к ней, прижалась:

— Не надо! Не надо! Оно тебя убьет!

— Глупости.

Лиза вырвалась из цепких ручек, взбежала вверх по лестнице в темноту. Вслепую, ведя ладонью по стене, прошла вперед и звонко щелкнула выключателем. Коридор был

конечно же пуст, никаких чудовищ, не считая безвкусного зеленого дивана, с которого так и не удалось стереть всю пыль.

Лиза с облегчением вздохнула, улыбнулась, признав про себя, что слова сестренки ее испугали. Повернулась к лестнице и крикнула:

— Поднимайся, котенок, тут никого не... А-ай! — она с размаху села на пол, ударившись копчиком. Услышала снизу писк Маши и засмеялась: — Я просто споткнулась, не бойся!

Слыша неуверенные шаги сестренки вверх по лестнице и все еще улыбаясь, Лиза с кряхтением потеряла ушибленное место и стала изучать паркет, пытаясь понять, на чем поскользнулась. Удивленно покачала головой, тронула пальцем, брезгливо скривилась: на полу было что-то разлито. Какая-то тухлая жижа, словно натекшая с переполненного мешка для мусора. Надо убрать!

Лиза поднялась и пошла за тряпкой, закрыв по дороге почему-то распахнутое окно.

— Сука! Су-у-ука!

Звуки ударов.

— Какого черта ты не исчезаешь?! Сука!

Еще удар. Сдавленный стон.

Лёха сплюнул, утирая рот окровавленным кулаком. Девушка, лежащая на земле, все пыталась свернуться калачиком, закрываясь от ударов. Тело не слушалось, мир кружился и пульсировал. Белая юбка, покрытая грязью и кровью, облепила дрожащие ноги. Боль доносилось откуда-то издалека, словно все это происходило не с ней...

Убийца наклонился к девушке и прорычал, трясясь от злости:

— Дрянь. Ни на что не годная сука. Лежи здесь, я с тобой позднее разберусь! — чертыхаясь, он шагнул в переулочек, пытаясь поймать знакомое ощущение перехода. Но его не было! Ярость мгновенно отступила, пришел ужас. Где Госпожа? Где она?!

Лёха метался по пустынному переулочку, как дикий зверь, ударяя по стенам и отчаянно выкрикивая имя мертвой твари. Волосы падали на мокрый лоб, с губ срывалась слюна. Что же случилось? Может, Госпожа предала его? Может, она нашла способ выбраться — и бросила его?! Оставила наедине с ломкой, понимая, что он не выдержит такой жизни...

Вдруг убийца остановился, напрягшись и тяжело дыша. Он почувствовал зов, пусть и очень слабый. Лёха медленно двинулся вперед...

Сторонний наблюдатель мог бы увидеть, как он рывками исчезает, только за счет силы воли пробивая себе дорогу вперед.

Наступила тишина, нарушаемая только всхлипами и бормотанием избитой, одурманенной девушки, не понимающей, где она находится, почему ей так больно и страшно. По улице торопливо проехал ночной велосипедист, пугаясь безлюдных мест и мертвой тишины. Где-то вдали хлопнуло окно.

Услышав приближающиеся шаги, девушка с трудом открыла глаза, надеясь что ей помогут. Но тут же испуганно сжалась, подтянув изодранные колени к подбородку — это был тот жуткий парень, он вернулся!

Но Лёха даже не посмотрел на свою неудавшуюся жертву, решительно пройдя мимо. Его лицо было очень спокойным, малейшие следы безумия исчезли. Растрепанные волосы падали на лоб, глаза сияли. Он был почти красив в этот момент, что-то сжимая в руках, которые уже не тряслись. Слизь разъедала кроссовки и джинсы, но Лёха не обращал внимания, думая о другом.

Убийца вспоминал жертву, которую завел в переулочек две недели назад. Тот мужчина выглядел безобидным, но ему ведь было, что терять? Лёха снова открыл

найденный бумажник, вглядываясь в семейную фотографию, вложенную в прозрачное отделение. Теперь Госпожа мертва, а трупа мужчины в переулке нет. Что из этого следует?

Лёха вытащил кредитную карточку из другого отделения бумажника, прочитал имя, улыбнулся.

«Жди, Пётр, я иду к тебе!»

— Поспи сегодня со мной, пожалуйста, — тихо попросила Маша. Лиза закрыла книжку со сказками и удивленно посмотрела на сестру.

— Зачем? Если ты боишься, я оставлю ночник!

— Нет! Побудь со мной, пожалуйста!

Лиза, посмотрела на настенные часы в виде моргающего совенка. Поздно-то как, а Маша все не спит...

Сдавшись, девочка вздохнула и пошла за матрасом. Проходя мимо лестницы, она с легкой опаской посмотрела в темный пролет, но одернула себя и зашла в свою комнату. Поморщилась: мерзкий запах стал сильнее за то время, что они были дома. Источник она не нашла, решив, что этим завтра займется папа, когда не будет так темно...

Взяв матрас с подушкой и одеялом, она вернулась в комнату Маши. Та стояла у самой двери, опасливо выглядывая и облегченно заулыбавшись при виде сестры. Как только та бросила матрас на пол, отодвинув расставленные игрушки, Маша дернула ее за рукав пижамы:

— И запри дверь! — она не совсем выговаривала букву «р», и оттого ее слова звучали еще беспомощнее и совсем по-детски. Она еще такая малышка... Лиза, сглотнув комок в горле, послушалась и подперла дверь стулом. «Где же ты, папа?»

Вновь укрыв сестренку одеялом, Лиза легла. Спать на полу было жестко, откуда-то тянул сквозняк. Пуговичные глазки игрушек блестели в темноте, когда мимо дома проезжали машины. Приоткрытая дверца пустого шкафа вызывала смутные детские страхи, что в ней кто-то есть. Но Маша боялась не шкафа, что ожидаемо, а кого-то, бродящего по дому...

Часы в виде совенка тикали. Лиза постепенно засыпала, слушая мерное сопение сестры.

А потом она услышала звук.

Дыхание. Сиплое, клокочущее, возбужденное. Наверное, только лежа на полу его можно было услышать. Кто-то, прижавшись к косяку, дышал в дверную щель!

Лиза, сдерживая панику, откинула одеяло и встала, стараясь не разбудить сестру. Осторожно ступая босыми ногами, подобралась к двери и прислушалась. Чужое дыхание на секунду замерло, а затем стало громче, прерываясь каким-то странным кряхтением. Только сейчас Лиза поняла, что вонь усилилась. Она шла из-за двери, от того, кто за нею прятался!

Девочка шарахнулась, когда в дверь глухо стукнули, и вцепилась в стул, не давая ему отъехать в сторону. Удар повторился, затем сменился громким царапаньем. Человеческими ногтями так скрести не получится...

Лиза всхлипнула и обернулась, поймав испуганный взгляд сестренки. Та проснулась и забилась в угол кровати, обхватив обеими руками своего плюшевого медведя. По бледным щекам ребенка текли слезы.

— Оно весь вечер было в доме, — сказала Маша, трясаясь от страха. — Оно хочет нас сожрать.

...Наступило утро. Люди выходили и выезжали на работу, школьники и студенты отправлялись на учебу, магазины открывались и заманчиво мерцали чистыми витринами. Где-то в городе две девочки, обнявшись и вытирая слезы, слушали тишину за дверью... и не верили ей.

В другом месте, в грязной квартире, на старом матрасе в беспамятстве спал убийца, сжимающий в исколотой руке чужой бумажник, и недобро ухмылялся даже во сне.

А в то же время школьник с загипсованной рукой ехал под гору на скейте, улыбаясь встречному ветру и уверенно лавируя между людьми. За ним еле успевала девочка в круглых очках, крутящая педали старого велосипеда.

Иван ловко затормозил и дождал запыхавшуюся подругу. Сара спрыгнула с велосипеда и поправила растрепавшийся русский хвостик.

— Ты совсем сумасшедший? Зачем так гнать?

— Так же гораздо веселее! — засмеялся школьник и резко посерьезнел. — Тем более я хочу поскорее со всем этим покончить. Иначе умрет еще кто-нибудь...

— Ну допустим, — Сара облокотилась на велосипед, пытливо глядя на своего друга, — ты его найдешь. Что ты сделаешь? Убьешь его?

— Хотелось бы! Но я не уверен, что смогу. А вот вскипятить ему мозги мне под силу! — Иван кровожадно усмехнулся. — И тогда он больше никому не причинит вреда.

— Ты не должен использовать эти силы на людях, — монотонно произнесла Сара, словно не раз это повторяла. — Иначе ты сделаешь это снова. И снова. Слишком большой соблазн при твоих-то способностях!

— Ты называешь его человеком? — Иван нахмурился. — Я вот так не думаю. И я найду его, даже если мне придется просканировать весь этот город.

— И как ты собираешься искать? Он же не тварь из другого мира.

— Его выдадут эмоции.

Школьник глубоко вдохнул и закрыл глаза. Откуда-то задул ветер, поднявший облачка пыли, закружившиеся в вихри вокруг ног паренька. Собаки во дворах разом залаяли и так же разом успокоились. Иван открыл глаза и покачнулся, мотнул головой, прогоняя внезапную слабость.

— Здесь его нет. Едем дальше.

Глава 7. Лицом к лицу

Солнце заливало комнату, за окном ликующе пели птицы. Лиза снова высунулась из окна, глядя наружу. Их дом и без того стоял в пригороде, а окна комнаты вовсе выходили на безлюдный пустырь, где была неоконченная стройка и змеилась поодаль одинокая дорога. Сейчас по ней не ехало одной машины, а те несколько водителей, что проехали мимо утром, так и не услышали крик Лизы, зовущей на помощь.

Что же делать?

Девочка оглянулась, с тревогой посмотрев на Машу. Та тоже не сомкнула глаз всю ночь, и сейчас смогла задремать, тревожно вздрагивая от любого звука.

За дверь было очень тихо. Никто не дышал, не скреб когтями, не ломился в комнату. Казалось, вчерашнее чудовище исчезло, оставив девочек в покое. Но... Лиза еще чувствовала тот запах. И чувство опасности все не уходило, затаившись в голове, как неведомая тварь за закрытой дверью.

Были и сомнения. «Что, если к нам в дом просто забрался какой-то дикий зверь?», — думала девочка. — «Наверное, так и есть, и мы испугались его из-за темноты. Днем я смогу с ним справиться, если выйду за дверь. Я могу пробежать в свою комнату и взять мобильный, вызвать помощь. Надо просто...»

Выйти.

Она подошла к двери и прислушалась, сдерживая дрожь и обхватив себя руками. Затем медленно и тихо, стараясь не разбудить сестру, отодвинула стул и повернула ручку. Щелк.

Сердце забило быстрее. Лиза затаила дыхание и потянула ручку на себя. Дверь чуть слышно скрипнула, Маша застонала во сне, а дом ответил подозрительным безмолвием. Девочка осторожно шагнула из комнаты, напряженно оглядывая коридор, и готовясь захлопнуть дверь, если зверь откуда-нибудь выбежит.

Но она чуть не упала, поскользнувшись на чем-то, ухватилась за ручку двери и поспешно поднялась. Однако прежде, чем Лиза успела рассмотреть черную слизь по полу и увидела следы когтей на двери, от лестницы донеслись шаги. Медленные, шаркающие. Человеческие!

— Папа? — спросила Лиза.

Шаги остановились, и человек внизу глухо застонал. Раздался звук, как будто рвалась мокрая ткань, затем что-то влажно шлепнулось на пол.

И раздался быстрый, многоногий топот вверх по лестнице. Он приближался!

Лиза вскрикнула и захлопнула дверь, поспешно подперла ее стулом. Мгновение спустя в дверь с силой ударили. Из щели пахнуло нестерпимой вонью, раздался долгий, жуткий стон, отдавшийся вибрацией в каждой клеточке тела. Какой зверь может издавать такие звуки?!

Лиза опустила на пол, пытаясь не заплакать. Проснувшаяся Маша сдерживаться не стала, но зачем-то сквозь слезы потянулась за альбомом и карандашами. Каждый переживает страх по-своему. И кто знает, чей способ лучше?..

Родители давно ушли на работу, думая, что их сын лежит дома и лечит сломанную в дворовой драке руку. Его подруга Сара тоже уже поехала в школу, так что Иван в одиночестве катил на скейте по городу, то и дело останавливаясь и прислушиваясь к своему дару.

С каждым разом делать это было все проще, даже не приходилось напрягаться, чтобы вызвать нужное состояние, когда разум словно парит над телом на незримой ниточке, а город подергивается дрожащей дымкой, становится удивительно объемным. И сквозь туман тихим шепотом доносились чужие мысли, отзвуки самых сильных эмоций людей поблизости.

Вон в том доме младенец хочет к маме на ручки, а она, беспокоясь и не понимая его криков, протягивает ему бутылочку с молоком. А на той скамейке девушка набирает сообщение своему парню, и вся светится от нежности, мысленно его уже обнимая. Чуть дальше по улице ссорятся двое, и один из них сквозь злость отсвечивает виной, а второй — негодует по поводу вмятины на капоте машины, как ее теперь чинить...

Неподалеку был и разум, не принадлежащий человеку или животному, наполненный совершенно неизвестными, чуждыми мыслями. Это было существо, пришедшее из другого мира, но не злое, иначе попасть сюда оно бы не смогло. Школьник отметил про себя, что надо будет встретиться с ним — вдруг удастся подружиться? Такое уже бывало...

С некоторым трудом Иван вернулся в свое тело, заметив, как вокруг ног утихают пыльные водовороты. Голова кружилась, мир казался блеклым и нереальным, на грани перехода. Но сердце переполняло ликование: он наконец-то жил полной жизнью, не сдерживался, не притворялся беспомощным. Сара была неправа, этого не стоило бояться и избегать. Эта сила — важная часть Ивана, и ее давно надо было использовать на благо других людей.

Школьник оттолкнулся ногой и запрыгнул на скейт, наслаждаясь движением и все больше углубляясь в центр города. Мимо ехали машины, шли люди, полные мыслей, в которые было так интересно вглядываться. Поэтому Иван совсем не обращал внимания на призывно яркие витрины, в которых отражался он сам.

И темный силуэт, иногда появляющийся у него за плечом.

Дима, полноватый двенадцатилетний парнишка в синей толстовке, вышел из школы и побрел по улице, прихрамывая. На уроке физкультуры он упал и ушиб ногу, поэтому раньше времени возвращался домой, чему был даже рад — можно было всласть поиграть в компьютер, пока родителей нет дома, и съесть чипсы вместо супа на обед.

Дима свернул с оживленной улицы, чтобы срезать путь до дома через пустынные дворы многоэтажек. Но не успел пройти и ста метров, как его кто-то схватил за рукав. Парнишка удивленно посмотрел на остановившего его мужчину. Тот криво улыбнулся:

— Не бойся, пацан! — лицо его как-то странно подрагивало. — Я просто хочу у тебя спросить кое-что.

— Спрашивайте, — сказал Дима, недовольно хмурясь. Это еще что за наркоша?

— Смотри на фото! — незнакомец достал из кармана помятую карточку. — Девочку эту в своей школе видел? У нее еще папаша есть, Пётр Брагин.

Дима пригляделся. На фотографии была кудрявая девчонка, его ровесница, с обожанием глядящая на высокого мужчину и обнимающая совсем малышку, такую же кудрявую, в джинсовом комбинезончике. Семья была в каком-то развлекательном парке, позади виднелись американские горки.

Девочку эту он уже видел, и она ему даже понравилась при встрече. В отличие от странного незнакомца.

— Не знаю я такой, — буркнул Дима, отворачиваясь и пытаясь вырвать рукав толстовки из чужих рук.

— Лучше не зли меня! — рыкнул Лёха, потерявший терпение за день, пока пытался найти хоть одного школьника, знающего эту чертову девчонку. — Я вижу, ты ее узнал!

— Откуда мне ее знать? Отпустите! — дернулся парень, но мужчина держал крепко.

— Я тебе почему-то не верю, — убийца навис над школьником, трясаясь от злости и нового приступа, не дающего толком соображать. Его зрачки были расширены, глаза казались черными. — Так что лучше отвечай, или я найду другие способы тебя разговорить!

Дима опустил глаза и, похолодев, увидел в другой руке мужчины выкидной нож. Только сейчас он понял, что даже если кто-то из жителей соседних домов услышит крик, добежать сюда они не успеют. А этот человек безумен и вооружен.

Иногда лучше не изображать героя.

— Я видел ее с сестрой на Садовой дней пять назад! Они гуляли! Больше я ничего не знаю! Можно я пойду? — Дима снова дернулся, но убийца не торопился отпускать его.

— Видишь ли, я очень не люблю, когда меня обманывают, — задумчиво сказал Лёха, поигрывая ножом. Перед его глазами пульсировала серая пелена злобы, почему бы не выплеснуть ее на этого мелкого упряма...

— Эй! — раздался голос из-за спины. Лёха с рычанием обернулся и увидел невысокую девушку. Полненькую, невзрачную, в круглых очках. Она слезала с велосипеда, глядя на странную парочку: шатающегося мужчину с ножом и испуганного школьника. — Лучше отпусти его. Я ведь могу и полицию вызвать.

— Ты думаешь, меня это остановит?! — расхохотался убийца, но тут же запнулся, поймав ее задумчивый, ничуть не испуганный взгляд. Девушка покачала головой:

— Думаю, тебе все равно. Но на твоём месте я бы не делала глупостей, если не знаешь, чем за них придется заплатить.

Лёха помедлил. Что-то с этой девчонкой было не так, слишком спокойно она себя вела. Так ведет себя только тот, кто точно уверен в своей победе. Как человек с пистолетом, знающий, что успеет выстрелить.

Очень хотелось поставить эту маленькую суку на место, заставить кричать и молить о пощаде. Но у него и так было слишком много дел...

— Так уж и быть, детка! — улыбнулся Лёха, складывая нож и отпуская Диму, который тут же побежал к своей спасительнице. — Но мы еще встретимся.

Сара проводила странного мужчину взглядом и покачала головой. Нет, она не смогла бы его убить. Это было бы большой ошибкой, платить за которую пришлось бы слишком многим. Ее семье, ее друзьям. Вот этому толстенькому мальчишке, которому увиденное преступление не дало бы спокойно жить дальше...

— Ты в порядке? — спросила она и дождалась кивка. — Чего он хотел от тебя?

Позже, крутя педали и слушая шелест начавшей опадать листвы под колесами велосипеда, она обдумывала услышанное. «Садовая улица, значит? Надо будет наведаться туда, вдруг этот мужчина туда придет. Но не сегодня».

Сегодня она должна была встретиться с Ваней и узнать, как продвигаются поиски того убийцы.

На улице медленно темнело, где-то с другой стороны дома заходило солнце.

— Может, не надо? — отчаянно спросила Маша, глядя, как ее сестра открывает окно. Малышка сжимала в руках альбом и коричневый карандаш, которым до этого раскрашивала собаку с частоколом зубов, бегущую к виднеющемуся в верхней части листа домику.

— Я буду осторожна, — ответила Лиза, решительно прикусывая губу и залезая на подоконник. Придерживая за раму, она высунулась наружу и посмотрела вниз, оценивая высоту. Второй этаж, гладкая стена, колючие кусты внизу. Надо постараться не упасть.

Лиза оглянулась, прикидывая, выдержит ли самодельная баррикада, если тварь за дверь снова станет ломиться внутрь. Мышцы рук и спины до сих пор болели, но девочка смогла опрокинуть скрипящий шкаф, радуясь, что тот пуст, и намертво заблокировав дверь. Это было надежнее стула, и можно было не беспокоиться, что, пока Лиза обдумывает побег, монстр доберется до сестренки.

Очень хотелось есть и пить. Лиза понимала, что на следующий день сил не прибавится, и надо что-то делать уже сейчас.

Она вновь высунулась и посмотрела направо. Вот оно, окно в ее комнату. Надо перелезть туда и взять мобильный, а затем либо вернуться к сестре, либо забаррикадироваться уже там. И ждать помощи от взрослых!

Лиза сглотнула и вытерла вспотевшие ладони о пижаму. Встала на цыпочки и начала продвигаться по карнизу. Шаг, еще шаг. Не смотреть вниз. Вот он, край. Теперь тянись...

Рука скользнула по шершавой стене, пальцы другой отчаянно вцепились в раму, удерживая девочку над пустотой практически на весу. Лиза едва смогла нащупать край второго окна и вцепилась в него, дрожа от напряжения. Теперь еще шаг, на второй карниз! Готово.

Так она и замерла, распятая между двумя окнами, прижавшись спиной к стене и еле дыша от страха. Сердце колотилось, в животе что-то болезненно щекотало. Она и не знала, что так боится высоты...

На улице стремительно темнело, небо стало насыщенно синим, а тень от дома растянулась на весь пустырь. По дороге проехало несколько машин, подсвечивая себе фарами, но никто не обратил внимания на девочку, почти сливающуюся со стеной.

Наконец, собравшись, Лиза рывком перебросила себя на второй карниз, вцепилась в окно своей комнаты, прислонившись лбом к стеклу и тяжело дыша. Ее дыхание оседало на стекле, белой пеленой заслоняя то, что было в комнате, и не сразу она поняла, что оттуда на нее кто-то смотрит.

Дверь в комнату Лизы была приоткрыта, из нее к самому окну шел черный след, словно нечто волочилось по полу, цепляясь когтями за доски паркета. Оно проползло под подоконник, где уже несколько часов лежало, набираясь сил и прислушиваясь к дому, в надежде, что еда рано или поздно выйдет из своего убежища.

Сейчас существо проснулось и снизу вверх смотрело на Лизу, положив на подоконник острый подбородок. Лицо у него было человеческое, но с широко распахнутыми мертвыми глазами на темной, сочащейся слизью коже. Вместо носа виднелся алый провал, а под ним растягивался в безумной улыбке рот с мелкими, острыми зубами.

Лиза не могла отвести от него взгляда, не могла пошевелиться. Босые пальцы ее ног были совсем близко от зубов существа, лишь тонкое стекло не давало ей почувствовать его дыхание.

Улыбка монстра стала шире, он подался вперед, вытянув длинную, склизкую шею. По подоконнику скользнула, оставляя черный след, ладонь, каждый палец на которой заканчивался длинным загнутым когтем. Другая рука существа легла на стекло, постукивая когтями напротив бедра Лизы.

Когда еще одна рука с гулким стуком ударила в окно, Лиза опомнилась и закричала, отшатнувшись. В спину дохнула пустота, но девочка этого словно и не заметила, одним диким прыжком рванувшись к соседнему окну. Позади раздался звук бьющегося стекла, но Лиза уже перепрыгнула, все еще крича, на другой карниз, где перелезла в комнату, и оттолкнула бросившуюся к ней Машу:

— Не подходи к окну! Не подходи! — она, даже не пытаясь сдерживать слезы, в ужасе посмотрела направо и захлопнула створки. Только бы та тварь не полезла к ним...

Словно в ответ на ее мысли, в дверь комнаты с силой ударили. Шкаф покачнулся, но выстоял. Следом раздался долгий, разочарованный стон, от которого по телу Лизы прошла

новая волна озноба. Она упала на пол, запустив пальцы в волосы и мотая головой, не желая верить в то, с чем столкнулась лицом к лицу.

Рядом с ней опустилась Маша, тут же с какой-то недетской решительностью начавшая новый рисунок в своем потрепанном альбоме.

Как будто это могло что-то изменить или исправить...

Глава 8. Ночные гости

Тварь за дверью непрерывно скреблась, судя по звукам, пыталась ее даже грызть, откусывая щепку за щепкой. Гнилостный запах заполнял комнату, несмотря на открытое окно, с каждым часом становилось все трудней дышать. На ночной улице было тихо, только пели сверчки на пустыре и далеко в городе звучала сигнализация.

Живот Лизы громко заурчал от голода. Девочка вздохнула и крепче прижала к себе игрушечного медвежонка, чувствуя себя совсем маленькой, младше сестренки, и очень беспомощной. Она не знала, что делать дальше, не знала, когда вернется папа, и получится ли им вообще дожить до этого момента.

Уставшая сестренка снова спала, не выпуская карандаш из стиснутого кулачка. На кровати тут и там лежали ее рисунки, на каждом малышка нарисовала либо собаку, либо их семью — три человечка, волосы-спиральки, руки-палочки с растопыренными пальцами, широкие улыбки. Маша словно думала, что через рисунки сможет вернуть время, когда все было хорошо и правильно, рядом был папа, а за дверями не таились монстры...

«Если бы отец распаковал коробки, на окнах висели бы наши шторы, их можно было бы связать и спуститься из окна. Если бы я попросила у него новый телефон, когда хотела, Маше отдали бы мой старый, он был бы в этой комнате, и мы могли позвать на помощь. Если бы я перенесла Машу ночевать к себе...» — думала Лиза, раскачиваясь из стороны в сторону и медленно мотая головой. На ее лице застыла беспомощная улыбка, она уже не плакала — слишком устала.

«Если взять Машу и выпрыгнуть из окна, мы, может, и выживем, и сможем дойти до людей. Но если я что-то сломаю и не смогу идти, чудовище выйдет из дома и доберется до меня. Уж лучше умереть от голода...»

Постепенно она начинала погружаться в сон, перестав обращать внимание на скрежет когтей по двери и на сильные стоны неведомой твари. Все вокруг странно закружилось и ухнуло вниз, а сама Лиза осталась одна, в темноте, среди облаков.

Она, как в детстве, летела над городом, глядя на его огни, на скользкие по улицам машины, на освещенные аквариумы домов, где люди занимались какими-то своими делами — смотрели телевизоры, играли с детьми, готовили еду. Во сне Лиза сглотнула, почувствовав вкусные запахи из одного приоткрытого окна, торопливо отлетела в сторону, напугав сидящую на балконе трехцветную кошку.

Девочка-призрак вновь взмыла в небо, вопреки всем бедам наслаждаясь полетом и свободой, дыша полной грудью и ни о чем не думая. Лишь один раз ей показалось, будто что-то пролетело мимо, хлопая крыльями, но оно исчезло в темноте прежде, чем Лиза обернулась. Птица, наверное...

Лиза немного посидела на крыше многоэтажки над кинотеатром, глядя вниз, на людей, выходящих с позднего сеанса. Одна пара вела с собой сонного, трогательно зевающего мальчишку, и это внезапно до боли в сердце напомнило Лизе сестренку. Поднявшись, Лиза шагнула с крыши и полетела домой, а уличные фонари прерывисто мигали ей вслед.

Чем ближе она подлетала к своей улице, тем слабее становились окружающие запахи, и сквозь них проступала знакомая приторная вонь. Словно издали доносились до Лизы скребущие звуки и стоны чудовища, становившиеся все громче, пока не заполнили весь ее мир.

Лиза открыла глаза и посмотрела на сестренку. Та вновь склонилась над альбомом, водя карандашом из стороны в сторону и закусив губу, обветренную от усталости и жажды. Лиза вздохнула и с тоской взглянула в окно. Вздрогнула.

На карнизе с той стороны кто-то сидел. Сначала похолодевшей девочке почудилось, что это давешнее чудовище, и лишь потом она разглядела неожиданного гостя.

Наверное, это была сова. Крапчатые перья топорщились во все стороны, сливаясь с темнотой и не давая рассмотреть птицу полностью. Видны были только огромные серые глаза, внимательно осматривающие комнату и обеих девочек. Поймав взгляд Лизы, сова моргнула, но даже не пошевелилась, чтобы улететь.

— Привет, птичка, — сказала девочка, устало улыбнувшись, а Маша удивленно привстала на кровати, выронив карандаш. — Что тебе нужно?

Сова наклонила голову и вновь моргнула, как будто понимая ее слова. Лиза поднялась с пола и подошла ближе к окну, остановилась, только сейчас оценив размер гостя. Птица была большой, крупнее Маши, и, сидя на карнизе, занимала почти весь оконный проем.

И... было в ней что-то странное. Лиза не смогла бы объяснить словами, что именно ее смутило и заставило шагнуть назад. Позже она вспомнит вытянутую вверх голову и бледные человеческие пальцы, которыми ночная гостья держалась за карниз.

«Это не сова! Я что, все еще сплю?»

Словно в ответ на ее мысли, птица улыбнулась. Клюва у нее не было, вместо него был зубастый рот.

Прежде чем Лиза успела по-настоящему испугаться, существо отвернулось и спрыгнуло вниз. Подбежавшая к окну Лиза успела только проводить странную птицу взглядом, прежде чем та, взмахнув огромными крыльями, бесшумно скрылась за углом дома.

Сова взмахнула крыльями, поднимаясь выше над полями и пустыми дорогами. Свежий воздух отрезвлял, прогоняя воспоминания о чудовище, с которым она столкнулась в том доме. Не верилось, что в городе можно встретить подобное!

Ведь есть же законы, которые невозможно нарушить. Правила, общие для всех, и если ты хочешь остаться в этом мире, ты должен их соблюдать!

Птица много читала, пытаясь понять, как именно надо жить здесь. Изучала любое упоминание о сородичах и им подобным, искала тайные знаки, расспрашивала людей. Из-за этого она казалась людям очень странной, и понимали ее только родители — и Иван...

Мало кто из людей знал о том, кто может скрываться за личиной, казалось бы, обычного человека, друга или соседа. А те из них, что подошли близко к разгадке, не встречали понимания среди братьев, их называли фанатиками или сумасшедшими. Но некоторые, столкнувшись с неведомым лицом к лицу, могли рассказывать об этом иносказательно, в книгах и песнях, а порой их примеру следовали и сами существа, передавая другим тайные сообщения.

Некоторые из этих посланий прошли через тысячелетия, сохранившись в сказках и мифах, и поколениями пришельцы из других миров следовали этим правилам...

Родичи птицы веками изучали подобные книги, работали в архивах и библиотеках, а по ночам вылетали за город, где сидели на ветвях и делились добытыми знаниями. Молодую птицу ждала та же судьба, пусть и казавшаяся ей немного скучной.

Но только не сейчас! Ведь законы смогли как-то нарушить. Лишь одно существо, затаившееся в том доме, но за ним могут последовать другие, а если люди их заметят...

В опасности будут все.

Краем глаза заметив движение, птица сложила крылья и камнем упала вниз, чтобы мгновением спустя вновь выровнять полет и сунуть в пасть пойманную летучую мышь. Вкуса она даже не почувствовала, вновь вспоминая ту тварь. Сову тогда заинтересовало разбитое окно на втором этаже, пришлось опуститься на карниз, чтобы заглянуть внутрь...

а затем она услышала топот из-за открытой двери. Встретилась взглядом с чудовищем, почувствовала исходящую от него жажду крови...

И увидела человека за его спиной.

Птица быстрее забила крыльями, возвращаясь в город, а луна выглянула из облаков и выбелила ее перья, превратив в беспокойного призрака, летящего над безлюдной дорогой.

«Нужно скорее вернуться в город. Надо рассказать обо всем Ване!...»

...Школьник открыл глаза и резко сел на кровати. Будь рядом мама, она удивилась бы его бледности, только подчеркиваемой синим светом ночника — Иван по-прежнему не мог спать в темноте, на грани сна ему всегда казалось, что из теней к нему тянутся когтистые лапы, а их владелец раз за разом меняет обличья и смеется над мальчишкой и его мнимой победой.

Иван провел ладонью по взъерошенным волосам, потянулся и поморщился, ненароком стукнув загипсованной рукой по стене. Но родители не проснулись, и он, успокоившись, вновь прислушался к своему дару. Показалось — или нет? Где-то там, на улице, всплеск ярости...

Школьник осторожно встал с кровати и начал одеваться. Синяя ветровка, поверх нее привычно лег кристальный амулет, черные джинсы, растоптанные кроссовки, которые он всегда надевал на дело. Он успеет прогуляться, пока родители не встанут, и, быть может, что-то найдет. Если повезет — убийцу, который служил той твари из переулка и скармливал ей беспомощных людей. Если нет... Иван хотя бы полюбуется рассветом.

Он неслышно прикрыл дверь в квартиру и сбегал вниз по лестнице, справедливо полагая, что звуки шумного лифта могут разбудить его родителей даже сквозь стену. Обшарпанные стены подъезда неприятно напомнили тот самый переулок, поэтому Иван неосознанно ускорился, почти выбежав из дверей на холодный ночной воздух. Вдохнул его всей грудью, наслаждаясь тишиной спящего города, сейчас лишь изредка порывающего далекими моторами машин.

В соседнем доме погасло одно из немногих окон, и Иван мысленно пожелал незнакомому человеку сладких снов, подкрепив свое послание даром. В такие моменты школьник чувствовал себя почти всемогущим, когда сила текла сквозь тело, а мир кружился и словно таял, и тень проклятого города ложилась на него, проступая сквозь изнанку...

Внезапно он почувствовал, что уже не один. На пустынной ночной улице, в холодном свете фонаря, за его спиной кто-то был, недобрый, темный. Иван обернулся и никого не увидел. Позади раздался тихий смешок, а где-то в темноте без малейшего дуновения ветра зашелестела листва, упала крышка мусорного бака. Паренек напрягся, ощупывая улицу даром, и почувствовал, как что-то растаяло в воздухе, стоило его коснуться. Но этой доли мгновения хватило, чтобы все понять...

— Тебя здесь быть не может, — сказал он, сжав амулет и ощутив, как кристальные грани шевелятся, пытаются раскрыться, как песок клубится и шевелится под его ногами. — Ты заперт!

«Но ты-то — нет?» — глумливо спросил его ночной город.

Не выдержав, Иван развернулся и пошел, почти побежал прочь, стараясь не оборачиваться и не смотреть по сторонам. Он боялся увидеть свое отражение, боялся услышать легкие шаги за спиной — здесь, в настоящем мире!

Теперь все стало ясно! Его дар всегда черпал силы оттуда, с изнанки города. Иван совсем забыл, что эта изнанка обитаема, и его зов могут услышать, какими бы благими не были намерения. Тогда за ним смогут последовать...

...Спустя час странная птица опустилась на балкон его комнаты, разочарованно заклокотала и улетела кружить над улицами, то и дело издавая беззвучный призывный крик.

Времени становилось все меньше.

— Где же вы, где же... — бормотал Лёха, идя вниз по улице неровной дерганной походкой, как если бы каждый шаг давался ему через силу и в любой момент мог закончиться падением. Небритое лицо убийцы было искажено страданием, потухшие глаза бегали из стороны в сторону, осматривая шеренгу частных домиков.

Лёха был в отчаянии. Никогда еще ему не было так плохо! Если бы он знал, как сильно подсядет на подарки Госпожи, удрал бы из этого чертова переулка, как только впервые зашел туда! А ведь все шло так хорошо...

Он споткнулся и чуть не упал, еле добравшись до стоящей неподалеку скамейки. Изо всех сил стиснул пальцами ее чугунную спинку, со стоном согнулся, и его вырвало желчью. Тяжело дыша, Лёха сел и разрыдался.

«Я умираю. Эта чертова тварь меня отравила, и я умираю!»

Он запрокинул голову, глядя, как мутное облако медленно наползает на огрызок луны. Убийцу потряхивало, он чувствовал, что скоро его снова стошнит, но все равно нашел в себе силы криво усмехнуться.

«Она понимала, что я могу предать ее, и подстраховалась. Но виновата в этом не она. И не я...»

— Чертов Пётр! Это все из-за тебя!

И, словно дожидаясь его слов, с другой стороны улицы донесся тонкий, протяжный крик. Лёха вскинул голову, прислушиваясь. «А это еще что?»

Он с трудом поднялся и двинулся вперед, то и дело от слабости падая на колени, словно в молитвенном экстазе. Но вставал и шел, роняя слюну с дрожащих губ, часто обливаясь и что-то бормоча себе под нос, все приближаясь к последнему дому на Садовой улице.

Это было самое обычное, типовое строение, не так давно построенное и даже по виду еле обжитое. Ровный газон перед зданием пожелтел, на бетонной дорожке валялись опавшие листья, которые никто не сметал уже много дней. Фонарь над крыльцом не горел, и Лёха не сразу разглядел, что за тряпка лежит на ступеньке. Лишь подойдя почти вплотную, он увидел дохлую серую кошку, под которой медленно растекалась лужица крови.

— Так это ты кричала? — разочарованно сказал убийца, пихнув тушку носком кроссовки, окрасившимся в красное. Из-за приоткрытой двери донесся влажный шорох, и Лёха толкнул ее рукой.

Дом встретил его тишиной и сильным запахом гнили, почему-то не раздражающим, а даже приятным и знакомым, как аромат свежей выпечки в родном доме. Лёха двинулся вперед, опираясь на стену и не заметив, как дверь в подвал медленно и беззвучно открылась, и по пыльному полу скользнула чья-то узкая ладонь.

...Лёха зашел на темную кухню, покосившись на оставленную на плите кастрюлю, из которой кисло пахло протухшим супом, а затем замер, увидев на подоконнике фотографию. Это была та самая семья! Семья гребанного Петра! Его девчонки! Обнимаются на фоне цветущей яблони, глядят в камеру, младшенькая прижимает к себе плюшевого мишку, а старшая собрала волосы в пушистый хвост, и в них запутались белые лепестки.

Лёха дрожащими руками схватил рамку с фотографией и впился в нее взглядом, словно пытаясь выжечь их счастливые улыбки. «Попались, твари!»

Внезапно позади него что-то чавкнуло, и убийца обернулся. Ахнул и выронил рамку из рук, по полу разлетелись стеклянные осколки, закатываясь под стол и холодильник.

То, что смотрело на него из коридора, медленно оскалилось, обнажив острые зубы. Оно было голодно, и наконец-то дождалось.

Глава 9. Предрасветное

Странная птица все летала над ночным городом, вглядываясь в пустынные улицы, и то и дело издавая долгие, неслышные людям крики. Но тот, кому эти призывы были направлены, не отзывался, то ли не желая отвечать, то ли... нет, с ним не могло ничего случиться. Она почувствовала бы это, как в последние дни ощущала нависшую над ним опасность — темное облако с алыми прожилками, прячущееся за горизонтом. Потому и спешила найти своего друга, пока не случилось что-то непоправимое с ним или с теми двумя девочками, которым так нужна была его помощь.

Вдруг птица забила крыльями и зависла в воздухе, глядя вниз широко раскрытыми серыми глазами. С улочки на нее пристально смотрели другие глаза, карие и мудрые. Их владелец лежал на газоне под фонарем, вытянув лапы и клацая зубами на ночных мотыльков, летящих на свет. Удостоверившись, что на него обратили внимание, пёс поднялся и неторопливо потрусил в темноту, изредка оглядываясь и повиливая хвостом.

Помедлив, птица сложила крылья и упала вниз, коснувшись асфальта и в миг словно разлетевшись на отдельные перышки, которые медленно опускались на землю и исчезали, растворяясь в воздухе. Последнее перо скользнуло по щеке полной девушки, достающей из кармана круглые очки, скрадывающие птичью дальноркость.

Сара отряхнулась и привычно побежала вслед за собакой, почти физически ощущая, что опаздывает.

В дверь постучали. После стонов твари и въедливого царапанья, этот звук был настолько неожиданным, человеческим и... пугающим. Лизе на секунду представилось, как существо поднялось на ноги и натянуло на себя человеческое лицо, чтобы выманить девочек из комнаты...

А затем раздался голос:

— Есть кто живой?

Лиза изумленно всхлипнула, покачиваясь, подошла к двери, вцепилась пальцами в угол самодельной баррикады:

— Есть! Кто вы?

— Почтальон, — уверенно ответил неизвестный мужчина. — Разносил посылки, смотрю — у вас дверь открыта! Вы чего тут заперлись? Что-то стряслось?

— Да... — еле слышно ответила Лиза, оглядываясь на сестренку, молча сжавшуюся в углу комнаты, у самого окна. На её исхудавшем личике испуганно блестели синие глаза. — Мы не знаем, где наш папа! А в дом пробрался какой-то... зверь, и мы от него здесь спрятались.

Девочка побоялась говорить про чудовище, ведь их спаситель мог подумать, что она смеется над ним, и уйти.

— Я видел, как что-то скрылось в подвале, — задумчиво сказал незнакомец. — Наверное, это и есть ваш зверь. Дверь туда я запер на всякий случай. Нам ничего не угрожает, но раз тут такое дело, лучше скорее выбираться из дома! Открой дверь, и я вас с сестрой отведу в полицию!

— Да! Да, сейчас! — сказала Лиза и уперлась руками в опрокинутый шкаф. Из-за ее слабости он едва шевельнулся, и пришлось почти сразу сделать перерыв. Сквозь свое тяжелое дыхание она услышала, как всхлипывает Маша и одна навязчивая мысль, не дававшая Лизе покоя с начала разговора, внезапно обрела форму.

Девочка медленно выпрямилась:

— А откуда вы знаете, что я дома не одна? Что нас здесь двое?

Незнакомец какое-то время молчал, затем сказал:

— Я видел фотографию на кухне. Чего ты боишься, детка? Что я вас выманиваю?
— он странно хихикнул, и Лизе стало страшно. Кто стоит за дверью? Чего он хочет?!

— Я вам не верю, — сказала она дрожащим голосом. — Я не стану открывать дверь. А если вы хотите нам помочь, так вызывайте полицию! Мы выйдем только к ним!

— Вот сучка, — как-то очень дружелюбно сказал человек за дверью и замолчал. В тишине Лиза заломила пальцы, а Маша подошла к ней и прижалась крепко-крепко, обхватив ее талию холодными руками. Она молчала, словно разучилась говорить от всего пережитого.

Вдруг в дверь ударили с такой силой, что баррикада пошатнулась. Лиза испуганно закричала. Этот человек выламывал дверь!

К счастью, следующие два удара она выдержала, пусть из-под рамы и брызнул мелкий песок и ошметки краски. Человек за дверью чертыхнулся и прорычал:

— Я все равно до вас доберусь!

Раздались громкие шаги вниз по лестнице, а затем Лиза прислушалась и похолодела. Из-за двери донесся разочарованный стон и удаляющееся влажное хлюпанье. Тварь была здесь! Она с тем человеком заодно!

Лёха сбежал по ступенькам, потирая ушибленное о доски плечо, затем подошел к двери в подвал. Убийца злился, но в то же время чувствовал небывалый, веселый азарт, только усиливающийся от вернувшейся ломки. Надо достать этих тупых девчонок и накормить нового друга. Но сперва попробовать выяснить у них, как же так вышло, что Госпожа умерла — вдруг хоть эти ничтожества знают ответ?! От их папаша его добиваться уже бесполезно...

Лёха ухмыльнулся, услышав торопливые шлепки ладонями по лестнице.

— Решил за мной ходить? — парень обернулся и встретил взгляд существа, свесившегося между деревянными столбиками перил. — Не бойся, братан, я тебя не брошу. Мы с тобой еще повеселимся!

Существо в ответ вытянуло склизкую шею и тихо заклокотало, пытаясь что-то сказать, но срываясь в мокрый кашель. Оно еще не достаточно выросло, еще не все в себя вобрало. И оно было голодным, а соблазнительный запах этого человека все еще сочился из-под наскоро сделанной повязки на руке. Но вновь трогать его было нельзя, ведь человек — слуга Матери...

Лёха, скрывая отвращение, рассматривал своего нового приятеля, мысленно сравнивая его с Госпожой. Те же шесть длинных рук, та же едкая слизь, тот же запах — такой знакомый и родной! Но... эта тварь еле ползала, пусть и все равно оставалась быстрой и сильной. И она была похожа на человека по строению черепа и пятипалых рук, а вместо, скорее всего, человеческих ног торчали недоразвитые отростки. И ведь тварь еще умудряется с их помощью прыгать...

Лёха невольно прикрыл ладонью свою повязку, вспоминая, с какой силой существо взгрызлось в его плоть, прежде чем почувствовало их родство и в страхе убежало, скатившись по лестнице в подвал и оставив убийцу корчиться от боли на окровавленном полу кухни. А затем боль отступила. Ушла, забрав с собой ломку и оставив чувство, что вот теперь — наконец-то! — он не один.

Позже, замотав рану полотенцем, Лёха спустился в подвал по трясущейся деревянной лестнице. Голова кружилась, он чуть не упал, наверняка переломав бы себе все ноги. Но обошлось, и кроссовки ступили на пол, на половину пальца покрытый черной

слизью. Даже подвал в этом доме был грязным и полупустым, только тут и там стояли размокшие коробки с вещами.

И в дальнем углу подвала убийца увидел тварь, по-паучьи застывшую над какой-то грудой. Существо не сводило опасливого взгляда с Лёхи, нервно касаясь груди то одной, то другой рукой. «Охраняет самое дорогое?»

Лишь подойдя ближе, убийца рассмотрел то, что оберегала тварь. А рассмотрев, расхохотался, и смеялся, пока не опустился в слизь, на пол, полностью обессилев. Существо осторожно подползло к хохочущему Лёхе и долго, вплотную всматривалось в его лицо, пытаясь понять, что делать дальше. Съесть этого человека? Или служить ему как старшему собрату? Жизнь так сложна, когда ты мал и одинок...

Лёха успокоился и устался на тварь с тем же задумчивым видом, иногда по его лицу пробегала быстрая, нервная улыбка, и существо настороженно скалилось в ответ.

Два чудовища сидели в темном подвале, в то время как ночь кралась над городом и несла рассвет на кончике хвоста.

— Ваня! — голос Сары разнесся по улице, и сидящий на скамейке школьник вздрогнул. Он прятал лицо в капюшоне ветровки, ежился от холода, но не двинулся с места, даже когда Сара подбежала совсем близко.

Она остановилась, переводя дух. Ей, привычной к полету, всегда было сложно на земле. Но пришлось бежать, следуя за собакой, опустившей нос к самой земле, перепрыгивать низкие заборы, даже упасть несколько раз, обдирая колени и порвав джинсы! Чтобы найти Ивана...

— Ты что, меня не слышал? Я так звала!

— Я все слышал, — глухо ответил парень. — Но отвечать мне больше нельзя.

Сара удивленно моргнула:

— В каком это смысле?

— В таком, — Иван поднял голову, и девушка впервые увидела его лицо. Казалось, оно принадлежало мертвецу. Кожа побледнела, глаза запали, а всегда аккуратно зачесанные волосы растрепались и падали на лоб, — что я совершил страшную ошибку. Используя свой дар с ненавистью в сердце, я разбудил темного бога, и он пришел за мной.

— Ваня, — Сара опустилась рядом с ним и попыталась взять его за здоровую руку, но школьник отшатнулся, — это невозможно, ты же знаешь. Он не сможет выбраться оттуда, как бы не старался!

— Но он может позвать меня! — чуть не крикнул Иван. — Может сделать что-то со мной! Что-то такое, отчего я сам его... выпущу... — он поник головой и заморгал, сдерживая злые слезы. — Поэтому мне нельзя использовать дар. Нельзя позволить ему достать меня.

— Но тебе нужно его использовать. Больше никто не сможет защитить людей от чудовищ!

Иван хмыкнул:

— Но если...

— Не перебивай! — Сара вскочила и нависла над ним, в стеклах очков мерцали блики, а волосы торчали в стороны, как перья. — Я летала и видела дом. В том доме поселилось чудовище! Не на изнанке мира, а здесь, у нас! И рядом с ним люди. Две девочки, одна еще совсем малышка. Они заперлись в комнате, завалили дверь шкафом, и им нужна твоя помощь! Эта тварь к ним рвется, и скоро проникнет внутрь!

— Мне их очень жаль! Но я ничего не могу сделать!

— Нет, — Сара отстранилась и даже сделала шаг назад, глядя на Ивана с презрением. — Ты не хочешь. Ты просто боишься.

— Так и есть, — обронил парень и отвернулся. — И ты ошибалась во мне. Я никогда не был героем.

Сара с минуту смотрела на него, сжимая маленькие ладони в кулаки. Затем развернулась и пошла прочь, шагая все быстрее. Когда Иван посмотрел в ее сторону, девушка уже пропала за углом улицы, и откуда-то раздались хлопки крыльев.

Школьник тихо вздохнул и посмотрел на небо. Ночь казалась бесконечной, издевкой сейчас были бы слова о том, что перед рассветом она бывает темнее всего.

Иногда и рассвет бывает непроглядно-черным.

Пётр крепко спал. Сквозь сон он чувствовал ноющую боль во всем теле, которая особенно остро отдавалась в груди. Ему чудилось, что воздух скрежет по оголенным ребрам, касается еле бьющегося сердца, тревожит рваные остатки легких.

Это был странный сон, их тех, что нельзя рассказывать дочкам. Особенно Лизе, она же будет волноваться за него...

В полусне Петру слышались чьи-то голоса, один из которых был смутно знаком, а другой кашлял и кряхтел что-то вовсе непонятное, словно пьяный. Они что-то обсуждали, а затем неизвестный легко, как ребенка, поднял Петра на руки, вновь разбудив ноющую боль в его груди. Отец Лизы раскрыл рот в беззвучном крике и выгнулся, чувствуя, как вместе с несущим его человеком поднимается по лестнице, но ничего не видя, несмотря на распахнутые глаза.

Его опустили на пол, и Пётр с облегчением прижался залитой слезами щекой к холодному паркету. Мир снова поплыл куда-то вдаль, и мужчина уже не услышал, как незнакомец поднимается вверх по лестнице, на второй этаж.

Если бы Пётр мог видеть, он заметил бы в руках незнакомца топор, который висел на стене в подвале, оставшись от прежних жильцов. Если бы он мог видеть, то узнал бы и самого Лёху — и, быть может, задал ему пару вопросов.

Но Пётр ничего не увидел. Наверное — и к лучшему, ведь над ним замерло существо с шестью черными руками, с острыми зубами и безумным взглядом. Оно осторожно уложило Петра поудобнее, стараясь не побеспокоить его раны и не причинить лишней боли.

Существо понимало, что этого человека следует беречь. Еще несколько дней, пока он останется в живых, и последние его органы не перейдут к твари, рожденной из его тела.

Сара летела вперед, задыхаясь от злости и отчаяния. Ей не верилось, что Иван отказался от своего предназначения, что он струсил! Конечно, ему есть, чего бояться, ведь он уже сталкивался с темным богом в детстве, но... разве те девочки в этом виноваты? И остальные люди, если тварь вырвется на волю и вырастет.

Не бывать этому! Сара с яростью взмахнула крыльями. Ведь убив то чудовище, она не нарушит никаких законов? Это ведь не считается за агрессию к существам этого мира?

Даже если что-то вдруг пойдет не так, и Сару выкинет отсюда и заточит в клетку, то родные помогут ей спастись, найдут способ вырваться на волю, даже если это займет многие века. И раз это цена за чистую совесть... она готова ее заплатить. Но Ивана уже не простит.

Никогда.

Глава 10. Мальчик и его дар

Лёха вновь размахнулся, вогнав лезвие топора в дверь, покрытую щербинами, и выломал из нее целый кусок. Он уже разделся по пояс, обнажив бледную впалую грудь, и было видно, как под кожей двигаются мышцы — убийца был истощен, но сохранил остатки силы, теперь пробудившейся. Он вновь нашел смысл жизни, и ничто не могло его остановить...

Из-за двери донесся вскрик, когда Лёха пинком выбил целую доску, стал виден опрокинутый шкаф, не дающий двери раскрыться. Новый пинок — и баррикада чуть отъехала, тяжело дышащий убийца навалился, сдвигая ее сильнее. Сейчас бы ему пригодился новый друг, чтобы закончить все быстрее, но тому понадобился отдых, и он остался в гостиной. «Сам виноват, пропустит все веселье!»

Еще один удар, и Лёха смог ввалиться в комнату, не выпуская топора из рук и радостно оскалившись: девочки, привет! Недоуменно огляделся, пытаясь понять, куда они делись, и спрятавшаяся за баррикадой Лиза с размаху огрела его отломанной ножкой стула. Тут же отпрянула, выронив свое оружие, испуганная глухим стуком дерева о череп и тем, что незнакомец все еще стоит, не падает!

Лёха медленно обернулся, коснулся затылка и недоуменно посмотрел на ладонь, окрасившуюся кровью:

— Ах ты мелкая сука! — парень не мог поверить. Она ударила его!

Разъяренный убийца бросился на Лизу, размахивая топором, но споткнулся о что-то мягкое, обхватившее его голень маленькими руками, и чуть не упал. Бросившаяся ему под ноги Маша откатилась в сторону и скорчилась там от боли, но не произнесла ни слова — не могла, а Лиза со всех оставшихся сил толкнула мужчину на угол баррикады и, пока тот хватал ртом воздух, подхватила сестру и бросилась прочь из комнаты.

В глазах девочки темнело от слабости и страха, далеко убежать она бы и не успела. Лёха нагнал ее у самой лестницы, свалил с ног и ударил в живот, отчего Лиза ахнула и свернулась калачиком. Сквозь слезы она услышала, что незнакомец оттаскивает Машу обратно в комнату, а затем возвращается. С трудом открыв глаза, она увидела уродливое лицо мужчины, его жуткий взгляд и слюнявый оскал, обещающий девочке все муки, возможные в этом мире.

Но Лёха лишь схватил девочку за волосы и поволок вниз по лестнице, рыча от злобы. Он вновь убедился, что не зря ненавидит женщин — разряженных кукол, игрушек для мужчин побогаче, эти твари не достойны ничего, кроме использования по назначению. Мрази, все до единой, даже самой молоденькой!

Убийца втащил упирающуюся Лизу в гостиную, где бросил на диван и придавил коленом:

— Только попробуй дернуться, сучка, и твоей сестре не поздоровится. Скормлю своему дружку вас обеих!

Лиза, еще не отошедшая от схватки, смотрела на него сквозь слезы и не могла ответить даже словом. Всю жизнь она была хорошей, домашней девочкой и, несмотря на предупреждения родителей, в глубине души была уверена — никто из взрослых не станет причинять ей вред. Из фильмов она знала, что где-то в мире бывают маньяки, но даже не думала, что когда-нибудь встретит такое чудовище у себя дома, что ей придется с ним сражаться.

Она окинула гостиную полубезумным взглядом, в ужасе заметив, что у соседней стены лежит какое-то растерзанное тело. Неужели та тварь все же добралась до человека? И они с сестрой — следующие?!

— Прошу, только не трогайте Машу! — наконец выдавила она, всхлипывая. Лёха оскалился, обнажив окровавленные зубы:

— Это зависит от тебя. Сиди тихо, и никто не пострадает... пока что, — он отстранился от девушки и вновь двинулся по лестнице, чтобы привести в гостиную и мелкую девчонку тоже. Младшая сестра его не злила так сильно, как эта — дети казались ему существами бесполоыми, не вызывающими ни единой эмоции, и лишь потом вырастали в проституток или жалких придурков, достойных только смерти в чьих-нибудь когтях.

Лиза проводила его взглядом, содрогаясь и обхватив себя руками. Ей было так страшно! Что этот человек сделает с ними? Скормит той твари? Но за что, почему именно их?! И ведь не сбежать, нельзя оставлять с ним Машу...

Лиза в отчаянии огляделась, надеясь найти хоть какое-нибудь оружие, хоть шпильку, забытую ею на кофейном столике. Но ничего не было — только пустая гостиная, запыленная мебель и окровавленное тело на полу. Лиза старалась не смотреть туда, отводила взгляд, но вдруг поняла, что в теле есть что-то знакомое. Папина футболка!

Девочку словно окатило ледяной водой, и она отшатнулась, вжалась в спинку дивана. Нет, этого быть не может! Только не так, не от лап той твари!

Мир сжался вокруг и начал осыпаться, теряя цвета. Чуть не лишаясь сознания, Лиза поднялась и сделала шаг к лежащему телу, видя происходящее словно со стороны, как в одном из снов. Шагнув еще, от неожиданной слабости она упала на колени, глядя вперед заплаканными глазами. Теперь она ясно видела отцовскую майку, разорванную на груди и пропитавшуюся кровью, его черные от грязи джинсы, серую кожу...

Лиза протянула руку, чтобы повернуть его к себе, и тут Пётр пошевелился. Ткань майки приподнялась, из дыры донеслось чавканье и медленно показалось что-то черное, вздрагивающее. Это была рука! Длинные когти мягко скользнули по боку Петра, и ладонь уперлась в пол, вокруг нее начала скапливаться вязкая кровавая лужица.

Вслед за ней из груди Петра медленно вынырнула голова твари, уставилась на Лизу черным, недобрым глазом, неторопливо облизнулась. В глазах девочки потемнело, а затем она услышала:

— Лиза...

Отец смотрел на нее и растерянно улыбался посиневшими губами. В этот момент Лиза почти с облегчением потеряла сознание.

Город посветлел, в домах загорались редкие окна — кто-то из людей уже проснулся и встречал запаздывающий рассвет. Откуда-то выполз легкий туман, улицы стали зыбкими, а дома — призрачными. Одиноким школьник сидел на скамейке, поджав замерзшие ноги, и думал о том, что скоро проснутся его родители и начнут звонить на оставленный дома мобильный. Но обратно он не спешил, дожидаясь, когда покажется наблюдающее за ним существо.

Туман вокруг сгустился, и из него вышла собака, похожая на овчарку, но беспородная и грязная. Остановилась рядом с Иваном и тяжело вздохнула, прижав уши и не глядя в его сторону.

— Ты тоже осуждаешь меня, верно? — сказал парень, устало улыбнувшись, — Да, я не такой уж храбрый. Я думал, что давно стал свободным от всех страхов, что победил и уничтожил в себе ту часть, которая умеет бояться. Но теперь вижу, что в глубине души остаюсь все тем же маленьким мальчиком, на которого взвалили слишком много ответственности, — он зябко повел плечами, плотнее запахнулся во влажную, уже не

греющую ветровку, — Я совершаю ошибки, за которые не готов заплатить. Боюсь за них платить, понимаешь?

Пес посмотрел на него, Иван протянул руку и привычно взерошил жесткую шерсть на собачьем загривке, погруженный в невеселые мысли.

— Мой детский кошмар может до меня дотянуться, и тот, кто проиграл мне тогда, в любой момент может прийти и доказать, что я никакой не герой. А ведь только то, что я справился в тот раз, давало мне силы к борьбе. Я понимал, что раз тогда все удалось, то дальше будет только проще. А я... не справился. Мне просто повезло. Теперь я это понимаю.

Иван запрокинул голову, посмотрел в серое небо, на пелену облаков, за которыми уже погасли все звезды.

— Я самозванец, который с чего-то решил, будто он спаситель мира от чудовищ. Ведь будь я спасителем, разве совершил бы столько ошибок? Я не нашел того убийцу, не справился со страхом и подверг всех опасности, а потом и вовсе, — Иван горько улыбнулся, — не пошел спасать девочек от чудовища. Разве я герой?

Школьник опустил взгляд на пса и увидел, что тот смотрит на него блестящими карими глазами, по-собачьи лукаво улыбаясь и свесив язык на бок. Как будто по-доброму смеясь над его сомнениями и напоминая о чем-то уже забытом.

— Вот Миша был героем. Он бы справился со всем куда лучше меня... — Иван склонил голову, думая о своем приемном отце, — Он совершал страшные ошибки, я знаю это. Но никогда не сдавался. Не бросал тех, кто был ему дорог. И прошел путь до самого конца, хоть и был самым обычным человеком...

Школьник замолчал, рассматривая руки — одну, закованную в посеревший от влажности гипс, и вторую, сжатую в кулак, покрытую заживающими ожогами и царапинами — следами прошедших схваток. Он победил в каждой, и этим спас многих людей...

Иван почувствовал, как его губы дрожат, складываясь в беспомощную улыбку. Где-то в груди разрасталось тепло, и его уже не могло отогнать чувство, что за любым углом, за каждой дверью его может встретить изнанка города, а в ней — старый враг, которому не страшно ни оружие, ни волшебный дар...

— Я очень боюсь встречи с ним. За все это время я не встречал никого подобного ему. И каждое использование моего дара приближает нашу встречу, и если я проиграю битву на этот раз, темный бог придет сюда... — Иван посмотрел в глаза собаки, впервые заметив в них отражение его собственных чувств. — Ты тоже этого боишься, верно?

Существо, принявшее облик собаки, медленно кивнуло.

— Но ты все равно в меня веришь? Несмотря на ошибки, которые я совершаю?

Еще один кивок.

Иван вздохнул и поднялся, собираясь с силами. Теперь ему стало многое понятно. Как бы ни хотелось сейчас остаться в стороне, это было невозможно. Во всем городе только у него были силы, чтобы что-то изменить, хоть какой-то шанс победить чудовище, возможность совершать ошибки и расплачиваться за них — душой, разумом, жизнью.

Роскошь, недоступная простым людям.

Где-то там, в туманной дымке, скрывается враг — тот человек, что скармливал чудовищу беспомощных людей. Там же в небе летит лучшая подруга Ивана, и она наверняка попробует вступить в схватку, защищая людей, пусть ничем им и не обязана. И там же неведомое чудовище, сумевшее попасть в этот мир и миновавшее все ловушки, подбирается к двум девочкам, и им нужна помощь...

В конце концов, он был здесь именно для этого.

Дар Ивана раскрылся над городом, как исполинский цветок, и каждый спящий человек в какой-то миг почувствовал связь с другими. Целое мгновение длился сон,

единый для всех, дарующий силы и успокоение, а малейшие страхи ушли, слившись с туманом и дожидаясь, пока лучи солнца не изгонят их навечно.

Собака припала на задние лапы, ощутив неожиданную мощь своего воспитанника. Затем, придя в себя, поднырнула под его руку и провела холодным носом по раскрытой ладони: «Ну что, куда пойдём?»

— Ты идёшь со мной? — спросил Иван, выходя из транса. — Тогда вперед, у нас мало времени. Сара в беде!

Лиза с трудом открыла глаза и увидела потолок в крапинках черной плесени — она медленно расползлась из подвала, залитого слизью чудовища. С тихим стоном девушка села, убрала слипшиеся волосы с бледного лица, осмотрелась. Рядом была Маша, мелко дрожащая и зажимающая себе рот маленькой ладонью. За спинкой дивана, на котором они обе сидели, что-то тихо чавкало, и Лиза не стала оборачиваться, боясь вновь встретиться взглядом с той тварью.

К ней неизбежно вернулись воспоминания о папе. Лиза всхлипнула и прижала к себе сестренку, чувствуя на своем плече ее горячее, мокрое лицо. «Мы остались совсем одни...»

«Но он ведь еще жив!»

«Нет!» Лиза дернулась, словно от боли. «Это невозможно. Не с такими ранами. Мне это привиделось перед обмороком».

Она чувствовала, что земля, пошатнувшись со дня смерти мамы, окончательно ушла из-под ног. Теперь девочки висели над пропастью, и шансов выжить было ничтожно мало, с той тварью за спиной и чертовым маньяком, выходящим из кухни со стаканом воды в руках.

Лиза встретила Лёху тяжелым, безнадежным взглядом, но убийца не обратил на это внимания, широко и дружелюбно ей улыбаясь.

— Проснулась, крошка? Хочешь пить? — грязная рука с обломанными ногтями протянула стакан Лизе. Девочка, настороженно глядя на Лёху, взяла стакан и отдала его Маше, тут жадно его опустошившей.

— С чего это вы такой добрый? — спросила Лиза. — Что вы хотите от нас?

Лёха хохотнул:

— Осмелела, крошка? Не торопись с этим. Тебе придется постараться, чтобы я передумал вас убивать, — он увидел, как из-за спинки дивана показалась голова недовольной твари, оскалился. — Мой братан хочет поскорее с вами пообщаться, а я хочу сперва поговорить. И если ты будешь честной... может я найду другую еду для него. А вы поживете еще чуть-чуть.

Лиза видела, что человек лжет. Он все равно скормит их этому существу, но так же ему нужно что-то узнать. А ей стоит выиграть время, найти способ сбежать и спасти Машу...

— И что же вы хотите спросить?

— Ну... — Лёха задумчиво сложил руки на голой груди. — Так вышло, что мою Госпожу убили, а последним, кто видел ее живой, был ваш папаня. Ты что-то знаешь об этом?

— Госпожа?.. — девочка замешкалась. Потом вспомнила свой старый сон, поехала, только теперь понимая его страшный смысл. — Старуха в лохмотьях? Из переулка?

— Верно! — Лёха взволнованно шагнул вперед, навис над Лизой, опираясь руками о спинку дивана и обдав девочку запахом застарелого пота и нездорового тела. — И кто же ее убил? Говори!

Лиза лихорадочно придумывала ответ, глядя в безумные глаза этого человека и чувствуя, как Маша трясется, все крепче к ней прижимаясь и беззвучно плача.

Твари наскучил разговор, она отползла к окну, цепляясь руками за половицы и помогая себе обрубками ног, ухватилась за подоконник и выглянула на улицу, облизываясь. Там, на пустыре, можно было поймать какого-нибудь вкусного зверя, раз уж новый друг не торопится разобраться с этими девчонками...

Разве так уж важно, кто убил Мать? Этого ведь не изменить. Больше не для кого строить Улей, искать еду, собирать рабов, чтобы Мать сделала из них новых братьев. Не будет ночных охот, слаженных стай, налетающих на чужие гнезда и поселения, чтобы добыть пищу для себя и Матери. И не будет спящих в Улье личинок — будущих Отцов и Матерей, которым однажды тоже можно будет служить...

Предаваясь грустным размышлением, существо не сразу заметило приближающуюся опасность. Раздался громкий треск, тварь заверещала, Лёха обернулся и закричал в ярости.

Неведомая птица высадила окно вместе с рамой и теперь катилась по полу, разбрасывая перья и все крепче сжимая зубы на горле бьющегося врага.

Глава 11. Бывшие друзья

Сара била крыльями, оглушая тварь, не давая ей подняться, изо всех сил впивалась зубами в мерзкую мягкую плоть. Когти врага скрежетали по ее отвердевшим перьям, пытаюсь пробиться к телу, но безуспешно...

Сара не видела ничего вокруг, только услышала крик одной из девочек, и тут же крыло пронзила мучительная боль. Взвизгнул, птица откатилась в сторону, отпустив тварь, и с трудом увернулась от нового удара топором.

Лёха, тяжело дыша, перехватил рукоять и сделал шаг вперед. Его многорукий друг метнулся к нему, ухватился за штанину шестью руками, пачкая джинсы своей черной кровью. Сара, оскалившись и волоча за собой раненое крыло, забилась в угол.

Она видела человека, которого уже встречала раньше. Тогда он напал на школьника, и Сара прогнала его прочь, еще не зная, с кем столкнулась. С тем самым убийцей, которого искал Иван! Ведь кто еще может помогать такой твари?! Убить бы его сейчас, перегрызть глотку...

«Но нельзя. Он человек. Каким бы монстром на самом деле он ни был, за его смерть отвечу я и мои родные! Но можно хотя бы покончить с другим чудовищем...»

Сара метнулась вперед, клацнула зубами перед мордой заверещающей твари, но получила пинок по раненому крылу. В глазах потемнело, она скорчилась, встопорщив перья и ожидая новых ударов.

Лёха осторожно склонился над странной птицей, держа топор наготове:

— Что ты за хрень?! — такого он еще не видал. Это птица? Или зверь? У него зубы... — Твою-то мать!

Он увидел, что перья исчезают, обнажая розовую, неровную кожу, вытянутые задние лапы с длинными пальцами, тонкие косточки крыльев, закрывающих массивную голову. На ней начали пробиваться русые волосы, закрывшие звериный оскал, а на теле словно из-под кожи выступила одежда...

Сара подняла голову, сощурилась, глядя на убийцу. Пораненную руку она прижимала к телу, чувствуя, как кровь пропитывает майку. Краем глаза она заметила девочек, старшая из них склонилась над окровавленным телом у соседней стены. Глядя, как странная птица превратилась в человека, Лиза ахнула, но не убрала руки с груди отца, чувствуя, как она медленно, с хрипом приподнимается. «Он еще жив! Папа жив!»

Лёха брезгливо сморщился, рассмотрев своего врага: «Мало того, что монстр, так еще и женщина! Стоп, где-то я ее уже видел...»

Он даже не испугался, приняв превращение как должное, как логичное продолжение болезненного бреда, в который превратилась вся его жизнь. Безумие нахлынуло на убийцу со всей силой, сопротивляться не было смысла — да и не хотелось...

— Эй, мы с тобой уже общались! — он схватил Сару за запястье, подтащил ближе к себе, оставляя кровавый след на полу. — Ты та еще сучка, верно? А я ведь и сам хотел тебя найти, поговорить о том, как мы встретились...

— Неужели? — сквозь боль выдавила Сара. — А вот я тебя не искала. Хотя знаю, кто ты такой и что сделал!

— Да что ты можешь знать, дура! — рассмеялся безумец и отпустил ее запястье. Сара, вскрикнув, упала. — Эй, братан, не хочешь перекусить? Полностью только не жри, только крылышки. Я еще хочу задать пару вопросов!

Он приглашающе махнул рукой, но тварь не отреагировала. Она медленно отползала в сторону, неотрывно глядя на Сару, и сдавленно шипела, рукой прижимая рану на шее.

— Да что это такое! Ты его напугала! Ну ничего, тогда я сам... — он вновь придвинулся к Саре и размахнулся топором. Извернувшись, девушка перехватила его руку, рванулась вперед, распахнув рот в широкой, нечеловеческой улыбке. Острые клыки рванули щеку человека, рот наполнился сладковатой кровью, пахнувшей болезнью. Вслед за этим наступила слабость, последние силы Сары ушли на этот бросок...

Заорав, убийца отбросил обмякшую девушку в сторону, по его лицу и шее хлынула кровь. Боль была такой сильной! Неожиданно он пошатнулся — кто-то с визгом налетел сзади, сдавил руками голову, по-звериному впился зубами в шею. Он выронил топор, схватил чужие руки, пытаясь высвободиться, но враг держал крепко. В голове раздался многоголосый крик, поток бессвязных проклятий и мольб. «Замолчите, только замолчите!!!»

Лиза сражалась изо всех сил, чувствуя жар, исходивший от тела убийцы, и пытаясь сбить врага с ног. Ее ударило спиной о шкаф, и девочка выгнулась от боли, разжав руки и свалившись на пол. Маша, забившаяся в дальний угол, беззвучно закричала, увидев, как окровавленный мужчина с безумным лицом склоняется над ее сестрой, доставая нож из кармана джинсов...

— Я, — Лёха сплюнув кровь от разорванной щеки, — должен узнать, кто убил Госпожу. И если придется для этого порезать тебя на куски, я с удовольствием сделаю это!

— Стой! — сквозь звучащие в его голове голоса донесся чей-то крик. Он обернулся и увидел, что Сара, прислонившись к шкафу, смотрит прямо на него. — Она ничего не знает. И ничего тебе сказать не сможет!

— Правда? — он перевел взгляд на дрожащую Лизу и обнажил окровавленные зубы в ухмылке. — Тогда она мне больше не нужна!

— Даже не думай! — отозвалась Сара. Ее глаза смотрели ясно, холодно, а зубы вновь заострились, придав девушке еще более хищный вид. — Потому что я знаю, кто убил твою хозяйку. Только тронь девочек, и я тебе ничего не расскажу.

Город был залит светом уже начинающего пригревать солнца, но воздух еще сохранял ночную прохладу, а дорожная пыль оставалась влажной. По улицам двинулись первые автобусы, их обгоняли шустрые автомобили с позевывающими людьми внутри, тормозящими у бистро, чтобы прикупить ароматный кофе в стаканчиках.

Один из водителей как раз выходил из дверей, когда его чуть не сбила с ног пробежавшая мимо дворняга. За ней промчался встрепанный школьник с загипсованной рукой.

— Эй, осторожнее! — крикнул мужчина им вслед, но Иван не обратил на него внимания. Все его мысли были вдалеке, нащупывали чужой разум, держались за него, как за тонкую ниточку. Она вздрагивала, вот-вот готовая оборваться — где-то там Сара почти теряла сознание от потери крови.

Иван мотнул головой и ускорился, догоняя бегущую впереди собаку.

— У меня нет оружия, — сказал он, вслед за псом сворачивая в переулок, чтобы срезать дорогу. — Только мой дар и амулет.

Сквозь шерсть блеснул серьезный карий глаз, собака тихо гавкнула, выражая беспокойство. Иван остановился, чтобы отдышаться, убрал со лба намокшие от пота волосы.

— Я не успею вернуться за пистолетом и не рискну соваться на изнанку города. Сейчас это еще опаснее, чем пользоваться даром. Выбора нет.

На очередном перекрестке школьник растерянно закрутил головой, в какой-то момент потеряв свою путеводную нить — Сару, но пес покрутился на месте, приняв хиваясь к асфальту, и побежал впереди, указывая своему другу дорогу. Иногда он забывался, и

вместо собаки в окнах первых этажей отражался бегущий стройный человек с сияющими глазами.

И короной из рогов на голове.

Тварь с недовольством смотрела, как Лёха привязывает Лизу к стулу проводом от лампы. Машу он связывать не стал, только рыкнул в ее сторону, и девочка испуганно прижалась к ногам сестры, боясь сдвинуться с места и то и дело оглядываясь на тварь, скорчившуюся чуть поодаль, на усыпанном битым стеклом полу.

Существо глухо застонало, невесть кому жалуясь на боль в разодранном горле. Ему было страшно, его пугала девушка, которую Лёха силой усадил на диван, и от него тварь теперь старалась держаться как можно дальше.

От девушки пахло зверем, зверем летающим, хищным, разумным, а это втройне опасно и странно — кто мог знать, что в этом мире есть подобное? И как с таким врагом справиться, когда ты ранен, слаб и недоразвит — а ведь осталось совсем немного, человек, давший твари жизнь, будет поглощен, и можно будет уже почти ничего не бояться...

Но стоило чудовищу протянуть к беспамятному Петру свою когтистую лапу, чтобы скрыться внутри, залечить рану и немного подрасти, как Лёха носком кроссовки отпихнул ее в сторону:

— Не вздумай прятаться, ты мне еще нужен!

И вот теперь раненая тварь сидела, роняя капли крови из своей раны, и тихо злилась на своего друга.

Лёха тем временем взял стул, поставил его перед диваном и оседлал его спинкой вперед, сложив руки под небритым подбородком. Сара спокойно выдержала его пристальный взгляд, и мужчина, отбив пальцами странный ритм, откинулся назад и хрипло сказал:

— Теперь рассказывай мне все. Кто убил Госпожу?

— Она сама. Твоя госпожа обрекла себя на это, когда пришла в наш мир, — ответила Сара, пожав плечами. — То, что случилось потом — просто исполнение приговора.

— Да неужели? — протянул Лёха, задумчиво поигрывая ножом. — И кто же был палачом?

Сара сощурилась:

— Ваш мир и сила, что его защищает. Можешь называть его Хранителем... или Богом.

— Значит, Госпожу убил Бог? — стиснул зубы Лёха. — Жаль, что я атеист! Хватит нести чушь. Говори, кто нажал на курок?!

Сара как будто его не услышала, продолжая говорить:

— Этот Хранитель окружил мир границей, чтобы ничто злое не проникло сюда извне. Стоит кому-то недоброму хотя бы попытаться — и он оказывается в ловушке. И либо он сам умирает от голода... либо приходит Охотник.

— Охотник? — Лёха вскочил со стула, тяжело дыша. Слюна стекала по его подбородку, глаза вспыхнули ненавистью, на сжавшихся вокруг ножа руках побелели костяшки. — Кто он?

— Он может быть кем угодно, — ответила Сара и прикрыла глаза, улыбаясь и думая о Иване, — ребенком, мужчиной, женщиной. Главное, что он человек из вашего мира, наделенный особой силой, такой человек ходит по каждому городу каждой страны, выискивая запертых тварей и уничтожая их. Ваш мир — организм, Хранитель — мозг, а Охотник — белая кровяная клетка...

— Да заткнись уже, сучка! — завопил Лёха и прыгнул вперед, мечтая на лоскуты порезать это наглое, сейчас удивительно красивое лицо.

— Нет, нет, не надо! — закричала Лиза, глядя куда-то мимо него и в кровь сдирая руки о стянувший их провод. Лёха резко развернулся, почти ничего не видя от ярости, и наткнулся на полный ненависти взгляд.

Тварь согнулась над спящим Петром и с вызовом смотрела на своего бывшего друга. Она хотела есть, а человек, пусть и давно достал еду, не желал делиться. Сейчас ей было больно, ей нужен был отдых, а человек опять помешал, не дал!

Это злило. Друзья так себя не ведут! Они помогают друг другу расти и становиться сильнее. А раз так, то твари пора бы самой о себе позаботиться.

Лиза закричала, и ей вторила Маша, закрывшая лицо руками. Злобно скалясь в сторону Лёхи, тварь медленно погружалась в тело их отца.

— Ребенок, — шептал Иван, бегущий вниз по Садовой улице и уже не обращающий внимания на пульсирующую боль в ногах. — Напуганный ребенок. С небольшим даром. Зовет на помощь.

Проезжающая мимо машина просигналила, водитель высунулся, чтобы что-то ему сказать, но школьник не обратил внимания. Даже если это был знакомый родителей, из-за которого те потом отчитают сына за пропуск школы — какая разница? Есть дела важнее.

— Девушка. Ей больно. Она обнимает ребенка. У нее тоже есть дар. Я вижу ее! — Иван почти выкрикнул последнюю фразу и побежал быстрее, хотя казалось, что это невозможно.

— Человек. Очень злой. Совсем безумный. Я искал его. Я его вижу, — рядом прыжками неслась собака, задирая голову, чтобы заглянуть в лицо Ивану. Там, где ноги бегущего школьника касались асфальта, мокрая пыль мгновенно высыхала и собиралась в высокие смерчи, змеями тянущиеся по дороге за ним.

— Монстр, — беззвучно шевелились обкусанные губы Ивана. — Слабый монстр. Больной человек. Один из них умирает. Кто?..

По его лицу потекли слезы, в этот момент многие в городе ощутили внезапную горечь и украдкой вытерли влагу с щек.

— И Сара. Милая Сара. Я вижу тебя. Я рядом.

Пётр почувствовал, как сон начинает отступать. Откуда-то донеслись звуки, они становились все громче и ближе. Какой-то мужчина ругался и рычал, как зверь, женский голос надрывно смеялся, а сквозь них, сквозь них...

Кричала и плакала Лиза.

«Доченька!»

Пётр дернулся, перебарывая неожиданную слабость и боль, сотнями игл пронзившую грудь и живот. Его ноги скользили по чему-то липкому, пальцы беспомощно скребли по паркету, а голова моталась из стороны в сторону, глядя в потолок невидящими глазами.

Забыв обо всем, Лёха метнулся вперед, пытаясь удержать бьющегося мужчину, не дать ему навредить себе — и спрятавшейся внутри твари. Навалился сверху, вцепился в запястья, удивляясь такой силе в иссушенном, наполовину поглощенном теле.

Дернувшись еще пару раз, Пётр затих, тяжело дыша и почти не двигаясь. Лёха перевел дух и осторожно выпустил руки мужчины, радуясь, что сумел сдержать этот неожиданный припадок. И только опустив взгляд он увидел, что Пётр смотрит абсолютно осознанно, и в глазах его стремительно разгорается гнев.

— Ты!!

Глава 12. Нельзя сдаваться

Иван замедлился и остановился, опустил на одно колено, чтобы сорвать травинку с пожелтевшего газона. Растер ее в пальцах, глядя, как она рассыпается в пыль, задумчиво посмотрел на закрывающий солнце, зловещий дом, в котором притаилась неведомая опасность.

Впрочем, почему неведомая? Он знал, с чем придется столкнуться внутри.

Иван тихо сказал своему спутнику:

— Я возьму на себя человека, а ты не дай монстру вырваться на свободу и навредить девочкам.

Пес фыркнул и почесал загривок задней лапой, старательно изогнувшись, затем посмотрел на Ивана и сверкнул глазами. Юноше на секунду показалось, что собака хочет что-то ему сказать, но она только вытянулась и провела черным носом по его загипсованной руке. Иван хмыкнул:

— С людьми мне драться еще не приходилось. Едва ли это сложнее, чем победить монстра, но все же... — он принялся разматывать бинт, освобождая руку, — спасибо тебе.

Разломанный гипс упал на землю, брызнув белой крошкой. Школьник размял исцеленную руку и решительно шагнул к темному зданию, где его ждал наконец-то обнаруженный убийца.

— Эй-эй-эй! — Лёха оттолкнул бросившегося на него мужчину, и тот растянулся на полу, вновь пытаясь подняться. — Не надо делать глупостей! У меня твои девочки!

Пётр затих, тяжело дыша, и впервые осмотрелся. В гостиной, где находился отец Лизы, помимо странного парня, что ограбил его в тот раз, была еще какая-то незнакомая девушка, сидящая на диване и прижимающая к груди руку со страшной раной. Кровь пропитывала одежду и длинные волосы, падающие на почти белое лицо. Ей же нужна помощь, почему никто не вызвал скорую?!

А девочки... они были в другом углу комнаты, Лиза, привязанная к стулу, и прижавшаяся к ней Маша, на их лицах был написан такой ужас, что сердце Петра сжалось и пропустило удар.

Они были так бледны, измучены, напуганы... Кто виноват в этом? Кто посмел?!

Пётр перевел потемневший взгляд на нависшего над ним парня и прорычал:

— Какого черта ты творишь? А ну отпусти нас!

Лёха рассмеялся и наступил мужчине на грудь, вдавливая в пол. Пётр взвыл от боли, чувствуя, как его ребра смещаются, царапая друг друга.

— Извини, папаша, но не могу. В тебе сидит мой хороший друг, я не готов с ним так просто расстаться!

— Ты сумасшедший, — выдавил Пётр сквозь боль. «И что этот безумец делает в моем доме?! Он опять меня отравил? Ничего не помню...»

— Папа, папочка! — закричала Лиза, забившись и выкручивая руки, пытаясь освободиться. Лёха злобно на нее посмотрел:

— Заткнись, сучка! Иначе я сделаю очень больно твоему па...

Он осекся и на секунду прижал руку ко лбу. Что это такое? Мотнул головой и продолжил чуть изменившимся голосом:

— Я буду резать его на части... Черт возьми! — Лёха дернулся и вновь схватился за голову. Голоса, тихо шепчущие советы, разом закричали и умолкли, оставив убийцу в одиночестве и тишине. Остался один, прежде незнакомый, и он становился все громче!

И тут в разбитое окно запрыгнула собака. Все изумленно на нее уставились, Лиза даже перестала плакать, а ее сестренка радостно вскрикнула. Пес припал к полу, оскалив

клыки и неотрывно глядя на Лёху, словно чувствуя, что от него исходит зло и безумие. Сам Лёха на пса еле посмотрел, покачиваясь из стороны в сторону и что-то бормоча: неизвестный голос заполнил все его мысли, и вот уже почти удалось разобрать слова...

«Замри, не двигайся, ты слаб и бессилён, ты не можешь сопротивляться...»

Лёха безумным взглядом обвел комнату, не обращая внимания на пса, шмыгнувшего мимо него к Саре, чтобы прижаться мохнатым боком и наскоро вылизать залитое кровью лицо. Убийца не увидел Машу, торопливо развязывающую старшую сестру, и то, как исцеленная Сара поднимается с дивана и бросается к Петру, подзывая собаку...

Иван прыгнул с подоконника, осколки стекла захрустели под ногами. Школьник не сводил взгляда с убийцы, закусив губу и используя дар, чтобы обездвигать врага и дать друзьям справиться с чудовищем внутри Петра. Кристальный амулет на груди Ивана мерно вспыхивал, усиливая и направляя его мысли.

«Ты совершенно один, ты очень слаб и устал. Незачем больше драться. Ляг и отдохни».

— Но я... — шепнул Лёха, все сильнее сгибаясь. Вдруг в его руке щелкнуло, раскрываясь, лезвие ножа, на лице появилась злая улыбка, — еще не закончил!!!

Одним прыжком он оказался рядом с Иваном и нанес удар. Нож должен был вонзиться в грудь, но ошеломленный юноша сумел извернуться и перехватил чужую руку. Заломил, пытаясь обезоружить врага, но потерял равновесие и повалился на него. Оба оказались на полу, с рычанием покатались, перебарывая друг друга.

В то же время Пётр, замерев, смотрел в глаза странной собаке, сидящей рядом с ним. Ее взгляд как будто держал его, окружал теплым золотистым светом, который разделялся на тонкие нити и медленно втягивался в грудь человека, словно кого-то там опутывая...

...Лёха был тяжелее, он оказался сверху, навалился, пытаясь вонзить нож в наглого мальчишку. Иван не позволил, его руки дрожали от напряжения, колено уперлось в чужой живот. Как будто издавдала до него доносился собачий лай, женские голоса.

Сдаваться нельзя!

Юноша стиснул зубы и посмотрел в залитые кровью глаза убийцы, уже не сдерживаясь и врываясь в его мысли изо всех сил, сминая и разрывая их на куски, как когда-то пыталась поступить с ним самим Госпожа. Мир закружился и подернулся знакомой дымкой...

Лёха заорал от невыносимой головной боли, ярость придала ему новые силы, и нож пошел вниз, пользуясь временной слабостью Ивана. Но кто-то вцепился в его руку, отводя ее назад и в сторону, ударил ногой в поясницу. Чертов Пётр! Тебя только не хватало! Лёха обернулся и зашипел в лицо мужчине, оскалившись не хуже своего чудовищного друга.

Пётр молча оттащивал клацающего зубами убийцу от Ивана, выкручивая нож из его руки. Он не понимал, что происходит, и не мог поверить в увиденное минутой ранее. То золотистое свечение, что уняло его боль...

Нет, нельзя об этом сейчас думать. Сейчас ясно одно — враг перед ним. Сумасшедший, вломившийся в его дом, причинивший боль дочкам, а теперь пытающийся убить незнакомого парня. Нельзя позволить ему это!

Лёха вновь рванулся, высвободившись из чужих рук, упал на Ивана и схватил его за горло. Его мозги словно выжигали изнутри, и он знал, кто в этом виноват! Чертов сученыш! Пётр попытался его вновь оттащить, не обратив внимания на то, что воздух вокруг становится странно плотным и душным.

В этот момент Иван потерял сознание, в последнюю секунду успев почувствовать непреодолимый зов и против воли шагнул к нему навстречу. Дымка вокруг борющихся мужчин загустела и схлопнулась.

В комнате резко наступила тишина, в которой каждому стало слышно, как стучит его сердце. Затем Лиза всхлипнула и протянула руки к месту, откуда только что исчез ее отец:

— Папочка...

Пес тоскливо завыл.

Пётр открыл глаза и раскашлялся — его горло было забито какой-то пылью, да и лежал он не на полу, а на чем-то мягком, сыпучем. «Песок? Неужели я не дома?»

Небо перед глазами было не то вечернее, не то облачное, затянутое сплошной серой пеленой. Пётр попытался подняться, пошатываясь и отметив, что лежит в сером песке, пыльном и сухом, поднимающимся в воздух от каждого движения. Он осмотрелся и ахнул, ноги подогнулись и мужчина вновь опустился в пыль, часто дыша и мотая головой, чтобы вновь и вновь оглядеть самый странный пейзаж в его жизни.

Это был город. Тот самый город, в который Пётр с дочерьми въехал не так давно, чтобы на новом месте пережить смерть жены. Здесь дочери гуляли, изучая новый район и собирая крылатые кленовые семена с газонов, здесь отец блуждал по магазинам, растерянно глядя в список необходимых продуктов, написанный Лизой. Здесь он искал работу...

Только этот город был давно мертв и разрушен. Здания были покрыты выбоинами и щербинами, как чьи-то обломанные зубы, улицы разрывались трещинами во многих местах, и все заполнялось песком, все этот песок источало. Пахло известкой и запустением. И во всем этом сером мире не было ни единого живого существа, не говоря уж о людях.

Впрочем, не совсем. Откуда-то донесся долгий крик и топот, эхом отдававшийся в руинах. Пётр вспомнил, как попал сюда, и осмотрелся уже внимательнее. «Где этот сумасшедший парень? И мальчишка? Может, они знают, что произошло?»

Приглядевшись, мужчина понял, что стоит в руинах собственного дома. Его кто-то сравнял с землей и засыпал песком, в котором виднелись на глазах заметаемые ветром следы. Пётр медленно двинулся по ним, озираясь и мучительно надеясь, что спит. Ведь не бывает же такого в реальности, а это значит, что он вырубился, что его еще раз отравил тот парень, и это все — болезненный бред, как-то существо в переулке.

Пётр закашлял и приложил руку к животу. И это шевеление — тоже часть сна? И кровь на губах? Так было и в реальности, до того, как он потерял память...

«Если ты во сне, то ты либо контролируешь его, либо играешь по его правилам». Так учила Петра жена, часто просыпавшаяся от кошмаров, как и Лиза в детстве. А значит, по этим правилам нужно сперва спасти мальчишку...

Но стоило Петру подойти к руинам многоэтажки, откуда раньше донесся крик, как из полуразрушенного проема вышел Иван, по виду вовсе не нуждавшийся в спасении. Он небрежно помахал мужчине рукой, легко перепрыгивая с одного обвалившегося откуда-то камня на другой, чтобы не увязнуть в песке. С последнего он соскочил прямо перед Петром, выпрямился и невесело усмехнулся:

— Мы незнакомы. Меня зовут Ваня, и простите, что затащил вас сюда, — майка юноши было порвана на одном плече, на горле виднелись наливающиеся кровью синяки, а лицо оказалось густо покрыто какой-то грязью, из-за которой серые глаза казались совсем прозрачными.

Пётр качнул головой, все больше удивляясь своему сну:

— А я Пётр. Пётр Леонидович. Скажи мне, парень, где мы оказались? — спросил он, запрокидывая голову и близоруко шурясь. Высотное здание нависало над ними, зияя провалами на месте окон, из него тянуло запахом сухой гнили; тихо шелестел вытекающий из стен песок. Иван пожал плечами:

— Сложно объяснить. Это прошлое нашего города, которого никогда не случилось. Это его забытый страшный сон. Но я лично называю это место изнанкой, так проще, — Иван выглядел очень спокойным, словно для него все это было в порядке вещей.

— Я что, сплю? — спросил Пётр с надеждой в голосе. Если этот парень ответит «да»...

— Увы, нет. Мы попали сюда из-за моей ошибки, но надолго здесь не задержимся, обещаю, — Иван понимающе улыбнулся, потом помрачнел, его глаза недобро блеснули. — Нужно только найти того человека, что попал сюда вместе с нами. Он очнулся раньше, я не сумел его сразу догнать.

Пётр нахмурился, вспомнив безумца:

— Нам обязательно его искать? Я бы хотел скорее вернуться домой.

«Или проснуться, если это вообще возможно». С каждой минутой Петру все сложнее было верить в нереальность этого места — песок скрипел на зубах и забивался в кроссовки, даже сквозь пелену облаков грело солнце, а от заскорузлой одежды пахло какой-то гнилью. Безумно хотелось вымыться.

И обнять дочек.

— К сожалению, обязательно, — ответил парнишка. — Этот город пуст, в нем нет никого, кроме нас — и одного очень злого существа, с которым лучше не встречаться. Нельзя, чтобы у этой твари появился раб, это слишком опасно. Нужно поймать этого человека раньше.

Пётр тяжело вздохнул и вновь поморщился от боли, не заметив опаски, на мгновение мелькнувшей в глазах Ивана. Школьник дружелюбно улыбался, но внутренне был натянут, как струна, помня о чудовище, скрывающемся внутри собеседника. Он чувствовал, как это существо прислушивается к разговору, не нападая только из-за ран, нанесенных Сарой.

И тем занятнее было слышать мысли самого Петра! Такого доброго, открытого человека еще стоило поискать. Столько интереса к тому, что вокруг, столько любви к дочкам... да и к самому Ивану этот мужчина отнесся с какой-то отцовской ответственностью, несмотря на все раны собираясь идти вместе с ним.

Причем раны не только физические — где-то там, в душе, тоже скрывалась болезненная прореха, страшная потеря, взгляд чьих-то голубых глаз под кудрявым завитком волос... Иван торопливо отдалился, пока не увидел что-то слишком личное.

Над городом раздался громкий, отдающийся в ушах шелест, и оба вздрогнули. Иван поежился:

— Это песок. Он стекает с крыш.

Лёха бежал, спотыкаясь и падая. Даже тогда он не останавливался, а полз вперед, цепляясь ободранными пальцами за трещины в асфальте и не переставая кричать. Его волосы встали дыбом, глаза вылезли, по грязным щекам текли слезы.

Вернувшиеся голоса гнали его вперед, через опустевший город, полный чудовищных образов. Вот огромная тень выступила из стены, оскалилась, протягивая к нему когтистые лапы. Человек, покрытый плесенью, выбросился из окна, с хрустом упав и разлетевшись на споры в паре шагов от Лёхи. Какие-то звери с вытянутыми пастями бежали за ним, мерзко хихикая и переговариваясь женскими голосами...

Лёха завыл в голос и поднялся на ноги, до крови впившись в щеки ногтями. Так вот, каков этот город на самом деле! И люди, эти твари всегда ими притворялись! И только он, он один был человеком...

Убийца расхохотался в лицо очередной тени, переползающей дорогу, а та раскрыла крылья и поднялась в воздух, на лету рассыпаясь в мелкую пыль. Лёха подставил руку под серые рупинки, невидящим взглядом обводя пустое небо.

«Спасибо, мальчишка, что открыл мне глаза! Я должен поблагодарить тебя». Окровавленные пальцы паучьими лапками пробежались по лезвию ножа.
«Я хорошо тебя отблагодарю!»

Глава 13. Картины из песка

Лиза смотрела, как в кастрюле медленно закипает вода. В распахнутое окно проникал свежий воздух, выдувая из кухни запах гниения и принося с улицы городские звуки — пение птиц, гул проезжающих автомобилей, человеческие голоса. Жизнь снаружи шла своим чередом, а папа все еще не вернулся.

После его исчезновения Лиза долго плакала, а девушка, которая ранее в облике птицы залетела в дом и сражалась, чтобы спасти их с сестрой, гладила ее по волосам, обнимала и говорила, что все будет хорошо, что папа скоро вернется. Лиза мотала головой, ее сотрясали беззвучные рыдания, переходящие в беспомощные стоны. Не сразу она смогла подняться на ноги и без единого слова, под удивленные взгляды побрести на второй этаж. Вернулась она с веником и ведром, наполненным водой.

Девочка начала сметать осколки стекла, размазывая по полу кровь и черную слизь, оставленную чудовищем. С минуту посмотрев на это, Сара к ней присоединилась, выжав в ведре тряпку и решительно собирая грязь с пола. Маша залезла на диван, вслед за ней запрыгнула собака, и они оба молча наблюдали, как гостиная постепенно становится чище, из нее словно пытались вытеснить воспоминания о произошедшем ужасе.

Осколки были сметены в мусорный пакет, грязная, кровавая вода отправилась в раковину. Все также не говоря ни слова, Лиза взяла сестренку на руки и понесла наверх, в ванную. Там они вместе помылись, помогая друг другу распутать сбившиеся в колтуны грязные волосы, и Лиза, вытираясь, остановившимся взглядом смотрела на свое отражение в зеркале: распухший нос, покрасневшие глаза, кровоподтеки на скулах.

Сколько всего они пережили, и все же остались в живых. Хотя имеет ли это смысл, если папа больше не вернется? Он исчез, растворился в воздухе, и его даже не получится похоронить рядом с мамой! Ей будет так одиноко...

Лиза не заплакала. Перешагнув через лужу слизи, сквозь выломанную дверь она зашла в комнату Маши за чистой одеждой, передела сестренку и принесла ее обратно в гостиную. Увидела, что та девушка вместе с собакой сидит на диване, явно не собираясь никуда уходить. Ну и отлично, значит, они с сестрой пока еще не будут здесь одни...

Лиза переделась сама, морщась от боли в отбитых ребрах, и спустилась вниз, чтобы приготовить себе и сестренке поесть. После всего произошедшего казались странными, неуместными майка с изображением любимой рок-группы и мысли о том, что сделать на обед.

Но жизнь продолжается.

Даже если ты больше не видишь в ней смысла.

По городу гулял сухой, горячий ветер, то и дело сгоняющий с крыш лавины песка, стекающие на улицы и затягивающие воздух пеленой невесомой пыли.

Иван остановился, прикидывая, по какому пути им идти, чтобы не попасть под очередной обвал. Выбрал дорогу, на которой пыль еще не успела улечься, и двинулся вперед, прикрывая нижнюю часть лица снятой футболкой, чтобы не задохнуться.

Идущий следом Пётр только покачал головой: парень был неплохо подготовлен, видно, не впервые путешествует! Сам мужчина закрыл лицо носовым платком, чудом уцелевшим в кармане джинсов, и, несмотря на слабость, старался не отставать от своего проводника.

Хотелось отдохнуть, но Пётр не думал жаловаться, вспоминая, как вместе с женой ездил в походы. Они переходили реки вброд, карабкались на скалы, ночевали в палатке и пели у костра песни под гитару, в один из таких вечеров Пётр сделал предложение, а спустя два года у них родилась Лиза...

Если бы только его жена увидела этот заброшенный город! Эту пустыню, в которую постепенно превращалось все вокруг, деревья, тянущие голые ветви из песчаных барханов, автомобили, покрытые ржавыми пятнами — где подобное увидишь, кроме самых заброшенных мест планеты, до которых так сложно добраться? А ведь еще совсем недавно Пётр наблюдал, как этот город был полон людей и жизни...

Иван только покачал головой, слушая чужие мысли. С оптимистами сложно попадать в передраги, они воспринимают все на свете как приключение, несмотря на опасность и ноющие раны. А в этом месте стоит быть особенно осторожным...

Парень внимательно осмотрелся. Следы убийцы, за которым они охотились, временами были засыпаны песком, но в остальных местах еще оставались четкими. Ивана беспокоил не исчезающий след, а еле заметная вибрация, ударяющая в подошвы кроссовок, и эта вибрация говорила ему больше, чем охотнику скажет рычание крупного зверя за его спиной.

Нечто, скрывающееся в городе, медленно просыпалось.

— Нам стоит поторопиться, — сказал Иван, обращаясь к Петру. Тот кивнул и ускорил шаг, нагоняя юношу и не обращая внимания на усилившуюся боль в груди и животе. На его грязной майке выступило новое пятно крови, но этого никто не успел заметить, потому что мужчина, охнув, вдруг шагнул вперед и заслонил собой Ивана.

На дорогу выходило, опираясь на костяшки пальцев, огромное существо. Вдоль его сутулой спины топорщился гребень, ближе к голове переходящий в длинный, вытянутый вперед рог. Глаз у чудовища не было, но были две пасти с вываленными языками. Это был оживший ночной кошмар, и он шел прямо на них все быстрее, приносясь и рыча от предвкушения.

Пётр пятился, не сводя с чудовища взгляд и заставляя Ивана отступать тоже. Но тот нетерпеливо вывернулся из-под чужой руки, присмотрелся к врагу и неожиданно расслабленно улыбнулся:

— Не бойтесь. Это просто воспоминание, призрак. Он не опасен, — юноша махнул рукой в сторону чудовища, и оно рассыпалось на мелкую пыль, тут же унесенную порывом ветра. — Только бояться их не нужно, а то слетятся сюда со всего города.

— Призрак? — ошеломленно повторил Пётр, его голос еще дрожал. — Чей?!

Иван рассмеялся:

— Это долгая история. Но время у нас еще есть, — он словно прислушался к чему-то, и между бровями пролегла глубокая складка. — Надеюсь, что есть.

Лиза собрала опустевшие тарелки с журнального столика, подняла одну с пола — девушка, представившаяся Сарой, отказалась от своей порции, отдав ее собаке. Пес благодарно облизнулся, и Лиза осторожно погладила его по голове, чувствуя жесткую шерсть под своей ладонью.

С кухни доносилось шуршание — там Сара переодевалась из своей окровавленной одежды в майку и джинсы Петра, которые Лиза принесла из его комнаты. Там она успела еще немножко поплакать, уткнувшись лицом в рубашки отца, но сумела взять себя в руки и ничем не выдать прошедших слез, возвращаясь в гостиную.

Маша сидела на полу, ручкой рисуя в добытом из-под дивана блокнотике, что-то бормоча себе под нос на разные лады и будто в один миг забыв все, что происходило до этого. Лиза неожиданно почувствовала раздражение: «Почему ты так легко все это

пережила? Почему не горюешь, как я?» — но устыдилась своих мыслей и присела рядом, тихо спросила:

— Все в порядке, котенок? Что ты рисуешь?

Маша с непосредственной улыбкой протянула ей лист блокнотика:

— Вот что!

Лиза присмотрелась и ахнула. Обернулась, подзывая Сару:

— Ты только посмотри, посмотри на это!

Пес, лежащий у дивана, вытянув лапы и положив сверху морду, смотрел на них, мерцая мудрыми глазами и как будто улыбаясь чему-то только ему известному.

Ветер усилился. Иван и Пётр поднимались по улице, приближаясь к центру города. Весь песок отсюда уже стек в низину, откуда они пришли, обнажился асфальт, покрытый трещинами, тут и там стояли проржавевшие автомобили. Офисные здания и магазины несли следы разрушений: стены во многих местах были пробиты, крыши — проломлены, мебель — разбита в щепки...

Пётр озирался, не забывая прислушиваться к тихому голосу юноши, словно рассказывающего ему страшную сказку:

— ...Сначала мы держали оборону от чудовищ, которыми был заполнен город. Затем смогли подружиться с ними, быть заодно, ведь выбора не было, от внешнего мира мы были отрезаны.

Иван приложил руку ко лбу, заслоняясь от пыли, осмотрелся, словно что-то выискивая. Ему показалось, или вдалеке мелькнул крошечный человеческий силуэт?..

— Небольшой отряд, в котором был и я, направился в центр пустыни, сразился с темным богом и освободил наш город. Все, и люди, и монстры, вернулись к себе домой. Все эти долгие годы в нашем мире оказались считанными часами, вскоре они забылись, как страшный сон. А темный бог остался здесь, в пустом мирке, запертый навечно. Призраки, что здесь ходят, это его сны, его воспоминания о былом могуществе...

— Сколько же ты пережил, — потрясенно сказал Пётр. Иван спокойно ему улыбнулся:

— Это было давно. Для большинства жителей города всего этого никогда не происходило, и только я один всё помню, — он на секунду опустил глаза, но тут же вновь поднял голову, гордо усмехнулся. — Я в меру сил борюсь с тварями, которые сюда как намагниченные лезут — ткань реальности ослаблена из-за темного бога. Кстати, я почти уверен, что и вы с семьей здесь поселились по той же причине!

— Почему это? — удивился Пётр, замедлив шаг. Иван лукаво прищурился:

— Для необычных людей наш город тоже особенно притягателен. Вашим дочкам тут, я полагаю, сразу здесь понравилось?

— Да... — Пётр вспомнил, как Лиза и Маша уговаривали его переехать именно сюда, едва увидели объявление с фотографией дома в той газетной вырезке. — Но постой, что ты имеешь в виду?

— В обеих девочках я почувствовал некий дар, — Иван задумчиво посмотрел вдаль. — У старшей он значительно сильнее, пусть и подавлен, а у младшей только начинает развиваться. В вас его нет, так что я почти уверен, что унаследовали они его от матери. В нашем городе он со временем раскроется во всю мощь...

Рисунок был детским, без малейшего представления о перспективе. Криво нарисованные дома напоздали друг на друга, между ними через весь листик тянулась улица,

по которой ехали автомобили... или стояли, местами наполовину увязнув в нарисованном песке.

Схематично нарисованные люди различались только ростом и волосами. Высокий человек мог похвастаться шевелюрой из спиралек, а у низкого на голове был короткий ежик. Именно этот человек, в котором легко угадывался Иван, протягивал руку вперед, к огромному чудовищу.

Монстр, занимающий большую часть рисунка, особенно удался Маше. Она безошибочно, всего парой линий изобразила его сутулый профиль, разинутые в реве зубастые пасти... и тело, рассыпающееся на отдельные, старательно прорисованные песчинки.

— Что... это такое? — сдавленно спросила Лиза. — Это происходит? Это происходит с ними сейчас?

— Похоже на то! — радостно подтвердила Сара, переводя сияющий взгляд с бумажного листа на Машу, которая уже начала новый рисунок. — И твоя сестренка это видит! У нее тоже дар!

— Но где они находятся? Что это за место?

— Изнанка нашего города, — ответила Сара, сощурилась, глядя, как на новом листке из песка вырастают разрушенные здания. — Вроде зазеркалья, где никто не живет, а все дома давно разрушены. Люди туда обычно не попадают, но в этот раз получилось иначе... Смотри, смотри, они идут мимо кинотеатра!

— Их можно вытащить оттуда? — спросила Лиза, обхватив себя руками. Сара покачала головой, нахмурилась:

— Они могут только сами выбраться. Иван может перенести их... но почему-то не переносит.

Лиза запустила пальцы в свои кудряшки, замотала головой, уже не пытаясь понять происходящее. Вернулось то состояние, в котором не понять, спишь ты или бодрствуешь, а разум словно парит над телом, едва его касаясь...

Теперь нормальным казалось то, что рядом сидит девушка-птица, по ночам летающая по городу и заглядывающая в окна.

То, что папа Лизы блуждает сейчас по неведомой изнанке города вместе с тем незнакомым парнем, что так отчаянно пытался им помочь.

И даже то, что Маша в рисунках может видеть происходящее там — в конце концов, не она ли много раз рисовала собаку, бегущую к их дому? Вот этот пес, лежит на боку у самой стены, приоткрыв один хитро поблескивающий глаз...

Лиза опустила голову, завесив волосами лицо. Она не заметила, что Сара неотрывно смотрит на рисунок ее сестренки и еле слышно шепчет:

— Уходи оттуда, он скоро проснется. Скорее уходи, Иван!

Если бы в городе еще оставались птицы, одна из них могла бы подняться в небо. С высоты, где воздух разрежен до такой степени, что крылья едва помогают держаться на лету, можно было бы увидеть, как отдельные улицы обрываются, бесследно исчезая в сплошной тьме, окольцовывающей город.

Сквозь темноту не пролететь, и птица вернулась бы назад, мимо полуразрушенных зданий, источающих песок каждой своей трещиной, поднялась бы выше. Отсюда она увидела бы, что некоторые дома как будто раздавлены, смешаны с землей, и чем ближе центр города, тем их больше. Кто-то огромный бродил тут, сминая здания, а затем ушел в пустыню, которой стал весь центральный район.

Здесь серые дюны наползают друг на друга, сливаясь воедино, здесь гуляет раскаленный ветер, слизывая любые следы с песчаной поверхности. Тут и там можно увидеть обломки зданий и огромные черные, вытянутые камни...

Нет, не камни. Кости!

А вот и череп. Вытянутый к затылку, одноглазый, исполинский. В пустой глазнице завывает ветер, в полости его поместился бы целый дом. Опустившись ниже, птица заметила бы следы мелких зубов, этими отметинами покрыта вся поверхность черепа. Кто-то годами обгладывал его, выпивая последние капли силы своего бывшего союзника, и спал, на время насытившись.

Но теперь он просыпался, почуяв присутствие давнего врага.

И встретившись с ним взглядом, любая птица упала бы замертво.

Глава 14. Охотники

— ...Пётр? — Иван остановился, с тревогой глядя на своего спутника. Тот ответил удивленным взглядом:

— Что тако... — он глубоко моргнул и резко согнулся пополам, содрогаясь от кашля и зажимая рот рукой. Нестерпимая боль пронзила его внутренности, майка намочка от крови, а что-то в груди рвалось, проворачивалось, билось...

Иван шагнул было к мужчине, но отшатнулся, стиснув в руке кристальный амулет и настороженно сверкая глазами. Эта ненависть внутри... Существо проснулось и пытается взять над Петром верх!

— Боритесь, — выдохнул юноша, беспомощно глядя, как мужчина корчится от боли. — Не позволяйте ему одолеть вас!

Пётр глухо застонал, падая на колени, в пыль, роняя на нее капли крови из раны, раскрывшейся на груди. Он ощущал странное онемение, расплзающееся по телу — и даже разуму! Хотелось заснуть, свернувшись калачиком, и пусть дальше все решается само собой...

Но приступ закончился так же неожиданно, как начался. Иван услышал, как чужая ненависть становится все слабее, сменяясь беспомощностью и болью. Чьи это были чувства — Петра или раненой твари в его теле? Неважно! Новую такую схватку мужчина может и не пережить.

Иван присел рядом с тяжело дышащим спутником и осторожно придержал его за плечо, не давая завалиться вперед. Заглянул в покрасневшие от слез боли глаза, сказал тихо:

— Внутри вас живет чудовище. Оно пытается снова подчинить вас, но вы сильнее, — Пётр всхлипнул и замотал головой, но Иван только крепче сжал его плечо, слегка встряхнул. — Вы сильнее! Что бы ни случилось, помните об этом.

Вывеска кинотеатра в обоих мирах выглядела старой, но здесь она была покрыта пылью, из нее торчали провода, а буквы перекошились, одной из них вовсе не было. Лёха вновь свесился в оставшуюся на ее месте прореху. Его пальцы оставляли следы в пыли, а ноздри раздувались, как будто пытаясь уловить запах крови, пролившейся вниз.

— Мы пришли сюда вчетвером, вчетвером, — напевал он под нос, нервно хихикая и глядя, как мальчишка помогает мужчине подняться с земли. — Но двое из нас останутся здесь, да, только двое останутся здесь...

Он встал на четвереньки и пополз наверх, по скату крыши, скользя и цепляясь пальцами за волнистый металл шифера. Пыль забивалась в рот и нос, рана на плече снова кровила, голая грудь покрылась ссадинами. Убийце было уже все равно. Боль, жажда, голод, даже ломка, пронзающая каждую косточку — это было совершенно не важно. Мир сошел с ума, в нем больше не нужно держаться за свое потрепанное тело. Не нужно притворяться человеком...

Есть только одно желание, ради которого стоит жить.

— Я убью вас. Я порежу вас на куски.

Он скатился вниз и неловко спрыгнул в переулок, гулко приземлившись на мусорный бак, давным-давно испорченный чьи-ми то когтями, и спугнув чьих-то призраков. Затем, прихрамывая, прячась за машинами и скрываясь за домами, принялся обходить

Ивана и Петра, идущих по его следу, пусть то и дело останавливался, чтобы прокашляться от пыли и отсмеяться.

Убийца выжидал момент, чтобы напасть.

— Почему мы свернули? — спросил Пётр, заметив, что они уходят в сторону от следов. Иван поддержал его, помогая перебраться через поваленный фонарный столб, ответил:

— В доме неподалеку я оставил пистолет. Я не хочу оказаться безоружным наедине с тем парнем.

— Или с моим чудовищем? — криво усмехнулся Пётр. Узнав о том, что в нем поселилась тварь, пытавшаяся убить его дочек, мужчина совсем поник. Он послушно шел вперед, не жалуясь на боль и только прижимая руку к груди, откуда продолжала течь кровь. Иногда он чувствовал, как что-то под кожей шевелится, но тупая, пульсирующая боль уже не становилась сильнее.

Иван остановился, возмущенно на него глядя:

— Что это за мысли? Вам нужно бороться, а не сдаваться заранее!

Пётр покачал головой:

— Я не справлюсь с этим еще раз. Я слишком ослаб. Если это случится еще раз, лучше застрели нас обоих. Не хочу, чтобы из меня родился монстр.

— А как же ваши девочки? — спросил Иван. — Вы хотите оставить их сиротами?

— Будет лучше, если их отец станет монстром? — Пётр беспомощно улыбнулся, его глаза влажно блестели. — Они и так пострадали из-за меня! Я принес эту тварь домой...

— Это не ваша вина, — отрезал Иван, лицо которого разом стало жестким и злым. — Это вина того, кто завел вас в переулок. Я его застрелю, я найду способ уничтожить тварь внутри вас, я верну вас дочкам! И не думайте сдаваться! — он почти что кричал.

— Я попробую, — тихо ответил Пётр, украдкой вытирая глаза. Его мир рушился, и мужчина боялся представить, каково было его дочкам. Сколько они пережили по его вине, с чем им пришлось бороться...

Дальше они шли молча. Здесь улица шла вдоль самой кромки пустыни, левый край асфальтового полотна уже почти что висел над крутым песчаным склоном, уходящим далеко вниз, где валялись сплошные обломки зданий и машин. Ветер из пустыни нес песок и жар, грыз здания, обнажая внутренние стены квартир, впивался в лицо острыми когтями, мгновенно иссушал выступившие слезы.

Иван остановился у небольшого двухэтажного дома, в окнах которого виднелись остатки витражей:

— Ждите здесь, я сейчас вернусь.

Пётр смог лишь кивнуть в ответ, бессильно сползая по нагретой солнцем стене. Он уткнулся лбом в колени и замер, думая о дочках. Скрипнула дверь — это Иван вошел внутрь, и наступила тишина, прерываемая только воем ветра и шуршанием песка. По земле шла вибрация, местами пыль плясала, собираясь в мгновенно рассыпающиеся спирали, но обращать на это внимание уже не оставалось сил.

Пётр прикрыл глаза, прислушиваясь к себе...

Внезапно его схватили за волосы и заставили запрокинуть голову. Чья-то жесткая рука зажала рот, задавив крик, и Пётр смог только замычать, распахнув глаза и глядя в искаженное безумием лицо нападавшего. Пальцы скребли по чужим рукам, но не могли разжать их хватку.

— Не дергайся, папаша, — прошипел Лёха, навалившись на него всем весом. — Я не за тобой сюда пришел! — он наклонился и горячо зашептал в самое ухо Петра, чуть не касаясь его губами: — Просыпайся, братан. Я здесь, рядом. Вдвоем нам все под силу!

Пётр снова замычал, забился, с ужасом чувствуя, как в его теле что-то начинает двигаться, отвечая на голос убийцы. Из груди брызнула кровь, попадая на голую кожу Лёхи, что-то хрустнуло, и мычание Петра стало громче, глаза вылезли. Он никогда еще не чувствовал такой боли! Похоже, тварь решила его больше не щадить, вырываясь наружу...

Над пустым город прогремел выстрел. Лёха заорал, отшатнувшись от Петра, покатился по земле, царапая бок пальцами.

Иван, сощурившись, вновь навел на него пистолет и спустил курок. Щелчок. Осечка.

— Дьявол! — выругался он, обернулся, заметив за спиной движение. Опустил пистолет. Его глаза распахнулись, рот открылся.

Пётр шел к нему по самому краю провала странной, волочащейся походкой, вытянув вперед руки. По губам стекала черная жижа, каждый шаг был дерганным, словно давался через силу. А рваная майка натянулась на животе, обрисовав жуткое лицо, и сквозь прореху блестел черный глаз!

— Пётр, нет... — прошептал Иван. Его затрясло от горя, а перед глазами встали лица девочек, увиденных в доме. Не успев задуматься, что делает, юноша протянул вперед руку и толкнул это видение в онемевший разум Петра.

Кристалльный амулет вспыхнул, на секунду его ослепив, только слышно было, как визжит тварь, дергаясь и пытаясь выбраться из чужого тела. Иван с закрытыми глазами, перед которыми плясало пламя, ждал, что вот-вот когти вонзятся в него, разрывая на части. Но этого все не происходило!

Открыв глаза, Иван понял, почему.

Пётр согнулся пополам, закусив губу и рыча от напряжения. Его руки вдавливали визжащую тварь обратно, не обращая внимания на струящуюся между пальцами кровь и сомкнувшиеся на них острые зубы. Поймав взгляд Ивана, мужчина выдавил:

— Делай, что должен, мальчик! — и в один прыжок сбросился вниз, покатился по песчаному склону, все больше отдаляясь от юноши и убийцы, не давая твари вмешаться в их схватку.

— Нет! — Иван рванулся было за ним, но остановился, беспомощно глядя на поднятую в воздух пыль. По щекам парня текли слезы, рука, держащая пистолет, дрожала. Затем он медленно обернулся, решительно стиснув зубы.

Лёха, поднимающийся с земли, зажимая рану на боку, оскалился ему в ответ:

— Ну что, станцуем, гаденыш?

— Что с ними такое? Что? — Лиза подалась вперед, пытаясь разобраться в мешанине линий, накладывающихся друг на друга. Маша уже не успевала переворачивать страницу и начинать новый рисунок, просто выводила рядом новые и новые фигуры, которые сражались, бежали, катились. Малышка всхлипывала, слезы падали на бумагу, и там, где они падали, ручка расплывалась, растекались зловещие тени.

— Убийца напал на них, а Иван его ранил, — медленно произнесла Сара, указывая сначала на одну, затем на другую фигуру. — Потом что-то стряслось с твоим папой, и он побежал прочь...

— Боже мой... — Лиза закрыла лицо руками, затем резко отняла их и сказала: — Мы можем как-то помочь им? Не важно, что потребуется отдать, скажи, как помочь!

— Детка, — Сара с жалостью на нее посмотрела, — я правда не знаю, как попасть туда. Это место не из тех, куда можно приехать или прийти. Оно может только присниться, да и то... Что такое?

Лиза смотрела мимо нее, на сидящую собаку, ее рот приоткрылся, глаза заблестели. Пес тоже не отводил взгляда, не шевелился, только трепетал на воздухе розовый язык, да клубилось что-то в карих, странных глазах.

Девочка медленно произнесла:

— Я ведь могу туда попасть, верно? — пес медленно наклонил голову.

— Эй, не надо! — взвилась Сара, схватив Лизу за руку и словно заслоняя ее от собаки. — Она еще ребенок, ничего не умеет! Куда ей сновидеть по темному городу!

— Но там мой папа, — возразила Лиза, вырываясь из руки девушки. — Нельзя, чтобы он умер!

— А если умрете вы оба? — Сара выразительно покосилась на Машу, сквозь слезы продолжающую рисовать, не замечая ничего вокруг.

— А если я его спасу?

— Как?!

Пес гавкнул, и все на него посмотрели. Секунду померившись с ним взглядом, Сара вздохнула и покачала головой:

— Тебе виднее, как поступить. Детка, слушай меня! — девушка повернулась к Лизе, кивком головы указала на диван, нахохлившись, как птица. — Ложись сюда и постарайся заснуть. Я тебе помогу, главное — чтобы ты как можно подробнее представила себе своего папу, где он и что сейчас делает. Рисунки тебя направят.

«И да поможет нам Бог», — подумала Сара.

Убийца с ненавистью смотрел на мальчишку, от которого было столько проблем. Лёхе он не нравился! Слишком умный на вид, да и смотрит так, будто видит насквозь...

— Это я, — сказал Иван, — убил тварь, которой ты служил. Давай, отомсти мне!

Лёха хохотнул, продолжая зажимать рану на боку и не двигаясь с места:

— Да какая разница, кто ее грохнул! Мне нравилось ей служить, — мужчина весело сверкнул глазами, — потому что так никто не мог найти трупы.

Иван поднял пистолет, прицелился, глядя в безумное лицо и собираясь с духом. Лёха широко оскалился:

— Ну же, нажми на курок! Это не сложно. Мое тело здесь тоже никто не найдет. А ты будешь героем, спасшим город от маньяка! А может, — улыбка убийцы стала шире, — ты войдешь во вкус. У тебя хорошо выйдет морочить людям голову, ты не попадешься.

— Я — не ты, — хрипло сказал Иван. — И никогда не стану таким, как ты.

— Станешь! — расхохотался Лёха. — Ты вот-вот таким станешь! И в этом есть своя ирония, — он понизил голос. — Убивший дракона вскоре станет им сам.

Иван помедлил, стараясь унять дрожь в руке. Стоящий перед ним человек был измучен, ранен, безумен. Он был убийцей! Его глаза были красными, его мучила ломка по наркотику, которым его одаривала тварь из другого мира. Убийца! Властям бы стоило поместить его в лечебницу гораздо раньше, и тогда ничего бы не произошло. Убийца.

Лёха подождал немного, потом повел плечами:

— Я в тебе разочарован, дружок! — в следующую секунду он оказался совсем рядом, ударил локтем в подбородок, плавным движением вырвал пистолет. Иван охнул и упал на колени, в глазах потемнело, но рука сама ударила в ответ — в бок, в рану. Брызнула кровь, противник взвыл и упал рядом.

Иван вслепую оттолкнул врага, отполз в сторону. Голова гудела, но в глазах потихоньку прояснилось, и он нащупал какой-то крошачий булыжник. Занес над убийцей, опустил на руку, нащупывающую пистолет. Услышал крик, получил новый удар локтем — под дых. Извернулся и попытался ударить ногой в ответ, но замер, услышав знакомый певучий голос:

— Надо же, какое дивное зрелище!

Иван поднял глаза и увидел сидящего на балконе, свесив вниз тонкие ноги, безумно красивого юношу. Он был болезненно худ и соткан из непроглядной тьмы от длинных когтей до кончиков высоких рогов, сплетающихся в замысловатую корону.

— Ты очень вырос, Ванечка, — подпирая голову изящной ладонью, улыбнулся темный бог. — Долго же ты от меня прятался.

Глава 15. Старый враг

Пётр катился по склону в потоках песка, рыча от боли. То и дело его лицо зарывалось в пыль, скребли по ней скрюченные пальцы, срывая ногти о редкие камни...

Наконец падение остановилось. Приземлившийся на спину мужчина уставился в мутное небо, часто моргая, а затем выгнулся и закричал. Раздался влажный хруст, нечто заслонило солнце и рванулось прочь, оставив внутри мучительное чувство пустоты.

Кровь брызнула вокруг, капли мгновенно впитались в сухую землю, которая словно кружилась и качалась под Петром. Перед глазами все пульсировало, рывками приближаясь и отступая, а словно откуда-то издали доносился прерывистый хрип, переходящий в кашель. В какой-то момент Пётр понял, что эти звуки исходят не от него, и смог поднять голову и осмотреться.

Тварь согнулась в двух шагах от него, мотала головой и скалила мелкие, черные зубы. Лапы она поджала под себя, локтями вверх и наружу, как какое-то мерзкое насекомое. Острый хребет, на котором уже начали пробиваться подрагивающие гребни, горбом выступал вверх, а почти сформировавшиеся ноги безжизненно лежали, тварь никак не могла ими пошевелить.

Из ее разорванного горла сочилась кровь, распахнутые глаза следили за лежащим мужчиной, и в них читался бесконечный голод. Человека нельзя трогать, сперва его нужно проглотить, чтобы стать полноценным. Но смерть от потери крови куда страшнее нерабочих ног, а чтобы выжить, нужно срочно поесть...

Тварь напряглась, между клыками высунулся белесый, сухой язык, облизывая kloкочущую дыру на месте носа. Она приняла решение.

Пётр застонал и попытался отползти, еле-еле цепляясь пальцами за трещины в земле. Неужели это чудовище действительно вышло из его тела?! И теперь хотело его убить...

Даже это не так пугало, как совершенно неуместное желание приблизиться, прикоснуться к этой твари, заботиться о ней! Слово это был ребенок Петра, а не монстр, пытающийся его сожрать.

Метнувшаяся вперед когтистая лапа сомкнулась на лодыжке мужчины, тварь начала подтягивать его к себе, шипя от напряжения. Пётр взвыл и, перевернувшись на спину, лягнул тварь в морду. Что-то хрустнуло, чудовище заверещало и отпрянуло, зажимая поврежденный глаз.

Сам не осознавая, что делает, Пётр рванулся вслед за ним, схватил одну из тонких, но удивительно сильных лап, заломил, свободной рукой нанося новые удары по искаженной морде, чувствуя теплую кровь, орошающую его лицо. И откуда только взялись силы? Быть может, от понимая того, что его девочки столкнулись с этой тварью в собственном доме, что она будет видаться им в кошмарах!

«Не прощу!»

Острые когти скользили по груди, впились в руки, в лицо, но Пётр не чувствовал боли — он растворялся в ней. Где-то внутри сжимались поврежденные, частично поглощенные органы, струилась в брюшной полости кровь, и шансы выжить таяли с каждой секундой. Но эта тварь подохнет вместе с ним, и никогда больше не приблизится к девочкам!

Новый удар прошел ниже оскаленной морды и попал в рану на горле, пальцы сомкнулись, глубоко погрузившись в черную плоть. Тварь выгнулась и забилась, вытаращив уцелевший глаз, а Пётр, пользуясь слабостью врага, другой рукой схватил чудовище за лоб

и принялся бить отвратительную голову о землю, о камни. Его залитое кровью лицо было искажено гримасой, а глаза уже почти ничего не видели.

Зато он слышал стук, сопровождавший каждый новый удар, и он звучал сперва глухо, затем влажно, а потом и вовсе перешел в чавканье...

Тварь беззвучно распахнула пасть и как-то разом обмякла. Когти шести лап в последний раз заскребли по телу Петра, его руки подогнулись, и он уткнулся лицом в щуплую грудь дохлой твари, вдыхая ее тошнотворный запах.

Силы закончились, их хватило лишь на то, чтобы откатиться в сторону от чудовища и медленно расплзающейся лужи крови.

Прежде чем его накрыла тьма, Пётр все же смог слабо улыбнуться.

«Я победил для вас, малышки...»

Лиза легла на диван, а Сара взяла ее за руки и аккуратно сложила их на груди, чтобы пальцы сплелись, как в молитве. Подошедшая Маша молча положила под них листок с рисунком, а сама села на пол рядом с диваном, закрыв глаза, словно наконец-то выполнив свою задачу и успокоившись.

Последний рисунок малышки был очень странным. Она перестала следить за отцом, остановив внимание на схватке Ивана с убийцей. Было видно, как они дерутся, вырывая друг у друга пистолет, а над ними склонилась черная, жуткая рогатая фигура, занявшая почти весь листок. Она была одновременно призрачной и реальной, и даже в простом детском изображении чувствовалась ее невероятная мощь.

Сара покосилась на рисунок и поежилась. Все-таки темный бог до них добрался! Теперь Ивана спасет только чудо.

Девушка перевела взгляд на собаку, уткнувшуюся мордой в сложенные лапы и глядящую куда-то в пространство. «Что ты задумал? Зачем посылаешь туда девочку? Это ведь ничего не изменит...»

— Закрой глаза, дыши ровно и глубоко, — все же сказала Сара, осторожно кладя руки на голову Лизы и мягко ее сжимая. — Думай о рисунке и о том, куда хочешь попасть. Сейчас ты почувствуешь, что падаешь...

Лиза сглотнула и зажмурилась, пытаясь дышать, как было сказано. Ее сердце колотилось, ладони вспотели, а перед глазами стояла темная фигура с рисунка Маши. Что это за существо? Сара так его боится...

Но там остался папа! Нельзя его бросать, нельзя...

Надо сбросить оковы страха. Шагнуть навстречу ему, влететь в этот пугающий мир, столкнуться с его жутким обитателем! И спасти отца, чего бы это ни стоило.

Лиза почувствовала, как ладони Сары сжимают ее голову, и как мир начинает кружиться, куда-то отступая. Услышала тихий голос девушки:

— Я досчитаю до десяти, и ты заснешь. Ты проснешься, когда я скажу «хватит»...

Девочка провалилась в сон, едва прозвучала цифра «один». Привычное чувство полета сменилось чем-то новым — ее куда-то затягивало, куда-то, где было нечем дышать, где

воздух был плотным и горячим...

И где чувствовалась черная, злая воля, намертво сомкнувшая границу за ее спиной.

— Ваня, — мягко повторил темный бог, улыбаясь, — я рад нашей встрече!

Иван со свистом втянул воздух, пытаясь подняться. Ноги подгибались, навалилась слабость и отчаяние — бороться, наверное, было уже бесполезно. Давний враг нашел его, и

все наверняка кончено. Для него, для города и мира, в который теперь сможет вырваться злое божество...

Уже неважно было, что неподалеку на четвереньках отползает куда-то убийца, а на его лице застыл ужас. Даже этот никчемный, безумный человек ощутил зло в щуплой темной фигурке, беззаботно свесившей ноги с балкона и довольно, сыто шурящейся.

Нет! Не сдавайся!

Юноша быстро подобрал лежащий у его ног пистолет и навел его на врага. Рогатый бог только рассмеялся, с интересом подавшись вперед:

— Ты же не думаешь, что это меня остановит? — он одним плавным звериным движением спрыгнул на землю и медленно выпрямился, глядя на своего давнего противника: — Или ты окончательно все забыл?

— Я все помню, — шепнул Иван пересохшими губами, еле слышно, но темное божество его услышало, весело оскалилось:

— Поэтому так долго убегал от меня? Но, — он наклонил увенчанную рогами голову, блеснул черными глазами, — ты все равно сюда приходил, раз за разом. Ты тоже ждал нашей встречи, не так ли?

— Это неправда! — вскинулся Иван, несмотря на свою слабость. Бог рассмеялся:

— Правда, малыш. Наша встреча была предначертана. Я знал что так или иначе ты поможешь мне выйти на свободу.

— Ни за что!

— ...И поэтому, — словно не услышав его, продолжал бог, — я предлагаю тебе сделать это добровольно.

— А? — Иван опешил, рука с пистолетом задрожала от напряжения.

— Сам подумай, — бог шагнул к нему, разводя руками и спокойно улыбаясь, — мы оба знаем, что я могу тебя заставить. Попытки будут страшными, но своей цели я достигну. Или ты можешь сбежать, — темные глаза весело сверкнули, — но здесь останется твой второй спутник, я буду им питаться, и его крики будут вечность преследовать тебя во снах. Поэтому... давай все решим по-хорошему. Выпусти меня.

— Я не стану этого делать, — сказал Иван. — Я не выпущу тебя в свой мир, чтобы ты там все уничтожил!

— А если я поклянусь, что не буду ничего уничтожать? — божество смиренно склонило рогатую голову, глядя исподлобья и улыбаясь одними уголками губ. — Я понял свою ошибку и хочу искупить вину. В новом мире я могу стать твоим верным помощником, всегда быть рядом, на твоей стороне. Представь, как многого мы сможем достичь...

Иван, ничего не понимая, смотрел на своего врага. Еще совсем недавно это существо почти разрушило целый мир ради развлечения! А теперь хочет показать, будто раскаялось? Изменилось?

— Именно, — отозвался темный бог, плавно подходя еще ближе, его тихий, певучий голос завораживал. — В качестве искупления вся моя сила станет твоей. Ты будешь моим верховным жрецом, мы сделаем твой мир таким, каким ты сам захочешь. Без войн, болезней, злодеяний! — Темные губы на секунду расползлись в оскале. — Разве твой мелкий божок способен на такое?

— Его чудеса действительно маленькие, — медленно произнес Иван. — И ты в стократ сильнее его. Но, — он вскинул голову и ответил богу прямым взглядом, — зато его деяния несут добро. А ты хочешь перекрыть мир теперь уже моими руками!

Темный бог остановился, прекрасное лицо помрачнело.

— Я предлагал тебе союз...

— Повелитель! — хриплый крик зазвенел над домами, бесследно канув в пустыне. Иван обернулся и увидел в двух шагах от себя преклонившего колени Лёху.

Убийца неотрывно смотрел на рогатого бога, по его грязным щекам текли слезы.

— Мой Повелитель, я так тебя искал! Всю жизнь искал! — безумец пополз вперед, кланяясь и рыдая. — Позволь же служить тебе! Позволь отдать тебе свою жизнь!

Добравшись до босых ног божества, стоящий на песке, он уткнулся лицом в когтистые ступни, покрывая их поцелуями. Сквозь слезы звучали клятвы и обещания служить, обожать приносить жертвы, любые, да, любые, что Повелитель пожелает...

Темный бог едва удостоил ползающего перед ним Лёху взглядом. Его глаза смотрели только на Ивана, в них горело темное пламя. Юноша чувствовал, как его разум сковывает оцепенение, а пальцы, сжавшие рукоять пистолета, против воли разжимаются. Дышать стало так сложно...

«Это конец, да? Теперь он заставит меня провести его в большой мир...»

— О Повелитель, — стонал Лёха, заламывая окровавленные руки, — я буду служить тебе вечно!

— Скоро у меня будут достаточно слуг, — рассеянно отозвался бог, опустив взгляд на убийцу. Иван наконец-то смог вдохнуть воздух пересохшими губами. — Целый мир, если я только захочу. А ты, друг мой... — он острым когтем поддел подбородок Лёхи, заставляя того подняться.

Безумец послушно встал, сверкая покрасневшими глазами и с обожанием глядя в красивое лицо божества. Сколько зла чувствовалось под этой изящной оболочкой! Сколько изумительного безумия!

— А ты, друг мой, — повторил бог еще тише, — все равно меня предашь.

— Сто-о-ой! — закричал Иван, но его крик уже никто не услышал.

Острые когти вспороли шею Лёхи.

Мужчина отшатнулся, зажимая рану руками. Между пальцами ритмично брызгала кровь, стекая на голую, израненную грудь, глаза распахнулись, стали огромными, неестественно блестящими, полными неверия и ужаса, Лёха пытался кричать, но выходило только беспомощное бульканье. Он упал на землю и задергался, чиркая по земле рваными кроссовками, как будто танцует...

Иван вновь закричал и, вскинув пистолет, нажал на курок.

Темный бог дернулся и пошатнулся, затем медленно выпрямился и повернулся к парню. Пуля пришлась на правую половину лица, войдя в глазницу и разворотив ее. Кровь божества тоже была черной, стекающей по разорванной щеке, сквозь которую стали видны зубы.

— Ты так и не научился вовремя сдаваться! — прорычал рогатый бог, припадая к земле. Его тело начало изменяться, спина изогнулась в горб, лицо стало вытягиваться в длинную пасть, уцелевший глаз моргал посередине жуткой морды. Только корона из рогов осталась прежней...

— Я не сдамся, — согласился Иван, глядя на Лёху, его распахнутые глаза, на которые попали песчинки. Убийца был мертв, и что-то внутри юноши погибло тоже. — Ты можешь пытаться меня сколько угодно, но мы оба до конца времен останемся здесь.

— Это мы еще посмотрим! — взревело чудовище и прыгнуло вперед.

Глава 16. Тот, кто поможет

...Иван извернулся, клацающая зубами пасть мелькнула в пальце от его лица. Сжав в руке вспыхнувший амулет, юноша ударил в распахнутый глаз, услышал вскрик, отдавшийся не в ушах — в самом мозге, пронзив позвоночник.

Не дав врагу времени опомниться, Иван вдавил амулет в его голову, ощутил скрип чешуи под пальцами и жар, исходящий от черного тела. Крик усилился, враг, по-кошачьи изогнувшись, отбросил паренька в сторону. Тот перекатился, приподнялся, не теряя темного бога из виду. Серые глаза мрачно горели, в них не было и капли страха.

Гладкая одноглазая тварь, в которую перевоплотился давний враг, поднялась на дыбы, обнажив длинные клыки в усмешке:

— Тебе не удастся меня одолеть. Ты всего лишь маленький человек! — она метнулась вперед, неестественно удлинившиеся лапы ударили Ивана в грудь, он вновь откатился, сдавленно закричав. Прижал руку к вспыхнувшей груди, почувствовав влагу — его все же ранили когти чудовища. Но неглубоко. Есть шанс ответить!

Выстрел. Тварь глухо застонала, упала, зарывшись мордой в пыль, и Иван рванулся прочь, оскальзываясь на песке, свивавшемся в вихри, пытающиеся удержать его на месте. Но что-то горячее схватило ногу, сильно дернуло, и землю ударила в лицо, вспыхнув яркими искрами.

Темный бог длинным щупальцем подтягивал Ивана к себе, все новые и новые вытягивались из разросшегося гребня, извиваясь в воздухе. Парень согнулся и резанул отдернувшийся щуп кромкой вспыхнувшего талисмана, ловко вскочил на ноги и выставил вперед руку с кристаллом:

— Кое-что изменилось с тех пор, как мы в последний раз встречались, не так ли, тварь? — на лице паренька появилась злая усмешка. — Ты стал слабее, а я вырос!

— Моих сил на тебя хватит, — ощерилось чудовище в ответ, медленно пятясь. — Ты действительно теперь взрослый. Это и стало твоей слабостью!

Голову Ивана сжали незримые руки, кто-то рывком вошел в нее, в одно движение разрушив годами выстраиваемую защиту. Парень охнул и согнулся пополам, кристальный амулет выскользнул из разжавшейся руки и упал в песок, тут же в нем утонув. Его как будто засосало туда, обезоруживая человека, вторгшегося в чужой мир — ведь разве теперь простой пистолет сможет спасти его?

В ушах зазвенели голоса, нашептывающие о самых его сокровенных желаниях и о том, как легко будет их исполнить...

— В тебе столько мечтаний, — сказал темный бог, перетекая в привычный облик и рукой прикрывая раненый глаз, — и столько страсти! С каждым годом желаний становится все больше, а значит — рождаются новые слабости. Для победы их достаточно просто... — изящная ладонь сделала легкое движение, — поддеть когтем!

Иван застонал и упал на колени. Голоса набатом звучали в его голове, озвучивая его давние, странные мысли и вызывая болезненное эхо.

«Не ты ли хотел освободить город от монстров? Выпусти меня, и больше ни один из них не посмеет сюда прийти...»

«Ты ведь хотел спасти людей от того зла, что они несут в себе? Мы возьмем под контроль их разум, и преступников больше не будет».

«Помнишь, ты мечтал помочь Мише найти его жену? Он так сильно страдает с тех пор, как все вспомнил. Мы поможем ему, вдвоем мы откроем дорогу к ней...»

«Твои родители не понимают тебя. Вы отдалились и стали чужими друг другу. Им не понять, как много ты на себя взвалил, они не могут и не захотят этого узнать. Но я помогу вам снова стать семьей!»

«Ты хотел забыть все те кошмары, что произошли с тобой? Стать таким же, как другие люди в твоём городе? Прожить нормальную, счастливую жизнь, без охоты на тварей, новых ран и разочарований? Я могу сделать это прямо сейчас. Ты все забудешь и станешь простым, счастливым человеком».

«Боли больше не будет».

Иван всхлипнул и опустил потяжелевшие руки. Он был оглушен, а дар потух, как если бы кто-то разом убавил громкость во всем мире. В груди не отдавалась чужая боль, из теней не шептали призраки, а в голове звучали только его собственные мысли, впервые за долгие годы.

И, о боги всех миров, как же ему стало одиноко!

В полном бессилии захотелось упасть на колени и сдаться на волю врага. Зачем бороться, за кого бороться? Если темный бог выйдет на волю, так будет только проще...

— Давай, малыш, не бойся, — произнесло божество, протягивая к нему черную руку, блеснувшую длинными когтями. — Подойди ко мне. Скоро мы оба освободимся.

Над темным городом пронесся низкий, торжествующий гул, но Иван не обратил на него внимания. Одинокий, зачарованный и побежденный, он покорно шагнул навстречу своему врагу...

— Убери от него руки, — раздавшийся голос был еле слышен, но и юноша, и темный бог разом повернулись в ту сторону. На лице Ивана отразилось изумление, а божество недоуменно наклонило рогатую голову, сощурив уцелевший глаз.

Это был призрак. Тонкий и бесцветный, он почти сливался с тенью полуразрушенного дома, отличаясь от нее лишь несколькими еле заметными бликами. Но замечали его даже не глаза — это было ощущение незримого присутствия, какое порой бывает на старых кладбищах и в храмах.

Призрак выступил из тени и встряхнул кудрявыми волосами, которые плыли по воздуху, как если бы их владелица находилась под водой. Лицо ее оставалось темным, на нем пронзительно светились синие глаза. Полупрозрачная рука раскрытой ладонью ударила в сторону Ивана, он содрогнулся, как от пощечины:

— Приди в себя!

Навязанная покорность разом схлынула, оставив после себя только слабость. Иван мотнул головой и пошатнулся, едва не упав снова, но не сводя изумленных глаз с призрака Лизы, пришедшего сюда вслед за ним. Так вот, в чем ее дар! Но откуда в ней такая сила...

Темный бог припал к земле, его глаз распахнулся, тускло светясь, между губ блеснули кончики клыков:

— Еще один незванный гость? Но ты отвлекаешь... — не закончив фразу, он неожиданно прыгнул вперед, туманные ленты из его рук просвистели на том месте, где стоял призрак Лизы, но ее уже там не было...

Ивана вновь толкнул сгустившийся воздух, он обернулся, поймав на себе взгляд синих глаз, неожиданно ярких на сером, прозрачном лице.

— Скорее! — крик Лизы был тише шепота. — Спаси папу!

Иван секунду, распахнув глаза, смотрел на нее, затем, опомнившись, кивнул и бросился прочь, скользя по песчаному склону.

Лиза неслышно вздохнула и повернулась к врагу, над головой которого сгущался черный туман. Из него выстреливали, пробуя воздух, тонкие языки.

«Они острее лезвия, осторожнее», — сказал кто-то внутри нее. Лиза кивнула и осторожно отлетела назад, по-прежнему преграждая дорогу к бегущему Ивану.

Она почти не помнила, как оказалась здесь после того, как заснула. Полет над мертвым, истекающим песком городом казался сном — сном внутри сна, который приходит во время тяжелой болезни. Было ли все это? Те разрушенные здания, те огромные следы, ведущие в пустыню...

Только увидев папу, Лиза смогла полностью поверить в происходящее. Он лежал на песке рядом с убитой тварью, лежал в высохшей луже собственной крови, еле дыша. Она кричала, пыталась поднять его, но руки проходили насквозь, а крик был еле слышен даже ей самой.

«Ты ничего не сможешь сделать», — раздался голос откуда-то сзади. Лиза обернулась, никого не увидела, и лишь потом поняла, что голос звучал внутри ее самой. Внутри ее головы!

— Кто ты?! — спросила она, поднимаясь с колен.

«Один из тех, кто тебе поможет», — ответил голос, в нем звучала приятная улыбка. — «И тот, кто привел тебя сюда. Если хочешь спасти отца, тебе придется выручить парня, который сейчас сражается там, наверху».

Лиза подняла голову и посмотрела на вершину холма. Казалось, там ничего нет, кроме пары разрушенных зданий, но неожиданно над песчаной кромкой мелькнуло что-то черное. Лиза ахнула, рассмотрев поросшее щупальцами чудовище.

«Не бойся», — спокойно сказал голос. — «Его лучшие дни давно позади. Тебе даже не нужно побеждать его, достаточно выиграть время для Ивана, чтобы он вывел отсюда твоего папу. Я помогу тебе. Я дам тебе достаточно силы».

...Темный бог хлестнул сотканным из черноты хлыстом, рыча от злости и пытаясь прорваться вперед. Лиза увернулась и подлетела ближе, снова пытаясь дотянуться рукой до врага, чтобы обжечь его холодом, как подсказывал незримый советчик.

Один раз ей это удалось — она коснулась черного рога, и он рассыпался в ледяную пыль. Злой бог закричал и отшатнулся, из места скола брызнула кровь. Лиза закрыла лицо руками и испуганно растворилась в воздухе, но тихий голос сказал:

«Не останавливайся. Ивану нужно время».

Темный бог, шипящий от боли и злости, вскинул рогатую голову и оскалился:

— Ты не одна? Так я и думал! Жалкий призрак не смог бы... — он рванулся вперед, вытянувшиеся в длинные иглы когти влажно блеснули. Возникшая из воздуха Лиза взвизгнула, в последний миг отлетела в сторону, когти едва коснулись прозрачного плеча.

«Успела!»

Но враг и не пытался причинить ей вред. Хватило легчайшего касания...

Девочка закричала и упала на сухую землю, корчась от боли. По коже призрака пробегала рябь, волосы извивались, как змеи. Откуда-то издалека донесся крик советчика, но он резко оборвался.

— Вот оно что, — темный бог сощурился, глядя куда-то в пространство, мимо Лизы. — Это опять ты!

— Что с ними происходит? — вскинулась Сара, увидев, как спящая Лиза забилась на диване, не раскрывая глаз. Ее пальцы впелись в потрепанную обивку, босые ноги дергались, на лице была написана боль. Пес, лежащий у девочки в ногах, весь трясся, на морде выступила пена, невидящие глаза смотрели вперед.

Маша попыталась погладить жесткую шерсть, но собака дернулась, оскалилась, и малышка отшатнулась, заплакав.

— Так нельзя! — Сара склонилась над Лизой и встряхнула ее за плечи. — Хватит! Просыпайся! Хватит!!!

Она не знала, что только черный туман услышал ее крик.

Иван сбежал вниз по склону и увидел в стороне распростертого мужчину, лежащего лицом вверх. Песок вокруг него потемнел от крови, развороченная грудная клетка слабо поднималась и опускалась вместе с дыханием. «Сколько ему осталось? Надо спешить!»

Иван опустился рядом с Петром на колени, стянул свою футболку и прижал к ране, останавливая и без того слабо текущую кровь. Прикрыл глаза, нащупывая внутри себя чувство перехода, с облегчением понял, что хотя бы эта его способность осталась при нем, не пострадала при оглушительной атаке темного бога.

Он до сих пор с трудом мог проникнуть в вялые мысли Петра, не говоря уж о том, чтобы следить за схваткой Лизы с божеством. Оставалось только гадать, что там происходит, и верить в девочку, так вовремя пришедшую на помощь...

— Ты куда-то торопишься? — издевательский голос заставил раскрыть глаза и содрогнуться, увидев врага всего в паре шагов.

Темный бог одной рукой держал Лизу за горло, девочка слабо сопротивлялась, но сил больше не было — кто бы ни помогал ей, он тоже был повержен. Она еще ощущала его присутствие, но больше не слышала голоса, и прикосновение ее больше не жалило врага холодом — призрачные пальцы только беспомощно скользили по черной руке.

— Ты хочешь уйти? — спросил темный бог, обнажив в улыбке черные зубы. — Иди, куда хочешь. Но эта крошка останется здесь, а вместе с нею — твой мелкий божок.

— Не понимаю, о чем ты, — отозвался Иван, крепче прижимая промокшую от крови футболку к ране Петра и не сводя глаз с врага. Он лихорадочно обдумывал дальнейшие действия, стараясь не паниковать. Что же делать? Как всех спасти?! Бежать, даже вместе с Петром — не выход...

— А это ничтожество пришло сюда вместе с девчонкой, — беззаботно отозвался бог, проводя когтем второй руки по щеке Лизы, на которой появился бескровный, тускло светящийся порез. — Видимо, не хотел тебя мне отдавать. Решил вместо этого пожертвовать девчонкой, да только сам сбежать не успел. Обидно, правда? — черные глаза божества мрачно сверкнули.

— Он не стал бы никем жертвовать, — отрезал Иван, нахмурившись. Что-то было не так! Очнувшийся дар из всех сил пытался что-то сообщить, что-то важное...

Его осенило, на грязном лице появилась улыбка. Иван наклонил голову и спросил:

— Скажи, а у тебя есть родители?

Темный бог оскалился:

— Я не так жалок, чтобы родиться из чужой плоти!

— Тогда ты даже не подозреваешь, — Иван торжествующе усмехнулся, — на что люди способны, защищая своих детей!

Темный бог не успел ему ответить. Чья-то ледяная ладонь сжала запястье руки, держащей Лизу, а другая — ударила в грудь, отбрасывая врага на несколько шагов назад. Девочка вырвалась и отпрыгнула в сторону, но, обернувшись, остановилась, с испугом глядя на схватку темного бога... с кем?

Существо было будто соткано из теней, которые непрестанно клубились, не позволяя рассмотреть его черты. Серое, прозрачное, стремительное, это создание кружило вокруг божества, и все новые и новые тени ложились на него, почти сливаясь с черной кожей, оплетая ее, не давая сдвинуться с места...

— Скорее, Лиза! — крикнул Иван, протягивая к ней руку. Девочка подлетела к нему, поймала раскрытую ладонь и почувствовала настойчивый, пронизывающий насквозь

зуд. Каждая клеточка ее тела рвалась прочь отсюда, и впервые она остро ощутила, что на самом деле ее тело находится дома, а не здесь. С каждым ударом сердца темный город становился все нереальнее, звуки схватки затихали...

Иван отпустил ее руку и склонился над Петром, воздух вокруг них задрожал, силуэты расплывались. Но юноша не сводил взгляда с темного бога, который рычал и рвал путы, пытаясь дотянуться до ускользающей добычи.

— Ты останешься здесь навсегда! — крикнул Иван. — Не смей недооценивать людей!

Темный бог завыл, меняя облики. Из теневых пут вырывались когти, шипы, крылья, брызгала кровь из разрываемой плоти. Но поздно, поздно...

Иван и Пётр Леонидович исчезли.

Лиза, почти исчезнувшая, парила в воздухе, напротив нее застыло пришедшее на помощь существо. Тени, окружающие его, почти пропали, открыв женскую фигуру и миловидное круглое личико, в котором явственно проглядывали черты самой Лизы...

Девочка со слезами на глазах протянула тающую руку:

— Мамочка!.. — и растворилась в воздухе.

Эпилог. Новые союзы

Кухня была залита светом, из раскрытого окна струился свежий воздух. Ночью на улице прошел дождь, он смыл пыль и сухие листья с улиц, в городе стало прохладнее, а собачьи лапы и брюхо пришлось долго мыть после прогулки, чтобы избавиться от грязи.

Теперь пес лежал на полу в гостиной, обставленный игрушками Маши, а сама малышка сидела рядом, что-то напевая себе под нос. Дети зачастую легче других переносят страшные события.

Особенно если в итоге все кончилось хорошо.

— Ваша мама умерла во сне? — спросил Иван, грея ладони о чашку с крепким, сладким чаем. Под ногтями все еще темнел песок другого мира, но со временем он вымоется. А воспоминания — потускнеют...

Скорее бы!

— Да, — сказала Лиза, сидящая напротив него, изредка поглядывая на плиту, где ароматно шкворчала яичница с беконом. — Ее сбил пьяный водитель, когда она шла забирать Машу из садика. Мама впала в кому и спустя месяц умерла.

Девочка жалобно сморщилась, и Иван как наяву увидел тот день, когда это случилось: больничный коридор, печальный врач, рыдающий Пётр, крепко, до боли обнимающий дочек. И майку Лизы, мокрую от слез отца и сестренки...

Иван сглотнул колющий комок в горле и продолжил, сохраняя спокойный, размеренный тон, как будто вовсе и не подсматривал чужие воспоминания:

— Она была сновидцем, как и ты. Может, даже сильнее! После смерти она так и осталась тем призраком, в которые такие, как вы, превращаются во сне. Она чувствовала, что однажды тебе понадобится ее помощь, и слилась с твоим телом сновидения, чтобы всегда быть рядом. Поэтому вашей семье было так сложно все это время! Не каждый сможет носить на себе призрака, не каждый сможет жить с ним рядом. Так или иначе, в нужный момент мама пришла, чтобы тебя спасти...

Лиза опустила голову, пальцы с обломанными ногтями теребили край любимой серой футболки, кудрявые волосы завесили лицо, с которого еще не пропали следы безумной усталости. Наверное, так и будет, пока папа не вернется из больницы, где знакомые Ивана — люди ли? — долечат его раны.

Самые страшные повреждения исцелил лежащий в гостиной пес, но Иван настоял, чтобы Пётр побыл под присмотром врачей первое время. Заодно и вся их семья сможет каждый по отдельности обдумать пережитое, осознать свои таланты и увиденные чудеса.

Странный пес ни на секунду не отходил от Маши, на вопрос Лизы Иван неохотно ответил:

— Ребенок с даром, как у твоей сестры, однажды уже стал проводником для темного бога. Поэтому Машу нужно научить защищаться. Мелкий этим займется, — он осторожно отпил чай, взял конфету из вазочки и задумчиво посмотрел в глаза Лизе. — Ты уже знаешь, что он никакая не собака. Он ведь разговаривал с тобой?

— Да, — удивилась девочка, подавшись вперед. — А с тобой он не говорит?

— Больше нет, — понурился Иван. — Я вырос и больше не слышу его. Зато его слышит Сара. А теперь — и вы с сестрой.

— Ты ведь тоже присмотришь за нами? — с надеждой спросила Лиза, раскладывая яичницу по тарелкам. — Я понимаю, что все уже закончилось, но мне все равно страшно...

— Не бойся, я буду рядом, — Иван откинулся на спинку стула, устало прикрыв глаза. — Я ведь хранитель этого города! К тому же, — он весело улыбнулся, подмигнув, и

Лиза невольно зарделась, — мы же с тобой будем учиться в одной школе! Конечно, я буду приглядывать за тобой.

— С ними все будет хорошо? — Сара медленно, вилля рулем, ехала рядом на велосипеде.

Сам Иван из-за ушибов и ран шел пешком, оставив дома скейт, и часто доставал из кармана джинсов мобильный, чтобы не пропустить проверочный звонок от родителей. Они все еще беспокоились после его неожиданной ночной пропажи, пусть благодаря дару ему и удалось убедить их, будто заночевал у Сары.

Дорога шла под гору, вдоль улицы стройными рядами стояли покрытые осенним румянцем клены. Это был тот самый безлюдный час среди буднего дня, когда можно вести странные разговоры и не бояться, что ты кому-то покажешься сумасшедшим.

— Да, — кивнул юноша, подставляя лицо солнцу и довольно щурясь. — Их семья очень сплотилась из-за пережитого, они наконец-то поняли, как много друг для друга значат. Больше они не станут ничего скрывать, как было раньше...

— Я не об этом, — перебила Сара. — Я о том, что ты сохранил им память.

— Иначе было нельзя, — Иван остановился, и Саре пришлось затормозить тоже. — У обеих девочек есть дар, и какой сильный! Не зная о нем, они оказались бы в большой опасности. А так... — он пожал плечами. — Я хотя бы смогу позаботиться о них.

— Мне все же кажется, что дело не в этом, — медленно произнесла Сара.

— А в чем?

— Ты думаешь, тебе скоро понадобится их помощь? — девушка по-птичьему склонила голову, глядя на Ивана. — Ты чувствуешь опасность?

— Не знаю, — парень поежился и обхватил себя руками. — Просто такое ощущение, что я где-то совершил ошибку. Что-то упустил, что-то очень важное...

...Темный город затих. По пустым улицам тихо струился песок, затекая в трещины и овраги, образовавшиеся там, где в настоящем мире были уютные аллеи и веранды кафе...

Внезапно раздался треск — одно из зданий рассыпалось, превратилось в песчаный бархан, накрывший улицу и все продолжающий расползаться, скрадывая последние человеческие следы, оставшиеся в городе.

Зайдет ли сюда еще хоть кто-то?

Впрочем, это уже не важно. Божество, запертое здесь, наконец-то нашло себе слугу.

Обмякшая окровавленная рука еле заметно шевельнулась, впавая грудь с тихим сипением приподнялась. Пересохшие глаза, глядящие в небо, с трудом моргнули, лицо дрогнуло, исказилось в мучительной гримасе.

— Не шевелись, друг мой, — раздавшийся голос был тихим и почти что нежным. Только в шагах по камням слышались когти, а странная вибрация отдавалась в голове, шепча что-то об убийстве и крови.

— Со мной тебе никто больше не причинит вреда, — продолжил темный бог, опуская на колени и нежно проводя рукой по израненной, разбитой голове. — Вот, поешь.

На песок с сухим стуком упала оторванная рука Лёхи.

Всего секунду тварь смотрела на рогатого бога, раскрыв окровавленную пасть, в которой не хватало нескольких зубов. Чудовище не верило своему счастью. Неужели это дивное создание заботится о нем? Неужели ему нужно служение такого никчемного, осиротевшего, всеми покинутого раба?

Если так, то стоить самоотверженного слуги у него еще не было! Что нужно делать? Найти пусть наружу, из этого мертвого мира?

Будет сделано, Повелитель!

Застонав от нетерпения, тварь протянула дрожащую лапу и схватила пищу, подтянула к себе и жадно впилась оставшимися клыками...

Темный бог с улыбкой смотрел, как новый слуга насыщается, и как глубокие раны на тощем теле медленно начинают стягиваться. Вибрация, расходящаяся по темному городу, усилилась, стала ритмичной, завораживающей...

Одно за другим, здания рассыпались в песок. Город превращался в пустыню, отдавая своему хозяину последние крохи энергии.

Темный бог улыбался.

Скоро он будет свободен!

Часть 3. Боги чужой пустыни

Человек, идущий к своей мечте, способен на многое - вернуть себе утраченную память, прорваться в чужой мир, победить всех врагов и собственные страхи.

И пускай для этого придется пройти через пустыню, уходя от преследования страшного чудовища, но Миша, боец Сопротивления, должен найти свою жену!

Пролог

...Пыль скрипела под подошвами армейских ботинок, дыхание эхом отдавалось от стен тоннеля. Тут и там затаились приземистые силуэты — машины, однажды оставленные людьми, так и остались с тех пор в темноте, покрываясь пылью и медленно ржавея.

Миша подсветил фонариком номерной знак приглянувшегося автомобиля, тихо присвистнул:

— Далеко он забрался, в нашу-то глушь... себе на беду, — боец поджал губы, заглянув на заднее сиденье, изорванное в клочья и почерневшее. Что-то ворвалось внутрь через разбитое ветровое стекло, проволокло водителя сюда и сожрало его. Не повезло иногороднему бедняге оказаться здесь именно в тот день... А впрочем, всем людям здесь не повезло.

Стоящий на машине Мелкий настороженно поднял уши, глядя в глубину тоннеля. Мокрый нос шевелился, глаза пса вспыхивали зеленым, когда Миша направлял свет фонаря вдоль облупившихся стен, выискивая только ему известные приметы. Вот кто-то вывел краской из баллончика призыв покаяться перед концом света, конец фразы смазан и оборван, словно монстры добрались до человека раньше, чем он закончил свое творение. А вот след шести когтей, глубоко, до кирпичей процарапавших стену. След Пожирателя...

Но где же само чудовище?

Миша нервно повел фонариком из стороны в сторону, машины вздыбились из темноты, обросли тенями, в которых могло таиться все, что угодно. И Мелкий был слишком напряжен, не отходил от хозяина, почти сразу запрыгнул на капот машины и принялся принюхиваться к еле ощутимому ветерку, идущему от далекого светлого пятна — выхода с другой стороны.

— Что ты чуешь, дружок? — Миша встал рядом с псом и потрепал его по мохнатой холке. — Что там прячется?

Мелкий тихо заскулил в ответ. Ему не нравился кислый запах, идущий от стен, не нравились крысиные косточки, хрустящие под ногами хозяина. И все сильнее становилось ощущение, что они не одни. На них охотятся.

Миша повел плечами и двинулся дальше, перелезая через машины и не убирая руки с рукояти любимого пистолета. Он знал, такие тоннели — излюбленное место Пожирателей, огромных вечно голодных монстров, нападающих на всех, кто приближается к их «норе». И да, здесь были следы этой твари — предупреждающие метки на стенах, проломленные крыши машин, сухие куски облезшей шкуры, оставшиеся у стен, об которые чесался линяющий Пожиратель.

Но свет был все ближе, а чудовище так и не нападало. Позади сопел и поскуливал Мелкий, протискиваясь между машинами. Миша невольно ускорил шаг и тут же наступил что-то сухо треснувшее. Опустив взгляд, боец увидел кости. Они часто встречались в местах, где существа устраивали логова, подлавливая людей, животных и мелких тварей, проходящих мимо, но эти... были слишком большими! Вот и рогатый череп, наполовину утонувший в пыли. Это кости Пожирателя!

Мелкий завыл, и Миша резко обернулся, выхватив пистолет и еще не зная, чего ждать. Казалось бы, ничего не изменилось. Тот же темный тоннель, те же брошенные машины, покрытые пылью, и далекий, мигающий свет в конце.

Красный свет.

— Мелкий, бежим!!!

...Они выскочили из тоннеля, кашляя и отплевываясь от поднятой пыли. Миша прислонился к покосившейся стене дома, с трудом глотая воздух и глядя назад, в темноту, куда медленно, разочарованно втягивался красный туман, упустивший свою жертву.

Выдохнув, боец пригладил шерсть на спине Мелкого и потянулся за рацией.

— Штаб, прием. Я на левом берегу, у тоннеля. Здесь кровавый туман, — рация затрещала в ответ. — Высылайте ребят. Нам нужны огнеметы.

...Мелкий гавкнул, и Миша проснулся.

Сел на кровати, сбив на пол скомканное одеяло и обхватив себя руками. На загорелой груди блестел выступивший пот, светлые взлохмаченные волосы в темноте казались седыми.

В тесной квартирке пахло собачьим кормом и дешевой китайской едой, на спинке стула висела несвежая одежда, а сверху лежал кожаный поводок Мелкого. Пес жил у Миши вот уже два года, с того дня, как мужчина подобрал его на улице, надеясь, что новый друг поможет справиться с внезапно навалившейся тогда тоской.

И это помогло! Собака полностью занимала все свободное время и мысли Миши — постоянно заболела, порой неделями не выходя из ветеринарной клиники, убегала, погнавшись за соседской кошкой и будто растворившись в воздухе, едва забежав за угол. И Мише приходилось постоянно закупаться лекарствами и бинтами, или часами ходить по городу, выкрикивая кличку бестолкового любимца.

— Ну почему ты такой глупый? — вопрошал мужчина, выбирая колючки из виляющего хвоста и уворачиваясь от мокрого языка. — Хоть во снах ты меня слушаешься!

Да... во снах.

Мелкий снова гавкнул и запрыгнул к хозяину, вытянув шею и подставляя уши для чесания. Миша рассеянно взъерошил собачий мех, чувствуя, как по телу проходит запоздалый озноб. «Это должен был быть кошмар? Наверное. Но мне было совсем не страшно...»

— Мне снова снится тот город, — боец обеими руками взялся за голову Мелкого и заглянул в мудрые карие глаза — Мы снова бродили по нему и искали чудовищ. Все было как будто по-настоящему.

Он откинулся назад и тяжело вздохнул. По потолку пробежали отблески — в городе проезжали запоздалые машины, где-то там снег падал на улицы, в мгновение тая и оставляя чуть заметные мокрые следы на асфальте.

— Почему это все так реально, Мелкий? — спросил мужчина, беспомощно улыбаясь. — Я как будто был там. На самом деле. Как сейчас все это помню! Мы с тобой были настоящими героями. Каждый день рисковали жизнями. А еще...

Миша загнулся и опустил голову. «Я вижу такие странные сны и всерьез разговариваю со своей собакой. Неужели вот так люди сходят с ума?»

— А еще нас ждали дома. Я был женат, Мелкий! — боец рассмеялся, потом скривился, сдерживая слезы. — Я иногда вижу ее, когда мы во сне возвращаемся с дежурства. Она прекрасна, моя Аня. Я готов уснуть навсегда, лишь бы остаться с ней.

В мире, который очень далеко — и в то же время очень близко от нас, поднималось солнце. Огромная пустыня впитывала его свет, прогоняя ночной холод и растапливая ледяную корку, тут и там вгрызающуюся в песок. Отогревшись, из песчаных барханов поднимались кристаллы, шевеля гранями и переливаясь разными оттенками алого.

На небе тускло светили семь лун, еще две пока не взошли над горизонтом. Но когда они покажутся, пески начнут танцевать, а странные существа, населяющие этот мир, будут молиться о том, чтобы пустыня их не поглотила.

Так уже было однажды. Так будет вновь и вновь.

Одно из существ сидело на вершине бархана, острыми когтями пытаясь докопаться до мягких корней одного из живых кристаллов, когда по пустыне неожиданно прошла вибрация. Существо припало к земле, не зная, что происходит, откуда ждать атаки. Кто это, кто прорывается сюда сквозь песок?

Но нет. Не сквозь песок.

Существо испуганно оскалило мелкие зубы, увидев, как сгущается воздух на соседнем холме, и как кто-то выходит оттуда, безрогий и странный, оглядывается по сторонам, опускает что-то на землю — странный, черный кристалл. Над ним воздух сгущается сильнее, и что-то шевелится там, рычит и приближается...

Зашипев, существо торопливо побежало прочь. Когти зарывались в песок, поднимая пыль к небу, которое начинало наливать жаром. Позади что-то трещало, пахло огнем, переговаривалось тонкими голосами.

Существо ускорило еще, не замечая, как ранят пальцы острые осколки, затерявшиеся в песке, и как кровь струится и теряется в нем. Оно держало путь к восходящему солнцу, туда, где на самом горизонте поднимались вверх высокие скалы. Там живут боги, им нужно все рассказать.

Кто-то незванный пришел в их мир.

...Люди.

Глава 1. Собачьи следы

Рассвело. Город медленно оживал, по улицам двинулись первые автобусы, ранние пассажиры занимали пустые места и задремывали, прислонившись к окнам, еще покрытых инеем после ночного заморозка.

Скудный снег похрустывал под лапами, Мелкий сильно натягивал поводок, приплюсываясь к земле и важным собачьим меткам. Миша поднял воротник кожаной куртки и съежился от порыва холодного ветра:

— Скорее заканчивай дела, пока я уши не отморозил, — мужчина дернул за поводок, но пес не обратил внимания, он тянул хозяина вперед, как буксир — неповоротливую, недовольно бурчащую баржу.

Они шли вниз по улице, мимо облетевших кленов и припаркованных машин, вдали уже показался край города, пустыри, а дальше — только поля, покрытые снежными разводами. Откуда-то издали доносился звук мотора, людские голоса. Кому это не спится в такую рань?

После того сна Миша так и смог вновь заснуть. Перед глазами мелькали смутные образы — странные существа, дома, обитые жестью, тяжесть кристаллов в руке. Во сне они взрывались, если их кидали в тварей, надо же такое придумать!

Но больше всего Мишу беспокоил другой образ.

Аня.

Это были самые редкие, но и самые любимые его сны. В них он приходил домой, порой израненный, покрытый слизью тварей и собственной кровью, дверь открывалась, стоило ступить на лестничную площадку, а за ней...

Там был его дом. И не важно, что окна его были закрыты металлическими створками, и что есть приходилось консервы и подземные грибы — даже из этого можно было приготовить что-то вкусное!

Главное, что дома ждала Аня. Когда она готовила, то пела тихие песни на неизвестном языке, Мелкий ей тихо вторил, подвывая, а Миша завороченно слушал. Иногда боец рассказывал жене о том, как прошел его день, но чаще в этом не было нужды — она всегда все знала заранее. Знала, придет ли он усталый или разочарованный, будут ли нужны бинты и лекарства, приготовить ли нитки, чтобы заштопать порванную одежду.

Вечером они вместе читали или взахлеб разговаривали, улегшись в кровать и держась за руки. Они столько всего должны были друг другу рассказать: любимые фильмы и прочитанные книги, веселые байки из студенческой жизни, а еще — как, собравшись в стаю, отогнать от нор Пожирателя, как выбрать себе партнера для брачных танцев, что делать, если из реки ушла вода, и пустыня начинает заметать ваши логова.

Миша вздохнул. «Она мне просто снится. Это не может быть правдой! Ведь она даже не человек...»

Один раз он попробовал сходить к психологу, это была красивая блондинка лет сорока, с немного увядшим лицом и обильно накрашенными ресницами. Миша не смог ничего ей рассказать. Ему все время казалось, что ее глаза в любой момент могут почернеть, а из пальцев выдвинутся когти.

Грузовик подпрыгнул на кочке, в кузове что-то лязгнуло и перекаатилось. Пожилой, недавно начавший лысеть водитель нервно покосился на своего спутника, но тот не обратил

внимания на звук, продолжая сквозь стекла очков смотреть в окно на проплывающие мимо поля, по которым иногда торопливо пробегали снежные вихри.

Мужчина выглядел совершенно безлико, такие люди не запоминаются при встрече — но что-то наводит на мысль, что они делают это специально, скрывая и сглаживая все интересные другим черты. Позже водителю запомнится только неестественная бледность, очки в тонкой оправе и рация, выглядывающая из кармана мужчины.

«Военный? А может, шпион? И что же такое я везу?» — первое время задумывался мужчина, но вскоре, когда они свернули на бездорожье, мысли буквально вытряхнуло из головы. Грузовик вновь подпрыгнул, и водитель невольно ругнулся, выкручивая руль. Безликий человек чуть усмехнулся, но заметил новый вихрь в поле и вновь помрачнел.

Вскоре впереди показалось что-то темное. Это был сетчатый забор, поверху опутанный колючей проволокой. Ворота в нем охраняли двое людей, и водитель занервничал еще сильнее, заметив автоматы в их руках.

Кто-то очень не хотел, чтобы случайные горожане увидели, что затевается недалеко от границы города.

Автоматчики насторожились, но, увидев, как невзрачный мужчина соскальзывает с пассажирского сиденья, расслабились, один из них что-то сказал в рацию. Ворота пискнули, и их створки сами разъехались в стороны.

Водитель, нервно потея, вышел и торопливо раскрыл двери кузова, косясь в сторону забора. Там стояли другие грузовики, но военные! И внедорожники, и вон там — это что, топливо? Зачем им столько?! И ящики какие-то черные... так странно!

Странный бледный попутчик вместе с автоматчиками подошел к кузову и заглянул внутрь, кивнул им, чтобы залезали внутрь. Когда те скрылись в полумраке, и оттуда донесся уже знакомый ляг, мужчина посмотрел на водителя:

— Остаток денег уже перечислен вам на счет, — он вновь покосился на снежный вихрь, медленно подползающий к решетке забора, поежился. — Благодарим за вашу работу. Как только разгрузимся, можете выезжать обратно.

— Вам спасибо! Какой странный вихрь, — невпопад сказал водитель. — Ветра вроде уже нет, а он все ползет...

— Не обращайтесь на это внимания, — холодно сказал бледный мужчина, прищурившись. — Погода бывает необычной.

— Зачем вам все это? — спросил водитель, мотнув головой в сторону, где двое автоматчиков как раз выносили груз из кузова. — Кого вы хотите туда посадить?

— Это не важно, — собеседник неожиданно улыбнулся, блеснув стеклами очков. — Была бы клетка, а зверь найдется.

— Эй, Мелкий, стой! — Миша, запыхавшись, уже почти бежал за собакой. Намотанный на руку поводок больно впивался в запястья, подмерзшая земля ударяла в подошвы ботинок.

Задумавшись, он и не заметил, как вместе с псом они вышли из города — вот и последние домики остались позади, а Мелкий решительно свернул с шоссе на пыльную земляную дорогу, на которой тут и там плясали снежные вихри.

— Да стой ты наконец! — Миша дернул поводок, пес мотнул головой, и блестящий карабин с тихим щелчком соскочил с колеска на ошейнике. — Черт, Мелкий! Место!

Но пес уже убежал вперед, нырнув в замершую, черную траву, жесткими стеблями и колючками цепляющуюся за шерсть. Миша раздраженно хлопнул себя по бедрам — опять убежал! Глупая собака. Но не оставлять же его здесь, это в городе он может найти дорогу домой, а тут — нет...

— Мелкий! — он побежал следом за собакой, путаясь в белесых стеблях и отмахиваясь от веток низкого кустарника. Несмотря на холод, он вспотел под курткой и расстегнул ее, мчась вперед по еле заметной дорожке из примятой травы, которую оставила убегающая собака. Миша дважды поскользнулся на инее и один раз чуть не упал в яму, его ноги отяжелели — прелые листья забились в глубокие протекторы любимых армейских ботинок.

— Мелкий!.. Ох, что? — он резко остановился и удивленно покачал головой.

Перед ним был забор. Но откуда? Кто его поставил? Раньше тут ничего такого не водилось!

Сквозь мелкую сетку можно было увидеть, как на примятой траве стоят машины: грузовики и вездеходы, Миша даже заметил один бронетранспортер. В стороне рядами стояли канистры с топливом, сильно пахло соляжкой.

Посередине, там, где не было машин, было непонятное сооружение. Здесь была залита бетонная площадка, к которой вел широкий пандус, и на ней широким кругом стояли черные кубы, соединенные проводами.

Что за люди здесь устроили такое?

Миша нахмурился. «Лучше мне здесь не крутиться. Мало ли, чем они тут занимаются?» И он уже собирался уйти, как вдруг заметил движение по ту сторону сетки.

Мелкий заинтересованно обнюхивал колесо внедорожника.

— Мелкий! — воскликнул Миша, подсакивая вплотную к забору. — Ты что творишь!

Пес виновато прижал уши и нырнул под грузовик.

— Черт! — Миша торопливо огляделся и стянул куртку. Со второй попытки набросил ее на колючую проволоку, идущую поверх забора, и полез по сетке, шипя ругательства сквозь зубы. Проволочный шип ужалил ладонь сквозь куртку, но Миша уже ловко спрыгивал вниз с другой стороны забора.

Он сдернул куртку и тут же бросился к грузовику, под которым исчез Мелкий, но пса под ним уже не было.

«Нашел время в прятки играть!»

Только он хотел вновь позвать собаку, как совсем близко раздались голоса. Не успев и на секунду задуматься, Миша упал за землю и мигом закатился под машину. Уже оттуда он увидел, как две пары ног в таких же армейских ботинках, как у него, идут по площадке. Их владельцы коротко переговаривались, но отсюда не было слышно, о чем.

Одни ноги куда-то ушли, другие остались, прохаживаясь вдоль той странной площадки с кубами. Миша поерзал, думая рискнуть и прокрасться к выходу, но, чуть высунувшись, рассмотрел оставшегося человека и передумал.

Это был какой-то военный, одетый в безликую серую униформу. Он настороженно осматривался из-под козырька кепки, не выпуская из рук автомат.

«Во что я ввязался?»

Миша сильнее вжался в землю, его уже начало потряхивать от холода. В голове лихорадочно пробежали мысли: заметят ли они его следы? а вдруг откуда-то выбежит Мелкий? чем они вообще здесь занимаются?!

Словно в ответ раздался низкий гул. Оставшийся военный напрягся и нацелил автомат... назад? На пустую площадку!

Миша привстал на локтях и увидел, как по черным кубам расходится вибрация, они начинают дрожать и расплываться в воздухе. Воздух над ними тоже задрожал, замерцал и вытянулся, вверх и в стороны, словно пытаясь охватить все небо над головой солдат. И в нем что-то проявлялось, как в исполинском экране, там ходили люди, одетые в серую униформу, и стояли внедорожники.

Из портала пахло жаром. Там было очень горячо! Миша подался вперед, завороченно глядя не на лагерь, разбитый на вершине бархана, не на людей с оружием и даже

не на странное существо, запертое в клетке и пытающееся когтями дотянуться до своих пленителей.

Он смотрел на пустыню, в которой росли исполинские кристаллы, и вспоминал свою жену, которую видел во сне, ее рассказы, которые слышал во сне!

Истории про пустыню под светом девяти лун.

«Это мир моей Ани!»

Солдат смотрел в портал, пытаясь побороть дрожь в руках. Он еще помнил, что произошло на той неделе, когда одна из тварей прорвалась сюда и попыталась разрушить кубы. Казалось бы, простое, пусть и страшное, животное, но оно действовало так разумно! Словно пыталось остановить людей, не дать им больше приходить в тот мир.

В тот день погибли пятеро, и замену им пришлось взять из охраны полигона. Многие заговаривали о том, чтобы прикрыть проект, но Дятлов настоял на своем. Ходили слухи, что он пригрозил унести тайну портала с собой в могилу, если проект закроют сейчас, на этом этапе.

Сумасшедший мужик, этот Дятлов...

Солдат тихо выдохнул, недовольно посмотрел в сторону стоянки, по давней привычке отстукивая на прикладе автомата ритм очередной популярной песенки.

«Ну где ты там, сержант? Сколько энергии уходит зря! А нам еще клетки переносить. Хоть согреемся на той стороне».

Позади хрустнула веточка. Солдат оглянулся, и чужой кулак влетел ему прямо в нос.

Миша подхватил пошатнувшегося парня и нанес новый удар, в солнечное сплетение, выбивая дух и выводя солдата из строя. Склонился над ним, выпутывая из сжавшихся рук ремень автомата.

Позади раздался оклик, Миша развернулся и увидел другого солдата. Тот нацелил на него свое оружие, бородатое лицо исказилось от злости.

— Спокойнее, дружок! — Миша сделал невозмутимый вид. — Я от начальства, проверяю вас. Твой напарник не очень бдительный, верно?

Сержант на секунду опешил, и этого хватило. Миша одним прыжком преодолел расстояние до портала и побежал вперед, сжимая трофейный автомат и чувствуя, как вокруг него сгущается воздух. Каждый новый шаг давался с таким трудом, что казалось, боец бежит на одном месте, почти физически чувствуя, как обманутый солдат неторопливо прицеливается ему в спину.

Миша не увидел, как метнувшийся вперед Мелкий сомкнул зубы на запястье сержанта, и как тот падает, не переставая бить прикладом пистолета по голове собаки.

Привычный мир схлопнулся за спиной бойца, и только одна мысль стучала в голове вместе с загустевшей кровью:

«Аня, я иду к тебе!»

Глава 2. Город на грани миров

...Что такое переход в другой мир? Это удар под дых и падение в ледяную воду, онемение во всем теле и тяжесть в голове. И чернота, чернота со вспышками лопающихся сосудов перед глазами, и нет сил подняться, чтобы сделать первый шаг по сыпучему, скрипящему песку чужой пустыни...

«Вставай. Надо встать!»

Закашлявшись, оглушенный Миша уперся руками в песок и приподнялся, мотая головой. Вокруг было так светло! Казалось, солнце было повсюду; его лучи падали с неба, как огненный дождь, отражались от каждой песчинки и злобно, горячо впивались в кожу лежащего человека.

В небо было больно смотреть, но и секунды хватило, чтобы затаить дыхание от открывшейся картины — огромные луны напозлали друг на друга, отбрасывая друг на друга серебристые тени. Сколько их было — пять, шесть?.. А вот и еще одна, самым краешком видна над горизонтом, куда уходила пустыня.

Она тянулась вокруг, насколько хватала глаз, горбилась барханами, отсвечивала огромными, растущими там и тут красными кристаллами — они были единственными яркими пятнами в этом серо-желтом, раскаленном мире.

Мише показалось, что где-то там, у одного из кристаллов, что-то шевельнулось, забиваясь в тень. Присмотреться он уже не успел — позади раздался голоса.

«Черт возьми, люди!»

Он вскочил на ноги и побежал вниз по склону. Пыль забивалась под влажную от пота куртку, бесцеремонно лезла в глаза и рот, уши все еще закладывало, в них стучала кровь. Нет, это пулеметы преследователей. Надо бежать, бежать...

Кожу на голове пощипывало, желудок крутило. Миша уже чувствовал подобное несколько лет назад, в тот самый злополучный день.

Или, напротив — счастливый. Ведь тогда он встретил Аню!

— ...Опять опаздываешь, Мишенька? — Кристина строго посмотрела на него поверх очков. Тщательно наманикюренные пальчики торопливо перебирали клиентские карточки, раскладывая их по нужным ящичкам, под расписанием занятий клуба прятался уже наполовину решенный сканворд.

Миша скорчил виноватую рожицу:

— Ну прости, Крис! На улице пробки.

Кристина укоризненно покачала головой: опаздывал Миша часто, оправдываясь то пробками, то аварией, то приездом сестры. На самом деле ни для кого не было секретом, что он чуть ли не каждый день задерживается в кофейне неподалеку от дома, пытаясь очаровать одну официантку. Но она — редкий случай! серьезный вызов! — ни разу не согласилась на свидание.

— Ладно. Бери ключи, — связка весело звякнула о стойку, свесив с края пушистый брелок. — Сегодня у нас тихо, только Пышка пришел еще с утра.

Миша весело сощурился. Пышкой они называли угрюмого толстячка, который пытался сбросить вес под надзором уже третьего тренера из их клуба. Пару раз Миша встречал Пышку в городе — тот проезжал мимо в дорогой машине и, видя тренера, воровато прятал в бардачке коробки с пончиками.

Проходя в раздевалку, Миша помахал толстячку рукой. Тот сосредоточенно пытался на велотренажере, то и дело прикладываясь к бутылке с водой и нервно поглядывая в приоткрытое окно — клуб располагался на первом этаже, и Пышка очень стеснялся, что его тренировку могут увидеть с улицы.

«Бедолага. Сейчас переоденусь и задерну жалюзи», — Миша снова усмехнулся. — «Бедный храбрый Пышка. Другой на его месте бы уже сдался! Сколько раз я такое видел. А у него — жена, есть, ради кого стараться».

Тренер открыл шкафчик и достал рабочую одежду, невольно тяжело вздохнул.

«Все мои друзья остепенелись, у кого-то уже дети. Даже у Пышки есть жена! А я никак не найду свою...»

Миша мотнул головой, прогоняя непрошеную хандру. Он никогда не сравнивал себя с другими людьми, не завидовал и не пытался им подражать, мужчину полностью устраивали нынешняя работа, досуг и жизнь. И девушки у него были! Конечно, красивый улыбчивый тренер пользовался у них успехом.

Но все сильнее становилось чувство, что где-то неподалеку ждет его судьба. Кто-то близкий, с кем можно оставаться самим собой, не натягивая привычную улыбку поверх усталого лица, с кем будет легко засыпать и радостно — просыпаться.

Он видел эту девушку во снах каждую ночь, искал ее черты в случайных прохожих, но не находил. Официантка из кафе... почти похожа, жаль, не соглашается на свидание, недовольно морщится и поглядывает на часы, пока он не уходит. Значит, опять искать?..

Миша уже натянул серую рабочую майку и взялся за ремень джинсов, когда вдруг его голову словно сжали со всех сторон. Дышать стало сложно, он схватился за дверцу ящика, чтобы не упасть, перед глазами потемнело.

А потом все разом прекратилось, как будто разжалась огромная пружина.

Миша согнулся, и его вырвало утренним капучино. Мужчина выпрямился, тяжело дыша и вытирая рот ладонью.

«Что это было?!»

Внезапно пол под ногами тряхнуло так, что Мишу мотнуло, ударив о шкафчики и опрокинув наземь. Из-за двери донесся грохот, затем испуганный возглас Кристины и торопливый говорок Пышки.

Пошатываясь, Миша поднялся и выбежал за дверь. Стойка Кристины перекосилась, сама девушка сидела рядом на полу, всхлипывая, а Пышка протягивал ей свою воду. Увидев Мишу, он нервно вскочил, задрожав толстыми щеками:

— Землетрясение? — капилляры в его глазах полопались, придав Пышке странный, дикий вид. Миша пожал плечами:

— Скорее всего! Я выйду наружу, посмотрю, что происходит.

Тамбур. Дверь, открывшаяся с большим трудом, вся покосилась. Миша вышел на улицу и огляделся, замечая на асфальте осколки стекла — повсюду вылетели окна. Где-то надрывно верещали автомобильные сигнализации, светофоры мигали всеми огнями. Люди выглядывали из окон, выходили из кое-как остановившихся машин, тихо переговаривались и осматривались.

— Вы не знаете, что произошло? — Мишу придержала за локоть пожилая женщина, по ее виску стекала кровь — наверное, ударились во время толчка.

— Даже не представляю, — отозвался Миша и развернулся, чтобы вернуться в клуб.

И услышал крик. Истошный женский крик, который пронесся над замершей улицей и резко оборвался. Сразу же закричал кто-то еще, это был уже не крик — пробирающий до самых костей вой! Что должно произойти, чтобы человек издал такой звук?!

Миша сделал несколько шагов вперед, привстал на цыпочки, пытаясь рассмотреть, что же там произошло, но кто-то из тех, кто смотрел из окна с высокого этажа, вдруг визгливо заорал:

— Бегите! Бегите! Они идут сюда!!

Мишу передернуло, он торопливо зашел обратно в клуб, обратился к Пышке и уже пришедшей в себя Крис:

— Ничего не понятно. Но давайте лучше запремся. Пышка, закрой окно, — он сам не заметил, как обратился к толстячку по прозвищу, но тот почему-то не стал перечить.

Миша взял с разломанной стойки ключ от наружной двери и запер клуб, вернувшись, бросил связку на стол у входа. Крис тихо плакала, а Пышка подошел к окну и взялся за створку, но увидел что-то снаружи и замер:

— Какого... — он отшатнулся в сторону и потрясенно выругался. Миша обернулся и, похолодев, увидел, что в окно лезет...

«Какой-то зверь? Что это вообще такое?!»

По подоконнику скребли длинные серые лапы. Голова на длинной шее моталась над ними из стороны в сторону, скрипя зубами в вытянутой, как у крокодила, пасти. Вся тварь была мертвенно-бледной, серой, голой. И она тихо стонала, почти человеческим голосом.

«Таких животных не бывает».

Вот тварь перевалилась через раму окна и встала на подкашивающихся ногах, обводя замерших людей взглядом мелких черных глазок. В приоткрытой пасти мелко подрагивал серый язык, черная слюна капала на пол и, кажется, начинала его медленно проедать.

Миша замер, едва дыша. Время замерло, весь мир утратил краски, а чувства отступили куда-то очень далеко. Страх не было, мысли были четкими и прозрачными, как до скрипа вымытое стекло.

«Уходить. Надо скорее уходить. Ключи на столе, если оно на меня не бросится, я успею их схватить. Уведу Кристину и Пышку. Захлопну дверь снаружи. Я справлюсь».

Миша медленно, не сводя взгляда с чудовища, протянул руку к ключам...

И тут Кристина завизжала.

Тварь вскинулась, зарычала и в один большой прыжок оказалась рядом с Пышкой. Толстяк заорал, метнулся в сторону, но широкая пасть вцепилась ему в бедро, с треском рванула. Брызнула кровь, и Пышка упал, продолжая кричать, а серая тварь уже была сверху, и когти вонзались все глубже в его необъятный живот.

Миша схватил Кристину за руку и кинулся к выходу, слыша, как за его спиной обрывается последний вопль Пышки. Ударился о дверь, пытаясь попасть ключом в замочную скважину, навалился...

Свежий воздух ударил его в лицо, перемешанный с запахом дыма и крови. Миша выпустил ладонь Крис и, весь дрожа, поднес руки к лицу.

— Твою мать, что это было?! — он шумно выдохнул и опустил руку. Потрясенно огляделся: — Что?..

Небо затянуло черными, непроницаемыми тучами, в которых что-то вспыхивало, а вся улица была залита кровью. Мимо брошенных машин с криками бежали люди, оглядываясь и спотыкаясь, в паре шагов от Миши упал и тут же вскочил совсем молодой парень, он прижимал к боку окровавленную руку, с которой свисали ошметки плоти.

Где-то там, откуда бежали люди, что-то грохотало, вздрагивала земля. Что-то огромное шло по городу, ровняя здания с землей!

«Это конец света?»

— Крис, нам надо бежать тоже, — еле выдавил из себя Миша, повернувшись к девушке. Она сидела на земле, глубоко зарывшись пальцами в волосы, и качалась из стороны в сторону, тихо подвывая. — Ну же, крошка, вставай! Нам надо идти!

Он едва успел ее поднять и, поддерживая за плечи, провести несколько шагов, как от бегущих людей донесся истошный вопль, перекрывший все остальные крики. Обернувшись, Миша ахнул: на толпу пикировали какие-то черные птицы! Они падали вниз, опрокидывая людей наземь, а затем продолжали терзать их, налетая сразу по несколько штук.

Вот одна из них повалила женщину, подняла голову и уставилась на Мишу, зашипела, шевеля острыми иглами на загривке.

У нее было два изогнутых, зазубренных клюва, сейчас покрытых кровью. И огромные перепончатые крылья!

— Крис, бежим! — Миша дернул девушку за руку, но та стояла, как влитая, неотрывно глядя на побоище перед ними. — Крис, давай же! Ну! — Он дернул еще раз, видя, как птицы вновь поднимаются в воздух, собираясь в стаю. — Скорее!!!

Визжащая стая летела прямо к ним. Миша едва успел отскочить в сторону, почувствовав, как что-то горячее ударило его по руке, а Кристину мотнуло назад, облепило хлопающими крыльями, опрокинуло на землю. Только теперь девушка вновь начала кричать.

Миша шагнул было к катающемуся по земле телу, но замотал головой и побежал прочь, зажимая рану на руке и надеясь затеряться в каком-нибудь переулке.

«Я ничего не мог сделать! Ничего...»

Тяжело дыша, он привалился спиной к перевернутой машине. Совсем неподалеку раздавалось низкое бормотание и скрежет — неведомая тварь пыталась устроиться в мусорном баке.

Миша осторожно выглянул, успев увидеть, как в перевернутом баке с шелестом исчезает длинный сегментчатый хвост. Тихо перевел дух и пробежал мимо, ступая по разбросанному мусору, лежащему в кровавых лужах.

Трупы были повсюду. Твари их даже не ели — просто убивали, и только потом разбредались в разные стороны. Друг друга они тоже атаковали, где-то полчаса назад Миша прокрался мимо двух грызущихся существ — одно было таким же, как убитое Пышку, другое больше походило на какого-то странного карлика с почти человеческим телом и вытянутой вперед зубастой пастью.

За время перебежек по городу в поисках убежища, Мишу уже дважды ранили. Один раз это была одна из тех жутких птиц, о которой он споткнулся в переулке, где она забилась под картонку и скулила, пытаясьлизать раненое крыло. Она вцепилась в ногу мужчины и легко прорезала клювом плотный кроссовок, пустив кровь.

Во второй раз Миша попробовал войти в подвал, который показался безопасным, но в него выстрелил забаррикадировавшийся там человек. Пуля прошла плечо насквозь, боль казалась нестерпимой — а потом ушла куда-то на задний план, растворившись в уставшем теле, саднящих ушибах, отупевшем разуме.

Один раз он чуть не вошел в странную дымку, не заметив ее. Она висела поперек улицы, чуть мерцая, и почему-то не хотелось проверять, что будет, если зайти туда. Осторожно миновав ее, Миша увидел, как из-за угла появилась тройка бескожих, рогатых гуманоидов. Они резко остановились, пригнувшись к дымке, о чем-то переговорили на непонятном языке, и пошли прочь, не став дальше преследовать мужчину.

«Мне надо отдохнуть, — думал Миша, спотыкаясь. — Я совсем обессилен. Если я увижу еще какой-нибудь ужас, я просто сойду с ума».

Он диким взглядом обвел улицу, выбитые окна, переломанных людей, лежащих на асфальте. Его снова начало трясти — от нездорового, жутковатого смеха, распирающего изнутри.

— Да я в аду! В аду! — собственный голос прозвучал незнакомо и страшно. Миша обхватил себя руками и съежился. Потом вдруг вскинул голову, глядя на табличку с названием улицы.

«Я знаю, где это! Тут недалеко есть заброшенное здание. Может, там никого нет?»

Он ускорил шаг, потом побежал. Из окон первых этажей слышался тихий скрежет и звуки передвигаемой мебели — и монстры, и уцелевшие люди строили убежища, чтобы переждать надвигающуюся ночь.

Глава 3. Убежище в аду

Под ногами скрипела строительная пыль, на видимых внутри здания стенах мрачными провалами темнели граффити. Миша, обхватив себя руками, заглянул в недостроенный, а теперь медленно осыпающийся дверной проем: что там, внутри? Встретит ли его очередная хищная тварь? А может там уже спрятались люди, и они не позволят ему присоединиться к ним? Ведь в моменты настоящей опасности каждый заботится только о себе...

На улице позади раздались шаги, Миша испуганно обернулся, увидев чей-то горбатый силуэт. Он стоял, еле видный в тенях, и к чему-то принохивался. Сжавшись, мужчина поспешно нырнул внутрь здания, пробежал вперед и прижался к стене, переводя дух. Хоть бы та тварь не последовала за ним!..

С тихим стоном выдохнув, Миша принялся осматриваться. Двухэтажное здание строилось как небольшой торговый центр, но его так и не закончили. Сильно пахло побелкой и запустением, сквозь проломленную тут и там крышу пробивался свет, озаряя толстый слой пыли на полу. Весь первый этаж, поделенный на два больших зала, пустовал, укрыться можно было только за колоннами. Это плохо! Нужно найти убежище получше.

Миша опустил взгляд и вздрогнул: на пыли виднелись чьи-то следы. Ноги маленькие, как у подростка, и босые. Похоже, человеческие! Кто-то здесь уже прячется, наверное, во втором зале.

Мужчина медленно, крадучись двинулся вперед, но не успел сделать и пары шагов, как по зданию прокатился низкий угрожающий рык, от которого по спине пробежали крупные мурашки, а на лице выступил холодный пот. Проснулся какой-то древний инстинкт — надо бежать и прятаться, большой хищник рядом! Миша сделал шаг назад, но следующий звук окатил его уже не холодом, а жаром.

Это был пронзительный женский крик.

Мужчина замер, распахнув глаза. В голове лихорадочно вспыхивали мысли: «Каждый сам за себя. Каждый. Сам. За себя. Я не пойду туда!» Но вопреки этим мыслям, Миша уже шел навстречу скрежету и тяжелым шагам, раздававшимся из второго зала.

...Огромное существо склонилось над девушкой, которая свернулась калачиком, закрыв лицо ладонями. Миша увидел извилистые, загнутые назад рога на голове чудовища, длинные когти на лапах, одна из которых уже тянулась к спутанным темным волосам жертвы.

Не думая о том, что делает, Миша с криком бросился вперед, замахиваясь подобранным куском бетона. Он ударился о бронированную спину твари и рассыпался в известковую пыль, но существо уже отвлеклось от девушки, развернулось, злобно взревев. Две огромные пасти распахнулись, обнажив неровные клыки, когтистые лапы взмахнули, пытаясь нащупать врага. Тварь была слепа!

Миша отскочил в сторону, подобрал новый камень и замахнулся:

— Эй, тварюга! Иди ко мне!

Монстр опустил пасть на костяшки пальцев и громко втянул в себя воздух. Из нижней пасти струилась слюна, стекая на бронированную грудь, когти впивались в бетонный пол, прорезая его, как масло.

Миша кинул камень и тут же отскочил вбок, булыжник сухо стукнул по рогу твари. Словно ожидая этого, монстр, мотнув головой, бросился вперед. Как он понял, откуда прилетел камень?! Миша метнулся в сторону, но не успел. Тварь задела его когтистой лапой, мужчина, вскрикнув, отлетел в сторону и ударился о стену.

В глазах потемнело, по телу волнами прокатывалась боль. Кашляя и пытаясь сделать хотя бы один вдох, Миша приподнялся на дрожащих руках, чувствуя, как из

расположенного бока струится кровь, и как по земле отдаются тяжелые шаги рогатой твари. Теперь он смог увидеть, как монстр медленно, пригнувшись, приближается к нему...

Внезапно наперерез монстру бросилась какая-то легкая тень. Та девушка!

...Или нет? Миша охнул, успев рассмотреть неудавшуюся жертву монстра. Невысокая, хрупкая, она была полностью лишена кожи. Сквозь распущенные волосы, упавшие на лицо, выглядывал длинный тонкий рог, сверкали нечеловеческие глаза.

Девушка прыгнула на спину твари и с рычанием впиалась когтями в ее шею. Брызнула черная кровь, монстр взревел и неуклюже закрутился, пытаясь скинуть с себя напавшую — или хотя бы задеть ее когтями. Нанеся еще несколько ударов, девушка скатилась на землю, но тут же вскочила и ощерилась, припав к земле между монстром и лежащим Мишей.

Раненая тварь замотала рогатой головой, глухо рывкнула и попятилась. Добыча, оглушенная и напуганная переходом в новый мир, внезапно снова оказалась злобной и кусачей. Лучше уйти, не трогать ее, а то позовет стаю. И то мягкое существо, что кидается камнями, тоже лучше оставить ей...

Тварь, отступая, задела рогами дверной проем, и с него с шелестом посыпалась пыль. Когда она улеглась, остался только Миша — и рогатое существо, так похожее на человеческую девушку.

Сквозь подступающую темноту мужчина мог лишь смотреть на ее щуплую фигурку, уже не пытаясь подняться. На это не было сил. Наверное, это его судьба, умереть этой ночью. Ведь если бы Миша ушел тогда, услышав тот крик, то ничего этого бы не было...

Уже теряя сознание, человек успел увидеть, как девушка склонилась над ним, придерживая голову мужчины когтистой рукой. Ее щеки были разорваны, сквозь них проглядывали острые зубы. И глаза, черные и блестящие, продолжали смотреть в его душу, даже когда Миша с облегчением погрузился во мрак...

Он вздрогнул и открыл глаза. Несколько секунд смотрел в серый потолок, медленно моргая, а затем резко сел и осмотрелся, еще не веря в то, что вчерашний кошмар был на самом деле. Все тело била крупная дрожь, от голого бетонного пола тянуло холодом. Мужчина был, похоже, все в том же заброшенном здании, возможно, уже на втором этаже.

Кто-то натаскал сюда камни и бетонные обломки, построив неустойчивую стену, отгородив один угол и превратив его в своеобразное убежище. Между этой постройкой и стеной дома едва можно было протиснуться, чтобы выбраться наружу. Откуда-то из-за камней слабо светил луч солнца.

Миша осторожно встал на ноги и сделал шаг, но тут же удивленно остановился: раны не болели. Ни укус на ноге, ни дырка от пули, не говоря уже о ране от когтей той исполинской твари! Торопливо закатав рваную майку, Миша изумленно присвистнул: под коркой запекшейся крови белели тонкие, едва заметные шрамы. Разве такое возможно?

В ответ на его свист, снаружи убежища раздались тихие шаги. Секунда, и внутрь проскользнула давешняя девушка. Миша испуганно отскочил в дальний угол, прижался к стене, разглядывая гостью, а она также настороженно замерла на входе.

Девушка была невысокой, на голову ниже Миши, и очень худой. Ее кожа была почти прозрачной, сквозь нее просвечивали мышцы и внутренности. На узких ступнях и ладонях поблескивали аккуратные черные когти, таким же черным был длинный, с ладонь размером, рог на лбу, черными же были ее блестящие, лишенные ресниц глаза. Девушка не сводила с Миши взгляда, ее била едва заметная дрожь.

«Она меня тоже боится!» — вдруг осознал Миша, и от этой мысли ему стало чуть легче. Он поднял руки и улыбнулся:

— Не бойся! Я не причиню тебе вреда, — девушка ответила ему непонимающим взглядом, но немного расслабилась, услышав его голос. — Я хочу выйти отсюда, ты меня выпустишь?

Ничего не ответив и вряд ли поняв его, девушка отошла в сторону от входа в убежище и по-турецки села на пол, опустив голову и завесив волосами свое странное лицо. Подождав, Миша осторожно прокрался к выходу и попытался пролезть через щель между камнями и стеной. Удалось лишь наполовину, когда один из камней, задетый коленом, упал и покатился по полу, остановившись в паре дюймов от девушки. Она лишь вздрогнула и опустила голову еще ниже.

Приободрившись, Миша выбрался окончательно. Огляделся, он действительно был на втором этаже того здания, где сражался с огромным монстром. В стене был вырублен проем под окно, Миша тут же в него высунулся, оглядываясь. На улице было светло, хотя в небе все еще клубились тучи, и ни единого человеческого голоса не доносилось с пустынных улиц.

Миша поджал губы, потом встряхнулся.

«Будем действовать последовательно! Мне нужна еда и одежда. Мне нужно нормальное убежище, а не эта, — он усмехнулся, — бетонная нора. Искать других выживших буду по дороге. Там и придумаю, что делать дальше».

Миша решительно двинулся вниз по каркасу недостроенной лестницы, стараясь не провалиться ногой в металлическую сетку. Пока он спускался, ему все чудился провожающий его из убежища взгляд странных черных глаз.

«Что же ей нужно от меня?»

Несколько часов спустя Миша шел по улице, держа в руках пакет с одеждой и едой, набранной в магазине, стена которого была проломлена, а весь товар выкинут на улицу. За весь путь он только один раз встретил человека — ну как, встретил. Увидел в окне, тот заколачивал проем досками и скрылся в квартире, едва заметив, что на него смотрят.

Чудища тоже куда-то попрятались, только одно из них скреблось в том магазине с одеждой, да где-то в небе хлопали кожистые крылья. Миша постоянно озирался, прятался за остановившимися машинами, боялся тишины и звуков, лишь иногда раздававшихся в пустом городе.

Повсюду на улицах был странный сладковатый запах, от которого к горлу подступала тошнота, тут и там виднелась загустевшая кровь, но тел, мимо которых Миша бежал этой ночью, нигде не было. Наверное, твари растащили их по норам.

Не зная, что делать дальше, он растерянно брел по городу, постепенно подходя все ближе к зданию, откуда пришел, и где осталась та жутковатая девушка. Миша так и не понял, как к ней относиться — бояться, бежать? Или, быть может, попробовать подружиться? В конце концов, она его спасла и исцелила, и не тронула за то время, что мужчина лежал беспомощным...

За этими раздумьями он не сразу понял, что за звук, медленно нарастая, приближается к нему. И только когда до источника звука осталась пара сотен метров, он вскинулся, не веря ушам: к нему приближалась машина!

Это был внедорожник, покрытый застарелой грязью. Он решительно лавировал между остановившимися машинами, а из окна по пояс высунулся крепкий лысый мужчина. Сходство с героем боевика ему придавали солнечные очки, натянутый поверх голого тела кожаный жилет и винтовка в руках. Внедорожник остановился рядом с машущим руками Мишей, мужчина, не торопясь открывать дверь и глушить мотор, крикнул:

— Да у нас тут выживший! Как ты уцелел, дружок?

— Спрятался в заброске, — коротко ответил Миша. — Вы знаете, что случилось? Что это за твари?

— Понятия не имею! Самвел считает, что это демоны, — «герой боевика» мотнул головой в сторону водителя, смуглого черноглазого мужчины с короткой стрижкой, который даже не покосился в сторону Миши, глядя только на дорогу, как робот на автопилоте. — Колян — что инопланетяне. А я даже гадать не хочу, — мужчина горько скривился. — Нам бы выжить!

— Как много людей уцелело? — спросил Миша. — Вы уже пробовали связаться с кем-нибудь вне города?

— Пытались! Никакие каналы связи не работают. Мы с Самвелом попробуем выехать за город, поглядим, получится ли связаться с кем-нибудь оттуда. А ты, дружок, пока найди себе убежище, где-нибудь в квартире. На окно повесь яркую тряпку, мы найдем тебя, когда вернемся с подмогой.

— Сдается мне, здесь понадобится пара танков, — подал голос Самвел. — Ты видел ту здоровенную тварь? Откуда они вообще взялись?..

— Отставить панику, — цыкнул на него «герой боевика». Потом задумчиво посмотрел на Миши, полез в сумку, лежащую на сиденье рядом. — Стрелять умеешь?

— Ходил в тир пару раз, — Миша растерянно принял из его рук пистолет, взвесил его в руке. — Спасибо вам. Приведите подмогу поскорее!..

...Когда Миша вошел в убежище, девушка резко вскинула голову и приоткрыла рот. Она так и не сдвинулась с места за то время, пока он отсутствовал, и теперь неотрывно смотрела на мужчину, странно поблескивая глазами.

Миша поежился:

— Надеюсь, ты не собираешься меня съесть. Не хотелось бы, после того, как мы друг друга спасали.

Девушка медленно опустила взгляд, подобрала ноги, обхватив руками колени. Миша осторожно опустился на корточки рядом с ней, чувствуя исходящий от ее кожи странный мускусный запах. От страха и волнения, наверное, у него странно и щекотно разболелась голова, и тем сложнее было подобрать нужные слова.

— Послушай, я ухожу. Подумал, что должен предупредить об этом. Я нашел пустую квартиру, уже перенес туда запасы на первое время, забаррикадируюсь там и буду ждать подмогу. Так что... спасибо, что спасла меня, надеюсь, тебя никто больше не обидит. И прощай.

Миша встал и сделал шаг прочь, но девушка вдруг схватила его за руку, удерживая. Он ахнул от ее прикосновения — странного, шершавого. Дернулся:

— Пусти!

— Нет, — вдруг хрипло сказала она. Черные глаза распахнулись, на лице отразилось такое отчаяние, что Миша невольно остановился, перестал вырываться. — С тобой.

— Что? — мужчина нахмурился. — Ты... говорить умеешь?

— Нет! С тобой! — с нажимом повторила девушка.

Двое замерли, тяжело дыша и глядя друг на друга, она — стоя на коленях и схватив его за руку, он — вытянув руку, ошарашенно глядя в ее лицо.

Потом Миша тяжело вздохнул и сжал в ответ ее шершавую руку:

— Хорошо, идем со мной. Но ты должна прятаться от людей! Они не поймут того, что мы вместе.

— Что это за хрень? — Сергей привстал на сиденье, высунувшись в окно и приподняв солнечные очки. Самвел вцепился в руль и тихо выругался, глядя вперед. Их внедорожник остановился, всего сотню метров не доехав до черного тумана, окольцевавшего город.

Он клубился впереди, насколько хватало глаз, и в нем что-то шевелилось, отдаваясь по земле болезненной вибрацией. Даже просто смотреть в ту сторону было страшно — казалось,

что кто-то невидимый смотрит на них в ответ, насмешливо и хищно. Сергей содрогнулся и сказал:

— Поехали назад. Здесь нам делать нечего!

По городу они ехали в молчании, каждый в своих мыслях. Самвел тихо молился, Сергей же думал о том, что нужно собрать как можно больше выживших и организовать оборону. С десятков крепких парней, вроде того, которому они отдали пистолет, смогут защитить женщин и детей, и если не убить, то прогнать любую тварь. Что бы ни происходило с их городом, когда-нибудь это заметят снаружи. Когда-нибудь за ними придут!

Сергей задумчиво посмотрел в окно и вдруг крикнул:

— Тормози! Тормози, там ребенок!

Вдоль улицы медленно, шатаясь, шла девочка лет семи. Она была вся в крови, без одежды, смотрела в пространство пустыми глазами и, казалось, вовсе не обратила внимания на машину, притормозившую рядом.

Самвел первым выскочил наружу, развернул к себе малышку, что-то у нее спрашивая. Она ответила, и Сергей увидел, как Самвел поднял ее на руки, чтобы внести в машину. Сергей потянулся через сиденье, чтобы помочь, и вдруг поймал на себе взгляд девочки.

Холодный, пристальный взгляд черных глаз.

Сергей заорал и захлопнул перед ними дверь, едва не отрезав пальцы Самвелу. Его друг поставил девочку на землю и ударил руками в стекло:

— Ты что, очумел?! Ей надо внутрь! Она голодная! — смуглое лицо Самвела искажилось, стало безумным. — Она такая голодная, Серега! Мы нужны ей!

Сергей, выругавшись, выкрутил руль и надавил на газ. Самвел еще пару раз успел ударить по капоту машины, но в последний момент все же шарахнулся в сторону, чтобы не попасть под колеса. С ревом мотора внедорожник помчался вперед, оставляя позади чудовище — и Самвела.

Мужчина поднялся на ноги, шатаясь и плача, но тут же успокоился, стоило девочке взять его за руку. Она посмотрела на него снизу вверх и мило улыбнулась.

Охота удалась.

Глава 4. Дай мне имя

— Дорогая, я дома! — Миша сбросил с плеча туго набитую сумку со своей сегодняшней добычей: консервами, одеждой, коробкой патронов, которые выменял у одного из выживших на упаковку инсулина, добытого в полуразрушенной аптеке. Чтобы найти лекарство, ему пришлось долго блуждать по городу и даже убежать от стаи падальщиков. Голодные твари не боялись пуль, но захлопнутая дверь аптеки оказалась для них непреодолимым препятствием, пусть Мише и пришлось потом выбираться через узкое окошко в подсобке.

Девушка, по-кошачьи свернувшаяся в кресле, заулыбалась в ответ и сладко потянулась, выпустив когти.

Миша заглянул на кухню и заметил один из мясных консервов, аккуратно вскрытый острыми когтями и дожидаящийся его. Мужчина не удержался от тихого смешка, вспомнив, как однажды его точно так же встретил лежащий на полу дохлый выпотрошенный падальщик, которым девушка решила с ним поделиться. Мясо твари было черным, рыхлым и вонючим, Миша не смог заставить себя даже вежливо осмотреть это подношение. Зажимая нос и сдерживая тошноту, он сказал как можно спокойнее:

— Детка, люди таким не питаются! Но все равно большое спасибо, — от вони на глазах выступили слезы, но плечи мужчины все равно подрагивали от смеха.

Девушка, очень внимательно на него глядящая, задумчиво кивнула и вскоре вытащила свою добычу на лестничную площадку. Больше она не приносила ничего домой и питалась во время ночных вылазок. Консервы тоже ела, но немного и за компанию, сидя в ногах Миши и поглядывая на него снизу вверх, от чего у него начинался знакомый зуд в голове, как всегда, когда гостья принималась читать его мысли.

Она по-прежнему была молчаливой, не спеша озвучивать украденные из головы Миши слова, хотя все увереннее выполняла его просьбы, к примеру, подавала инструменты, пока он забивал окна досками или делал массивный засов на входной двери. Как-то ночью Миша заметил, что девушка тихо поет на неизвестном языке в другой комнате, но стоило ему прислушаться, как она замолчала.

Пара устроилась в квартире на втором этаже, куда Миша перетащил воду и другие припасы. Он не знал, кто жил здесь раньше и что с ними стало, но за все это время не нашел нигде следов крови и немного успокоился, поняв, что не поселился на месте убийства. Девушка первое время пыталась ломать мебель, чтобы обломками отгородить себе привычный угол, но потом решила, что старое мягкое кресло ей нравится больше, и почти из него не вылезала.

Миша так и не решил, как к ней относится: не то как к странному домашнему любимцу, не то как к человеческой соседке. Как бы то ни было, ему нравилось приходиться по вечерам домой, зная, что здесь его кто-то ждет, кто-то, с кем можно поговорить, и кому действительно интересно, как у Миши прошел день. Когда он рассказывал о своих новых приключениях, то замечал, что губы девушки чуть шевелятся, повторяя его слова.

— Когда-нибудь ты со мной заговоришь, — мечтательно сказал он однажды, протянув руку, чтобы коснуться ее жестких черных волос, но тут же отдернул пальцы. Девушка замороженно следила за этим, только блестели черные глаза и острые клыки за приоткрытыми губами. — Интересно, что ты мне расскажешь?

Спустя неделю после катастрофы город постепенно стал оживать. Днем, когда большая часть тварей пряталась в логовах, на улицах появлялись люди. Они искали родных, добывали еду, пытались завести автомобили. По большей части они сбивались в группы вокруг тех людей, у кого находилось хоть какое-то оружие, и жить перебирались к ним поближе, надеясь на защиту.

Миша, встретив кого-то, всегда пытался заговорить и предложить помощь. Всего пару раз его предложение не приняли: один раз мужчина попытался напасть на него, чтобы отобрать пистолет; другой раз красивая девушка вцепилась в рукав куртки и начала кричать что-то о жертвах божеству, которое наслало на их город это проклятие. Тогда Миша еле сумел от нее отвязаться.

В остальных случаях люди охотно принимали от него помощь, и тогда вместе они строили баррикады, взламывали замки пригодных для жизни квартир, искали еду и оружие. Но как только вечерело, и солнце приближалось к осыпающимся крышам многоэтажек, всем людям приходилось прятаться.

Из пустых квартир, заброшенных зданий, разоренных магазинов начинали доноситься голоса тварей куда страшнее, чем дневные падальщики и хищные птицы. Эти существа переговаривались, перебегали из одного убежища в другое, собираясь в стаи, чтобы ночью выйти на охоту. Люди рассказывали, как твари скреблись в их двери, передразнивали человеческие голоса, прыгали на несколько метров, пытаясь заглянуть в окна...

Огромные монстры, с одним из которых Миша уже сталкивался, тоже выходили на улицы по ночам. Их шаги слышались издалека, как и звуки, с которыми твари переворачивали машины и мусорные баки в поисках забивавшихся под них падальщиков.

Разговаривая с людьми, Миша чувствовал, как его руки сами невольно сжимаются в кулаки — почти каждую ночь кто-то из уцелевших пропадал. Остальные все чаще селились вместе, надеясь, что так будет безопаснее, в одной квартире жильцов ютилось уже больше десятка. Только Миша пока что жил один и никого к себе не приглашал — у него была соседка, о которой он пока боялся рассказать людям.

Приходя домой и ложась спать, Миша каждый раз загадывал, чтобы его разбудили шаги военных, пришедших, чтобы всех спасти.

Но каждое утро он просыпался от криков жутких птиц, которые летали над городом, высматривая свежие трупы.

...Раненого он встретил, когда до темноты осталось всего несколько часов. Миша как раз возвращался домой и уже предвкушал долгожданный отдых для гудящих ног, когда вдруг услышал тихий стон из разбитого окна первого этажа.

Миша все же секунду помедлил, не зная, может ли какая-то тварь издавать такие звуки. Но еще один полный боли стон развеял все сомнения, и мужчина, подпрыгнув и подтянувшись, перелез через подоконник прямо в квартиру.

Здесь царило запустение, вся мебель была переломана и покрыта пылью, залетевшей с улицы. На полу чернели обильные капли и целые лужицы крови, стоны доносились из дальнего, темного угла. Там сидел, скорчившись, невысокий коротко стриженный мужчина, и Миша, подойдя к нему, с ужасом заметил, что раненый зажимает кровотокающую культю на месте, где была кисть правой руки.

— О боги, кто тебя так?! — Миша упал на колени и рванул пояс из джинсов, чтобы сделать жгут. Раненый поднял на него мутные глаза с расширенными от боли зрачками:

— П... п... птицы... — он тихо вскрикнул, когда Миша принялся закручивать жгут. В голове он лихорадочно перебирал возможные варианты: куда идти? Долго этот парень не продержится... А если домой? Но там же...

Мужчина резко мотнул головой и помог раненому встать, тот тут же навалился на своего спасителя всем телом, еле переставляя ноги. Куртка Миши начала промокать от чужой крови, и времени на раздумья уже не было.

Домой. Только домой.

...Девушка сидела в любимом кресле, поджав под себя ноги и думая о чем-то своем. Сегодня она надела одну из маек Миши, которая доставала ей до середины бедер, и чувствовала себя очень непривычно, как будто перелиняла, но забыла сбросить старую шкуру, и теперь та болталась на теле и мешала быстро бегать. Но человека... Мишу... явно стесняла ее нагота. К тому же майка хранила его запах, хоть немного скрашивая одиночество.

Вдруг она вскинула голову и прислушалась к чему-то, удивленно оскалившись. Резко встала и подошла к входной двери. Шаги? Двое людей. Один ранен. Пахнет кровью! И беспокойство другого, зудом отдающееся в висках.

Когтистая рука легла резко отодвинула засов. Девушка открыла дверь и придерживала ее, пока Миша втаскивал в дом потерявшего сознание мужчину. На полу оставались редкие кровавые капли, и девушка невольно облизнулась, почуяв их запах.

Миша уложил раненого на диван и вновь осмотрел его рану. Плохо дело, очень плохо...

Вдруг его мягко оттолкнули в сторону. Миша отстранился и увидел, что девушка кладет ладонь на бледный лоб раненого мужчины. Тот распахнул глаза и подался вперед, часто, лихорадочно дыша, а затем обмяк, безжизненно откинувшись на подушку.

Девушка сжала его культию и выразительно посмотрела на Мишу, всем видом говоря: «Я помогу, но ты уходи».

Миша с минуту глядел на нее, а потом развернулся и побрел на кухню. Там он долго смотрел на открытые консервы, но аппетита не было. Едва он опускал взгляд на свои окровавленные руки, как к горлу подкатывала тошнота.

«Я больше ничего не могу сделать...»

Миша не знал, как долго простоял вот так, глядя в одну точку и предаваясь отчаянию. Всю эту неделю он делал вид, что может что-то контролировать, кому-то помочь. Но в этот момент он понял, как ничтожны эти усилия, если он не может спасти от смерти даже всего одного незнакомого человека!

Позади раздались тихие шаги. Девушка молча взяла со стола проигнорированный Мишей ужин, села на пол и принялась есть. Она не поднимала на человека глаза, пока жестяная банка не опустела, и лишь потом тихо сказала:

— У вас не отрастают руки. Но он будет жить.

...Раненый вновь открыл глаза только к вечеру следующего дня. Он сел на диване, разглядывая замотанный бинтами обрубок руки, и Миша, подойдя поближе, осторожно спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— На удивление живым, — задумчиво ответил мужчина, потом поднял взгляд на Мишу и слабо улыбнулся. — Спасибо тебе. Без тебя я бы истек кровью.

После недолгого разговора выяснилось, что спасенный пришел сюда с другого конца города. Он говорил, что весь центр города сравнялся с землей, видимо, во время того подземного толчка. Именно там к нему прицепилась стая тех хищных птиц, и преследовала до того места, где раненого встретил Миша.

Потом мужчина забылся беспокойным сном. Ночью его лихорадило, и Миша был вынужден позвать девушку с кухни, где она пряталась, пока у них дома гостил посторонний человек. Прогнав лихорадку, она вновь хотела уйти, пока раненый не проснулся, но Миша успел взять ее за шершавую руку:

— Спасибо, что помогаешь! Один я бы не смог его спасти...

Девушка улыбнулась в ответ и открыла рот, чтобы что-то сказать, как вдруг раненый застонал и заворочался. Потом распахнул глаза и сел на кровати. Миша, ругнувшись, заслонил собой закрывшую лицо ладонями девушку, не зная, что говорить и как все объяснить.

Мужчина повернулся к ним. Его глаза широко раскрылись, и он сказал:

— Приветствую! Не знал, что здесь есть кто-то еще, — его улыбка стала лукавой. — Да еще и такая красавица, знал бы, выздоравливал бы быстрее!

«Что?!»

Миша, ничего не понимая, опустил глаза и вздрогнул. На него снизу вверх смотрели янтарные глаза, опущенные черными ресницами. Они казались еще темнее на бледной, фарфоровой коже.

Не было ни рога, ни клыков, ни разорванных в странной улыбке щек. Красивая человеческая девушка, которая потупилась под взглядом двух мужчин, скромно пытается натянуть край майки пониже.

— Я ее смутил? — раненый заулыбался еще шире.

— Похоже на то, — слабо проговорил Миша. — Я, пожалуй, лучше отведу ее спать, потом вернусь к тебе.

— Как ее зовут-то?

— Ее зовут... — Миша замялся.

«Дай мне имя. Пожалуйста, дай мне имя!»

Он охнул и посмотрел в глаза девушки. Она не отводила умоляющего взгляда и прижималась к мужчине, будто в поисках защиты. Как обычная человеческая женщина.

— Аня, — он не знал, почему сказал именно это. Пока имя не прозвучало, Миша и не подозревал, насколько оно ей подходит.

— Да, — тихо, но с каким-то еле заметным торжеством сказала девушка. — Меня зовут Аня.

Утром Аня вышла на улицу вместе с ним. Так они могли поговорить, не беспокоясь, что их услышат, и Миша наконец-то смог задать интересующие его вопросы.

— Ты всегда это умела? Превращаться в человека?

— Мы можем притворяться чем угодно, — ответила Аня, сидя на ступеньке при входе в подъезд и босой ногой вычерчивая узоры в пыли, покрывающей улицу. Тут и там на асфальте виднелись глубокие следы когтей — вчера здесь ходил большой монстр. — Камнями, в основном, чтобы нас не уносил Крылатый, — она поймала вопросительный взгляд Миши и пояснила: — Большой, когтистый, летает в небе. Наши говорят, что видели его в городе.

— Этого нам только не хватало, — выдохнул Миша. Аня улыбнулась, и он рискнул задать еще вопрос: — Ты расскажешь, почему помогаешь мне? Другие ваши не так добры. Обычно они людей убивают.

Аня промолчала, наклонив голову и на секунду потемнев глазами. Потом тихо сказала:

— Ты пытался меня спасти тогда. Большой рогатый меня бы убил. Он и тебя мог убить, ведь ты слабый. Но смелый, — она улыбнулась, и Миша почувствовал, что краснеет. — У тебя очень хорошие мысли. Ты никому не желаешь зла.

Они помолчали, искоса друг на друга глядя. Миша был смущен и заинтересован. Многим ли удастся поговорить с существом, меняющим обличья, читающим мысли, пришедшим... откуда? Может, хотя бы она знает, что произошло с его городом?

— Расскажи, почему вы здесь, — попросил Миша. — Что вы делаете в нашем городе, откуда вообще взялись?

— Там, откуда я, повсюду песок, а в небе не одна луна, а девять. Мы живем там, роём норы в песке, охотимся. Вдруг мы все очутились здесь и совершенно не знали, что делать, — Аня расстроенно покачала головой. — Сейчас каждый из нас теперь выживает, как может. И поверь мне, — она строго посмотрела ему в глаза, — для любого из нас человек — легкая добыча.

Глава 5. Вопросы без ответа

Вечерело. Оля зябко запахнулась в махровый халат, глядя в окно сквозь щель между досками. Ее светлые волосы сваялись в колтуны, она не мылась уже несколько недель — воды в городе не было, она отключилась сразу после подземного толчка, а изводить с трудом добытую питьевую воду на мытье Игорь не разрешал.

«Где же они?»

За спиной вскрикнул во сне подросток, его мать — полная, молчаливая женщина, на лице которой виднелся уродливый, едва заживший шрам — вылезла из спального мешка и склонилась над сыном. На полу лежали и другие спальные мешки, стояли полупустые баки с водой и те немногие вещи, что люди успели взять с собой, убегая из квартир.

Дом стоял далеко от оживленных улиц, в окружении других, либо недостроенных, либо уже не жилых. К счастью, все они отделялись друг от друга сейчас увядающими садами, и твари, которые обустроили там себе норы, ни разу не попытались перебраться через ограду вокруг человеческого убежища, тем более, что Игорь нашел где-то колючую проволоку и обвил ею верх кованого забора.

Игорь, его брат и сын, которому было всего пятнадцать, взяли на себя все обустройство убежища, приносили в него еду и воду, а один из взрослых мужчин всегда оставался в доме, охраняя имущество и женщин.

Оля прибилась к ним неделю назад, когда, отчаявшись, пешком двинулась по бездорожью, пытаясь выбраться из полного тварей города. Игорь, грузный, пахнувший застарелым потом и скверным табаком мужчина, привел ее в убежище, накормил и дал выпастись. От него девушка и узнала, что из города не выбраться, его окружал черный туман, а люди, заходя туда, исчезают навсегда.

Город был огромной ловушкой.

А дом, куда привел ее Игорь, был ловушкой поменьше.

Помимо Оли, сюда угодили еще две женщины, одна из которых сейчас утешала своего сына, а другая совсем молоденькая, хрупкая, как фарфоровая кукла, тихо плакала в дальнем углу комнаты. На ее опухшем от побоев лице темнела грязь, губы были разбиты — девчонка пыталась сбежать вчера, но Игорь не позволил, догнал, привел назад. Своих рабынь мужчина отпускать не собирался.

Оля убежать даже не пыталась, смирившись с происходящем и надеясь только, что доживет до того момента, когда в город придет армия, чтобы всех спасти, или черный туман исчезнет вместе со всеми тварями, унеся с собой весь этот кошмар. Когда-нибудь все это закончится...

Брат Игоря — бородатый, неприятно тощий мужчина — услышав звук мотора, вышел из дома. Оля приникла к окну, глядя, как бородач открывает ворота перед серым внедорожником. За рулем сидел сынок Игоря, и девушка на секунду затаила дыхание — неужели Игорь погиб, остался в городе? Неужели?..

Но нет, мужчина все же вышел из пассажирской двери, скупно кивнул брату и что-то сказал. Тот поспешно кивнул и забрался в кузов внедорожника, начал вытаскивать оттуда привезенные припасы. Игорь тем временем двинулся к дому, и Оля сжалась, не зная, чего ожидать.

Игорь молча вошел в дом, не снимая грязных ботинок, внимательно осмотрелся, как будто видя все в первый раз. Странно ясный взгляд остановился на Оле, мужчина непривычно мягким жестом поманил ее к себе, и девушка торопливо подошла, боясь злить своего ненавистного хозяина.

Игорь осторожно взял Олю за подбородок и заглянул в покрасневшие от слез глаза. Его взгляд был абсолютно ясным, без привычного полупьяного тумана. Мужчина хрипло произнес:

— Ты ведь будешь послушной? — и привлек ее ближе, так, что девушка почувствовала его запах и вздрогнула. От него не пахло табаком! Это был новый запах, запах сырого мяса и почему-то мускуса. Глядя в глаза Игоря, замершая девушка видела, как они темнеют, и как черты лица под двухнедельной щетиной обостряются, становятся хищными.

Голова закружилась, в глазах на секунду потемнело.

...Она нежно улыбнулась тому, кто принял облик Игоря. Это было самое чудесное существо на свете! Его нужно слушаться, защищать, отдавать свою плоть и позволять зализывать после этого раны. Жить и дышать ради него столько, сколько понадобится.

Что может быть прекраснее этого?..

Оля, слыша эти мысли будто со стороны, не могла ничего с собой поделать. Она не услышала с улицы истошный крик брата Игоря, когда племянник начал рвать его тело на части. Не видела, как лже-Игорь двинулся в комнату, к другим женщинам, чтобы сделать... что? Это уже не важно.

Оля, запертая в своем теле, чувствовала, как-то чужое, что заняло ее место, мысль за мыслью стирает, нет, выедаёт ее из собственного мозга! Но девушка не сопротивлялась. Иногда смерть — это тоже выход.

...Все кошмары когда-нибудь заканчиваются.

В городе было очень тихо, только ветер шевелил ветви деревьев, увядшие листья которых обвисли, как мокрые тряпочки. Сквозь пелену облаков упрямо пыталось пробиться солнце, слабо грея изголодавшуюся по теплу кожу.

Ветер доносил запах тухлятины из ближайшего продуктового магазина — по слухам, на его складе поселился большой рогатый монстр из тех, кого в народе уже прозвали Пожирателями, и потому туда никто не ходил. Впрочем, пока что еды и без этого хватало. Но люди старались не задумываться о том, что будет, если подмога так и не придет...

Миша достал из упаковки новый крекер, прицелился и кинул вниз. Из-за угла дома высунулась бледная морда падальщика, он сипло принюхался и стремительно подобрал угощение, отпрыгнул в сторону, поспешно жуя и глядя наверх, на человека, удобно устроившегося на крыше кирпичной пристройки к дому. Миша подмигнул твари и скинул вниз еще крекер.

Сидящая рядом Аня тихо фыркнула:

— Зачем ты его прикармливаешь? Он скоро решит, что ты член стаи. Будет таскать тебе крыс.

— Пусть сам их ест! — Миша азартно прищурился, думая, как бы попасть крекером по лысой голове падальщика. — Мне нравится, как он жует. Ой, а это кто?

— Так, этого не корми! — Аня крепко взяла его за руку, хищно подобралась. Падальщик ощерился в сторону нового гостя, попятился, глядя на мелкое существо, похожее на уродливую, безволосую обезьянку с дырой на вытянутой макушке. Тварь боком, на четвереньках приближалась, заинтересованно поглядывая вверх на Мишу и часто облизываясь.

Аня поморщилась:

— Очень умный. Сильно ядовитый. Ворует детей, — ее голос ненадолго стал низким, фразы отрывистыми, как всегда, когда девушка рассказывала что-то о своем мире. — Привяжется, будет следить, придумает способ тебя съесть. Не корми.

Миша поспешно поднял руки:

— Хорошо, хорошо! Кормить не буду! — он широко, по-мальчишески улыбнулся, глядя на серьезное лицо девушки. Она, не удержавшись, улыбнулась в ответ и машинально поправила куртку Миши на своих узких плечах:

— Ты замерз, наверное. Пойдем домой, я что-нибудь приготовлю.

— Хорошо! — Миша пружинисто поднялся на ноги, с наслаждением потянулся, поправляя сбившуюся набок кобуру с пистолетом. Потом опустил руки и нахмурился, глядя в конец улицы: там ехала машина.

Мужчина больше не порывался всякий раз бросаться наперерез проезжающим, после того, как ему рассказали, что банда малолеток на такой вот машине начала грабить других горожан. Самим искать еду, видимо, им показалось сложнее, чем отобрать у других. Аня, услышав это, только огорченно помотала головой — некоторые люди казались слишком дикими даже ей, по ночам отрашивающей острые когти.

Внедорожник вильнул и затормозил, водитель явно заметил яркие тряпки, которыми Миша и другие выжившие, поселившиеся в этом доме, поместили свои балконы. С переднего сиденья очень знакомо высунулся крепкий мужчина в солнечных очках, сдвинул их на лоб, осматривая балконы. Мишу, сидящего на крыше пристройки, он не заметил, пока тот не замахал обеими руками, чуть ли не подпрыгивая и широко улыбаясь: он вспомнил того колоритного мужчину, «героя боевика», которого встретил в первый день после катастрофы!

«Значит он все-таки выжил! Он тогда ехал за помощью, может, у него все получилось?»

Сердце Миши забилося чаще от вновь нахлынувшей надежды. Аня, покосившись на мужчину, печально улыбнулась и отвела глаза.

Лысого «героя боевика» звали Сергей. Он не изменил своему имиджу, и все также, несмотря на зябкий воздух, носил поверх голого торса кожаную жилетку с множеством карманов. За его спиной висело ружье, на поясе камуфляжных штанов крепилась кобура с пистолетом. Миша смотрел на Сергея горящими глазами — именно так, с его точки зрения, должен выглядеть человек, который должен всех спасти.

Вместо того молчаливого водителя, который ехал с Сергеем в тот раз, его напарником теперь была высокая, очень коротко стриженная девушка с некрасивым лицом, она тут же поладила с Аней и теперь, сидя на кухне, взахлеб рассказывала ей, как в первые дни спасалась от стаи падальщиков, сидя на вышке сотовой связи.

— Наши девочки подружились, — улыбнулся Сергей. Он стоял у окна и чиркал зажигалкой у зажатой в зубах сигареты. Почувствовав запах табака в своем доме, Миша поморщился, но не стал делать замечаний — не до этого. Слишком много вопросов!

Но стоило ему открыть рот, как Сергей заговорил первым.

— Спокойный у вас район, — он сказал это таким тоном, как другие могут начать разговор о погоде. — Твари пугливые, почти не нападают.

— О чем ты? — невольно озмутился Миша. — Нападают, да еще как! Все их бояться!

— Нападают? — хохотнул Сергей. — Кто?! Мелочь пузатая, да громада рогатая? Поверь, дружок, — мужчина затянулся и решительно придвинул к себе табурет, уселся, глядя на Мишу исподлобья, — у вас тут очень спокойно. Вот за рекой, где частные дома начинаются, там настоящий кошмар! Ты представь — ползет по дороге красный туман. Не рычит, не скалится. Но стоит рядом человеку пройти, как этот туман — р-р-раз! — и растворяет его до костей. И становится больше! И ползет себе дальше!

Миша поежился, представив, а Сергей, потушив сигарету о край чайной чашки, продолжил:

— И это еще не самое страшное! Страшнее всего, — он понизил голос, — они.

— Кто — они?

— Те, что в людей превращаются, — доверительно пояснил Сергей. Миша вздрогнул и невольно покосился в сторону кухни, откуда доносился женский смех. — Дружок, ты не представляешь, что это за твари! Они могут выглядеть как ребенок, как твой друг, как жена твоя! Сожрут их — и станут ими. И постучат тебе в дверь. Вот так они попадают к нам в дома! Я на днях был в одной такой квартирке, там кишки даже на люстре висели. Мерзкие твари...

Сергей потянулся за своей сумкой и вытащил из нее две банки пива, одну кинул собеседнику, к другой тут же жадно приложился. Миша сжал в руке теплую банку, чувствуя, как по позвоночнику медленно ползут цапапучие мурашки. Он спросил, медленно проговаривая слова:

— Значит, не надо им открывать двери? Надо задавать вопросы какие-нибудь... сложные?

Сергей только махнул рукой в перчатке с обрезанными пальцами:

— Это тоже не спасает! Я не знаю, что они такое делают с людьми, но многие начинают им помогать. Вот прикинь, — Сергей наклонился вперед, сверкнул глазами, — эти бедолаги тварей друзьями считают. Защищают их, одевают, кормят. Помогают людьми притворяться! А как только твари проголодаются, они этих людишек заживо сжирают! — мужчина передернул плечами, поморщился, словно вспоминая о чем-то, что с ним уже происходило. — Мерзкие эти твари, хоть бы они до вас не добрались.

— Да, — слабым голосом ответил Миша. — Хоть бы пронесло...

Когда Сергей собрался уходить, в городе уже смеркалось. Конечно же, Миша предложил ему с напарницей остаться на ночь здесь, но все же вздохнул с облегчением, услышав, что они хотят скорее вернуться в свое убежище. Ему нужно было многое обдумать. Многое обсудить...

Напарница Сергея возилась с автомобилем, а мужчины стояли у него, думая каждый о своем и слыша, как в подвале дома шуршат просыпающиеся твари. Миша думал о той, кого он приютил у себя дома. Действительно ли ее сородичи так страшны, так кровожадны? Неужели и она — милая, веселая Аня — такая же?

...А может, и все мысли Миши, его симпатия к ней — иллюзия, созданная Аней, чтобы им управлять, использовать его?

Миша не понимал, снова ощущая, что земля уходит из-под ног. В городе, отрезанном от всего мира, в который ворвались чудовищные твари, он все же сумел найти опору, подружиться с кем-то, так похожим на него. И все это ложь. Или все же нет?..

Сергей, видя, что мужчина подавлен, положил ему на плечо тяжелую руку, тихо сказал:

— Не отчаивайся, дружок! Ты знаешь, надежда есть всегда. Раз мы не можем ждать подмоги снаружи, есть шанс, что герои найдутся здесь! Они уже тут, Миша. Говорят, на том конце города кто-то укрепляет целую многоэтажку. Они называют себя Сопротивлением, и у них есть, чем защититься от тварей, — подчеркнул Сергей. — Какое-то супероружие. Я поеду туда уже завтра, узнаю все — и приеду за тобой.

— Из меня плохой боец, Серёг, — слабо возразил Миша, но тот только замотал головой:

— Не говори глупостей! Героя я вижу издалека. Иначе не дал бы тебе тогда пистолет, — он кивнул на пояс Миши, где висела кобура. — Ты ведь даже без него спас ту девушку, Аню. Не забывай об этом, когда я за тобой вернусь, герой!

— Да, — сказал Миша. — Я не забуду.

Глядя, как внедорожник заворачивает за угол, Миша тихо вздохнул, затем расправил плечи и повернулся назад. Ему нужно было задать много вопросов.

И Ане придется на них ответить!

Глава 6. Верить

Солнце ушло за горизонт, свет перестал пробиваться сквозь забитые досками окна. Город погрузился во тьму, погасшие фонари тянулись в небо, как чьи-то черные сухие пальцы, и ни в одном окне не мерцали синевой отблески телевизора, не горела ни одна лампа. Люди жгли свечи или ложились спать, надеясь, что переживут эту ночь, и что чудовища не проникнут к ним в дома.

Аня чиркнула спичкой и поднесла огонек к фитилю свечи, длинным когтем поправила его, вдыхая запах парафина и копоти. В ее янтарных глазах трепетали оранжевые блики, лицо было непроницаемо. Она опустила голову, услышав, как Миша заходит в дом и запирает за собой засов.

Мужчина молчал, но девушка слышала его мысли — тяжелый, полный страха и разочарования гул, из которого едва можно было вычленивать отдельные слова. «Убийцы». «Чудовища». «Предательство». И, что хуже всего, имя. «Аня».

— Ты вернулся, — тихо сказала она.

— Да. Ты слышала, что мне рассказывал Сергей?

Аня обернулась и обреченно посмотрела в лицо Миши. Даже в полумраке, освещенный одной только свечой, мужчина выглядел усталым и растерянным, смотрел на нее, словно втайне надеялся, что вот сейчас все его сомнения развеются. Что все страхи на самом деле не имеют под собой основания, и скоро все будет так, как прежде.

— Я слышала немного, — осторожно, подбирая слова, заговорила девушка. — Но я не понимаю, что тебя напугало. Ты знал, что мы хищники, знал, что многие из нас охотятся на людей...

— Но ты не говорила, — хрипло перебил Миша, сделав шаг вперед, — что вы умеете залезать в голову к людям. Что вы можете поработать нас!

— Не только к людям, — Аня удивленно заморгала. — Но да, умеем. Так мы охотимся! Наша стая ловит кого-нибудь из больших, и он идет по пустыне с нами, как еда. Защищает нас, помогает, чем может, пока жив...

— Хватит. Это ужасно, — Миша тяжело выдохнул и прислонился к стене, прикрыв глаза, чтобы не видеть Аню. Он представил себе, как какой-то человек встречает одного из ее собратьев и теряет себя. Становится безвольным рабом, поедаемым заживо. Как она не понимает!..

— Миша, прости меня... — тонкая ладонь легла ему на плечо, шершавая даже сквозь ткань майки. Когтей не чувствовалась, сейчас девушка была в облике человека.

Миша открыл глаза и спросил, сдерживая неожиданно накотившую злость:

— А откуда ты взяла этот облик? Кого ты съела, — голос мужчины дрогнул, — чтобы стать такой?

Аня вздрогнула и отступила, глядя на него и не произнося ни слова. Ее губы сложились в странную беспомощную улыбку, янтарные глаза потемнели.

«О чем я думала, на что надеялась? Этим бы кончилось рано или поздно».

— Как я могу тебе верить, все это зная? — Миша словно и не ждал ответа, продолжая говорить, словно выдавливая яд из раны. — Как могу знать, что ты не ешь людей, когда уходишь по ночам? Что не влезаешь ко мне в голову, заставляя помогать тебе? А если то, что я испытываю к тебе — это всего лишь иллюзия, чтобы приручить меня?!

Аня вскинула голову и хотела что-то сказать, но мужчина выставил вперед руку, заканчивая свою речь:

— Если ты можешь читать мои мысли и влиять на них, как я могу поверить, что ты не воспользуешься этим в своих целях?

— Я, — выдохнула Аня, сплетя пальцы рук, чтобы скрыть дрожь, — никогда не лезла тебе в голову, Миша. Никогда не пыталась тебя подчинить. Да и не смогла бы! Ты сильный, а сделать рабом можно только того, кто слаб. Кто внушаем. Или ранен. Я бы никогда...

— Как я могу быть в этом уверен? — горько спросил Миша. — Я же не могу заглянуть к тебе в голову. Мне остается только верить тебе, а я... уже не могу.

Аня молча смотрела на него, обхватив себя руками и низко опустив голову. Сейчас она казалась совсем маленькой и беспомощной... если не знать, что эта хрупкая девушка может порвать человека на части.

— Тогда я уйду, — голос девушки был едва слышен. — Я не хочу причинять тебе боль, даже вот так.

Она двинулась к выходу. С каждым шагом девушка выпрямлялась, в свете свечи блеснули когти и черный рог, проглянувший сквозь пушистые волосы. Уже взявшись за засов, Аня обернулась и сказала низким, чуть шипящим голосом, изменившимся из-за острых зубов:

— Это наша природа, Миша. Мы жили так многие тысячелетия. Но я... я никогда не нападала на людей. Я не ела человечину, как бы ни была голодна. А мой облик... — она пожала узкими плечами, — я взяла его из твоих снов. Мне казалось, если я буду выглядеть так, то мы с тобой сможем...

Миша затаил дыхание, но девушка замолчала, тяжело, по-звериному дыша. И не сразу, но заговорила вновь, совсем другим, спокойным и деловым голосом:

— Мои метки продержатся еще неделю. Потом другие, которых я отгоняла, смогут к вам прийти. Удвой защиту, найти еще оружие. И прощай, Миша. Спасибо за все...

Дверь закрылась, и Миша остался один в темноте.

...На следующее утро, пережив бессонную, грустную ночь, он сидел на лестнице в подъезде, устало глядя в чашку с водой. Рядом лежали нетронутая зубная щетка и паста, на ступеньках ниже виднелись лужицы с пеной — соседка уже выводила сюда сына, чтобы умыть его.

Немногие люди за эти недели сохранили привычку к гигиене, от большинства уже начинало плохо пахнуть, но и Миша, и его соседи все еще держались. Канализация и водопровод, конечно, не работали, а мыться на улице было слишком страшно, так что для всех процедур использовали подъезд. Выходя, Аня морщилась и фыркала, унюхав мяту и мыло, но ничего не говорила, терпела людские привычки, как могла.

Ох, Аня...

Миша обхватил себя руками и тяжело вздохнул. Правильно ли он поступил, так разговаривая с нею? Дома стало так пусто с ее уходом...

Замотав головой, Миша решительно поднялся, бросил щетку и пасту в стаканчик, стоящий на подоконнике. Хватит мучить себя. Сделанного не воротишь! Лучше пойти в город, пообщаться с людьми, разведать новые места — и, если очень повезет, оставить весточку для Ани. «Дорогая, я не злюсь, возвращайся».

Миша хмыкнул. А захочет ли она вернуться? Может быть, жить среди своих ей понравилось больше. Не нужно чистить зубы и носить неудобную одежду, не нужно притворяться тем, кем ты не являешься, терпеть рядом глупого человека...

На улице царил все та же промозглая осень, солнце, и без того редко появляющееся, скрылось за тяжелыми облаками. Накрапывал мелкий, противный дождь, поднимая в воздух утихший было запах разложения.

Миша двинулся по улице, зябко ежась. Не зная, чем заняться, он заглядывал в разоренные магазины в поисках уцелевшей еды, присматривался к следам Пожирателя на

асфальте, кинул камень в стаю падальщиков, грызущих асфальт, где темнело пятно недавно пролитой крови. Чьей?..

Один раз улицу перебежала тощая рыжая дворняга, она остановилась, глядя на Мишу и заинтересованно принялась. Мужчину невольно передернуло.

Он уже не раз задумывался, чем же питаются уцелевшие в городе и в битвах со стаями падальщиков собаки, и пришел к печальному выводу, что теперь самое доступное мясо для них — людские трупы. С детства приученному любить собак, Мише это казалось предательством со стороны хвостатых друзей, почти что каннибализмом. Даже твари-людоеды воспринимались лучше.

Чем ближе мужчина подходил к деловому кварталу, тем больше людей встречалось вокруг. Они почти не разговаривали друг с другом, только молча перебегали от здания к зданию и тащили сумки с добытыми вещами, нужными для выживания.

На перекрестке сидел грязный, тощий мальчишка с плакатом «Поделитесь едой. Родители умерли». И мятая картонка, и одежда ребенка промокли, его била дрожь. Миша замедлил шаг, но к мальчишке уже подошел высокий старик в черной водолазке, заговорил о чем-то. За стариком следовало несколько неопрятных, взлохмаченных женщин, они остановились поодаль, поглядывая по сторонам.

Уже собираясь идти дальше, Миша услышал часть разговора и нахмурился.

— ...Лишь Он может дать нам спасение. Служение Ему — наша судьба, и даже твари Его посланы, чтобы показать нам верный путь в мире, полном пороков и страха! — звучный, глубокий голос старика казался моложе, чем его владелец. В каждом слове сквозила искренняя уверенность. — Не надо просить помощи у людей, лишь темный бог может даровать нам ее. Идем со мной, и я научу тебя слышать Его, поющего нам о спасении...

— Оставьте ребенка в покое, — не выдержал Миша. Старик медленно обернулся и расплылся в довольной улыбке, сверкнул белесыми глазами. Его кожа была землисто-бледной, как будто этот человек выкопался из могилы, чтобы утащить туда за собой других. Невзрачные женщины заворчали, как потревоженные падальщики, подошли ближе, готовясь защищать своего пророка. — Чем нести всякую чушь, лучше поделитесь с ним едой. Это хотя бы поможет выжить!

— Жизнь — лишь краткий миг наших страданий, — нараспев сказал старик, продолжая улыбаться. — Нас всех ждет настоящая жизнь, вечная, в глубинах черного тумана.

— Если не хотите помочь по-настоящему, то убирайтесь! — вспыхнул Миша. — Мы не дождемся подмоги, если вместо помощи друг другу будем придумывать глупые культы!

Краем глаза Миша увидел, что мальчишка сложил свою картонку и шмыгнул куда-то в сторону, уходя от сектантов подалее.

— Ты так говоришь лишь оттого, что ничего не знаешь, — старик сложил бледные руки на груди и прикрыл глаза. — Ты не слышишь Его голос, как мы. И не услышишь, пока не станешь жертвой в Его славу, — женщины согласно закивали, обступив старика, и Миша невольно сжал кулаки, жалея, что не может никого из них ударить.

— Такие, как вы — падальщики нашего мира, — медленно произнес он, сдерживая злую дрожь. — Вылезаете из всех щелей, едва почувствуете чью-то слабость. Но нормальные люди не пойдут за вами. Они будут держаться друг друга, сражаться за каждую жизнь, не притворяясь, что в тумане скрыт выдуманный рай. Поэтому мы выдержим! А для таких, как вы, в реальном мире есть специальные заведения. Вот он, ваш рай. Мягкие стены и таблетки по расписанию!

Старик хрипло расхохотался и продолжил что-то говорить, но Миша уже уходил, оглядываясь по сторонам в поисках сбежавшего мальчишки. Смех безумного сектанта звучал в его ушах, как будто сам проклятый город смеялся над попытками Миши остаться хорошим человеком.

Выбитый из колеи произошедшим на перекрестке, мысленно проговаривающий сказанное раз за разом, мужчина погрузился в собственные мысли и почти не смотрел по сторонам. Людные места остались позади, теперь в стенах домов все чаще встречались провалы. Какие-то из них, казалось, были проделаны чем-то невыносимо огромным — может, исполинскими тварями высотой с небоскребы, о которых рассказывали уцелевшие из центра? Другие хранили следы когтей, это Пожиратели искали себе еду или убежища. Лучше с ними не встречаться, вернуться домой до ночи...

На одной из клумб Миша увидел свежую нору. Выброшенная земля вокруг нее была тщательно утрамбована, изнутри доносилось тихое бурчание. Мужчина подошел ближе и осторожно позвал:

— Аня?

Обитатель норы испуганно затих, Миша с надеждой заглянул внутрь. В темноте что-то поблескивало, пахло землей и плесенью.

— Аня?.. — в норе зашуршало, у самого входа мелькнула длинная серая рука. Она осторожно подтолкнула в сторону Миши кусок чего-то темного, пахнущего сладостью и грибами. Обитатель норы с тихим урчанием отодвинулся в темноту, надеясь откупиться от хищника любовно выращенными запасами.

На новом месте питательные грибы росли медленно, плохо пахли, впитывая грязь из чужой земли, но обитатель норы продолжал упорно рассеивать споры и поливать проростки своей слюной, как делали его предки многие тысячелетия назад. Говорят, эти далекие предки умели летать, когда становились взрослыми. Врут, наверное...

— Прости, дружок, — Миша немного печально улыбнулся, отодвинулся. — Не хотел напугать.

Позади что-то глухо стукнуло, и мужчина поспешно обернулся, опустив руку на кобуру. Но улица была пустынна, где-то свистел то ли ветер, то ли одинокий падальщик. Миша прищурился, глядя на одну из заброшенных машин: что-то спряталось внутри? Или показалось?

Подумав, Миша решил свернуть в сторону и обойти подозрительную машину по соседней улице. Почему-то стало холодно, в голове скреблось нехорошее предчувствие.

Мужчина торопливо шел по узкому переулку, постоянно оглядываясь. Теперь он отчетливо слышал тихие шаги позади, на той улице, откуда свернул. В очередной раз обернувшись, и увидел преследователя — человеческая фигура, вытянутые вверх изогнутые, как у антилопы, рога. Существо стояло в самом начале переулка, глядя вслед Мише, и он невольно ускорил шаг, а затем побежал, чертыхаясь.

«Хоть бы решил не идти за мной! Не хочу убивать собрата Ани».

Быстрее, быстрее! Миша свернул на одну улицу, потом на другую, перепрыгнув через груды выломанных из стены кирпичей, путая следы. Прислонился к стене, переводя дух и глядя назад, надеясь, что тварь потеряла его. Едва он уже решил, что так и вышло, как раздались знакомые быстрые шаги. А потом, вызвав мурашки по вспотевшей спине человека, существо подало голос. Тихо, хрипло рявкнуло, но Мишу напугало совсем не это.

Спереди, из-за поворота, собрату ответила другая тварь. Она по-птичьи вскрикнула и зашипела, говоря напарнику, что человек находится между ними! Его загоняли!

Миша метнулся в одну сторону, в другую, не зная, куда бежать. С обеих сторон приближались враги, арка между домами была закрыта сетчатыми воротами, запертыми на ржавую цепь. Дверь в ближайший дом... Миша дернул металлическую ручку... тоже заперта!

...Он помнил, как Аня хмыкнула, когда он показал ей пистолет. Этим тварей так просто не ранить, к тому же они лечат друг друга.

Шаги приближались, существа уже в открытую перекрикивались, и их было уже не меньше трех. Решившись, Миша бросился к сетчатым воротам, вскарабкался, испачкавшись в

ржавчине, протиснулся между ними и кирпичной кладкой, ободрав всю спину, и тяжело упал на неровный асфальт. Откатился в сторону, поднялся... и увидел, что одна из тварей стоит уже за самыми воротами.

Это был самец, невысокий и очень тощий. Один изогнутый рог был обломан, на лишенном кожи лице холодно горели черные глаза. Тварь облизнулась, прижавшись к сетке, принюхалась, с наслаждением впитывая запах человеческой крови. За ее спиной появились другие — один, два... пятеро!

Всего на секунду Миша почувствовал в своей голове болезненную щекотку, захотелось подойти поближе и рассмотреть это интересное существо, но мужчина собрался и вытряхнул чужака из своих мозгов:

— Еще чего! — тварь озадаченно оскалилась, Миша развернулся и побежал вперед. Позади стая по очереди с нечеловеческой силой ударялась о сетку, вот-вот ворота могли не выдержать. Бежать!

«На улице они меня догонят! Куда же... в дом! Там есть замки, засовы, двери. Скорее!»

Миша дернул одну подъездную дверь, другую. Поддалась! Заскрипела, пустив по двору пронзительное эхо, Миша протиснулся в открывшуюся щель и побежал вверх по лестнице, ударяя руками по дверям квартир, пытаясь открыть хотя бы одну, хоть какую-то...

Сквозь шум крови в ушах он вновь услышал скрип — твари были уже в подъезде! Черт возьми...

— Миша! Сюда! — он вскинул голову и увидел Аню. Она стояла на пожарном балконе и локтем как раз закончила выбивать стекло в ведущем туда окне.

На Мишу нахлынуло такое облегчение, что ноги были готовы подогнуться. Но крик Ани заставил его вздрогнуть, будто пощечина.

— Скорее, бежим! Я одна с ними не справлюсь!

Мужчина мотнул головой и подбежал к ней, вывалился через окно, порезавшись, но даже не заметив этого, и схватил девушку за шершавую руку:

— Я безумно рад тебя видеть!

Позади взвыла одна из тварей, раздался топот. Стая была голодна, и отпускать свою добычу не собиралась.

Охота обещала быть интересной.

Глава 7. Что ты знаешь

— ...Скорее! — Аня схватила мужчину за руку и бросилась к пожарной лестнице. Миша бежал за ней, его сердце колотилось от страха и радости — Аня здесь, она пришла за ним! И неважно, что следом несется хищная стая, ведь вдвоем они... они всё смогут!

— Спускайся, я за тобой, — девушка толкнула его вперед, а сама припала к бетонному полу, меняя облик. Если вдруг Миша не успеет сбежать, придется драться! Если бы она знала это раньше, то не стала бы обходить стороной ядовитого и мелкого, встреченного дальше по улице, а напала бы, испачкала когти в его яде! Но поздно думать об этом. Сейчас у Ани были только клыки и когти — и желание любой ценой защитить дорогого человека.

Миша торопливо перебирал руками по ребристым прутьям лестницы, поглядывая наверх. Вот Аня, чуть подождя, спускается следом, двигаясь стремительно, куда быстрее него. Ее джинсы лопнули на бедрах, выпуская нечеловечески вздувшиеся мускулы, когда девушка в один прыжок оказалась на земле, поддев и с лязгом опустив нижнюю часть лестницы, чтобы Миша смог спуститься. Вновь схватила его за руку:

— Бежим туда!..

И они побежали. Аня неслась впереди, низко опустив голову, Миша почти терял равновесие — так сильно она тянула его за руку. Сердце вырывалось из груди, а ноги гудели от усталости. Мелькали машины, дома, упавшие деревья, через которые он перепрыгивал вслед за девушкой, всем телом проламывая тонкие ветки и не обращая внимания на порезы.

Позади все еще слышались рывки и крики переговаривающейся погони, но они раздавались все дальше. Аня не останавливалась, хоть и чувствовала, что мужчина почти теряет сознание — знала, что стая рано или поздно найдет их по кровавому следу. И девушка бежала все быстрее.

«Если он совсем лишится сил — я понесу его!»

На бегу девушка разорвала и сбросила свою рубашку, хлопающую по ветру за ней, как крылья. «Мешает!» Миша едва обратил на это внимание, пытаясь сбросить дыхание.

Наконец Аня остановилась, вскинув рогатую голову и пригнувшись. Придержала пошатнувшегося мужчину за плечо и указала наверх, на крышу восьмиэтажного здания, куда зигзагом вела пожарная лестница:

— Поднимемся на крышу, там ветер сдует наши запахи! — Миша еле нашел в себе силы кивнуть.

Вновь прыжок, уцепиться рукой за стремянку, ведущую к лестнице, другой подтянуть наверх мужчину. Схватился? Лезет! Отлично.

Аня перемахнула через него, оказавшись на первом пролете, помогла Мише встать на ноги и поволокла его за собой. Вперед, вверх, вверх, по гудящему металлу, пока враги не услышали, не унюхали! Миша не кровит? Не оставит следов? Аня пустила по их сомкнутым рукам целебную энергию, стягивая раны. Помогло! Хорошо!

Едва они шагнули на крышу, снизу донеслись звуки погони. И тут же ветер ударил в лицо, высушил выступивший пот, свежий воздух впился в легкие, причиняя боль и наслаждение.

Миша со стоном опустился наземь, понимая, что больше не сможет сделать и шагу. Аня ползком подобралась к краю крыши, глянула вниз: где там погоня?

— Они нас потеряли, — Миша еле слышал ее тихий голос. — Ходят, нюхают асфальт. Скорее всего, к нам не полезут. Стая редко продолжает погоню, если потеряла след...

— Хорошо, — выдохнул Миша, поднеся руки к горячему лицу. — Очень хорошо.

— Ты в порядке? — подошедшая обратно Аня обеспокоенно заглянула ему в глаза. Она часто, неглубоко дышала — тоже устала, и потому очень медленно перетекала обратно в людской облик. Белоснежная кожа медленно проступала откуда-то изнутри, нарастала на нежном лице, руках, сейчас обнаженной груди. Выглянувшее солнце заиграло в янтарных глазах, и Миша резко вздохнул, невольно залюбовавшись девушкой.

Она, уловив его мысли, смущенно улыбнулась и прикрылась ладонями. Потом отвернулась и очень тихо сказала, скрывая печаль в голосе:

— Когда отдохнешь, я доведу тебя до дома.

— Я хочу, чтобы ты осталась. — Миша протянул руку и коснулся ее волос. — Осталась со мной. Я так перед тобой виноват...

— Ты ни в чем не виноват. — Аня взяла мужчину за руку и села рядом, уткнувшись лбом в его плечо и медленно расплываясь в счастливой улыбке. — И я больше никуда от тебя не уйду.

Этим же вечером Миша лежал на кровати, перебирая волосы девушки, заснувший у него на груди. Впервые за долгое время он чувствовал себя в безопасности, чувствовал себя... счастливым?

«Столько людей умерло в этом городе, — думал он. — Столько горя и страха вокруг. Но я не жалею об этом. Ведь я нашел ее. Наконец-то нашел...»

Он крепче прижал к себе Аня и закрыл глаза, слушая ее ровное дыхание, слишком быстрое для человека.

...Неделю спустя он подарил ей кольцо. В человеческом облике оно было великовато, но зато в истинной форме становилось впору — и не терялось во время ночных вылазок.

А еще через какое-то время Аня, сидящая на подоконнике, медленно, по слогам читая принесенную Мишей книгу, насторожилась и подозвала его, указала на улицу:

— Там машина. Еще далеко, но я слышу их громкоговоритель. Миша, это Сопrotивление! Зовут всех присоединиться к ним.

— Пусть зовут, — Миша привлек девушку к себе и осторожно поцеловал в уголок губ. — Мне и здесь хорошо.

Аня вывернулась из рук мужчины и строго посмотрела в его лицо:

— А я думаю, тебе стоит пойти к ним! Ты же герой, Миша, — она провела рукой по его щеке. — Всегда им был. Людям в городе нужны такие, как ты. К тому же... — она прикусила губу и задумчиво посмотрела в сторону окна, — среди наших ходят интересные слухи. Говорят, в Сопrotивление входят не только люди...

— Кто-то из вас — тоже? — изумился Миша. — Это уже интересно!

— Вот и я так думаю, — кивнула девушка. — Раз так, то в этом городе есть место для нас с тобой. Место, где нас примут!

...В конечном счете так и оказалось. Сопrotивление — удивительный тайный союз людей и монстров, желающих жить мирно, принял Мишу и его жену в свои ряды. Многоэтажный дом, укрепленный металлическими пластинами, стал Штабом, а дома вокруг него заселили спасенные люди и замаскированные существа.

Один из них, Гришка — то самое «тайное оружие» Сопrotивления — создавал кристаллы, защищающие людей от чудовищ, под присмотром своего друга, человека, названного Мастером Кристаллов. Оба они стали для Миши и Ани близкими друзьями, членами странной смешанной семьи.

Вскоре в этой семье появился любимец — пес Мелкий, верный напарник Миши. А позже — приемный ребенок, Ваня, который не отвернулся от них, даже узнав, кто такая Аня на самом деле.

Вместе им было все по силам. Они не страшились ни чудовищ, ни налетов каннибалов, ни сошедшего с ума божества иного мира. Это было самое счастливое время! Время, когда Аня была рядом, и каждое утро, просыпаясь рядом с ней, Миша благодарил всех богов за то, что свели их вместе.

«Верните ее мне. Я отдам все, что вы попросите! Верните...»

Песок кончился, началось каменистое плато, на котором тут и там росли пучки красных кристаллов. Бежать стало легче, но силы уже кончались. Да и нужно ли это?..

Миша упал на колени, переводя дух, оглянулся — вдруг военные последовали за ним? Но позади была лишь пустыня, и далекие барханы дышали жаром, заставляя дрожать воздух над ними.

Придя в себя после перехода в другой мир, Миша долго бежал, припадая к земле и путая следы, чтобы скрыться от преследователей. Люди, открывшие портал сюда... что они здесь забыли? Откуда взяли технологии, чтобы попасть сюда? Неважно! Главное, что удалось от них сбежать. И теперь...

Миша выпрямился и огляделся, придерживая заброшенный на спину автомат. Его потряхивало от смешанных чувств — страха, надежды, счастья. Все его сны, все странные воспоминания оказались правдой. Он не сошел с ума, он действительно жил в проклятом городе, был бойцом Сопротивления, сражающимся с тварями. И Аня была на самом деле! Она где-то здесь, в мире под девятью лунами!

Мужчина поднялся на ноги, запрокинул голову, глядя в раскаленное небо, и расхохотался. Смех человека прокатился по плато, тревожа забившихся в щели между камней насекомых. Они взволнованно зашелестели, клацающая вытянутыми клешнями — кто это шумит в дневное время? Получится ли его съесть, если навалиться всем скопом?

Миша опустил взгляд, озадаченно наклонил голову, глядя, как из ближайшей щели высовываются длинные, с его руку, усы. Их обладатель застрекотал, из других щелей ему слаженно ответили. В дружном стрекоте появился хищный, недобрый ритм, и Миша торопливо прыгнул с края плато, пока незнакомые существа не попытались напасть.

Ноги тут же погрузились в мелкий песок, идти стало сложнее. Шум от насекомых остался позади, солнце палило, и пришлось запоздало сбросить тяжелую куртку. Теперь нагревалась сама кожа, пот выступал и тут же испарялся, оставляя на теле и серой майке белесые разводы. «Где бы найти воду?..»

Миша на секунду остановился, впервые задумавшись о том, что творит. «Я один в пустыне! Как мне здесь выжить без припасов? Без воды? Что я вообще собираюсь делать?! Это целый мир, как мне найти в нем Аню?»

Мужчина задумчиво покачал головой, малодушно раздумывая, не вернуться ли назад в свой мир. Потом тихо хмыкнул, потер горячий лоб: как он это себе представляет? Подойдет к военным, поковыряет песок носком ботинка, мол, простите, извините, я побил солдата и влетел в ваш портал, но не взял припасы для дороги по пустыне, давайте повторим попозже? К примеру, завтра в три?

Миша устало вздохнул, потом встряхнулся. «В первую очередь надо найти воду. Рядом с водой роют норы сородичи Гришки и Пьющие Плоть. У первых я найду съедобные грибы, а у вторых узнаю, где найти стаю Ани. Ну вот, дружок, ты уже придумал план! Все получится!»

Миша решительно двинулся дальше, взмахивая руками, чтобы удерживать равновесие на рыхлом песке. Ориентиром боец назначил виднеющийся на горизонте огромный кристалл, отливающий красным. Тот медленно поворачивал грани, чтобы поймать лучи солнца, и проблемы одинокого человечка его не волновали. Рано или поздно путник умрет,

питательные вещества из тела уйдут в землю, и тогда новые кристаллы покроют его высушенные кости.

Начало темнеть. Измученный жарой Миша с надеждой посмотрел в небо, но выругался и вновь опустил взгляд: нет, ночь наступит еще не скоро. Просто одна из лун наползла на солнечный диск, ненадолго прикрыв пустыню от его лучей. Все равно раскаленный песок источал жар, и Миша давно стянул с себя майку, намотал ее на горячую голову, пытаясь спастись от теплового удара. Теперь ремень автомата больно натирал влажную кожу, и скоро на этом плече появилась болезненная ссадина.

Когда мужчина дошел до намеченного кристалла, то попытался подрывать его основание в поисках воды, но нашел только еще более иссушенную землю — в низу кристалла оказались широкие, пульсирующие корни, впитавшие в себя всю влагу. Их не получилось разрезать ножом, слишком прочные, и Миша двинулся дальше, изнывая от жажды. Его одолевала слабость, в висках пульсировало, сердце колотилось — неужели так сказывается обезвоживание? Он ведь теряет воду с потом...

Песок под ногами изменился, теперь он был больше похож на мелкие кристалльные обломки, которые вгрызались в армейские ботинки, пытаясь прокусить плотную кожу. Споткнувшись и упав на руки, Миша порезал ладони и теперь тщетно пытался выудить из ран кристалльные осколки.

«Хоть бы на запах крови никто не пришел...»

Теперь огромные кристаллы встречались почти на каждом бархане, наверное, это их предки рассыпались здесь в песок, состарившись. Миша так и не встретил ничего живого, все попрятались от жары. Подумав, мужчина устроился в тени одного из кристаллов, прикрыл глаза, думая, что делать дальше.

«Сколько времени человек может жить без воды? Как скоро у меня закончатся силы?»

От усталости Миша задремал, и проснулся, только услышав чьи-то тяжелые шаги совсем рядом. Открыв глаза, он охнул и вжался в кристалльную грань, пытаясь быть незаметным. Ведь тварь, которая шла мимо, легко порвала бы его на части!

Это был Пожиратель. Огромный, трехрогий, он шел, опираясь на костяшки пальцев, то и дело останавливался, чтобы втянуть в себя горячий воздух и запахи возможной еды. До него было меньше ста метров!

Миша торопливо растянулся на песке, спрятав в него все еще кровоточащие ладони, чтобы скрыть запах. «Я не успею сбежать! Он меня услышит! Хоть бы не заметил...» Со слабым ветерком до мужчины донесся запах чудовища — сильный мускус, нагретая солнцем кожа.

И чья-то кровь.

Пожиратель замедлился и вновь принялся. В глубине ненасытных ртов зарождался рык, длинные когтистые пальцы царапали землю. Слепой монстр чуял, что рядом кто-то есть! Но недавно он уже нашел себе пищу.

Из-за холмов пришел брат, раненый чем-то, что пахло странно и чуждо, и в памяти его были мелкие, странные существа, что умеют кусать издалека. Другие Пожиратели съели своего родича, как только он погиб, чтобы сохранить его силу — и чтобы однажды отомстить. Ведь теперь они знали, что диковинные мелкие существа опасны в своем гнезде, так что поймать их можно только в пустыне, по-одиночке...

Не зная, что существо, такое же, как те, что убили его брата, вжимается сейчас в песок буквально в паре шагов от него, Пожиратель двинулся дальше.

Подойдя к самому крупному кристаллу, монстр начал рыть землю у его подножья, широкими ладонями отбрасывая песок в сторону. Когда его когти коснулись корня, кристалл задрожал и начал уходить под землю, прячась от напавшего существа, но Пожиратель взревел

и схватился крепче, рванул, выдергивая корень из земли. Впился в него зубами, и Миша почувствовал, как по земле пробежала вибрация от ушедшего под землю кристалла. Корень дергался, Пожиратель хлюпал и чавкал, по двум подбородкам стекала влага.

Миша тихо вздохнул, завидуя пьющей твари, но пошевелиться смог, лишь когда монстр скрылся за дальним барханом. Только затем мужчина спустился в вырытую Пожирателем яму и с наслаждением припал губами к поврежденному корню. Соленый сок прекрасно утолил жажду, им же Миша пропитал свою одежду, чтобы хоть немного охладиться. Затем двинулся дальше, тихо насвистывая себе под нос.

— Может, все не так уж и плохо!..

Портал тихо гудел, медленно втягивая в себя воздух. «Атмосфера внутри сильно разрежена. Если человек застрянет между мирами, задохнется ли он? Или навечно живым застынет во времени, как комар в янтаре?»

— Доктор Дятлов! Дятлов!

Ученый стиснул зубы и медленно обернулся, сдерживая подступившую к горлу злость. «Ничтожества. Ни на что не годные ничтожества!»

— Да? — Дятлов растянул губы в привычной тонкой улыбке, даже не пытаясь сделать взгляд сквозь очки чуть теплее. Военный, потревоживший ученого, невольно поежился, но все же произнес:

— Мы нашли нашего беглеца.

— И?

— Он идет на шесть часов, напрямиком к реке. — Ни один компас не работал в этом мире, поэтому военным пришлось искать другие обозначения. — Будто знает, что искать.

— Как интересно, — Дятлов задумчиво приложил палец к губам, глядя вдаль, туда, где скрылся неизвестный, прорвавшийся сквозь портал. — Очень интересно... Следите дальше! Не вздумайте его упустить!

Ученый не заметил, как остался один, он все смотрел на горизонт, пытаясь проанализировать, предугадать, понять то, что происходило там, вдали от его взора. Что за человек идет сейчас по пустыне? Почему он так рвался туда?

— Что ты знаешь об этом мире, незнакомец? Что ты ищешь?..

Глава 8. Договор

Сквозь раскаленную пустыню текла река, укрывшая свое русло и песок на сотни метров вокруг толстым слоем ила. Он запекался на солнце и становился красной глиной, в которой удобно рыть норы, выбираясь наружу только чтобы добыть новую еду из воды — или поймать одного из тех, кто пытается это сделать.

Миша, стоящий на вершине бархана, замороженно смотрел на реку, гадая, как ей удастся не пересохнуть в такую жару. Вода испарялась, над ней, как вторая река, плыл густой белый туман, в котором что-то плескалось. Рыба? Или очередной хищник?..

Съехав по песку вниз по склону, мужчина сквозь туман двинулся к воде, скользя и проваливаясь в мокрый ил. Из-за влажности и жары было сложно дышать, пару раз нога застревала в чьих-то небольших, укрепленных камнями норах. Один раз обитатель норы с силой ущипнул клешней за голенище ботинка, оставив глубокую вмятину, так что Мише пришлось двигаться осторожнее.

Подойдя к воде и по дороге почти полностью вымазавшись в глине, Миша увидел, что вода течет невероятно быстро, ее будто гнала вперед по руслу какая-то сила, отчего уже в метре от берега было ничего не видно — сплошная красная пелена поднятого со дна ила, в которой мелькали гонимые течением большие камни.

На чистом мелководье копошились мелкие рачки, за ними, бешено двигая хвостом, гонялась самая обычная на вид рыбка размером с ладонь. Она до последнего не замечала Мишу, попытавшись метнуться в сторону лишь тогда, когда нож вошел в ее тело.

Миша с шипением выдернул руку из воды, бросил нож с бьющейся на нем добычей и подул на покрасневшие пальцы — кипяток! Как рыба там не сварилась?! Как сама река не выкипела за все это время?

Мужчина стянул с головы намотанную футболку и кинул ее в воду, подождал, пока ткань намокнет, и потянул ее обратно. Из красного марева под водой метнулось что-то черное, гладкое, яростно вцепилось в рукав майки и потянуло в свою сторону. Изумленно выругавшись, Миша рванул майку, почти вытащив из воды черную бьющуюся тварь, похожую на большого угря. В последний момент хищная рыбина выпустила свою добычу, обиженно зашипела, высунув на поверхность курносую морду, и уплыла обратно на глубину. Миша, сжимая свою майку и подобрав чудом добытую рыбку, попятился, выдохнув:

— Да уж, дружок! Эту речку тебе вброд не перейти.

Замотав головой, Миша вышел из тумана на солнце и пошел вдоль реки, помахивая мокрой майкой и время от времени прижимаясь к ней губами, чтобы высосать немного теплой влаги. Он постоянно оглядывался, надеясь заметить кого-то из сородичей Ани, но они, видимо, предпочитали реки побольше. «Если пойти вниз по течению, может, она впадет в другую? Надо попробовать!»

Спустя несколько часов пути Миша заметил, что жара спала. Он даже надел обратно влажную майку, которую всю дорогу использовал, чтобы напиться. Несмотря на утоленную жажду, он все еще чувствовал сильную слабость, и вскоре решил, что пора устроить привал.

Он отошел от реки и сел на землю рядом с большим, дырявым, как пемза, камнем. На его все еще раскаленную поверхность Миша пристроил выпотрошенную рыбку, надеясь, что она пожарится, и теперь с интересом принялся к становившемуся аппетитным запаху.

«Кажется, здесь не так уж и плохо! — оптимистично думал Миша. — Выжить можно. А если я найду общий язык с каким-нибудь Пьющим Плоть, то наверняка продержусь дольше. И найду Аню!»

Миша снял рыбку с камня и стал выбирать из нее готовые кусочки мяса. Из-за жары есть почти не хотелось, но силы ему еще понадобятся...

Он старательно гнал от себя мысли о том, что будет дальше. Как тогда, после катастрофы, случившейся в городе, Миша полностью сосредоточился на выживании, не позволяя себе погрузиться в отчаяние, потратив на это и без того невеликие силы.

Что нужно человеку, где бы он ни находился? Вода, еда, убежище. Остальное уходит на дальний план, стоит лишиться хоть чего-то из этого списка. Это потом, отдохнув и успокоившись, можно подумать, для чего ты делаешь то или иное — к примеру, бредешь по чужому миру, полному опасностей, пытаешься найти свою жену и не зная, доживешь ли до следующего рассвета.

Поев, мужчина с наслаждением растянулся на земле в тени камня, позволив навалившейся усталости убаюкать себя, дав натруженным мышцам долгожданный отдых. Один бок пригревал исходящий от него жар, другой приятно охлаждал ставший прохладным воздух. Автомат мужчина положил рядом, на случай, если кто-то решил напасть. Он надеялся, что проснется, услышав, как хрустит песок под чужими ногами, но уже через несколько минут его сон стал глубоким и беспробудным. Миша перевернулся на бок и свернулся калачиком, когда солнце коснулось горизонта, и стало холоднее. Но так и не проснулся...

Ему снилось, что солнце зашло, но пустыня все так же была видна до самого горизонта, на котором больше не дрожало жаркое марево. Луны сияли в небе, почти затмив собой слабый звездный свет. Среди песков блуждали кровавые туманы, вдалеке кричали, охотясь, Пьющие Плоть, и мелкие насекомые вылезали из нор в пористом камне, стройной шеренгой проползая мимо спящего человека.

Во сне рядом с Мишей опустилась на колени высокая светловолосая женщина. Ее лицо было незнакомым, и, хотя каждая черточка по-отдельности мужчине уже где-то встречалась, все вместе они составляли странное, неприятное впечатление. Одежды на женщине не было, она куталась в белесый речной туман, как в покрывало, и неотрывно смотрела на Мишу странными, разными глазами — зеленым и карим. Увидев, что он глядит на нее в ответ, незнакомка тихо сказала:

— Какая жалость... — ее пухлые губы двигались не в такт произнесенным звукам, живя будто своей жизнью. Миша почему-то бросило в дрожь, он сжался сильнее, пытаясь стать меньше и незаметнее, чтобы это женщина больше не смотрела на него...

— Ты не такой, как другие люди. — Она запрокинула бесстрастное лицо, его со всех сторон осветил свет нескольких лун, придав совершенно неземной вид. — Но все же ты умрешь вместе с ними.

— Почему? — еле выдавил из себя Миша. Незнакомка наклонила голову и чуть приподняла уголки губ:

— Люди несут в наш мир зло. Пусть не ты, но другие. Вам здесь не место.

Женщина плотнее укуталась в туман, только странные двухцветные глаза блеснули, да улыбка стала шире, и между губ блеснули заостренные зубы.

— Не просыпайся, человек. Ты станешь частью пустыни и навсегда останешься здесь. Ты ведь этого и хотел?..

...Миша с хрипом выгнулся, распахнув глаза. От него в разные стороны разбежались подобравшиеся было поближе падальщики, еще не решившие, стоит ли есть незнакомое существо — а вдруг ядовитый?

Мужчина с трудом перекатился на живот и со стоном попробовал встать. С лица кусками отпадала ледяная корка, она же хрустела вокруг его тела, неохотно выпуская

человека из плена, и он совсем не чувствовал кистей рук! Едва встав на ноги, Миша вскрикнул и завалился обратно, ударившись об заледеневший песок — ноги пронзила мучительная боль, по коже и мышцами пробежались не мурашки, а острые, вспарывающие лезвия. Из рта вместе со стонами вырывались клубы пара.

«Как так... почему...»

Пустыня скрипела, стянутая ледяным корсетом. Замерзшая река гнала по руслу не воду, а камни с ледяной крошкой, сметающие все на своем пути и пролетающие над норами, в которых на закате скрылись речные жители.

«Неужели я умру именно так?..»

Миша зарычал и рванулся вперед, цепляясь непослушными пальцами за смерзшийся песок.

«Нет! Я так просто не сдамся!»

Он пополз вперед, через силу заставляя одеревеневшие мышцы работать. Кожа рук слезала клочьями, но это боль либо не ощущалась, либо казалась ничтожной на фоне огня, бегущего по замерзшим венам. Закричав, Миша в последний раз подтянулся и перевалился через вершину бархана, покатился вниз по склону и бессильно растянулся, не в состоянии даже пошевелиться. По мышцам пробежал спазм, скрутивший тело и заставивший свернуться калачиком, в глазах потемнело...

— Эй, я его вижу!.. Сюда!

Свет вспыхнул, пробившись сквозь темноту, пробежал по бархану и по лицу Миши, заметался, белым конусом указывая в небо, призывая подмогу на квадроциклах.

«Снова видения...» — подумал он и почувствовал, что падает в темноту. Там не было холода. Не было боли.

Во сне он блуждал в черном тумане, пытаясь нащупать Аню, но вместо нее его пальцы раз за разом натыкались на чьи-то оскаленные зубы.

Дятлов вновь пролистнул толстую стопку отчетов, недовольно сорвал с лица очки и откинулся на спинку складного кресла — найдите, найдите же хоть что-нибудь ценное! Хоть что-нибудь фундаментальное!

Другие исследователи, входящие в экспедицию, с восхищением изучали новый мир. Они понимали, что стали свидетелями научного переворота, новой вехи в истории развития человечества! Кто не мечтал в детстве быть первым в такой момент — первым шагнуть на Луну, первым поселиться на Марсе или войти в волшебный портал? Теперь детская мечта сбылась — они были первыми людьми в чужом мире, на незнакомой планете, изучали ее, брали пробы, видели диких животных...

И только Илья Дятлов считал, что этого мало.

— Я не хочу, — говорил он, прохаживаясь перед подчиненными, — быть одним из тех ученых, кто только открывает двери перед другими. Не хочу однажды в старости включить телевизор и услышать, мол, судьбоносное открытие совершил молодой ученый, использовав наработки почетного пенсионера, Дятлова Ильи Анатольевича. Нет, это только мое право! Человеческое бессмертие! Сотворение материи! Чтение мыслей! Я не успокоюсь и не завершу экспедицию, пока не найду ответ хотя бы на один из этих вопросов!

Подчиненные только переглядывались и иногда усмехались за его спиной. Некоторые речи больше подходят старику в белом халате, со встрепанными седыми волосами и безумным взглядом, нежели этому совершенно невзрачному бледному мужчине. Дятлов был больше похож на одного из молодых людей, что ходят по квартирам и предлагают подписку на сомнительные журналы, нежели на человека, способного раскрыть секрет вечной жизни.

Но не стоит забывать, думали ученые, что именно Дятлов откуда-то узнал, как открыть портал в другой мир. Интересно, откуда?..

Дятлов поднял руку и принялся массировать свою переносицу, нахмурившись. «В этом мире что-то есть. Какой-то секрет, который ждет меня. Ждал меня всю мою жизнь! Иначе зачем я здесь?»

Невзрачный мужчина встал с кресла и шагнул из тени зонта, под которым он устроил себе рабочее место — вдали от бездарных подчиненных и никчемных военных. Недовольно одернул карманы армейских штанов — чертова униформа! В ней он смотрится как клоун.

«Надо проверить нашего гостя. Он наверняка что-то знает...»

Пройдя по лагерю, Дятлов мрачно покосился в сторону военных. Они организовывали оборону вокруг лагеря — за пару часов до заката ожидалось очередное нападение. В них уже появилась своя система, твари как будто выбрали самую выигрышную тактику, чтобы на этот раз наверняка прорваться к порталу. Как же все это мешало!

...Дятлов одернул полог палатки и вошел внутрь, остановился, с интересом глядя на спящего мужчину. Тот лежал на металлической кровати, ножки которой наполовину ушли в песок, израненные руки лежали поверх одеяла, забинтованные, к одной из них тянулась трубочка капельницы с витаминами и глюкозой.

Дятлов наклонился, чтобы заглянуть в покрытое ссадинами лицо незнакомца, тихо пробормотал:

— Ты, похоже, упрямый. А может, и сумасшедший, — ученый невольно поморщился — ему бы не хотелось, чтобы прорвавшийся сквозь портал мужчина оказался безумцем. Хотелось верить, что он на самом деле что-то знает.

Подумав, Дятлов сел на соседнюю кровать и вновь начал листать отчеты. Изредка он поглядывал на спящего незнакомца, проверяя, не проснулся ли тот. В нагретой солнцем палатке было душно, но все лучше, чем снаружи, где падающие с неба лучи пытались даже не обжечь, а обуглить нежную людскую кожу.

Неподалеку от палатки рычал мотор машины, это военные подгоняли ближе к центру лагеря грузовик с образцами. Дятлов искренне надеялся, что после нового нападения образцов станет больше.

Хотя обычно твари уносили убитых сородичей с собой.

Миша вздохнул и открыл глаза. Заморгал, пытаясь понять, где находится, посмотрел в одну сторону, в другую, оглядел идущую от его руки капельницу.

«Я... у тех людей?»

Услышав шорох, Миша с трудом сфокусировал взгляд на источнике звука. Человек, бледный мужчина лет тридцати, коротко стриженный и темноволосый. Ничем не примечательный, кроме очков и широкой, радостной улыбки, с которой он поднялся с кровати, чтобы подойти к Мише.

— Ты проснулся! Отлично! — мужчина склонился над ним и помог сесть, заботливо подложил подушку под спину. — Как ты себя чувствуешь?

Озадаченный Миша прислушался к ощущениям. Все тело ныло, обмороженные руки покалывало под повязками. Очень хотелось пить.

— Вроде бы неплохо... Кто вы такой? — хрипло спросил он, глядя в лицо незнакомцу. Тот улыбнулся в ответ:

— Вообще-то это я должен спросить. В конце концов, это ты сюда вломился без спросу. И, замечу, создал немало проблем!

— Простите, — Миша опустил глаза. Он не знал, как себя вести и чего ждать, голова гудела — может, из-за лекарств в капельнице? Дружелюбие незнакомца смущало и сбивало с толку. — Меня зовут Миша. Мне очень нужно было сюда попасть.

— Зачем? — незнакомец подался вперед, его глаза лихорадочно заблестели. Увидев, что Миша напрягся, он расплылся в понимающей улыбке. — Знаю, тебе не с чего мне

доверять, ты ничего обо мне не знаешь. Но когда мы познакомимся поближе, уверен, тебе будет со мной проще. Меня зовут Илья Анатольевич! Дятлов Илья Анатольевич. Я — создатель портала, через который ты пришел сюда.

— Как вам это удалось? — спросил Миша, и тут же добавил: — И почему вы открыли портал именно в этот мир?

— Об этом я расскажу тебе позже, — Дятлов откинулся назад и поправил воротник своей рубашки цвета хаки. — Но сперва ты ответишь на мои вопросы. Это, можно так выразиться, цена за твое ночное спасение. Мне кажется, ты знаешь об этом мире больше, чем мы все. Если ты, конечно, не фанатик, который решил, что нашел портал в ад!

— Я не фанатик, — Миша невольно улыбнулся. — И это вовсе не ад. Я многое слышал об этом мире, и существ из него уже встречал.

— Серьезно? Как, когда? — ученый распахнул глаза, даже не пытаясь сделать вид, что Мише не удалось его заинтересовать. Неужели люди уже приходили в этот мир? Тогда он вовсе не первопроходец!

— Однажды они пришли в наш город. — Миша задумчиво прищурился. — Мы жили бок о бок с ними несколько лет, сражались, дружили, приручали их.

— Но... — Дятлов явно был озадачен, он снял очки и до побелевшей кожи сжал свою переносицу. — Я ничего об этом не знаю! Никто ничего не слышал!

— Потому что в нашем мире этого и не было! — Миша чуть не рассмеялся, глядя, как ученый тщетно пытается его понять. — Это как сон. Только то, что нам снилось, было на самом деле. И многие все забыли, проснувшись.

Дятлов замер, глядя на сидящего перед ним человека. «Это шутка? Или бред сумасшедшего?»

Лицо ученого, лишившись своей широкой, радостной улыбки, теперь смотрелось еще более бледным и заостренным. Было в его чертах что-то... неправильное, несмотря на общий приятный, интеллигентный вид. Что-то, скрытое глубоко внутри.

Но Миша решил не вглядываться. Он спокойно посмотрел в серые глаза Дятлова:

— Давайте договоримся так. Я охотно расскажу все, что знаю. Я жил рядом с этими существами, общался с ними, знаю про них почти что все! Но взамен...

— Что ты хочешь? — Дятлова била дрожь. «Вот оно! Вот оно, мое великое открытие!»

— Я хочу, — решительно сказал Миша, — чтобы после всего вы не выкинули меня обратно в наш мир. Чтобы вы дали мне припасы, оружие, квадроцикл — все, что нужно, чтобы выжить в пустыне. И отпустили меня!

Дятлов медленно наклонил голову, еще больше побледнев. Его глаза потухли, губы приоткрылись. В такие моменты, сильно задумавшись, он мог увидеть другие миры, они и сейчас крутились где-то на краю поля зрения, просили обратить на себя внимание. Но в этот момент ученого интересовал только один мир. Один человек.

И его странная просьба.

— Ты получишь всё, о чем попросил, — сказал наконец Дятлов. — А взамен расскажешь мне, что знаешь об этом мире.

Глава 9. Кому я могу доверять

Миша никогда не умел врать. С детства ему проще было сразу сказать правду, даже если за ней гарантированно следовало тяжелое наказание, и только в одном случае мужчина был вынужден постоянно лгать — когда представлял Аню другим людям. Но даже тогда, разговаривая с другими бойцами Сопrotивления, Миша все время ловил себя на желании посреди безобидной фразы вдруг вставить слова «А я женат на Пьющей Плоти». И будь, что будет, зато правда прозвучит, сняв с сердца тяжесть долгой лжи...

Теперь ему вновь приходилось обманывать и недоговаривать.

Миша понимал, почему умалчивает об Ане — конечно, незнакомые люди не поймут его любовь к странному и даже отвратительному для них существу. Но мужчина так и не смог заставить себя рассказать о походе своего отряда к логову темного бога. Многие о том путешествии он не помнил, а все остальное всплывало в памяти разрозненными сценами, похожими на полузабытый сон, увиденный в период тяжелой болезни и дурманящего жара.

К тому же, Миша не был уверен, что это стоит рассказывать Дятлову. Еще во время первого их разговора он заметил нечто, блеснувшее в глазах ученого, странный голод, какого не бывает у обычного человека. Что-то подобное Миша видел в глазах Мастера Кристаллов, но таких не похожих друг на друга людей еще стоило поискать!

Умный старик, один из глав Сопrotивления, жаждал знания и был открыт всему — но никогда не пытался силой вырвать желаемое у мира. Он был готов принять все новое, но только если другой захочет этим поделиться. Это к нему можно было привести любое дружественное существо с улицы, и после долгих разговоров, записей, зарисовок, Мастер Кристаллов всегда допускал новичка в Сопrotивление и находил для него безопасное место. Старик был добр ко всем — и мир до самого конца отвечал ему взаимностью.

А голод Дятлова наводил на мысли о том, на что на самом деле способен этот человек. В его глазах была одержимость, широко распахнутая голодная пасть пряталась под маской спокойствия и дружелюбия. Кого-то еще это могло бы обмануть — но Миша откуда-то знал, что Дятлову нельзя доверять.

Возможно, долгое общение с Аней и Ваней наделило бойца зачатками телепатии. И теперь, широко улыбаясь и благодаря Дятлова за помощь, он уже знал, что в ближайшие дни, нарушив обещания, сбежит обратно в пустыню.

— ...Скорее одиночки, но если еды мало или ее можно добыть только охотой, то собираются в стаи. — Миша отпил воды, переводя дух, посмотрел на горизонт, на два внедорожника,двигающихся в сторону лагеря после вечерней разведки. За машинами стелился шлейф поднятой пыли, освещенный заходящим солнцем. Холодало, и мужчина прятал руки в рукавах выданной ему армейской куртки.

Миша посмотрел на сидящего в соседнем кресле Дятлова, спустя несколько часов рассказа настоящего на том, чтобы они вышли из осточертевшей палатки на свежий воздух.

Теперь мужчины сидели на высоком холме, куда военные перенесли два кресла, низенький столик и большой белый зонтик, защищающий собеседников от солнца и выглядящий неуместно-легкомысленно посреди враждебной пустыни.

Отсюда был виден весь лагерь исследователей: ряды грузовиков и машин, несколько палаток, гудящие генераторы и кубы сейчас выключенного портала, вокруг которых ходили и что-то настраивали ученые. Военные перетаскивали в палатки бочки с топливом и оборудование, собирая все на ночное хранение.

— Падальщики приходят на запах чего-то разлагающегося, — продолжил Миша. — Поэтому нужно все время следить за свежестью запасов, а трупы людей и убитых существ — сразу сжигать.

Дятлов, слушающий речь бойца, медленно кивнул:

— С ними мы часто сталкиваемся. Они ходят вдоль реки, роются в иле. К нам тоже пытаются прорваться... — ученый придвинул поближе лежащий на металлическом столике диктофон и вопросительно посмотрел на Мишу. — Как вы справлялись с ними? Есть ли какой-нибудь универсальный способ?

Боец покачал головой, потом вспомнил, что Дятлов решил записывать его голос на диктофон для дальнейшего обдумывания, и сказал вслух:

— Убить их просто, не сложнее, чем любое другое животное. Особенно если их немного. Можно использовать гниющие приманки, делать ловушки, можно стрелять — лучше в голову! — из ружья или автомата. Главное — не подпускать их к себе близко, они сильные, но, к счастью, трусливые. Их легко отогнать, и потом они уже не сунутся.

— К нам суются, — пробормотал Дятлов, откинувшись на спинку кресла. Миша посмотрел вниз, на лагерь. Ученые уже ушли в один из грузовиков, чтобы провести какие-то опыты, а военные подгоняли машины к границе лагеря, готовясь отразить ночное нападение тварей.

Миша задумчиво потрогал покрытый колючей щетиной подбородок. Ему совсем не нравилось то, что существа этого мира так согласованно нападают на человеческое поселение. Это было как-то... неправильно.

Миша помнил, что раньше даже враждебные Пьющие Плоть не решались атаковать Соппротивление в лоб, предпочитая прокрасться втайне, притворившись людьми. А тут, если верить рассказам Дятлова, людей в лоб атакуют падальщики, Карлы и Пожиратели! Чего они хотят?

...Или что такое плохое сделал им Дятлов?

— Так, ладно, — ученый решительно пролистнул записи в своем блокноте. Блокнот был дорогим, с тисненой кожаной обложкой, и Дятлов вел его очень аккуратно, вклеивая в нужных местах нежно-зеленые стикеры с пометками и зарисовками. — Поговорим о девятих особях. Вот как они выглядят. Узнаешь?

Миша сощурился, узнав талантливо набросанный на цветной вклейке силуэт. «Ох, об этом лучше бы промолчать...» Он покосился на подавшегося вперед ученого и решил не рисковать. Если Дятлов поймет, что его обманывают...

— Пьющий Плоть. Стайные существа, могут маскироваться под камни, обломки кристаллов... людей. Очень умны, при желании могут выучить наш язык. Убить их сложно, очень, к тому же за любого убитого будет мстить вся стая. Лучше обходить стороной.

Дятлов сдвинул очки на нос и вопросительно приподнял брови:

— Но вы же принимали их в свое... Соппротивление? Совсем опасных тварей вы не стали бы селить рядом с собой. Тех же Пожирателей...

— Это другое, — Миша мотнул головой, снова отпил воды, пытаясь утолить жажду, так и не отпуская его с момента пробуждения. — Пьющие Плоть опасны, но разумны. Они, как и люди, поняли, что проще объединиться для общего выживания, чем тратить силы на войну. Некоторые из них отказались встать на нашу сторону, напали, прокравшись в наши дома, атаковали даже сородичей, если те были за нас! Мы справились с ними, но это нам дорого далось. А здесь, в своем мире... — Миша обвел рукой затухающий горизонт, серьезно посмотрел в глаза Дятлова. — Они будут биться до последнего, и на переговоры с чужаками не пойдут. Вы не справитесь с ними, если будете воевать!

— Ну, мы все же люди, — Дятлов прикрыл глаза, его бледные губы сложились в еще более странную улыбку. — Мы покорили целый мир, хоть и пришли в него голыми

обезьянами, способными только обточить камень. На нашей стороне технологии. Думаю, мы справимся и с этими... девятыми особями.

Миша крепче сжал полупустую бутылку. «Вот же упрямец!»

— Почему, — произнес он, сдерживая злость, — ты так хочешь конфликта? С этим миром не обязательно воевать. Отнесись к нему с уважением, и тогда, быть может...

— С чего мне уважать его? — Дятлов издал странный тонкий смешок. — Я ведь не для этого пришел сюда, Миша. Не для этого столько лет использовал свой дар! — Ученый поймал на себе удивленный взгляд и широко ухмыльнулся. — Помню, я обещал тебе рассказать, как сумел открыть сюда портал. Так что слушай! У меня с детства был особый дар. Стоило мне заснуть, как я будто наяву видел чужие миры. Странные миры, порой пугающие, как и этот...

Дятлов замолчал, запрокинул голову и прикрыл глаза. Миша терпеливо ждал, когда он продолжит. «Особый дар... как у Вани? Но нет, этот человек совсем другой».

— Люди не понимают тех, кто отличается от них, — продолжил ученый. — Таких они считают безумцами, и даже ребенка, если он настаивает на том, что его выдумки — реальны, рано или поздно отправляют... лечиться. Когда я вышел из больницы, мне пришлось быть скрытным, и только украдкой заглядывать в другие миры. Я хотел доказать всем, что они существуют на самом деле. И я доказал это! — Дятлов победно улыбнулся, потом его улыбка померкла. — Но то, что я увидел за это время, меня никак не отпускает, Миша.

Ученый поднялся и стал взволнованно шагать из стороны в сторону, то и дело поправляя очки и нервно трогая волосы.

— Сколько чудес, недоступных людям, скрываются в чужих мирах? Я не могу летать, а в другом мире прямо сейчас кто-то взмывает в небо. Не могу прочесть мысли того, кто мне нравился — а где-то можно коснуться разума другого, как будто рукой! Я видел бессмертных, видел волшебников, способных сдвигать горы одним только жестом! А ничтожная магия, доступная мне, привела на больничную койку, и мне никто, никто не поверил! — Дятлов остановился, тяжело дыша и глядя на оцепеневшего Мишу. С усилием натянул на лицо нормальное выражение, пытаясь взять себя в руки, непринужденно пожал плечами: — Так что я долгие годы изучал чужие миры, искал способ попасть туда. Но мне мало просто доказать правоту — я хочу получить что-то, недоступное людям прежде! Изменить всю эволюцию человечества!

— Если ты без спросу возьмешь что-то из этого мира, это будет воровством, — возразил Миша. — Или того хуже, если ты заберешь это силой! Если ты хочешь изменить судьбу нашего мира, не надо грабить другой мир. Местные существа поймут твои желания и помогут, если ты не будешь...

— Я не хочу годами заниматься дипломатией, Миша, — усмехнулся Дятлов. — Не хочу пресмыкаться перед этими отсталыми особями, лишь бы не ранить чувства... кого, кстати? Падальщиков? Или Пожирателей? Какое мне дело до чувств животных?

— Черт возьми! — медленно произнес Миша, и его голос задрожал от злости. — Мы столько лет жили бок о бок с этими «животными»! Проливали кровь, укрепляли жилища, делились последней едой друг с другом! И мы выжили благодаря этому, и все ради чего? Чтобы однажды привести в этот мир такого...

«Падальщика».

— ...Человека, как ты. Ты завидуешь тем, кого увидел в других мирах? Но то, что тебе показали чудо, не дает тебе право его присвоить. Ты видишь этот мир своей добычей, но он сам может сожрать тебя! Я должен предостеречь тебя, даже если ты не захочешь меня услышать... — закончил Миша еле слышно, уже жалея о своих словах.

Но Дятлов, похоже, только обрадовался невольной вспышке Миши. Он шагнул к бойцу и неожиданно взял его за руку, с широкой улыбкой встряхнул ее:

— Вот видишь, мы уже спорим! Это отлично! В спорах рождается истина... и, возможно, хорошая дружба, — серые глаза ученого весело блестели. Миша ненавязчиво высвободил свою руку из его холодных пальцев и натянуто улыбнулся:

— Да, так и есть!

«Я должен, должен скорее сбежать отсюда!..»

Дятлов вдруг вскинул голову и прислушался. От лагеря доносились крики и рев моторов, кто-то выстрелил в воздух, привлекая внимание других. Затем включилась надрывная сирена, впилась в уши, привыкшие к тишине пустыни.

— Слышишь? — он посмотрел на Мишу и кивнул в сторону лагеря. — Твои союзники снова решили напасть на нас! Спускаемся вниз, скорее!

Солдат зарядил ружье и тщательно прицелился. На вершине холма, он видел, в ночи мелькали темные сгорбленные силуэты, рыли песок длинными лапами, перекрикивались, трусливо мельтеша и не решаясь напасть. Солдат прижался щекой к прикладу ружья, выдохнул. Выстрел! Одна из тварей с визгом покатила по склону холма, поднимая песок и пыль в воздух. Сразу, не давая монстрам опомниться, новый выстрел — но другое существо отпрыгнуло в сторону припало к земле и зашипело.

Словно по сигналу, твари бросились в атаку. Если до этого они терпеливо сносили редкие выстрелы, призванные отпугнуть мелких существ, то теперь уворачивались, бросались из стороны в сторону, перепрыгивая друг через друга с потрясающей грацией и неумолимо приближаясь к защитным ограждениям, за которыми прятались стрелки.

Солдат упал на колени и поспешно перезарядил ружье, вскочил — и тут же вскрикнул, увидев в полуметре ощеренную пасть перелезающего через баррикаду падальщика. Замахнулся, пытаясь ударить тварь прикладом. Та извернулась, отдергивая морду, скатилась на землю и прыгнула вперед, махнула лапой. Солдат взвыл, когда когти резанули его ногу сквозь плотные армейские штаны, упал. Сзади что-то зашипело — другая тварь была совсем близко!

Выстрел прозвучал как будто издалека, с другого конца баррикады. Но первое существо завизжало и покатило по песку, царапая развороченный бок. Вторая тварь зарычала и бросилась куда-то в сторону, ей вслед сухо затарахтел пулемет.

— Вставай! — солдата дернули за ворот куртки, заставляя подняться на подкашивающиеся ноги. — Уходи в лагерь! Сейчас пойдут громилы!

Не разглядев, кто именно из отряда помог ему, солдат послушно поковылял в сторону палаток. Где-то позади прогремел взрыв, вслед ему, вызывая дрожь и мурашки вдоль спины, раздался низкий, долгий рев. Что-то загрохотало — огромная тварь пошла на таран, переворачивая баррикаду и вбивая кричащих людей в песок. Мимо бежали новые бойцы, сжимающие в руках автоматы, они не обращали внимания на раненого, а он старался не мешаться.

«Черт возьми, зачем я согласился на все это!»

До следующего ограждения — выстроенных в ряд внедорожников — осталось меньше сотни метров, когда вторую ногу солдата вдруг пронзила новая боль, тут же сменившаяся онемением. Парень закричал, падая, и через силу сумел лягнуть вцепившуюся ему в лодыжку тварь — мелкое, не больше пятилетнего ребенка, существо. Оно зашипело, огромные черные глаза вспыхнули зеленым, отражая огонь, горящий на дальних баррикадах.

Солдат дернулся и понял, что едва может пошевелиться. «Это яд!»

— Кто-нибудь... помогите, — солдат сам не узнал своего голоса, таким слабым он был.

Тварь оскалила мелкие зубы и когтями вспорола его глотку.

Ночь, освещенная четырьмя лунами на небе, трещала выстрелами и вспыхивала взрывами гранат, которыми люди пытались отогнать Пожирателей. Стало уже совсем холодно, изо рта вырывались облачка пара, а металлическая крыша кузова фургона неприятно холодила тело даже сквозь теплую одежду.

Но боец не собирался уходить, не увидев всё.

— Видишь, что творится? — стоящий рядом Дятлов тонко улыбнулся, глядя, как Миша следит за ходом боя через выданный ему бинокль. Боец только дернул плечом — ему было не до разговоров с ученым.

— Они действуют как единое целое, — произнес он еле слышно, скорее про себя. Но Дятлов принял это за вопрос, радостно переглянувшись со стоящими внизу военными:

— Да-да! Громилы, как их называли наши ребята, еще и в конце уносят все трупы. Как нарочно, чтобы мы их не изучали!

— Это ненормально. Пожиратели не охотятся стаями, не объединяются с падальщиками! И едят на месте, никогда не унося добычу! — Миша ничего не понимал, его потряхивало от злости и недоумения. Еще живы были вернувшиеся воспоминания о схватках с тварями — теми самыми, что сейчас действовали так странно. Он уже видел нечто подобное у логова темного бога, но сейчас не мог поделиться догадками с Дятловым, ведь Миша так и не рассказал ему о том походе. И не расскажет! Только не ему!

— В эту ночь мы многих потеряем, — озабоченно сказал Дятлов, поправляя очки. Его не волновали человеческие жизни, но финансирование подходило к своему пределу. Скоро с него начнут спрашивать о результатах, и что он ответит? Впрочем, результатов для отчетности добыто вполне достаточно. Результатов, которые Миша точно не одобрит...

— Ладно, я увидел достаточно! — боец отложил бинокль и поднялся на ноги, потянулся, напряженно вглядываясь в сторону баррикад и схватки на них. Дятлов согласно кивнул:

— Да, пора бы нам отдохнуть! Пойдем ко мне в фургончик, погреемся... Может, выпьем или покурим чего, — ученый, спуская с высокого кузова по небольшой лесенке, заговорщически подмигнул, и Мишу передернуло от мысли, что этот человек набивается к нему в друзья.

— Хорошо... — неожиданно кузов трянуло, и Миша раскинул руки, пытаясь удержать равновесие. Дятлов так и вовсе упал на землю, где теперь копошился, бормотал что-то в рацию, пока подбежавшие солдаты помогали ему встать. Миша, подойдя к краю шатающегося кузова, услышал:

— ...Да, опять. Скорее, а то он все там ломает!

— Кто ломает, Илья? — очень спокойно спросил Миша. Дятлов выключил рацию и дернул плечом:

— Не важно.

— Кто там, внутри? — Боец уже почти кричал. Он начал понимать... — Кого эти существа пытаются вызволить?!

— Спокойно, Миша, — ученый поднял на него глаза и обезоруживающе улыбнулся. — Не кричи, сейчас мы со всем разберемся...

Не слушая его слова, Миша уже спрыгнул с фургона, перекатившись по земле, чтобы погасить удар, подбежал ближе и рванул двери кузова.

— А ну открой! Или я заставлю тебя это сделать! — прорычал боец, развернувшись. Дятлов смотрел на него, широко улыбаясь, и в его очках мелькали отблески пламени с баррикад.

— Не беспокойся, Миша. Я тебе все покажу, — не прекращая улыбаться, сказал ученый и кивнул кому-то за его спиной.

Боец хотел развернуться, но не успел и дернуться — стоящий за его спиной солдат выхватил пистолет и нанес несколько точных ударов по затылку Миши. Мужчина как подкошенный упал на землю, военный протер обагрившуюся кровью рукоять пистолета и вопросительно посмотрел на Дятлова.

Но тот глядел только на Мишу, и в его глазах плясало безумие.

Глава 10. Чужая боль

За всю жизнь Мише доводилось просыпаться по-разному. В родном доме, от запаха яичницы с беконом, которую мама всегда готовила для детей перед школой. На полу в чужой квартире после пьянки в клубе, лежа в собственной рвоте. Рядом с Аней, просыпаясь от того, что она во сне с нечеловеческой силой обнимает мужа, как будто боясь, что он вдруг исчезнет...

И раз за разом Миша приходилось открывать глаза после схватки, еще не зная, закончилась ли она — или враг как раз приготовился вонзить в него когти? Вот и сейчас, медленно выплывая из забытья и еще толком не вспомнив все произошедшее, он уже подозревал, что последняя схватка окончилась не в его пользу. В затылке поселилась ноющая боль, руки — он слегка напряг мышцы — были связаны за спиной и, кажется, привязаны к спинке стула.

Он был в плену?

Память неохотно выдавала ошметки воспоминаний. Путешествие сквозь пустыню, оскал Пожирателя, длинная черная тварь из реки, ее стылый хищный взгляд... Последнее воспоминание повлекло за собой другие, о человеке с точно таким же взглядом — и том, что этот человек натворил.

«Дятлов! Я в плену у Дятлова!»

Миша раскрыл глаза и сплюнул скопившуюся во рту вязкую кислую слюну. С трудом поднял гудящую голову и осмотрелся, не обращая внимания на цветные вспышки перед глазами — последствия удара по голове.

Вокруг было очень темно, не получалось разглядеть даже очертания предметов. Мужчина закрыл глаза и понял, что ничего не изменилось. Принюхался. Сильно пахло лекарствами, кровью и мускусом.

Миша слишком резко двинул головой и застонал от вновь нахлынувшей боли, и в ответ неподалеку что-то зашуршало и заскрипело. Запах мускуса стал сильнее, и мужчина вжался в спинку стула, услышав шумное дыхание невидимого в темноте зверя.

«Здесь кто-то есть! Кто-то из тварей. Неужели я в том фургоне?..»

Кто бы ни скрывался в темноте, он пока не добрался до Миши, хотя звуки — шелест кожи, скрип когтей по полу, неприятное причмокивание и странный металлический лязг — переместились ближе. Сделав пару шагов и протянув руку, мужчина наверняка смог бы коснуться зверя, или зверь смог бы вцепиться в горло беззащитного сейчас человека.

Миша старался дышать ровно и не паниковать. «Что я могу сейчас сделать? Я связан. Рядом эта тварь. Неужели Дятлов решил скормить меня ей? Нет, быть не может. Ему нужно то, что я знаю. Он наверняка понял, что я что-то утаиваю, и придет, чтобы это из меня вытрясти...» От мысли о том, как может пойти новый разговор с ученым, Мишу бросило в холод. Скрывающееся в темноте существо показалось куда менее пугающим.

— Эй, — сказал мужчина, непонятно, на что надеясь. — Мы с тобой не враги. Я обязательно придумаю, как нам сбежать!

Шуршащая тварь затихла, продолжая странно причмокивать. Миша затаил дыхание, думая, вдруг это создание разумно? Вдруг оно ответит? Но существо внезапно прекратило чавкать, и по всему темному помещению прокатился его громкий, отчаянный крик.

Если бы у Миши были свободны руки, он зажал бы уши, но его хватило только на то, чтобы крепко зажмуриться, до крови прикусив губу. В замкнутом объеме контейнера крик и вой твари, казалось, заполнили все пространство, ввинчиваясь в мозг, передавая в него всю боль и страх, который испытывало плененное существо.

Внезапно ему ответили! Позади Миши, где, он думал раньше, была стенка контейнера, раздался низкий рык, горячий зловонный воздух из огромной пасти зашевелил волосы на затылке человека. Пожиратель! Всего в метре от него!

Паникуя и почти не соображая, что делает, Миша изо всех сил дернулся, пытаясь высвободиться из связывающих его веревок, но только покачнувшись на стуле — и вместе с ним медленно завалился набок. Пол ударил его в висок, и боль в голове стала невыносимой. Миша не выдержал и тоже закричал, вкладывая в это всю свою беспомощность перед тем, что скрывалось в темноте — и теми, кто здесь его запер.

Вокруг бился о стены крик существа, позади вторил ему, тихо рыча, так и не сдвинувшийся с места Пожиратель, и где-то там, за ними всеми, тихо плакала невидимая женщина.

...Когда двери кузова с грохотом раскрылись, Миша все так же лежал на боку и только заморгал, когда скользнувший по полу свет упал на его лицо. Привыкшие к темноте глаза сразу заслезились, и он не смог разглядеть, кто именно грубо схватил его за майку и поднял с пола. Ножки стула громко скрипнули по металлу контейнера, и тварь, что кричала в темноте, заверещала, словно передразнивая этот звук.

Солдат, поднявший Мишу, похлопал его по щекам:

— Ну что, живой? — мужчина сфокусировал взгляд на молодом лице солдата и неприязненно сощурился. — Ага, ясно. Заходите, — крикнул солдат, отвернувшись к выходу. — Он очухался!

Из-за дверей донеслись приближающиеся голоса, но Миша не смотрел в ту сторону. Его больше занимало то, что до этого не удавалось разглядеть из-за темноты.

Длинный кузов грузовика был заполнен клетками, в одной из которых, почти что в самом конце, и находился привязанный к стулу Миша. За ним стояла самая большая клетка, ее прутья были толщиной с человеческую руку, но и они не должны были сдерживать Пожирателя. Хотя, скорее всего, этот монстр был еще детенышем — в полтора раза меньше взрослого, с еще короткими рогами, наполовину покрытыми кожаными кожухом, который полностью счищается только во время первых боев за самку. Сейчас монстр сидел на полу клетки, совсем по-человечески взявшись громадными ладонями за ее прутья и тяжело дыша двумя распахнутыми пальцами.

Следующая клетка — та, напротив которой сидел Миша — была почти пустой, в ней стоял лишь столик с медицинскими инструментами, а тряпки, которыми был застелен пол, пропитались застарелой кровью. Этот запах явно волновал заточенного в следующей клетке падальщика. Он вновь отчаянно закричал и принялся с причмокиванием грызть и сосать один из прутьев своей клетки, царапая пол до мяса обломанными когтями. Глаза твари были совершенно пустыми — падальщик уже впал в транс от голода.

А в двух других клетках...

Рассмотрев все, Миша задохнулся от злости. «Дятлов, какая же ты тварь! Ненавижу!»

— Миша, ты проснулся! — раздался смеющийся голос, и давешний солдат, протянув руку, помог Дятлову запрыгнуть в фургон. Вслед за ученым поднялись еще двое военных, у одного из них было неприятно угловатое лицо, а у другого — короткая густая борода, которая наверняка была его гордостью, раз он находил время ухаживать за нею даже в пустыне. — Как я рад, что ты снова с нами!

— Я не с вами, — Миша нашел в себе силы холодно улыбнуться, глядя в глаза приближающемуся Дятлову, за которым шли трое военных. Молодой солдат замедлился у предпоследней клетки, задумчиво рассматривая того, кто там сидел, а остальные остановились рядом с Мишей вместе с ученым. — И уже никогда не буду.

— Ну что же ты! — Дятлов огорченно покачал головой, но его глаза все еще весело блестели. — Ведь у нас все так хорошо начиналось! Я и подумать не мог, что знакомство вот с этим, — он театрально обвел руками содержимое контейнера, — положит конец нашей прекрасной дружбе!

— Просто он гринписовец, — фыркнул бородач, и остальные военные заулыбались. Дятлов же внимательно смотрел на Мишу, его лицо было еще более бледным, чем обычно, а глаза нездорово блестели.

«Ты больной человек», — подумал боец и стиснул зубы. — «Но это тебя не оправдывает!»

— Скажи что-нибудь, Миша, — мягко сказал Дятлов, опускаясь на корточки рядом с пленником. — Поговори со мной, и тогда, может быть, мы снова станем друзьями, а я сдержу свое слово и отпущу тебя в пустыню.

— Я не веду переговоров с живодерами, — резко ответил Миша.

Дятлов очень медленно поднял руку и снял очки, другой рукой сжал переносицу и нахмурился:

— Выбирая, на чью сторону встать, ты выбираешь тварей? — ученый удивленно качнул головой. — Не других людей, которые сражаются и умирают в этой пустыне, не знания, которые принесут пользу всему человечеству? Тогда ты мой враг, Михаил!

Дятлов выпрямился и посмотрел на пленника уже совсем другим взглядом — холодным, оценивающим. Так он, наверное, смотрел на заточенного в клетке падальщика перед тем, как начать ставить на нем опыты и морить голодом.

— Возьмите это, — Дятлов протянул солдату с угловатым лицом диктофон. — Запишите все, что он расскажет. Я знаю, он утаил от нас что-то о девярых особях. Почему они так слаженно охотятся, хотя могут при этом вообще не использовать речь? Почему чувствуют раны друг друга? — ученый улыбнулся Мише и кивнул в сторону последних двух клеток: — Я это выяснил экспериментально.

Миша невольно посмотрел в ту же сторону и сморщился, как от боли. То, что он видел там, заставляло сердце сжиматься от чувства невольной вины и беспомощной, всепоглощающей злости.

В одной клетке сидела Пьющая Плоть. Ее рога, ее когти — все носило следы ее попыток вырваться из плена, все было обломано и сочилось кровью. Израненная, изможденная, одной рукой она обхватывала ободранные колени, а второй держалась за прут соседней клетки.

Клетки, где лежал другой Пьющий Плоть. То, что от него осталось.

Кем они приходились друг другу — любимыми, братом и сестрой, отцом и дочкой? Что испытывала девушка, когда ее близкого резали на части? Билась о прутья клетки, пока не обломила оба рога, пока оставались силы пошевелиться, и пока целые кости еще были в ее теле...

Дятлов сдвинул клетки так близко — что он хочет проверить? Съест ли девушка труп того, кого любила, если ее достаточно долго морить голодом?

«Ненавижу! Ненавижу!»

Миша перевел взгляд на Дятлова и по-звериному оскалился:

— Твою мать, они не животные, чтобы ставить на них опыты! Они разумны, как люди!

— Да-да-да, — со скучающим видом сказал ученый. — Они опасные, они разумные, они совсем как мы. Я это уже слышал! Но ты не думал, Миша, — Дятлов вдруг заинтересованно подался вперед, глядя пленнику в глаза, — что в этом вашем Сопропротивлении они просто мимикрировали? Притворялись людьми, имитировали человеческие поступки и эмоции, чтобы вы воспринимали их как странных собратьев? На Земле есть пауки, которые притворяются муравьями, чтобы жить и кормиться в муравейнике. Мне кажется, это тот

самый случай! А, впрочем, — Дятлов поморщился, — перед кем я распинаюсь. Ты же их обожаешь. Будь твоя воля, ты бы с ними спал.

Ученный вновь перевел взгляд на терпеливо ждущего солдата:

— Теперь он весь ваш. Постарайтесь не убить, мне может понадобиться контрольный опыт с его участием. А ты, Миша, — Дятлов вновь наклонился, и пленник почувствовал на своем лице его возбужденное дыхание, — постарайся не заскучать!

Когда Дятлов ушел, пленник наконец-то смог думать ясно, без застилающей разум ярости. Впрочем, следующие долгие часы ему уже не приходилось много раздумывать.

Все мысли занимала боль.

— ...Ну я ей и говорю: «Когда я вернусь, у меня будет столько денег, что ты пожалеешь, что предпочла мне этого своего студентика!», — солдат с угловатым лицом бросил на столик с инструментами полотенце, которым вытирал с пальцев подсохшую кровь. Бородач, натягивая куртку на вспотевшее тело, поднял брови:

— Ты думаешь, она тебе еще будет интересна? Как вернемся, ты можешь найти себе кого-нибудь получше!

— Да, или привезти себе кого-нибудь получше, — хохотнул самый молодой солдат, вновь вставший у клетки с Пьющей Плоть и без стеснения разглядывающий ее обнаженное тело. — На личико местные девки так себе, а вот фигурка что надо!..

Словно поняв его слова, девушка, замершая в углу своей клетки, вдруг с рычанием бросилась вперед, пытаясь достать человека остатками когтей. Тот отшатнулся, ударившись о двери кузова и с ругательствами вывалившись наружу. Двое других солдат переглянулись и расхохотались, а Пьющая Плоть, продолжая рычать, вцепилась в прутья клетки и несколько раз их рванула. Безуспешно. Девушка попятилась и вновь села в углу клетки, обхватив колени руками и завесив лицо грязными, слипшимися волосами.

— Ладно, пойдем за этим героем-любовником! — отсмеявшись, сказал бородач. Подойдя к дверям, он чертыхнулся: — Ну вот, створка перекосилась! Эй, сам завтра чинить будешь!

— Еще чего!.. — донеслось из-за захлопывающихся дверей. И наступила тишина. В кузове вновь было темно, только теперь в щель между створками запертых дверей проникал алый закатный свет.

Миша приоткрыл один заплывший глаз и выплюнул себе на грудь кровавый сгусток.

«В боевиках это смотрелось мужественно...»

Застонав, пленник выпрямился и тряхнул головой, пытаясь прийти в себя, не потеряв сознание.

«Завтра они продолжат. Надо думать, как сбежать, надо думать...»

Голодный падальщик, чующий свежую кровь, снова завыл и заскреб когтями по полу за прутьями клетки.

— Жаткнишь! — выдавил из себя Миша и снова сплюнул кровью. Зубы немилосердно болели, их рвали под бесконечные шутки бородача о стоматологах, но вырвали только несколько задних. Пока.

Дышать было тяжело из-за сломанных ребер, но Миша старался насытить усталый мозг кислородом, придумать план, хоть что-то! Вон, створки приоткрыты, если до них добраться, можно выбраться наружу. Но веревки, но запертая клетка...

Миша повесил голову, уткнувшись покрытым засохшей кровью подбородком в грудь. «Наверное, это конец... Я не сумею сбежать, и завтра меня снова будут пытаться. А когда я расколуюсь — а я расколуюсь, я уже сегодня был близок! — меня отдадут Дятлову. Лучше уж умереть под пытками...»

Сквозь шум в ушах он слышал раздающиеся вдалеке выстрелы. «Твари пошли на штурм... Вот бы они добрались сюда. Меня они сожрут, а это все равно лучше, чем... чем...» Мысли путались, Миша уже почти провалился в сон, когда двери фургона тихо заскрипели.

Открыв глаза, пленник увидел, как что-то заслоняет свет, пробивающийся сквозь приоткрытые створки. Чем бы это ни было, оно сопело и пыталось протиснуться в щель, скребло когтями по металлу, проталкивая внутрь хотя бы голову! Блеснул черный глаз, оскаленный рот, полный мелких острых зубов.

Миша задохнулся от осознания. Карла! Маленький, слабый монстр, знакомый бойцу еще со времен, когда никакого Сопrotивления не было! Ядовитое создание, разумное и подлое. Карлы были одним из немногих видов, охотно идущих на контакт с людьми — но, в отличие от Пьющих Плоть, принимающих людей в свою стаю и оберегающих их, как родных, Карлы всегда были одиночками. Стоило им проголодаться, испугаться, разозлиться, и они убивали союзников, не раздумывая и минуты!

Способ охоты этих тварей тоже был ужасен. Малейший порез — и по телу распространялось болезненное онемение, позволяющее Карле лакомиться плотью еще живой добычи.

«Я хотел умереть. Но ради всего святого, только не так!»

Миша задержался в путах, в то время как Карла уже сумел просунуть голову между створками и теперь, грациозно переступая на руках, как цирковой гимнаст, проскальзывал внутрь всем остальным телом. Вот тонкие ноги коснулись пола, и ядовитая тварь бесшумно встала и крадучись двинулась вперед. Она задумчиво обнюхала клетку с мертвым Пьющим Плоть, фыркнула на живую девушку и подошла к клетке, где теперь замер потерявший последнюю надежду Миша.

Глаза твари распахнулись, увидев человека. Из круглой дырки на макушке Карлы потекла густая черная жижa — тело существа начало вырабатывать яд, которым оно смазывало когти. Миша ответил твари как можно более спокойным взглядом.

«Я тебя не боюсь. Я уже умирал от твоего яда. Значит, от судьбы не убежишь...»

По личику Карлы медленно расплзлась хищная улыбка. Без труда проскользнув между прутьями, существо приблизилось к человеку и с наслаждением обнюхало его покрытое кровью лицо. Облизнулось и положило тонкие руки на его колени, постукивая ядовитыми когтями по плотной ткани штанов.

Миша спокойно смотрел в глаза своей смерти и думал об Ане. «Так я и не нашел тебя, милая».

Черные глаза Карлы прищурились, он тихо зашипел, так и не перестав улыбаться. Тонкая рука поднялась и прижала к серым губам указательный палец.

«Тш-ш-ш».

Миша изумленно распахнул глаза, в то время как Карла, подмигнув ему, выскользнул из клетки и двинулся дальше.

Глава 11. Нити судьбы

Миша проводил изумленным взглядом удаляющееся от него существо. «Почему ты не напал на меня?» В голове бойца просто не укладывалось то, что Карла не стал его убивать. Неужели он... признал Мишу одним из своих?

Тем временем Карла подошел к клетке, где сидел Пожиратель, и бесстрашно приблизился к его огромной морде, к двум зубастым рта́м, в которых мог бы поместиться несколько раз. Потом протянул когтистую руку и по-хозяйски похлопал по кожаному носу, словно приветствуя старого друга. Пожиратель всхрипнул и плотнее прижался к сдерживающим его прутьям, раздув ноздри и втягивая в себя запах Карлы.

Миша распахнул заплывшие после побоев глаза, глядя, как мелкое создание копошится у большого навесного замка, запирающего клетку. «Он... хочет взломать замок?!»

Шипя и что-то бурча себе по нос, Карла запустил когти глубоко в дырку на своей голове. От этого жеста у наблюдающего пленника невольно свело зубы — существу ведь наверняка больно! Тем временем Карла, зачерпнув из собственной головы черной ядовитой жидкости, принялся заталкивать ее в замочную скважину, не обращая внимания на шипение и повалившийся от разъедаемого металла пар. Только один раз существо обернулось, чтобы тихо шикнуть в сторону нервно хихикающего Миши.

Мужчина только замотал головой, его плечи неудержимо тряслись. Если бы он увидел что-то подобное в исполнении Пьющего Плоть или кого-то из сородичей Гриши, это бы так не удивило, ведь эти существа умны, изобретательны, умеют договариваться друг с другом. Конечно, они придумали бы способ открыть этот замок — хотя бы распоров его когтями! Но Карла... разве это не такой же зверь, как падальщики? Пусть и очень умный...

Видимо, все это время Миша ошибался.

Карла несколько раз сильно дернул замок, повиснув на нем всем весом. Только спустя несколько рывков тот поддался, с обиженным щелчком раскрывшись. Существо очень аккуратно сняло его с клетки и бесшумно положило на пол, потянуло дверцу...

Пожиратель медленно сделал шаг из клетки, опустив на пол огромную мозолистую лапу. Фургон покачнулся от веса огромного существа, и Миша мысленно взмолился, чтобы снаружи этого не заметили. Впрочем, сейчас лагерь штурмуют твари, военным не до этого, а ученые скрылись в палатках и машинах. Где-то там прячется и Дятлов...

В фургоне мгновенно стало тесно, Пожиратель, даже не самый крупный, занял все свободное место между клетками, осторожно между ними протискиваясь. Дышать стало сложно — запах зверя стал еще сильнее, вызывая подсознательное желание забиться в угол и орать от страха и близости огромной твари.

Карла ловко, как обезьяна по дереву, вскарабкался по спине Пожирателя и удобно устроился на его загривке. Нагнулся к скрытому под складками кожи уху и что-то в него зашипел, поглядывая по сторонам. Миша вздрогнул, когда черные глаза Карлы остановились на нем, а Пожиратель, неожиданно взревев, развернулся и склонился над его клеткой.

Огромная лапа с силой ударила по металлическим прутьям, корежа и разрывая их. Мужчина, не выдержав, закричал, выкручивая связанные руки, когда когти мелькнули меньше чем в полуметре от него. Не обращая внимания на испуганного человека, Пожиратель шагнул дальше, к клетке с падальщиком, схватился за ее прутья обеими лапами...

Пока монстр разламывал оставшиеся клетки, выпуская их обитателей, Миша дергался в путях, пытаясь освободиться. Наконец, он вместе со стулом упал на пол и подполз к разорванным прутьям, приподнялся, пытаясь разрезать веревки на руках об острый металлический край...

Над ним вдруг раздалось тихое рычание. Подняв голову, Миша столкнулся взглядом с наклонившейся к нему Пьющей Плоть. Освобожденная девушка нашла в себе силы залечить раны, но ее все еще трясло от пережитых пыток, а в черных глазах горела ненависть к людям. Любого человека, встреченного ею на пути, ждала смерть — страшная и неизбежная.

Фургон сильно трянуло, Мишу подбросило и тут же кинуло обратно на пол, выбив дух — Пожиратель начал ломать двери кузова, прорываясь наружу. Пьющая Плоть снова зарычала, схватила Мишу за горло и выпустила когти на второй руке. За ее спиной предостерегающе зашипел Карла, взвыл падальщик — но девушка уже вонзила когти в веревки, стягивающие запястья Миши.

Вскрикнув, человек упал обратно на пол и с трудом поднял голову, с недоверием заглядывая в лишенное кожи лицо Пьющей Плоть. «Люди лишили тебя любимого! Как ты можешь меня отпустить?»

Девушка вновь склонилась над Мишей, ее клыки блестели у самых распахнутых глаз мужчины. Пьющая Плоть медленно втянула воздух, вдыхая запах человека и пытаясь мысленно проследить незримую нить, связавшего его с кем-то из ее народа. Кто же его так полюбил, что их судьбы навсегда стали одним целым?

Возможно, раньше девушку это бы не остановило, но недавно она потеряла того, с кем была связана такой же нитью...

В последний раз взревев, Пожиратель нанес новый удар по створкам, и они с грохотом выпали наружу, подняв клубы пыли. Мгновенно в проем выпрыгнул визжащий падальщик, вслед за ним вывалился Пожиратель, на спине которого гордо восседал Карла, напоследок оглянувшийся и замахающий руками — скорее, бегите! Пока люди не опомнились!

Пьющая Плоть решительно срезала с Миши последние путы и вздернула его на ноги, грубо вливая в него остатки своей целебной энергии. Мужчина выгнулся до боли в позвоночнике, хватая воздух ртом — все его тело охватил болезненный зуд, с которым расстались кости и заживали раны, оставшиеся после пыток.

Убедившись, что человек крепко стоит на ногах, Пьющая Плоть неприязненно рыкнула и бросилась к выходу из фургона. Она сделала, что смогла, пусть теперь сам справляется!

Вновь сумев вдохнуть, Миша двинулся следом. Спрыгнув на землю и глотнув свежего воздуха, он огляделся, пытаясь понять обстановку вокруг и придумать, что делать дальше.

Закат погас, и только луны горели в небе, глядя на творящуюся на земле бойню. Лагерь был освещен прожекторами, в их ярком свете машины, палатки, бегущие люди отбрасывали длинные, черные тени. Такие же тени тянулись от существ, сбежавших из плена и напавших на солдат с неожиданной стороны. Теперь вокруг раздавались выстрелы, из ближайшей палатки, которую ровнял с землей ревуший Пожиратель, доносились истошные, резко обрывающиеся крики.

Большая часть солдат была на баррикадах, и теперь, когда твари прорывались к ним из лагеря, в их рядах начиналась паника. Ее еще больше усиливала Пьющая Плоть, бросающаяся на бегущих людей, сверкая глазами, и в мгновение отрывающая им головы. Одно из оставшихся на ее пути тел уже жадно пожирал падальщик, он обернулся, заслышав шаги Миши, и зарычал, заслоняя свою добычу — моё, сам съем, ищи себе другое!

Миша послушно обогнул голодную тварь по дуге, двигаясь ближе к центру лагеря. «Надо уходить отсюда! Но мне нужны припасы и оружие».

Пробегающие мимо люди не обращали на Мишу внимания — безоружный окровавленный человек явно был менее важен, чем беснующиеся в лагере твари. Боец отдернул полог нужной ему палатки и вошел внутрь, посторонившись чтобы выпустить оттуда солдата, сжимающего в руках автомат. Глаза военного казались безумными, в них плескался страх. Совсем молодой парнишка, пришедший сюда, надеясь заработать неплохие деньги, встретил в чужом мире только кровь и смерть...

Войдя в палатку, на земле в которой лежали солдатские спальные мешки и их пайки, Миша схватил одну из сумок и принялся набивать ее тем, что нашел: ружье, несколько коробок с патронами, галеты, галеты, вода, вода, вода.

Шестую бутылку он тут же ополовинил, затем плеснул водой в ладони и сполоснул лицо, долго тер руки, вымывая кровь, запекающуюся в лунках от вырванных ногтей. «Теперь мне надо бежать! Но вот только куда?..»

Освещенная прожекторами палатка изнутри превратилась в жутковатый театр теней — по белой ткани бежали неестественно вытянутые фигуры солдат, за ними метнулось что-то стремительное, рогатое — Пьющая Плоть продолжала мстить людям, несмотря на грохочущие ей вслед выстрелы. А вот еще чья-то тень, идет на четвереньках, ступая на длинных, тонких лапах, крутит вытянутой вверх головой, нюхает воздух. Миша чуть слышно сказал:

— Не меня ищешь? — тень тут же вскинула голову и начала приближаться, укорачиваясь и уменьшаясь. Уже у самого входа в палатку она стала не больше пятилетнего ребенка, и внутрь заглянул Карла. Он выжидательно смотрел на стоящего на коленях Мишу, часто моргая и подергивая приплюснутым носом.

— Спасибо, что вытащил меня, — сказал мужчина, невольно поудобнее перехватив ружье — вдруг у Карла свое представление о том, как следует поступать со спасенными людьми?

Карла сощурился и мотнул головой в сторону выхода. Мол, пойдём. Миша озадаченно нахмурился и поднялся:

— Конечно, я уйду. Только вот не знаю, куда... — услышав его слова, Карла расплылся в широкой улыбке и подошел ближе, дернул за грязную штанину. — Ты меня понимаешь? Хочешь куда-то отвести?

Кивок, кивок. Рывок за штанину. Шипение.

— Хорошо, веди меня! Э-эй, куда полез?! — Миша завертелся, пытаясь сбросить со своей спины миглом вскарабкавшегося туда Карла. — Я тебе не лошадь!

Цепко держащийся Карла только скалился в ответ. Он искренне считал людей не очень умными, немногим лучше, чем те же Пожиратели. Впрочем, если хорошенько поработать и заняться воспитанием, то из этого человека может получиться что-то дельное.

Карла помял рукой плечо смирившегося Миши, крадущегося по лагерю, и огорченно покачал головой.

...А вот на еду не годится, слишком жесткий.

Рассветало. Пустыня, замерзшая за ночь, медленно оттаивала, местами сквозь ледяную корку пробивались первые кристаллы, спешащие поймать гранями первые лучи солнца.

Песок, пропитавшийся кровью, был покрыт многочисленными следами — людей, тварей, шин автомобилей, на которых несколько солдат пошли на таран, пытаясь задавить Пожирателей. Монстры остановили эту отчаянную атаку, совместными усилиями перевернув внедорожники и вскрыв их крыши, чтобы добраться до людей. Трупы водителей так и не нашли, твари захватили их с собой, как и тела собратьев.

Илья Дятлов стоял рядом с порталом и думал о том, что его ждет сегодня вечером.

Глядя в сторону развороченного фургона с образцами, ученый раз за разом вздрагивал. Как эти твари вырвались оттуда? Ведь если бы не тот Пожиратель, люди наверняка отбили бы нападение, отделавшись меньшими жертвами! Этим утром экспедиция Дятлова не досчиталась трети своего состава, половина ученых тоже погибла, не успев вылезти из палатки, которую размазал по земле освободившийся монстр.

И Миша...

Дятлов сжал свою переносицу и сморщился. Вот так бездарно потерять ценного информатора! Что стоило перенести его в другое место, не оставлять в фургоне? Но нет, Илья, тебе хотелось его сломить именно там, хотелось, чтобы он видел страдания существ, которых так защищал!

И ведь теперь даже тело Михаила не найти. Твари наверняка забрали его с собой и сожрали...

Ученый вздохнул и затравленно посмотрел через плечо: там военные по частям собирали в мешки тела товарищей, грузили их в машины, чтобы отвезти на родину. Как только они расскажут спонсорам о его провале, весь проект закроют. Следующая экспедиция будет через долгие годы, и едва ли Дятлову вновь позволят в ней участвовать...

«Черт возьми!» — мужчина оскалился, сжав кулаки. — «Я не этого хотел! Я все это делал ради человечества. Как вы не понимаете?! Как смеете забирать это у меня?»

Дятлов подошел к одному из кубов портала и сел на корточки, любовно оглаживая черные, еле заметно вибрирующие грани. «Мое творение...»

Он коснулся известной только ему одной точки на кубе, и тот разделился на две части. Другие ученые, увидев то, что скрывалось внутри таинственного устройства, не поверили бы глазам. Провода, уходящие в него, терялись в сплетении странных, тускло мерцающих нитей, тонких, как паутина. По беспорядочному переплетению тут и там проскакивали синие искры, перебегая с одной нити на другую.

Больше в кубе не было ничего.

Дятлов вздохнул, любуясь механизмом, который увидел в умирающем мире, обитатели которого путешествовали по другим мирам, пытаясь найти себе новый дом, еще не занятый другими разумными существами. Лицо ученого утратило всякое выражение, глаза потемнели, и кровь отлила от побелевших губ. Крепко сжав зубы, мужчина запустил в переплетения нитей руку и изо всех сил рванул. Нити отчаянно заискрились, лопааясь с еле слышным звоном и оставляя на руке человека тонкие, почти невидимые порезы, медленно выпустившие бисеринки крови.

Отбросив клубок нитей в сторону, Дятлов закрыл куб и настороженно осмотрелся: не увидел ли кто-нибудь, что он натворил? Но ни один военный не смотрел в его сторону, а ученые в этот самый момент, собравшись в уцелевшей палатке для совещаний, обсуждали скору отставку Дятлова.

Они еще не знали, что в этот самый момент тонкая ниточка, связывающая их с родным миром, была оборвана безумцем.

Замерзший и только начавший таять песок скрипел под ногами девяти Пожирателей, несущих свою добычу. На их руках висели трупы падальщиков и одного Карлы, изрешеченные пулями, а последний монстр нес трех людей, изодранных когтями, и оставлял за собой дорожку из капель крови — человек был отравлен Карлой, его кровь так и осталась жидкой из-за яда.

Песка под ногами стало меньше, Пожиратели вышли на длинное каменное плато, одно из самых больших в этой стороне пустыни. Посреди плато темнел, оскалившись обломанными краями, глубокий провал, откуда дул холодный, влажный ветер, вдоль краев провала толстым слоем лежали кости — то, что жило в нем, не любило гостей. Но сейчас, при свете дня, оно не охотилось...

Пожиратели остановились, несколько сотен метров не дойдя до провала, и взволнованно топтались на месте, тихо взрыкивая. Монстрам было страшно подойти ближе, но чужая воля, что-то сжимающая в огромных рогатых головах, влекла вперед все сильнее.

Наконец один Пожиратель решил и подошел к провалу, то и дело останавливаясь и принохиваясь. Монстр подрагивал от страха, острые когти от волнения почти разрывали

трупы падальщиков, сжатые в огромных лапах. Теперь существо чувствовало странный сладковатый запах, поднимающийся вверх вместе с влажным воздухом — этот запах означал, что нужно бежать туда, где дует ветер, где есть шанс спастись от страшной смерти. Но чужая воля была сильна. Пожиратель разжал лапы, сбрасывая в провал свою ношу, и тут же попятился, тихо рыча.

Едва первый зверь отошел подальше, за ним последовал другой. А вскоре и остальные...

Тела мертвых существ падали в провал, исчезая в темноте, и только далекое, еле слышное влажное хлюпанье говорило о том, что где-то внизу есть дно... и то жуткое, что его покрывает.

Последними вниз полетели тела людей — для существ не было разницы, чью плоть сбрасывать вниз. Избавившись от своей ноши, Пожиратель тихо рыкнул и повернулся к остальным, ожидающим его. Огромная нога ступила на лужу крови, натекшую с отравленного трупа, поехала в сторону... и монстр, взмахнув лапами, полетел вниз, в пролом. Несколько секунд его когти скребли по камням, но кровь — невольная месть умершего человека, скользила, и сорвавшийся Пожиратель с ревом исчез в темноте.

Раздался глухой удар, за ним последовал тихий плеск — где-то там, внизу, упавший монстр смог подняться на ноги. В тишине было отчетливо слышно сопение и рычание оставшихся наверху Пожирателей, переживающих за своего собрата, и звук капель, срывающихся с потолка огромной пещеры, скрывающейся под провалом.

Истошный вопль вырвался наружу. Казалось, не может такой огромный монстр кричать так тонко и отчаянно, срываясь на беспомощный визг.

Пожиратели на поверхности одновременно закрыли уши руками и опустили на землю, скорбя о смерти собрата. Крик монстра все чаще прерывался странным бульканьем, пока, наконец, не затих.

И наступила тишина.

То, что скрывалось внизу, вновь впало в дрему. Оно уже было огромным, больше, чем когда бы то ни было выростали его собратья. Скоро оно уже сможет добраться до нужного места и выполнить свое предназначение.

Уничтожить тех, кто вторгся в чужой мир.

Глава 12. Красная луна

Раскаленное солнце замерло в небе, роняя на пустыню тяжелые лучи. Все существа, живущие в песках, попрятались в норы, пережидая зной, и только в тумане, плывущем над рекой, раздавались чьи-то шлепающие шаги и негромкий плеск — невидимое в дымке существо выбралось порыбачить.

Там, где горячий песок начинал покрываться подсохшим илом, можно было ненадолго спастись от жары и перевести дух после долгого перехода. Миша с тяжелым вздохом опустился на потрескавшуюся глину и вытянул гудящие ноги: с самой ночи он еще ни разу не останавливался, чтобы передохнуть.

Вся прошедшая ночь отложилась в памяти лишь обрывками образов: вот смерзшийся песок проламывается под ногами, Миша скользит вниз по бархану в облаке пыли, а Карла возмущенно визжит ему в ухо и царапает ядовитыми когтями плотную ткань куртки. Вот в темноте за ближайшим холмом мелькнули серые спины — падальщики отступают от лагеря людей, закончив атаку, и обгоняют бегущего человека. Одна тварь останавливается и злобно шипит в сторону Миши, она раззадорена прошедшей схваткой и пролитой кровью, хочет напасть! Человек вскидывает ружье и целится. Падальщик припадает к земле и пятится, в его глазах вспыхивают зеленые блики — добыча слишком зубастая! Чужая воля больше не заставляет бросаться на людей, незачем так рисковать!

Когда солнце взошло, Миша уже почти не чувствовал ног от усталости, и даже Карла слез с его спины, понимая, что дальше человек его нести не сможет. Воздух медленно нагревался, прогоняя холод, сковавший тело Миши до самых костей, все существа уже разбежались и попрятались, не дожидаясь, пока солнце превратит пустыню в раскаленную сковородку. А человек все шел вслед за бегущим впереди Карлой, сперва через пески, а затем — вдоль реки, вдыхая горячий пар и по колено увязая в иле, пока наконец не решил устроить привал там, где было хоть немного суше.

От потрескавшейся глины тянуло теплом, но пар, поднявшийся от реки, частично заслонил усталого человека от беспощадного солнца. Луны кружили вокруг светила, но ни одна так и не закрыла его полностью, чтобы дать всему живому недолгую передышку. От влажности и жары вскоре разболелась голова, стало трудно дышать, но выйти обратно на пекло казалась еще хуже, чем оставаться здесь.

Миша достал из сумки бутылку воды и с наслаждением сделал несколько глотков. Желудок болезненно сжался, истощенное тело мигом опьянело от воды, и мужчина запрокинул голову, не пытаясь бороться с приятным головокружением. «Как же хорошо...»

В тумане неподалеку зафыркало, заскреблось, и Миша поморщился — Карла копался в иле, добывая из него мелких червячков и насекомых. Боец так и не понял, почему это создание решило ему помочь, и никак не мог заставить себя думать о неожиданном попутчике с симпатией. Слишком часто он находил трупы заживо съеденных людей, отравленных другими Карлами, и слышал рассказы о том, как охотно эти существа предают союзников.

Но этот Карла был необычным. Еще умнее, чем его смысленные собратья, он понимал речь Миши и решительно вел его куда-то, где, хотелось верить, была Аня. А может, Карла просто отводил человека к своему логову, чтобы отравить и прикопать, бесчувственного, до голодных времен...

— Эй, дружок! — окликнул Миша. Существо, оторвавшись от добывания из ила какого-то многолапого насекомого, вскинуло голову и прищурилось. Что от него нужно этому человеку? — Хочешь попробовать?

Боец взял из сумки одну галету и кинул Карле. Тот сперва отшатнулся, припав к земле, а затем медленно, боком, приблизился к неожиданному подарку, схватил — и тут же целиком запихнул в пасть, не дожидаясь, пока человек передумает и отберет угощение. Галета хрустнула, Карла округлил глаза и сел на землю, широко раскрыв рот и пытаясь понять, что именно в нем оказалось. Миша невольно хохотнул, глядя на попытку существа достать и изучить кусочек пережеванной галеты.

— Ты забавный! — подумав, боец тихо добавил: — Надеюсь, ты на самом деле на моей стороне.

Карла распробовал галету и теперь быстро-быстро жевал, не сводя с Миши странного, непроницаемого взгляда круглых черных глаз. Человек вздохнул и продолжил, между делом сдирая с руки ошметки облезавшей кожи:

— Куда ты меня ведешь? Мы уже несколько часов идем вдоль реки, но идем против течения, а значит, Пьющих Плоть мы не встретим! Ты точно уверен, что мы идем в нужную сторону? — Карла согласно моргнул, облизнувшись, и боец чуть успокоился. — Хорошо...

Миша снял очередной клочок кожи, отошедший особенно легко, и вздрогнул: под ним открылись голые мышцы, потемневшие и сухие. Солнце чужого мира прожигало его кожу насквозь! А что будет спустя еще несколько дней? Или месяцы?..

— Кажется, у меня не так много времени, дружок. Нам придется идти по ночам!

Карла перестал жевать и со скрипом почесал лысую голову. Идея двигаться ночью ему не нравилась. С наступлением темноты в пустыне начиналась охота, все выходило из нор, шли добывать пищу, и ветер гнал вдоль барханов сладко пахнущие красные дымки, несущие смерть.

— Я вижу, тебе не нравится идея, — Миша беспомощно улыбнулся, — но сегодня я в любом случае уже не смогу идти. Мне нужен отдых.

Помедлив, Карла согласно сморщил нос. Увидев, что человек его не понимает, сложил руки и прижался к ним щекой: «Спи, человек, спи».

В очередной раз изумленно покачав головой, Миша послушно лег на землю, подложив под голову свою сумку, и попытался хотя бы ненадолго заснуть. После показавшейся бесконечной ночи и долгого пути тело налилось усталостью, но сон так и не шел, вместо него в голове кружились мысли о далекой Ане и оставшемся позади Дятлове, родном мире и лохматом Мелком, которого сейчас так не хватало рядом, чтобы указать, кто друг, а кто враг...

Карла подобрался поближе и сел на корточки, тощим бедром почти касаясь ботинка дремлющего Миши. Черные глаза существа смотрели куда-то за горизонт, ноздри приплюснутого носа раздувались, а длинные пальцы поднятой руки осторожно макались в сочащуюся дыру на его голове — один за другим, один за другим.

Карла смазывал когти ядом, готовясь к будущим схваткам, и чувствовал, как там, вдали, куда не достает даже самый внимательный взгляд, грозовой тучей собирается неведомая опасность.

Миша наконец-то заснул, несмотря на хриплое дыхание своего ядовитого союзника и усилившийся плеск со стороны реки. Карла сидел рядом, думая какие-то неведомые мысли и глядя на то, как на небе маленькая луна наползает на большую, превращая ее в чей-то огромный распахнутый глаз с мутным серым зрачком в центре.

Далеко позади, в лагере людей, Дятлов делал вид, что настраивает что-то в механизме сломанного им портала. На самом деле он крутил бесполезные шурупы и дергал ненужные провода, занимая дрожащие от злости пальцы и пряча покрасневшие от сдерживаемых слез глаза. За его спиной стояла пара военных, которые делали вид, что охраняют ученого от

возможного нападения тварей, а на самом деле следили, чтобы безумец не убежал куда-нибудь в пески.

Один из солдат постоянно вздрагивал, заслышав звуки, идущие из пустыни — вой ветра, потрескивание остывающих кристаллов. Теперь, когда выяснилось, что портал сломан, быть здесь стало куда страшнее, зная, какие твари могут прийти сюда, желая человеческой крови.

И от них теперь не получится убежать.

...Где-то далеко в пустыне, у маленького горячего ручья, пробивающего себе путь сквозь песок, огромный Пожиратель свернулся калачиком в своей норе, баюкая изрешеченную пулями лапу. Монстр ждал, что вновь в его мозгу засвербит приказ выдвигаться вперед, атаковать мягких, уязвимых существ, что пахнут чуждо и странно, и умеют больно кусать издалека.

Но впервые за последние дни никто не отдавал нового приказа, хотя солнце уже почти коснулось горизонта. Успокоившись, Пожиратель двинулся к выходу из норы, чтобы наконец-то заняться привычной охотой на падальщиков.

...А еще дальше, где огромное каменное плато раскрывает зубастую, бездонную пасть, на дне ее нечто иное очнулось ото сна — и двинулось вверх, навстречу гаснущему солнечному свету, чтобы наконец-то уничтожить тех, кто пришел в этот мир насильно, себе на погибель.

— Я вижу что-то... желтое! — сказал Миша, перепрыгивая выброшенный из реки камень, обкатанный течением. Дневной отдых пошел человеку на пользу, вернув силы для дальнейшего путешествия, его шаги вновь стали пружинистыми, глаза весело заблестели.

Бегущий рядом Карла закрутил головой, высматривая загаданный Мишей предмет. Приплюснутая морда существа радостно осклабилась, оно в несколько прыжков оказалась у самой бурлящей кромки воды и выудило оттуда длинный комок бледно-желтых водорослей, торжествующе показало его человеку. Миша согласно кивнул:

— Именно это! А теперь я вижу что-то, — он огляделся, — о, зеленое!

Карла вновь принялся нарезать вокруг мужчины круги, азартно озираясь. Миша тихо фыркнул, вспоминая, как играл в эту игру с Ваней, и тот выискивал в разбитых витринах проклятого города что-то синее, что в итоге оказывалось ручкой от швабры или платьем разломанной на части куклы.

Карла громко засопел и принялся карабкаться вверх по бархану, решив, что Миша увидел там что-то с высоты своего роста. Мужчина заулыбался и принялся насвистывать какую-то веселую песню, чуть ли не приплясывая на каждом шаге. Природный оптимизм наконец-то взял свое, и жизнь начала казаться вполне неплохой штукой! Ему удалось сбежать от чертова Дятлова, раздобыть оружие и припасы, и к тому же в чужом мире нашелся кто-то, кто хочет помочь!

Раз уж Карла не убил человека, пока тот спал, ему явно можно доверять. К тому же мужчина почти привык к этому созданию, оно даже казалось почти что милым, таким жутковатым, капризным ребенком другого мира. А ведь Мише не впервые общаться с детьми...

Человек почти физически чувствовал, как с каждым шагом сильнее натягивается незримая ниточка, связывающая его с Аней. Это значит, что он идет в верном направлении? Ай да Карла, ай да умный уродец!

Спустя пару сотен метров начался пологий спуск. Миша замедлил шаг, озадаченно глядя на реку, которая с гулом умудрялась течь к нему вверх по этому склону, потом оглянулся, услышав шуршание — это Карла в потоках песка спускался по бархану за его спиной, сверкая глазами и держа во рту зеленоватый обломок кристалла.

— Ты победил! — рассмеялся Миша, а Карла весело оскалился в ответ. Затем махнул тонкой лапкой: вниз идем, туда, вдоль реки! Человек послушно двинулся вперед, набросив на плечи куртку, и мелкое создание ту же вскарабкалось ему на плечи. Зачем идти самому, если можно удобно ехать верхом?

Река гудела все сильнее, прогрызая себе глубокое русло сквозь песок. Вода была абсолютно красной из-за поднятого ила, в таком сильном течении уже не могла водиться рыба. Тут и там по пути Миши сквозь глину прорывались алые кристаллы длиной с половину ладони, и ступать приходилось осторожнее, чтобы не пробить и без того едва не разваливающиеся ботинки. Один такой кристалл мужчина из любопытства вырвал из земли и бросил в реку, где его тут же разбило на мелкие осколки, так и не дав опуститься на дно.

Повисший на спине Миши Карла волновался все сильнее, перебирая лапами и поскрипывая зубами. Наконец существо не выдержало и спрыгнуло, побежало впереди на четвереньках, смешно расставляя задние лапы. Миша ускорил шаг, чтобы не потерять своего проводника из виду, но вскоре резко остановился, прижав ладонь к губам и широко распахнув глаза. Впереди он увидел исток реки, у которого сейчас взволнованно крутился Карла, пытаясь то здесь, то там подрыть песок.

Река не рождалась из нескольких ручьев на вершине какой-нибудь горы, как было привычно Мише. Она начиналась в низине, карабкалась из высокого котлована вверх по склону, а рождалась из огромной, шириной во много сотен метров, наполовину занесенной песком трубы.

Так странно и неожиданно выглядело что-то столь явно рукотворное в этой дикой пустыне! Кто создал это? Кто вырезал из камней эти почти двухметровые блоки, тщательно подогнанные друг к другу? Каждый из блоков был покрыт глубокими царапинами, оставшимися от чьих-то когтей, но их ли обладатели построили подобное?

Миша спустился ниже, не сводя глаз с темного зева этой невероятной трубы, по пути поскользнувшись и чуть не рухнув в алые воды, с дикой скоростью несущиеся по руслу. Но ему удалось, взмахнув руками, устоять, судорожно вдыхая насыщенный горячей влагой, на грани ожога, воздух. Он протянул руку и коснулся теплого камня уходящего в песок основания трубы:

— Что же это такое, Карла? — Миша покосился на своего проводника, но тот даже не посмотрел в сторону человека. Создание смотрело в небо, раздувая ноздри и часто вздрагивая. Черные глаза были широко распахнуты, и человеку было сложно прочесть эмоции, скрытые в них. — Эй, Карла!

Существо сморгнуло и рассеянно перевело на него взгляд. Медленно подняло руку и указало внутрь под углом уходящей под землю трубы.

— Ты хочешь сказать, мне туда? — изумился Миша, проследив его жест. — Но я не смогу! Там течет кипяток, я обварюсь насмерть!

Карла замотал головой и зашипел, резко махнул лапой в сторону трубы. «Нет, человек! Туда!»

— Бред какой-то, — Миша медленно опустил на влажный песок и мрачно уставился в темный провал, откуда с ревом вырывались алые потоки. — Хотя ветер оттуда идет холодный. Может, ты и прав...

Карла на секунду закатил глаза. Какой же глупый человек!

Помолчав минуту, Миша тихо выдохнул и коснулся ближайшего блока, провел пальцами по глубоким царапинам, испещрявших его поверхность. Обвел взглядом другие блоки, и его глаза постепенно раскрывались все шире. Он заметил, что некоторые царапины повторялись на каждом блоке, и во всех них была какая-то едва уловимая система!

— Карла, погоди! Так это что, ваша письменность?! — существо в ответ лишь сильнее сузило непроницаемые глаза. — И эту трубу тоже строили вы? — Миша со свистом втянул воздух, мысли проносились в его голове с невероятной скоростью. — Многие из вас так

умны, и вы когда-то умели даже строить такое. Но почему же вы сейчас живете в норах, как дикие звери?

Карла растянул безгубый рот в зубастой улыбке, зачерпнул гость песка и пропустил сквозь пальцы, пристально глядя в глаза Миши.

— Песок?.. — удивился мужчина, силясь понять. Потом хлопнул себя по лбу: — Пустыня! Вашу цивилизацию погубила она!

Карла удовлетворенно кивнул и зачерпнул еще песка, теперь уже просто с ним играя. Миша запустил пальцы в волосы и с силой их взъерошил, пытаясь уложить в голове то что он узнал об этом мире. Он чувствовал какую-то неуместную гордость за народ Ани, вовсе не отсталый, как считает Дятлов. Интересно, как бы отреагировал ученый, увидев то, что сейчас находится перед Мишей? Может, поменял бы свое решение, принял бы Пьющих Плоть и других местных созданий — как равных себе?..

Не успел Миша толком обдумать эту мысль и посмеяться над своей наивностью, как Карла вдруг зашипел и прижался к земле, словно пытаясь с ней слиться. Он вновь смотрел в небо... нет, вверх, сквозь стены котлована, на пустыню! Бледная кожа существа зашевелилась и собралась складками, как будто Карла пытался поднять дыбом несуществующую шерсть, а из горла вырвался тихий полу-стон, полу-писк. Миша, вскочив, сперва шагнул к дрожащему союзнику, а затем проследил его взгляд и, подумав, принялся карабкаться вверх по песчаной стене котлована.

«Что же его так напугало?!»

Выбравшись наружу, Миша принялся озираться. Солнце скрылось за горизонтом, но четыре луны светили пугающе ярко, освещая пустыню, которая словно вымерла. Никто не охотился и не перекрикивался, координируя действия стаи, никто не пытался докопаться до корней спрятавшихся на ночь под землю кристаллов. Еле ощутимый ветерок охлаждал разгоряченную кожу Миши и шевелил его взлохмаченные волосы, да еле заметно сдвигал с места редкие песчинки на вершинах барханов.

Мужчина поежился от холода. «Ничего не видно! Может быть, Карле просто показа...»

И тут он увидел, как одна из лун, почти касающаяся горизонта, медленно начинает краснеть. С самого края ее лизнуло полупрозрачное алое щупальце, мгновенно растаяв в воздухе, но теперь появлялись другие и другие, наползающие друг на друга, как змеи, и сливающиеся воедино. А вскоре и вся луна стала красной — красным было то, что текло перед нею, красным и огромным, способным растянуться на многие километры, уничтожая все, что встретит на своем пути.

Миша медленно опустился за землю, обхватив себя руками и не в силах отвести взгляд от исполинского кровавого тумана, ползущего сквозь накрытую мертвой тишиной пустыню.

Глава 13. Твой выбор

Песок шуршал и стекал вниз, в котлован, пока Миша бегом спускался по склону. В его голове испуганно метались мысли, вспыхивая и заслоняя друг друга, в руках поселилась дрожь, а перед глазами все так же стояла алая бесплотная смерть, медленно текущая по пустыне.

Кровавые туманы были бойцу хорошо знакомы. Не раз он встречал их — красную дымку, живущую в темных и холодных местах, подвалах и тоннелях, растворяющую все живое, что в нее ступало, и не щадящую при встрече ни людей, ни существ другого мира. По ночам кровавый туман выползал из своего логова и замирал посреди улицы, дожидаясь своей жертвы, и с каждым новым растворенным телом он становился все больше и опаснее, пока Соппротивление, обнаружив его благодаря разведчикам вроде Миши, не сжигало туман из огнеметов.

Но в городе туманы никогда не вырастали такими огромными! Тот, что полз сейчас по пустыне, как злобный призрак красной реки, мог бы накрыть собой целый дом, в мгновение растворив всех его жителей.

Тяжело дыша, Миша преодолел последние метры и бросился к Карле, который сжался у самого входа в тоннель, откуда с бурлением вырывалась красная вода.

— Карла, какого черта происходит? — боец, не обращая внимания на ядовитые когти, схватил существо за тонкое запястье. Карла оскалился и задергался, пытаясь вырваться, его черные глаза распахнулись еще шире, став идеально круглыми. — Откуда здесь кровавый туман? Куда он ползет?

Создание угрожающе зашипело, но боец не отпускал его руку, сжимая ее все крепче и почти поднимая Карлу над землей:

— Он ведь ползет к людям? В лагерь? Вот почему ты спасал оттуда ваших!

Существо, потеряв терпение, взмахнуло второй рукой и ударило по сжатым пальцам Миши. Тот охнул и отшатнулся, освобожденный Карла, припавший к земле, сощурился: он не коснулся человека когтями, ударив самыми кончиками пальцев. Только чтобы напугать, не отравить и не убить.

— Зачем, Карла? — отдышавшись и немного придя в себя, тихо спросил Миша, обернувшись, словно надеясь разглядеть пустыню сквозь склоны котлована. — Почему именно кровавый туман? Я понимаю, вы защищаетесь от людей. Но вы не оставили им даже шанса на спасение!

Карла фыркнул, как будто понимая, о ком говорит человек, и не одобряя его точку зрения. Если кто-то пришел в чужой мир, принес в него только зло, с чего бы местным обитателям испытывать к нему жалость?

Миша замотал головой, до хруста сжал грязные руки в кулаки:

— Кто-то же так откормил эту тварь! И послал через всю пустыню к людям, прогнав всех с его пути. Наверное, и тебя направил, чтобы спасти пленников! — Карла ответил ему непроницаемым взглядом и принялся чистить когти. — Кто в ответе за все это, дружок? С кем мне надо поговорить, чтобы людей отпустили домой?

Карла недовольно ощерился и яростно зажегостил: глупый человек! куда ты лезешь! пусть сами разбираются, они заслужили, а тебе осталось пройти через этот тоннель, и ты увидишь свою жену! ты же этого так хотел!

Но Миша, не обращая внимания на подпрыгивающего Карлу и его верещание, потянулся мимо него к своей брошенной сумке, шепча как будто про себя:

— Я должен предупредить людей, чтобы они ушли через портал...

Карла прыгнул вперед, пытаясь вырвать из рук Миши сумку, но тот поднял ее вверх на вытянутой руке, не позволяя существу ее достать.

— Эй! Я пойду туда, хочешь ты того, или нет!

Ответом ему было возмущенное шипение, Карла медленно попятился, не сводя с человека блестящих глаз. Затем развернулся и бросился в тоннель, не обращая внимания на горячую воду, в которую провалился чуть ли не по пояс. Плеск и ворчание еще какое-то время доносились из темноты, затем затихли, и Миша, глядящий вслед убежавшему созданию, тяжело вздохнул: он уже успел привыкнуть к Карле, каким бы странным попутчиком тот ни был. Может, они еще встретятся?..

Решительно стиснув зубы, человек начал подниматься вверх по склону. Выбор был сделан, и жалеть о нем было бы глупо.

В спину холодным ветром дышала ночная пустыня. Миша поежился и ускорился, вновь переходя на бег, чтобы хоть немного согреться. Под ногами скрипел заледевший песок, и больше никаких звуков не раздавалось вокруг — все живое, что раньше обитало в этих каменистых холмах, ушло, узнав откуда-то о бесшумной смерти, движущейся теперь вперед вместе с ветром. И за нею бежал и бежал одинокий человек, надеющийся спасти врагов...

Миша на бегу придерживал сумку, которая с каждым шагом становилась все тяжелее. Усталость, накопившаяся за последние дни, впивалась в тело горячими иглами, мышцы ныли и саднили, как после самой тяжелой тренировки. Полузажившие следы побоев и пыток, перенесенных по вине Дятлова, ощущались особенно ясно, стоило Мише подумать о том, что он собирается спасти своего мучителя...

— Нет, не его, — боец мотнул головой на бегу. — Других людей! Солдат, ни в чем не виноватых! Они же не знали, что их ждет, не понимали, с чем придется бороться!..

«И ты думаешь, они тебе поверят?»

От этой мысли Миша стиснул зубы так, что на небритых скулах заиграли желваки. «Илья ни за что меня не послушает. Люди не уйдут, даже если я успею добраться до них раньше, чем туман. А потом будет уже поздно...»

Миша шел все медленнее, каждый шаг давался с трудом. «Что я делаю? Зачем иду туда? Пусть этот мир дальше защищает себя от людей. Я им больше ничем не обязан! Меня ждет любимая!» Еще несколько дней назад Миша послушал бы эти мысли и двинулся назад, и ему бы в голову не пришло бороться за жизни врагов. Но теперь проснувшийся внутри боец Сопротивления наотрез отказывался обречь людей на верную смерть, и его шаги вскоре вновь стали пружинистыми и широкими, а светлые брови сошлись на переносице: есть вещи, которые важнее личной неприязни к Илье Дятлову. Да и как бы он посмотрел в глаза Ане, добравшись до нее такой ценой?..

Взобравшись на вершину очередного холма и споткнувшись о высушенные солнцем, хрупкие кости падальщика, Миша остановился, тяжело дыша и вглядываясь вдаль. Песок вокруг мерцал в лунном свете, как снег, и далеко впереди на сотни метров расплывалось нечто темное, змеящееся между барханами — кровавый туман, черный и зловещий в лунном свете, полз вперед, гонимый ветром.

«Я догнал его».

Миша на секунду приложил к разгоряченному лбу холодную, замерзшую ладонь, приводя себя в чувство. Затем тряхнул головой и опустил на колени, стягивая с плеч тяжелую куртку и шаря по ее карманам. Удовлетворенно кивнул, нащупав складной нож, и едва сдержал радостный вскрик, когда из наплечного кармана правой руки показалась плоская жестяная коробочка, в которой прежний владелец куртки хранил зажигалку, трут и тонкую пластинку огнива.

Миша быстро осмотрелся и почти сразу нашел, что искал — из земли высовывался мертвый кристалл, уже начавший рассыпаться в песок от старости, и еле держащийся на месте корнями. Миша вырвал его, пробормотав извинения — прости, дружок, не быть тебе песком, послужи один раз человеку. Огонек зажигалки робко лизнул кристальную грань, задумчиво переполз по ней дальше, сухо потрескивая...

Боец взмахнул рукой, и горящий кристалл ударился о склон соседнего холма, разлетаясь искрами. На лице Миши появилась хищная улыбка, человек перевел взгляд туда, где все так же полз кровавый туман.

«Я буду первым человеком, которого ты встретишь. И, клянусь всеми богами, последним!»

Алая дымка, почерневшая в лунном свете, медленно двигалась по пустыне. У нее не было ни мозга, ни нервов, каждая мельчайшая капелька кровавого тумана умела лишь питаться и творить из чужой плоти себе подобные. Но вместе эти неразумные частицы становились чем-то другим, чем-то почти разумным, как огромный рой является куда большим, нежели отдельное насекомое. И то, чем стали сейчас эти частицы, из-за размеров было умнее других собратьев, и оно думало...

Кровавый туман чувствовал приближение утра, но знал, что время еще есть, и цель все ближе. Где-то там, впереди, есть теплая плоть, что чем-то умудрилась так разозлить великих богов, и эту плоть следует поглотить и растворить в себе, чтобы потом... сделать еще кое-что, чего раньше не приходилось делать другим из его вида. Но боги, те, что присылают ветра, с которыми можно летать над пустыней, знают лучше, надо исполнить их волю до того, как взойдет раскаленное солнце...

Кровавый туман подобрался и уплотнился, чтобы с новым порывом ветра преодолеть песчаную насыпь между двумя холмами, и именно в этот момент нечто упало в его центре, нестерпимым жаром иссушая сразу несколько сотен разумных капель.

Миша, кинувший горящий кристалл, отчего-то ожидал, что туман завизжит, сворачиваясь в плотный комок. Человеку свойственно ждать от других существ тех же реакций, что у его собратьев, но на деле туман низко загудел и начал расползаться, дымными щупальцами растягиваться в стороны, пытаясь нащупать того, кто напал и сделал так больно. Стоящий на вершине ближайшего холма Миша сплюнул и поджег новый кристалл, прицелился...

Щупальца тумана отдернулись, его гудение стало громче — частицы переговаривались, решая, что делать дальше. Боец торжествующе усмехнулся: в таком духе он сможет удерживать врага на месте до самого утра, когда тому придется уйти в песок, чтобы спастись от жары. А днем уже можно будет найти способ убедить Дятлова, или даже попросту проникнуть в его лагерь, взять пару канистр бензина и самому сжечь место, где спрячется туман!..

...По какому-то странному наитию Миша обернулся именно в тот момент, когда первые щупальца подкравшейся сзади дымки уже почти коснулись его голой руки. Ошеломленно выругавшись, боец прыгнул в сторону и покатился по земле, не давая врагу себя достать. Вскочил он уже с самодельным факелом в руке — оторванный рукав куртки был набит сухими кристаллами и намотан на кость падалыщика — и одним плавным движением поднес к нему зажигалку, заключая себя в круг света.

Две части, на которые незаметно разделился кровавый туман, вновь сливались в одну, окружая человека и отрезая ему путь наружу, в воздухе повис сладковатый, тошнотворный запах разложения и крови. Миша крутанулся в одну сторону, в другую — всюду туман, и если он войдет в него, то мгновенно упадет на землю обглоданным скелетом. Нет уж!

Миша решительно сделал выпад факелом, весело оскалившись:

— Я тебя не боюсь! — Круг в котором был заключен боец, стал шире, испуганно загудел, и Миша вновь махнул факелом, отпугивая туманные щупальца. — И я тебя не пропущу!

— Тебе придется это сделать, — раздался чей-то высокий голос позади него, и боец мигом развернулся, распахнув глаза и выставив вперед потрескивающий факел. — Другого выхода нет.

Сквозь кровавый туман шел... падальщик. Он был абсолютно цел, хотя уже должен был превратиться в скелет, и двигался неторопливо, глядя прямо на Мишу странными, чуть светящимися глазами. Его бледные, впалые бока окрашивались розовым, когда их нежно касались щупальца тумана, и человек невольно протер глаза свободной рукой, не веря в то, что видит.

Падальщик остановился в паре шагов от бойца, на границе света, и медленно поднялся на задние лапы, перетекая в другой облик. Длинная зубастая пасть втянулась в череп, щель рта дрогнула и сложилась в приятную улыбку полных губ, из-под упавших на лицо золотистых локонов лукаво блеснули разноцветные глаза.

Обнаженная женщина указала куда-то вперед, и кровавый туман медленно потек мимо них, уже не обращая внимания на Мишу. Тот дернулся вслед, но женщина протянула руку, удерживая его, и чуть покачала головой:

— Тебе лучше пропустить моего слугу. Я знаю, ты не боишься чудовищ, но со мной тебе лучше не спорить.

— Потому что ты — богиня? — с трудом произнес Миша, еле сумев разжать побелевшие пальцы, чтобы выпустить из рук чадающий факел. Тот упал на землю, где продолжил дымить и потрескивать, словно вспоминая окончившуюся битву.

«Я уже видел похожее! Встречал темного бога... но она совсем не похожа на него».

— Да, я одна из богов этого мира, — кивнула странная женщина, каждая черточка которой была неправильной, как будто она взяла отдельные детали из чужой головы, не зная, как правильно совместить их воедино. — И я прошу тебя, не мешай. Просто иди, куда шел, и дай другим людям дойти туда, куда так упорно шли они.

Миша вспомнил сон у реки, когда он чуть не замерз насмерть. Или это все же был не сон?..

— В прошлую нашу встречу ты щадить меня не собиралась.

— Мое мнение изменилось, — ответила богиня. — Я следила за тобой и теперь знаю, что ты на нашей стороне. И мой слуга подтвердил это...

— Карла? — спросил Миша, затем покачал головой: — Так я и думал... Но стой! — боец вскинул голову и сделал шаг к богине, умоляюще протянул к ней руки. — Отзови туман! Не нужно убивать людей! Пусть они просто уйдут обратно, в свой мир...

— Ты серьезно? — перебила богиня, ее глаза вновь вспыхнули, засияв тусклым светом. — После всего того, что они сделали, ты просишь пощадить их? Отпустить домой, чтобы в другой раз они пришли с лучшим оружием? Чтобы привели войска? Нет уж. Я понимаю, что ты хочешь защитить своих. Но пора бы уже решить, на чьей ты стороне! И мне казалось, — женщина многозначительно улыбнулась, — что много лет назад ты уже сделал выбор.

— Конечно, если люди причиняют вам вред, я на вашей стороне. Но я человек, — беспомощно произнес Миша. — Я не хочу, чтобы вы убивали людей. И не позволю...

— Но что ты сделаешь? — по красивому лицу богини пробежала дрожь, ее улыбка стала шире, между губ блеснули острые зубы. В один плавный шаг она оказалась вплотную рядом с вздрогнувшим человеком, так близко, что он почувствовал ее сладкий, ни на что не похожий запах. Сияющие глаза были совсем близко, они завораживали... — Ты ничем не сможешь им помочь. Ветер крепчает, и скоро мой слуга достигнет цели.

— Нет, — Миша ахнул и попытался броситься прочь, но руки богини, нечеловечески сильные, продолжали удерживать его за плечи. Ее губы шевелились невпопад с произносимыми словами, и глаза горели все ярче:

— Я знаю, ты захочешь остановить все это. Но ты не сможешь! Все равно мой слуга растворит их всех. Всех кроме одного, того, кто откроет портал в ваш мир. Мы должны защитить себя. Мы должны уничтожить всех, кто сможет вновь открыть портал...

Миша, уже не в силах сопротивляться, смотрел в глаза богини и тонул в их свете. Где-то внутри себя он умолял ее остановиться, кричал, что она делает ошибку, но его губы... его губы покорно приняли сладкий, дурманящий поцелуй, после которого осталась только темнота.

Богиня осторожно придержала обмякшего человека и помогла ему опуститься на землю. Какое-то время она еще сидела рядом, слушая ровное дыхание Миши и думая о том, что успела увидеть в его воспоминаниях. Усилившийся ветер трепал золотистые волосы женщины, и где-то там, впереди, все быстрее мчался вперед кровавый туман.

Теперь уже некому было его остановить.

Илья Дятлов так и не смог заснуть этой ночью. Сперва он напряженно прислушивался к тишине пустыни, ожидая, когда же нападут твари, а затем, поняв, что эта ночь будет спокойной, начал раскачиваться из стороны в сторону, тихо напевая про себя какую-то песенку. Его глаза и щеки впали, всегда аккуратно выбритое лицо за день покрылось щетиной, которую ученый больше не собирался сбривать.

«Я просто хотел войти в историю! Хотел сделать открытие!»

Дятлов тихо завыл, сжатым кулаком раз за разом ударяя себя по лбу. Тук. Тук. Тук. «Все бесполезно! Меня вернут в мой мир! Посадят в психушку, снова, снова! Чертовы твари. Где мое открытие?..»

Из транса безумца вырвал звук, раздавшийся откуда-то снаружи качающейся от ветра палатки. Неужели чей-то крик? Булькающий и сразу же оборвавшийся. Кто-то подстрелил падальщика? Дятлов поднялся и попытался выглянуть, увидеть, что творится в лагере. Темно. Кто погасил все прожекторы? Почему никто не бежит на крик? И вокруг так тихо...

Ученый, поразмыслив, осторожно отдернул полог и вышел из своей палатки. Если военные его увидят снаружи, снова побьют, сделают больно... Никак не могут простить того, что он сломал портал. Но ведь он был прав, ведь правда же, прав?

В лагере было очень тихо. Все спали, только часовые стояли на баррикадах, да несколько солдат должны были патрулировать сам лагерь. Но где же они? И чем-то так странно, сладко пахнет?..

Под ногой что-то влажно хрустнуло и разломилось. Опустив глаза, Дятлов завизжал и прыгнул в сторону, заскреб песок руками, пытаясь, еще не встав на ноги, отползти дальше от того ужасного, что он увидел. Ученый уже чувствовал, уже слышал, как воздух вокруг него наполняется этим мерзким, ужасным, сладким запахом — и то, что скрывалось в темноте, было так близко!

...Оно было в самом воздухе. С каждым вдохом оно пробиралось все глубже и расплзалось внутри, пожирая, пожирая что-то внутри Дятлова! Ученый забился, выгнувшись на земле и пытаясь расцарапать свою грудь ногтями, лишь бы остановить то, что входило в его легкие, наполовину их сжигая. Боль была невыносимой, но кричать уже не получалось — не хватало дыхания. Чем бы оно ни было, его было все больше. Вот уже сам воздух закончился, осталось что-то влажное, хлюпающее, что клокотало в горле и легких, и шептало, шептало, шептало...

— Да, — сказал Дятлов, и из его рта плеснула кровь. — Я сделаю то, что ты велишь.

Глава 14. Быть героем

Миша очнулся от того, что его кожа нагрелась. Его всего как будто окатило кипятком, обварив до самых костей, и теперь воздух с хрипами вырывался из раскаленных легких. Боец со стоном перекатился по горячему песку, потрянул гудящей головой, часто моргая — солнечный свет слепил и был повсюду, падая с неба и отражаясь от земли.

С трудом сумев сфокусировав взгляд, Миша чертыхнулся, вспомнив все то, что произошло ночью. Та богиня, она так и не выслушала его! И кровавый туман уже наверняка добрался до лагеря Дятлова! Но, может, все же есть шанс?..

Мужчина попытался подняться на ноги, но покачнувшись и с глухим возгласом упал на четвереньки. «Солнце... Меня пытается убить солнце...»

Его руки кто-то вкрадчиво коснулся. Миша испуганно вскинул голову и увидел, что широко улыбающийся Карла протягивает ему бутылку с водой. Существо выглядело хорошо отдохнувшим, его глаза и когти влажно блестели, бледная кожа отчего-то приобрела румяно-розовый оттенок, а через тощее плечо был перекинут ремень сумки Миши.

— Откуда ты тут взялся? — прохрипел мужчина, но не дожидаясь ответа, схватил теплую воду.

Пока Миша напивался и смачивал остатками влаги волосы, чтобы хоть немного охладить горячую голову, Карла задумчиво осматривался, не отпуская ремень сумки и задумчиво улыбаясь каким-то своим мыслям. Он нехорошо сощурился, увидев, что по склону холма, на котором лежал Миша, карабкается одинокий падальщик, решивший проверить, не помер ли тут кто-нибудь вкусный. Взобравшись по крутому склону, существо тут же вплотную встретилось взглядом с хищно улыбающимся Карлой и покатилося вниз, визжа и уворачиваясь от ядовитых когтей, а гордый Карла, тихо фыркая, вернулся к Мише и опустился на песок рядом с ним, вопросительно округлив черные глаза.

«И что ты теперь собираешься делать?»

— Пойду к лагерю, — тяжело вздохнув, сказал боец. Поднял на Карлу усталый взгляд и пожал плечами: — Вдруг там кто-то уцелел? Или кровавый туман все же не добрался туда, хотя это вряд ли...

Карла, повторив вздох человека, подгреб к себе его сумку и уткнулся в нее острым подбородком: какие же вы, люди, упрямые! Одним полуприкрытым глазом существо косило в небо, где, высоко-высоко, летал кто-то большой и крылатый. Не напал бы! Хотя не должен. Скорее всего, его зоркими глазами на них сейчас смотрит богиня.

Миша, пошатываясь, поднялся и огляделся. Вершина холма, на которой он лежал, утопала в солнечном свете, а дальше до самого горизонта горбились и извивались барханы, с каждым километром становясь светлее и прозрачнее, пока полностью не растворились, сливаясь с небом. Где-то там была река, где-то там был подземный тоннель, ведущий к Ане. Она наверняка ждет своего мужа...

Миша решительно встряхнул головой. Не время думать об этом. Люди, столкнувшиеся с кровавым туманом — вот, что сейчас важно! Придя в себя, боец нарочито внимательно осмотрелся, прогоняя невеселые мысли. Да, он остался на том же месте, где прошла ночная битва — вон, валяется прогоревший факел. Значит, до лагеря идти полдня или меньше. Еды еще много, а вот воды... — Миша вытащил сумку из-под недовольно заворчавшего Карлы и заглянул внутрь разорванного когтями кармана —...осталось всего две бутылки. Придется экономить.

Боец осторожно пихнул Карлу носком ботинка:

— Идешь со мной? Или так и будешь валяться? — на что существо, закатив глаза, встало и уныло поплелось за ним. Люди такие странные! Нет бы переждать жару в норе, вместо отдыха идем куда-то, спасти врагов, которые, не задумываясь, причинили другим столько боли...

Карла снова тяжело вздохнул, затем нагнал Мишу и решительно вскарабкался по его спине и удобно устроился, уцепившись за ремень сумки.

«Раз тебе туда так надо, ты меня и вези!»

Когда спустя пару часов вдалеке показалось что-то темное, Миша ускорил шаг, заслоняясь ладонью от солнца и пытаясь разглядеть, что это такое. Не сразу он понял, что это коричневый внедорожник, вокруг которого крутилось несколько падальщиков, по очереди треплющих нечто, прежде бывшее человеческим телом. Пролетающий мимо кровавый туман частично растворил человеческую плоть, и уже не понять было, что же до этого убило разведчика, слишком далеко отъехавшего от лагеря.

Миша осторожно достал из сумки ружье, открыл коробку с патронами и зарядил его на случай, если падальщики решат напасть, подошел ближе, не сводя глаз с их поджарых, горбатых силуэтов. Карла спрыгнул со спины человека и теперь шел рядом, тихо фыркая и смазывая когти ядом. Что-то, либо его недобрый прищур, либо ружье в руках Миши, отпугнуло падальщиков, и те отбежали в сторону, вскарабкались на ближайший бархан и теперь глухо рывкали оттуда, возмущаясь вторжением чужаков.

Мужчина опустился на колени рядом с трупом, сочувственно его разглядывая и сдерживая тошноту. Кровавый туман едва зацепил мертвого человека, растворив обе его ноги, руку и часть грудной клетки, а падальщики уже почти закончили поедать остальное. Боец огляделся, думая, как бы похоронить беднягу, но звуки ожесточенной грызни, донесшиеся с бархана, наводили на мысль, что любую могилу тут же раскопают. Скрепя сердце, Миша решил все оставить, как есть.

...В нагретом на солнце внедорожнике было невероятно жарко, боец только сунулся внутрь, охнул и отступил, давая свежему воздуху проникнуть внутрь. Карла, не обращая внимания на жару, залез внутрь и закопошился на заднем сидении, надеясь найти что-нибудь съедобное.

Подождав еще немного, Миша со вздохом уселся за руль и повернул оставленный в замке ключ зажигания. «Пожалуйста, заводись. Я так устал...» Словно услышав его, мотор несколько раз кашлянул и затарахтел, выдыхая горячий воздух. Мише все же пришлось вылезти из машины, чтобы откопать частично ушедшие в песок колеса и подложить под них найденные в багажнике вещи — пустую сумку и сложенную палатку. С третьего раза машина смогла сдвинуться с места и поехала вперед.

С каким наслаждением Миша развернул внедорожник и надавил на газ! В зеркале заднего вида клубилась поднятая колесами пыль, в окнах проносилась пустыня. Усталые ноги стонали от счастья этого недолгого отдыха, а горячая голова обдувалась ветерком из открытого окна.

Огибая вытянутый и изогнутый, как хвост спящего дракона, бархан, Миша наполовину высунулся из машины, глядя в небо. Там крылатый Зверодактиль чуть снизился, даже стало возможно разглядеть его просвечивающие алым гребни, сделал последний круг над пустыней и полетел прочь, словно увидев все, что ему хотелось. Сидящий на заднем сидении Карла благодарно прикрыл глаза: спасибо за помощь, богиня. Дальше мы справимся сами.

...Внедорожник подъехал к первым баррикадам, и от них с верещанием взлетела стая мелких летающих существ, Коршунов. Миша настороженно проследил за ними, вдруг

нападут, но создания лишь отлетели в сторону, сели на землю, перекрикиваясь и облизывая перепончатые крылья. Их не заинтересовал еще один человек, выходящий из остановившейся машины.

Коршуны были сыты.

В воздухе повис отвратительно аппетитный запах вяленого мяса. Солнце принялось за работу с самого утра, высушивая то, что оставил после себя прошедший здесь ночью кровавый туман, и теперь Коршуны, падальщики, редкие Карлы сползлись сюда на пир. Их острые клювы и крепкие челюсти разрывали одежду, высвобождая то, что прежде было людьми, и по частям выволакивая это наружу, за линию баррикад.

Миша не прошел и десяти шагов, прежде чем его вывернуло наизнанку. На глаза навернулись слезы, но взгляд раз за разом возвращался к увиденному — объединенные скелеты людей, солдат, валялись тут и там, едва удерживаемые воедино уцелевшими ниточками суставов. Ноги подогнулись, и боец упал на колени, тяжело дыша.

«Я знал, что увижу здесь именно это! Зачем, зачем я пришел сюда?..»

Рядом сочувственно сопел Карла. Сквозь тошноту и слезы Миша подумал о том, что для этого создания то, что творится вокруг — накрытый стол, а не ужасная трагедия. Но Карла не стал присоединяться к собратьям, что крутились на другом конце баррикады, отгоняя падальщиков. Карла все еще оставался рядом с человеком, чтобы ему помочь.

— Спасибо, дружок, — выдавил из себя Миша, сиюсь улынуться и сесть, чтобы глотнуть воды из заботливо поднесенной напарником бутылки. — Спасибо...

Мужчина запрокинул голову, подставляя лицо под обжигающие солнечные лучи. «В лагере тоже вряд ли остались живые люди. И что же мне теперь делать?»

— Ваша богиня, — тихо произнес боец, — что-то говорила про одного человека, которого она хочет пощадить. И про портал в мой мир. Что она хочет сделать, а, Карла?

Существо промолчало, нервно царапая песок когтями. Миша тяжело вздохнул и продолжил:

— Я думал об этом, пока ехал сюда. Будь я на ее месте, защищай я свой мир... Я бы наверняка попробовал уничтожить тех, кто привел сюда людей, я ведь прав? Богиня не знает, что только Дятлову известно, как открыть портал. Она попробует, — Миша со свистом втянул воздух, — направить кровавый туман через портал, в наш мир, чтобы растворить всех остальных ученых, кто когда-либо сможет повторить его экспедицию. Но за порталом, — боец беспомощно улыбнулся, — только мирный город. Это то, что она не успела узнать, прежде чем усыпила меня.

Карла внимательно слушал его слова, его глаза то широко распахивались, то задумчиво щурились. Когда человек замолчал, существо медленно подняло тонкие руки и взялось за голову: оно не успеет добежать до богини и объяснить, в чем ее ошибка. Ведь человек, которого она оставила в живых...

— Я знаю, что делать, Карла, — спокойный и решительный голос Миши перебил его панические размышления. — Я сделаю то, что должен. Спасу целый город ни в чем не повинных людей. Но не бойся! — Человек устало улыбнулся и ободряюще коснулся костлявого плеча своего напарника. — Я защищу и ваш мир тоже.

Раскаленная земля, присыпанная крупным песком, неровно, чуть заметно вибрировала, дрожь пробегала по уставшим ногам и низким гулом отдавалась в голове. «Портал уже работает? Нет, я бы его увидел...»

Палаточный лагерь был тих, пуст и страшен. Еще пару дней назад здесь слышались людские голоса, работали рации, гудели моторы машин и генераторы электричества. Теперь здесь сладко пахло кровавым туманом, а по земле метались пыльные вихри, обдувая

облепленные одеждой людские кости. Ни падальщики, ни Коршуны не подходили к лагерю — то, что здесь пряталось, пугало даже их.

С каждым шагом Мише становилось все тревожнее, в воздухе витало ощущение опасности, чего-то страшного, что затаилось неподалеку — и ждет момента, чтобы напасть. Боец остановился и заглянул в глаза Карле, который испуганно цеплялся за его штанину и стучал зубами, но все же продолжал идти рядом.

— Дружок, пробегись по лагерю, ладно? — создание послушно кивнуло и нервно оскалилось. — По такой жаре кровавый туман точно где-то прячется, либо в земле, либо где-то в палатках. Если увидишь мокрое место где-то — не трогай его, сразу же зови меня. Я сожгу эту тварь, — Миша чиркнул зажигалкой в кармане и решительно нахмурился, — и половина наших проблем решится одним махом.

Карла закивал и побежал вперед, то и дело останавливаясь, чтобы придохнуть. Щуплая фигурка существа вскоре скрылась между палатками, и Миша невольно улыбнулся, провожая ее взглядом: хорошо, когда есть кто-то, готовый пойти навстречу опасности вместе с тобой. Мелкий, Ваня, теперь вот Карла — те, кого нужно защитить и сберечь, и забота о них прогоняет страх за самого себя.

Быть героем куда проще, когда ты не один.

Вот уже почти центр лагеря, где располагался портал, собранный по украденной из других миров технологии. Его создатели, путешественники, ищущие новый дом, и подумать не могли, что их творение может использовать кто-то вроде Дятлова, безумного, злого человека, мечтающего обогнуть чужие миры. Если бы они знали, что ученый натворит, пришли бы к нему, чтобы остановить? Или положились бы на то, что мир, в который он вторгнется, сам сможет защитить себя?..

Повернув за последнюю палатку, закрывающую обзор, Миша остановился, удивленно наклонив голову. «Что же здесь такое творится?»

Портал, прежде выглядевший как круг из ровных черных кубов, полностью изменился. Тот, кто с ним поработал, куда-то ушел, оставив выпотрошенные, развороченные кубы валяться тут и там, как сброшенные шкурки. Залитая бетоном площадка была вся разворочена, тут и там из нее торчали металлические штыри, словно выломанные неведомой силой. А над ними...

Едва видимые в воздухе, тонкие, полупрозрачные нити тускло мерцали в центре площадки, сплетенные в нечто объемное, похожее на гнездо инопланетного чудовища. Куда-то вглубь конструкции уходили провода, идущие от работающих генераторов, но не было видно, к чему именно они присоединены. Все это зрелище было настолько странным, настолько нечеловеческой была логика, по которой эти странные нити соединялись и переплетались друг с другом, что по спине Миши пробежали холодные мурашки.

Желание уничтожить это сооружение родилось внутри, и оно казалось совершенно логичным, как желание повернуть неверно вставленную детальку паззла, портящую все картину, или стереть пятно с идеально чистой поверхности.

«Этой штуки здесь быть не должно», — подумал Миша и шагнул вперед, поднимая ружье и прижимаясь щекой к нагретому солнцем прикладу. Другие его мысли звучали где-то на заднем плане, но и они не пытались возразить этой неизвестно откуда взявшейся решимости.

«Я больше не попаду домой, если уничтожу портал. Но и кровавый туман никогда не придет в мой город и не сожрет других людей...»

Палец мягко лег на курок и уже почти надавил на него, когда что-то холодное уперлось в затылок Миши, и чужой голос тихо произнес:

— Не делай глупостей, друг мой. Вот уж не думал, что ты остался в живых.

Голос звучал глухо, на каждом слове раздавалось странное, густое бульканье. Но Миша узнал говорившего:

— Здравствуй, Илья, — он попробовал повернуться, но дуло, упирающееся в его затылок, болезненно вдавилось сильнее.

— Не оборачивайся. Брось ружье, я не хочу, чтобы ты вынес мне мозги. Хотя, — Дятлов издал странное хихиканье, перешедшее в хрип, — может, это и выход. Но я не готов умереть, пока не закончу свою работу.

— Ты понимаешь, что творишь? — Миша разжал пальцы, и ружье ударило о землю. — Понимаешь, для чего открываешь портал?

— Конечно! — стоящий сзади ученый шагнул ближе, и Миша почувствовал его запах. Кровь, гниение, сладость кровавого тумана. — Хозяйка моего нового друга хочет, чтобы он растворил всех, кого встретит по ту сторону. Хочет, чтобы больше никто не открыл новый портал. Какая жалость, она не знает, что единственный, кто может это сделать, находится здесь?

— Илья... — Миша со свистом втянул воздух, борясь с тошнотой. Он чувствовал, как от близости ученого его одежда на спине начинает пропитываться чем-то теплым и липким. — Ты можешь бороться с этим? Тебе не обязательно...

— Могу, — перебил его ученый. — Но зачем мне это делать, дружок? Я сам этого хочу.

— Но почему?! — Миша дернулся, пытаясь обернуться и посмотреть в глаза Дятлову, понять, что творится у того в безумной голове, но холодный металл с силой вдавился в затылок, а на шею сзади опустилась и сдавила горячая, липкая ладонь.

— Тебе этого не понять, герой. Но все же я попробую объяснить, — Дятлов наклонился, почти касаясь губами уха мужчины. — Я всегда хотел принести в наш мир нечто грандиозное. Нечто, что изменит его, всю его историю! Секрет бессмертия, или чтения мыслей, или способности летать. Как и все ученые, я мечтал о невозможном. Но теперь я нашел то самое, что все изменит!

— Кровавый туман? — с трудом выдавил Миша. Его рот наполнился кислой слюной, желудок сжался: запах, исходящий от Дятлова, был ужасен. Так пахли уже объеденные останки людей, лежащие в лагере. «Черт возьми, во что же он превратился?!»

— Именно! — воскликнул Дятлов и тут же влажно закашлялся. — Ты не представляешь, как долго ученые нашего мира пытались создать нечто подобное! И я, я принесу им то самое, что они так желали! Это изменит наш мир...

— Это может уничтожить его! — ахнул Миша. — Кровавый туман может разрастись на всю планету, и больше не будет людей! Не останется ничего живого!

— Если люди не способны справиться с моим новым другом, подчинить его, то они недостойны того, чтобы жить, — пробулькал Дятлов. — В конце концов, останется только он, впитавший все человечество. По мне, так это тоже — своего рода эволюция людей. И это будет моим даром всем вам...

— Довольно! — прорычал Миша и прыгнул вперед. Позади прогремел выстрел, но боец уже перекатился, подхватив свое ружье, и навел его на Дятлова, который так и стоял, с широкой улыбкой глядя на противника. Наконец-то увидев своего врага, Миша застонал, еле сдержав крик ужаса.

Все тело Дятлова распухло и сочилось, сквозь кожу, сквозь одежду, сладко пахнувшей алой слизью. Это была его кровь — и вместе с тем кровавый туман, что захватил тело человека, чтобы управлять им. Зря Миша направил Карлу искать дневное убежище этой твари — она пряталась здесь, в живом существе, пожирая его изнутри. «Как он вообще еще держится на ногах?!»

Искаженное, страшное лицо уже ничем не напоминало прежнего ученого, в глазах которого горело желание новых открытий — и неважно, какой ценой он их получит.

...Теперь у Дятлова вообще не было глаз!

— Я избавлю тебя от мучений, — выдохнул Миша и спустил курок.

Глава 15. Не для людей

Прозвучал выстрел, и голова Дятлова дернулась назад, плеснув чем-то красным и задымившимся. Бывший ученый покачнулся и, сделав по инерции несколько шагов, завалился набок, дернулся несколько раз, поднимая вокруг себя песчаную пыль и выпустив пистолет из судорожно сжатых пальцев...

Миша, тяжело дыша, опустил ружье. Его била дрожь, ведь не так просто взять и застрелить человека, который минуту назад с тобой разговаривал, а всего пару дней назад предлагал дружбу, пусть и странную, почти извращенную. Но что поделать, если Дятлова захватил кровавый туман? Наверняка этот человек сильно страдал, оттого и сошел с ума. Его тело пожирала заживо, изнутри!..

Вздохнув, Миша в последний раз окинул взглядом распухшее тело Дятлова, его застывшее лицо, лишенное глаз, вместо которых в пустых глазницах мутно блестела алая жидкость, даже не выплеснувшаяся при падении. «Это чудовищно...» Боец тряхнул головой, заставляя себя вспомнить о кровавом тумане. «Как только наступил ночь, эта тварь вылезет из тела и попробует меня сожрать. Надо его сжечь!»

Миша двинулся к палаткам с припасами, надеясь найти бензин, когда за его спиной что-то громко булькнуло, а затем спокойный, лишь слегка удивленный голос произнес:

— Хм, а ведь так меня, похоже, не убить...

Боец резко развернулся, пытаясь вскинуть ружье, но сильный толчок тут же отбросил его в сторону. От удара об землю у Миши выбило дух, пальцы разжались, и ружье отлетело в сторону, ударившись о бетонную плиту, на которой стоял портал. Мужчина с трудом встал на четвереньки, мотая головой, и краем глаза увидел, как к нему, шатаясь, приближается Дятлов.

За его раной шлейфом тянулся еле заметный алый дымок, но напрочь снесенная макушка не мешала ученому широко улыбаться, медленно, дерганными шагами подходя к оглушенному Мише.

— Вот оно, человеческое бессмертие, — пробулькал Дятлов, протягивая к мужчине руку с распухшими, окровавленными пальцами, ногти на которых почернели и отваливались. — Вот оно, мое открытие!

Миша неуклюже бросился вперед, пытаясь повалить врага на землю, но тот с неожиданным проворством извернулся и перехватил его за запястье. Крутанул вокруг себя и с силой ударил ногой в спину. Хрустнули кости, Миша взвыл от боли, пытаясь вырваться, но его уже опрокинули на землю и надавили ногой на грудь, не давая вновь встать.

— Ты не сможешь меня убить, — прохрипел Дятлов, наклонившись, чтобы незрячими глазами заглянуть в искаженное болью лицо. — Я все равно починю портал и войду в него, чтобы всех там сожрать. Я стану огромным и очень умным, и придумаю, как больше никогда не гореть!

— Илья, приди в себя! Это же не ты... — простонал Миша, вцепившись в его сочащийся липкой влагой сапог, пытаясь сдвинуть его и сделать хотя бы один вдох. Ученый оскалился:

— Мы с моим открытием едины. И я не могу ничего сделать, так сильно он хочет тебя сожрать!.. — Дятлов наклонился и одним плавным движением вздернул бойца на ноги, чтобы тут же впиться зубами в его голое плечо. Миша заорал и задергался, пытаясь вырваться и ударяя руками, ногами по грызущему его существу, но все тщетно. Тварь, в которую превратился Дятлов, была слишком сильна, и она не чувствовала боли...

Внезапно откуда-то сзади на Дятлова с визгом прыгнул Карла. Ученый отбросил Мишу и закурился на месте, пытаясь стряхнуть с себя нечто мелкое, когтистое, отчаянно

пытающееся достать и вырвать у врага глаза. Поняв, что их нет, Карла торопливо спрыгнул, увернулся от пинка и метнулся куда-то в сторону, скрывшись между палатками.

Дятлов булькающе выругался и сплюнул, вновь повернулся к Мише. Но на земле виднелось только несколько кровавых капель, а сам боец куда-то делся. Ученый недовольно зарычал и слепо дернул головой в одну сторону, в другую, ощупывая окрестности не зрением, а чем-то другим, что дал ему кровавый туман.

— Ми-и-иша-а! — ласково позвал Дятлов. — Где же ты?

То, во что превратился ученый, медленно двинулось вперед по проходу между палатками и порталом, мимо развороченной, ощерившейся вырванной арматурой бетонной плиты, а из простреленной головы сочилась красная жидкость, оставляя на земле красные, дымящиеся капли.

Миша, затаившийся за пологом одной из палаток, старался не дышать, в тишине заброшенного лагеря слыша, как мимо шаркает Дятлов, то и дело останавливаясь, чтобы вновь позвать его.

— Где же ты спрятался, Миша? — ученый вновь повел головой из стороны в сторону, словно прислушивался. Его бледные губы медленно расползлись в довольной зубастой улыбке: — А вот и нашелся!

Дятлов метнулся вперед и резким движением отдернул полог палатки, радостно оскалившись. Затем озадаченно шагнул назад, нахмутив брови над провалами глазниц — никого, только лежат на земле несколько влажных, объединенных кровавым туманом скелетов. Как же так?..

Выскочивший из-за палатки Миша разбежался и в прыжке ударил Дятлова обеими ногами. Глухо вскрикнув, тот отлетел в сторону и ударился о край бетонной плиты. Раздался отчетливый хруст, и сквозь рубашку на груди ученого прорезались металлические штыри, им же самим ранее почти вырванные из плиты.

Дятлов дернулся раз, другой, насаженный на них, как приколотая булавкой записка. Затем обмяк и пробулькал:

— Хорошая мысль, так я тебя не достану... Но попробовать стоит! — ученый вдруг забился, разрывая собственное тело об острые прутья, и снова обмяк, переводя дух.

Михаил со стоном поднялся с земли и, подойдя ближе, подобрал свое ружье, достал из кармана патроны и перезарядил его, не сводя взгляда с Дятлова. Тот внимательно следил за действиями бойца и недовольно покачал головой:

— Ты же помнишь, что так меня не убить? — ученый вновь задержался, хватаясь руками за скользкие от крови штыри. — Я... рано... или поздно... доберусь до тебя!

— Тогда я сожгу тебя, — сказал Миша. — Оболью бензином и сожгу.

Дятлов выгнулся и завыл, дергаясь и вытянув окровавленные руки в сторону бойца. Откуда-то сзади донеслись шлепающие шаги — Карла вернулся, вкрадчиво, испуганно приближаясь к месту схватки.

— Присмотри за ним, — мотнул головой Миша. Создание понимающе улыбнулось, и боец, не удержавшись, погладил его по теплой лысой голове: — Ты молодчина. Ты меня спас.

Дятлов вновь взвыл, выгнувшись на пронзивших его штырях. Поежившись и стараясь не вслушиваться в о, что происходило позади него, Миша нырнул в одну из палаток с припасами. В ноздри ударил острый запах топлива, в пальцы впиалась ручка канистры с бензином — кровавый туман надо сжечь во что бы то ни стало, чтобы он не пришел в родной мир Миши.

Когда боец вернулся к Дятлову, тот уже наполовину слез с пронзившей его арматуры, а Карла навис над ним и угрожающе шипел, нацелив ядовитые когти в горло бывшему ученому. Увидев Мишу, создание облегченно вздохнуло и отпрыгнуло в сторону — пусть все остальное решает он сам!

Боец замедлил шаг, крепко сжав ручку канистры. «Что я творю? Я собираюсь заживо сжечь человека!» Миша невольно сделал несколько шагов назад, его пальцы сами разжались, выпуская горячий груз. «Но я не такой! Я не смогу это сделать!»

Словно услышав его мысли, существо, бывшее когда-то Дятловом, оскалило окровавленный рот:

— Ты что, трусил? Так и знал, что ты не сможешь! — ученый расхохотался, затем резко опустил голову и выдавил, словно через силу: — Давай же, Миша. Сделай это!

Миша дернулся и распахнул глаза, услышав последние слова. Дятлов! Он там, внутри этого безумного создания! И он хочет... умереть?

Боец со свистом втянул воздух и нагнулся за канистрой...

Когда по распухшему, искаженному лицу потекла вонючая жидкость, Дятлов забился, распахивая рот, и замычал, мотая головой из стороны в сторону. Миша, сдерживая слезы, продолжил поливать бензином живого человека, пусть и лишённого разума, пусть и порабощенного кровавым туманом. Но что еще оставалось делать?!

Отбросив в сторону прощально булькнувшую канистру, Миша нашупал в своем кармане зажигалку:

— Я верю, что ты мог бы стать хорошим человеком, Илья, — боец с трудом сглотнул, глядя в лишённое глаз, беззвучно раскрывающее рот лицо, маслянисто блестящее от пролитого на него бензина. — Но мне придется тебя убить, чтобы спасти других людей... — Миша сморщился и поднес руку к голове, сжал свою переносицу, не зная, что повторяет излюбленный жест Дятлова. — Прости меня за все... И покойся с миром.

Зажигалка ударилась о землю, синеватое пламя поползло вверх по распростертому телу ученого. Оно почти сразу начало извиваться, пытаясь сбить огонь, пожирающий его одежду, тело... плоть, распространяя ужасный запах жареного мяса.

Миша отпрянул, закрыв лицо руками, и отошел в сторону, слушая, как Дятлов воет, дергаясь на песке и все пытаясь освободиться, чтобы погасить охватившее его пламя. Не сразу боец услышал среди истошных хриплых воплей, издаваемых умирающим ученым, отдельные слова:

— Мне... не больно! Миша! Все правильно! Мне не больно!

Только тогда по лицу Михаила потекли горячие слезы.

«Дятлов... Может сейчас, перед смертью, ты признал ошибки? Значит, вернувшись в наш мир, ты найдешь свое искупление. Вот оно, твое... открытие!»

Следующие полчаса боец неотрывно смотрел, как останки ученого, все еще продолжая рефлекторно подергиваться — кровавый туман не все хотел умирать, не хотел сдаваться — догорают, превращаясь в сухо потрескивающие угли. А когда они окончательно сгорели, Миша, по-удобнее перехватив ружье, двинулся к порталу, заманчиво переливающимся обещаниями иных миров.

Его брови сошлись на переносице, а сухие губы сжались в одну жесткую линию.

...Пора закончить то, что много лет назад начал темный бог, смешав два таких чуждых другу другу мира. Их обитатели далеки и враждебны другу другу, они всегда будут сражаться, защищая свой дом.

Иные миры не созданы для людей.

Жаль, Дятлов так и не понял этого!

Миша вот уже почти час лежал в тени палатки, закинув руки за голову и пытаясь заново научиться ровно дышать. Сердце все еще колотилось, переживая произошедшее, ноздри щекотал запах горелого мяса и лежащих тут и там голых, розовых скелетов, но не было сил двинуться с места, чтобы уйти куда-то еще.

Уничтоженный портал все еще искрил, тончайшие нити торчали во все стороны, но по земле больше не расходилась вибрация, и пыльные вихри, пляшущие среди скелетов, навсегда

успокоились. Миша старался не думать о том, что собственными руками лишил себя возможности вернуться домой, в родной мир, и теперь остался в этой пустыне навсегда.

Конечно, он сможет здесь выжить, научиться охотиться и рыбачить, строить себе убежища... ведь рядом будет Аня! Но теперь даже мысль о любимой казалась наивной и глупой, и все воспоминания поблекли, скрывшись за пеленой навалившейся усталости. Хотелось вот так и лежать, пока память обо всем, что он сделал и что пережил, не исчезнет, не погаснет до конца...

Сидящий рядом Карла осторожно перебирал когтистыми лапами волосы человека, в меру телепатических сил пытаясь успокоить его спутанные мысли. Сколько лет беднягу будут преследовать увиденные здесь кошмары? Сумеет ли он теперь разбудить память своей любимой, теперь, когда после всего этого он стал настолько... другим?

Карла нахмурился, думая, что скажет богиня, узнав о произошедшем. Но ведь она послала его помочь человеку, значит, так было надо? Впрочем, Карла и без приказа пришел бы сюда. Его сородичи никогда не собирались в стаи, они слишком умны для того, чтобы делиться с кем-то пищей или упускать возможность сожрать безмятежно спящего собрата. Но этот странный человек — не какая-то там стая. Это друг, настоящий друг, ради которого можно не задумываясь пожертвовать жизнью!

Расчувствовавшись, Карла не сразу услышал тихий стрекот, а услышав, зашипел и бросился тормошить лежащего Мишу: вставай, вставай, опасность!

Боец, морщась от боли в спине, вскочил на ноги и растерянно заморгал: где враг? Почему Карла воеет и забивается под палатку, чего он боится? И лишь подняв взгляд выше, он понял, почему.

В небе над опустевшим лагерем зависло существо, какого Миша прежде никогда не видел. Похожее на человеческое, покрытое серой чешуей тело было странно вытянутым, пальцы рук и ног заканчивались длинными когтями, а лицо казалось застывшим, непроницаемым, и было очень красивым. За спиной существа, удерживая его в воздухе, стрекотали, расплываясь в воздухе, длинные стрекозиные крылья.

Создание сделало круг над лагерем, осматриваясь, и затем опустилось на землю, сгорбилось, сложив на спине крылья, оказавшиеся прозрачными, отливающими алым на солнце. Выпрямившись, оно сделало несколько шагов к Мише и удивленно остановилось, завидев в его руках взведенное ружье.

— Кто ты такой? — спросил боец. — Чего тебе нужно?

Существо в ответ растянуло черные губы в многозначительной улыбке и молча сложило руки на впалой груди. Оно было выше человека на две головы, но сгорбившись, почти сравнялось с ним ростом. Что-то в этом было смутно знакомое, но уставший разум никак не хотел вспоминать, что именно...

Карла, выбравшись из-под палатки, спрятался за спиной Миши и теперь заинтересованно тарачился, тоже гадая, кто перед ними стоит. Выдержав паузу, странное создание вздохнуло, поведя крыльями, и протянуло руку, сжатую в кулак, медленно его раскрыло...

На серой ладони лежал алый кристалл.

— Гришка? — ахнул Миша, выпустив ружье, в очередной раз за день ударившееся о землю. Но боец не обратил на это внимания, не сводя взгляда с существа, стоящего перед ним. — Гришка, неужели это ты?!

Существо радостно кивнуло и кинулось к Мише, заключая его в объятия.

...Под колесами внедорожника всхлипывали, разламываясь, небольшие кристаллы. Мимо проносились освещенные закатным светом барханы, в небе замерли, таинственно мерцающая, четыре луны. Пейзаж был прекрасен, но Миша едва следил за дорогой, с огромным

трудом отводя взгляд от сидящего на соседнем сидении Гришки. У него было столько вопросов!

— Таким ты стал, когда вылутился из кокона? — спросил он. Гришка снова улыбнулся и кивнул. За все время пути он не произнес ни слова, несколькими плавными жестами объяснив Мише, что им нужно ехать. Теперь он лишь изредка протягивал длинную руку, чтобы показать, куда им поворачивать.

Миша сперва огорчился, что давний друг не может с ним поговорить, но теперь, двигаясь по пустыне, он все отчетливее ощущал то другое, что заменяло для Гришки речь: приятную щекотку в голове, изменившуюся интонацию собственных мыслей, порой начинавшим звучать как будто на другом языке. И это «что-то» одним своим присутствием успокаивало и как будто лечило Мишу, его уставший разум, прогоняло накопившееся отчаяние и страх. Откуда-то появились силы — вести машину, следить за дорогой, говорить.

— Нам столько надо обсудить! Ты видел Аню? — не дождавшись кивка, Миша затараторил: — А как Фёдор Степаныч? И где вы жили все это время? Аня — она вспомнила меня? Как это было?.. О, а я нашел Мелкого! Он все такой же хороший, но не слушается и убегает, а я пытаюсь его дрессировать...

Пока Миша говорил, с каждым словом ужасы последних дней отступали, становились не такими уж важными в сравнении с воспоминаниями об уже прошедшей жизни — страшным, но в то же время сладким сном, счастья которого ты не поймешь, пока не проснешься. Отряды Сопrotивления, подпольные общины монстров, семейный уют рядом с той, что по ночам отращивает рог и когти...

Мимо неслась освещенная лучами раннего заката пустыня. От раскаленных барханов поднимался трепещущий воздух, по их кромке бежали, сопровождая внедорожник, стаи падальщиков, на которых изредка недовольно шипел затаившийся на заднем сидении, непривычно тихий Карла. Его пугал и нервировал Гришка, Карла чувствовал, что перед ним — опасный, умный крылатый хищник, один из тех, что давным давно забыли, как выбираться из коконов. Вот и не вспоминали бы! Так хорошо без них жилось...

Только увидев Гришку, Миша вновь почувствовал, как близко находится Аня. Она где-то там, куда ведет его вновь обретенный друг, за рекой, рождающейся в древних тоннелях. Ждет ли она его? Вспомнила ли все то, что их связывало?

Впереди показалась туманная дымка, повисшая над рекой. В ней что-то хлопало кожистыми крыльями — Зверодактиль прилетел на водопой, а может быть, ловил рыбу. Миша вел машину по кромке вдоль сухого ила, стараясь не забираться в сторону, чтобы не увязнуть, и с интересом поглядывал в сторону тумана — вдруг оттуда выбежит кто-нибудь опасный, приняв внедорожник за добычу. Только поэтому боец в какой-то заметил женщину, стоявшую, завернувшись в туманные ленты, и его сердце забило сильнее, не зная, чего от нее ожидать.

Богиня улыбнулась человеку, сверкнув двухцветными глазами, и протянула руку в сторону, указывая ему путь. В следующую секунду туман всколыхнулся и скрыл ее из виду, и Миша встряхнулся, приходя в себя, покосился на путников: не заметили ли они того же? Но Гриша задумчиво смотрел только вперед, а заснувший Карла тихо похрапывал на заднем сидении.

Покачав головой, Миша снова крутанул руль, огибая выброшенный на берег камень. Отчего-то хотелось ехать еще быстрее, словно он куда-то неотвратимо опаздывал...

Одинокая Пьющая Плоть проснулась от странного сна и сладко потянулась, выпустив когти. Почему-то сегодня ей особенно легко дышалось, и было так радостно, словно вот-вот должно было произойти нечто очень хорошее.

Девушка поднялась на ноги и прошла несколько шагов, чтобы выбраться из ниши, которая служила ей спальней, и войти в огромную пещеру, с влажными стенами и высокими

сводами. Пьющая Плоть задумчиво провела пальцами по неровному каменному кубу, испещренному таинственными символами, которые она так и не научилась читать. Эти кубы стояли, выстроенные в ровный круг, и чуть заметно вибрировали, закручивая пыль вокруг себя в едва заметные вихри.

Девушка устало улыбнулась.

«Сегодня я наконец-то вернусь к тебе, любимый!»

Глава 16. Чужие символы

Черные скалы выпущенными когтями возвышались над пустыней. У их подножья тут и там лежали вырвавшиеся из-под песка каменные блоки, выныривали изогнутые арки и плоские, потрескавшиеся плиты. В ближайшей скале виднелся черный провал, вдоль краев которого змеились странные надписи — и именно здесь вот уже несколько лет жила одинокая женщина, давно попрощавшаяся с родной стаей.

Пещера была огромна, в нее вели огромные трубы, уходящие глубоко под землю и дышащие теплым влажным воздухом, что оставлял на шершавых стенах капли конденсата. По ночам у входа в пещеру крутилась стая падальщиков, привыкших здесь пить, слизывая воду со стен и настороженно поглядывая на раскрытые пасти каменных труб: мало ли, кто из тех страшных, что живут под землей, может оттуда вылезти. Но ни поселившаяся здесь девушка, ни двое ее друзей, не боялись темных труб и подземных жителей.

Все, чего им стоило бояться, это полужатертые символы на каменных кубах, способных открыть дорогу в чужие миры.

...Аня рывком подтащила ко входу в пещеру предпоследний из кубов и остановилась, отбросив со лба мокрые от пота, теперь коротко обрезанные волосы. Ее лицо заострилось, черные глаза глубоко запали и горели лихорадочным огнем. За последний год девушка сильно похудела, почти не уделяя время на охоту и посвятив всю себя работе над порталом.

Каждый день ей она разрывала песок и отбрасывала его в сторону в поисках покрытых символами кубов, тут и там разбросанных по древним руинам, которые только в этом месте подходили к самой поверхности пустыни. Ане до сих пор не верилось, что когда-то давным давно их мир был весь покрыт городами, где Пьющие Плоть и Создатели Кристаллов работали над чертежами, а огромные Пожиратели ворочали каменные блоки, составляя из них здания, тоннели, порталы, ведущие в другие миры. Падальщики жили и размножались в специальных загонах, за ними присматривали Карлы и Зверодактили, следящие за пасущимися внизу стадами. Грибные плантации — дело рук еще не отравивших крылья Создателей Кристаллов — тянулись до самого горизонта, прячась в тени огромных, достающих до самого неба алых кристаллов.

Эти сцены, детально вырезанные на стенах руин, до сих пор стояли перед глазами: когда-то здесь, на месте пустыни, была цивилизация, не уступающая человеческой!

Что случилось потом? Об этом Ане рассказали последние рисунки, грубо выцарапанные на крышах зданий, в момент, когда на них рисовали, уже почти полностью ушедших в песок пустыни. Боги за что-то разгневались на своих служителей, и самый сильный из них разрушил исполинские кристаллы, стер их в пыль — и эта пыль закрыла солнце, затопила улицы, поглотила реки. А когда она улеглась, вместо городов была пустыня, и немногие уцелевшие пытались в ней выживать, однажды научившись это делать — и полностью забыв то, кем они когда-то были.

Так их мир стал таким, какой он сейчас.

Аня часто думала: божество, что с разрешения других разрушило те города, могло ведь и не остановиться на достигнутом? Возможно, оно вошло во вкус. Возможно, спустя тысячелетия, именно оно стало темным богом...

Сверху, там, где вход в пещеру обрамлял покрытый надписями уступ, раздалось хрипкое карканье. Когда Аня подняла голову, сверху на нее прыгнуло что-то мелкое, крылатое и шумное, захлопало кожистыми крыльями по лицу и вскинутым рукам: когда-то раненый Коршун, вылеченный и прирученный Фёдором Степанычем, радовался возвращению Ани. Девушка рычала и отплевывалась от жесткой коричневой шерсти, которую всюду

разбрасывал линияющий крылатый питомец, и пыталась оттолкнуть два слюнявых клюва от своего лица.

«Отстань! Мне не до тебя! Осталось совсем немного, и я наконец-то... — девушка сглотнула, сдерживая откуда-то взявшиеся слезы, — наконец-то увижу Мишу!»

...Память начала возвращаться к ней во снах. Воспоминания о том, как она оказалась в странном, враждебном месте, как нашла там убежище, друзей, свою новую стаю. И там был Миша! Ее вторая часть, ее любимый, неразрывно связанный с нею незримой нитью.

Можно проснуться. Можно танцевать под лунами, делая вид, что все хорошо, можно охотиться, можно встречать мужчин и женщин из других стай, что приходят в поисках своих будущих пар, и улыбаться им, и делать вид, что тоже выбираешь кого-то. Но все это было ложью, потому что нить, которая ей снилась, оставалась реальной и наяву. Аня была связана, связана навеки с мужчиной из своего сна, и теперь никогда не найдет себе пару...

Когда к норам ее стаи вновь пришли посланники из племени, живущего далеко за рекой, девушка убежала в нагретую солнцем пустыню, чтобы не видеть их, не слышать их смеха, не замечать на себе заинтересованные мужские взгляды, в ходе разговора сменяющиеся удивлением и сдерживаемой злостью: что такая, как она, делает среди одиночек, вышедших из нор, чтобы познакомиться? Почему она не со своей парой?

...Аня убежала в пески, и неслась вперед, низко опустив рогатую голову, пока река не скрылась из виду, и веселые голоса, доносящиеся из лагеря, окончательно не стихли. Тогда она опустила на землю и тихо заплакала. Вновь и вновь девушка возвращалась мыслями к мужчине из сна, из-за которого ее жизнь навсегда сломана, из-за кого она теперь навсегда останется одинокой.

В какой-то момент Аня будто наяву почувствовала сладковатый запах Миши, и потянулась к нему, ища утешения, свернула калачиком, запустив пальцы руки в теплый, мягкий песок. Как будто это волосы любимого, и он рядом, чтобы утешить...

Наверное, тогда она заснула, потому что совсем не услышала чужих шагов. Когда когтистая ладонь коснулась ее плеча, девушка подскочила, ощерившись и готовясь защищаться, и удивленно раскрыла рот, увидев тех, кто стоял перед ней.

Двое странных существ, похожие, как родные братья. Серые, чешуйчатые, с альми крыльями за плечами, хищные — Аня почувствовала это в их мыслях, и проснувшиеся инстинкты кричали, что ей надо бежать, прятаться, пока не напали и не сожрали. Но она только попятилась, не сводя взгляда с этих созданий.

— Кто вы? — голос девушки задрожал. — Я вас знаю?

Одно из существ кивнуло, сощурило огромные черные глаза. Оно было ниже, чем его собрат, и его тело было странным, словно выросло в том же коконе-кристалле, но из чего-то совершенно другого. Слишком короткие ноги, впалая грудь, седые волосы, неровными клоками торчащие на чешуйчатом черепе. И лицо... все в нем было Ане смутно знакомо — острый нос, линия губ, застывших в полуулыбке, тонкие, красивые пальцы протянутой к ней руки.

Девушка обняла себя за плечи и покачала головой:

— Я вас не помню. Должна, но не могу! — ее лицо жалобно сморщилось. — Я столько всего не могу вспомнить!

«Мы поможем тебе».

Аня вздрогнула и подняла голову. Существа переглянулись и снова ей улыбнулись, одновременно пошевелили крыльями, вспыхнувшими бликами на солнце.

«Мы поможем тебе все вспомнить, Аня».

Девушка поставила последний куб на место и провела пальцами по трещинам, ползущим по его щербатому каменному боку: за долгие века перетекающая масса песка

почти раздавила разбросанные по древнему городу части портала. Но один последний раз он все же откроется. Должен открыться...

Когда последний куб встал на свое место в круге, пыльные вихри закрутились быстрее, хотя в душную, влажную пещеру не задувал ни один самый слабый ветерок. По земле пробежала вибрация, защекотавшая голые пятки, и Аня невольно переступила с ноги на ногу. Сидящий на ее плече Коршун заклокотал, недовольно разглядывая круг каменных кубов. Ему не нравилось, что Пьющая Плоть занимается этим без хозяина и его брата. Они лучше понимают, как все это работает, они поселились в развалинах почти сразу, как оказались в этом мире, откапывали и изучали то, что здесь спрятано.

Фёдор Степаныч — хозяин крылатого разведчика — даже в новом обличе сохранил свою любознательность. Он изучал себя и свое тело, излечившееся от всех старческих болезней, сильное, ловкое, умеющее летать. Изучал Гришку, терпеливо стоявшего, закатив черные глаза, пока его друг ощупывал его спину и теребил растущие из нее крылья. Изучал древний язык этого мира, расшифровывая надписи на стенах, и допоздна кружил над пустыней в поисках чего-то нового и интересного.

Старик выдалбливал в камнях лунки, в которые по вечерам наливал воду, принесенную из реки, чтобы дать напиток ночующим в развалинах падальщикам и Коршунам, лечил их, если те были ранены или больны, и падальщики в ответ приняли его в свою стаю и помогали искать среди каменных обломков интересные вещи, которые Мастер Кристаллов старательно зарисовывал, выцарапывая наброски на плоских камнях.

Это Фёдор Степаныч нашел первые части портала и разобрался, как они работают. И это он сумел убедить Аню, что она не сошла с ума, и что Миша, ее муж, на самом деле существует.

Он ждет ее там, за порталом.

Вздохнув, Аня отошла в другой конец пещеры, где из широкой каменной трубы струился грязный ручеек. Напившись, девушка приложила мокрые руки к лицу и замерла на какое-то время, пытаясь прийти в себя. Портал собран, и осталось лишь закончить исследования, которыми занимается Сепаныч, чтобы попасть, наконец, в мир Миши. Чтобы найти его и больше никогда не отпускать...

Как жаль, что старик вместе с Гришкой улетели куда-то, последовали за странным падальщиком, заметив, что его глаза тускло светятся, захотели поймать и изучить его получше...

Какое-то время Аня мерила пещеру шагами, недовольно порыкивая. Где же вы, друзья? Возвращайтесь скорее!

Поняв, что только зря себя изводит, девушка растянулась на холодном влажном песке у самого ручейка, пытаясь задремать, но вместо этого в который раз думая о своем любимом. Не забыл ли он ее? Может, уже нашел себе другую, человеческую женщину? Люди ведь не создают таких сильных, неразрывных связей с другими, и Миша вполне мог забыть свою бывшую жену и зажить обычной жизнью.

Аня недовольно мотнула головой. Нет, он не забыл ее. Девушка чувствовала, как нить, их связывающая, то и дело натягивается сильнее, словно кто-то шел, держась за эту нить, и пытался найти дорогу.

— Он тоже ищет меня, — шепнула Аня и счастливо улыбнулась.

Над горизонтом оставался только самый краешек солнца, но в пустыне все еще оставалось тепло и светло, словно сама природа праздновала победу над кровавым туманом и долгожданную встречу старых друзей.

Внедорожник, рыча мотором и подняв пыль, перевалил через вершину бархана. Миша рассмеялся и в очередной раз выкрутил руль, въезжая на следующий холм. На заднем сидении

что-то протестующе ворчал позеленевший Карла, а сидящий рядом с бойцом Гришка широко улыбался, поглядывая на бойца — крылатое создание тоже чувствовало повисшее в воздухе радостное ожидание. Где-то там, впереди, бойца ждала его любимая, а еще ближе была встреча с еще одним другом, и Гришка уже довольно потирал серые ладони, думая о том, как они будут счастливы вновь увидеться.

Поэтому, когда на высоком кристалле, мимо которого проезжал внедорожник, мелькнула крылатая человеческая фигурка, Гришка только довольно откинулся на спинку кресла, с сочувствием косясь на свернувшегося калачиком, страдающего от тошноты Карлу. Миша затормозил, заинтересованно высунулся из окна, глядя на незнакомого сородича Гриши и думая, стоит ли ему помахать, чтобы познакомиться.

Крылья того, кто сидел на вершине кристалла, застрекотали, поднимая своего владельца в воздух. Он сделал широкий круг над пустыней, затем ринулся вниз, навстречу вышедшему из машины Мише, постепенно разгоняясь все сильнее. Человек успел только удивленно округлить глаза и рот, когда в него врезалось легкое, щуплое тело, повалив на землю и заключив в объятия.

Фёдор Степаныч взволнованно трогал смеющегося Мишу, нюхал его, стрекотал крыльями, словно пытаясь заменить этим свою обычную говорливость. По чешуйчатым щекам текли слезы, круглые черные глаза горели — наконец-то, наконец-то друг до них добрался! Старик уже устал убеждать Аню и Гришку, что это рано или поздно случится. Но он всегда верил!

— Дружище! Во что ты превратился! — восхищался Миша, трогая трепещущее крыло, жесткое, как будто сделанное из тонкой каменной пластины. — Тебе идет!

Фёдор Степаныч широко, зубасто улыбнулся в ответ. Жаль, что он немой, и не сможет рассказать другу, как же прекрасен этот новый облик. Не расскажет о том, каково это — лететь над пустыней в свете девяти лун, наперегонки со Зверодактилями, и петь безмолвные песни, сидя на самых высоких скалах, там, где живут здешние боги...

...Степаныча огорчало только то, что рядом не было такой же крылатой женщины, которая помогла бы ему окончательно прочувствовать плюсы вновь обретенной молодости. Впрочем, вместе с Гришкой они уже полгода как основали поселение, в котором собрали всех собратьев, до которых смогли долететь, и теперь собирались научить их заукливаться, как когда-то произошло с ними самими. В одной из построенных этими братьями нор живет одна серая, слепая и горбатая, как когда-то Гришка, девушка...

Мастеру Кристаллов давно казалось, что она к нему равнодушна.

Аня резко села, охнув и прижав ладонь к груди. Отчего-то на нее накатила странная, шемящая радость, словно в эту секунду произошло нечто очень хорошее и долгожданное. «Что же такое нашел Фёдор, раз он так радуется?»

Год или два назад, почувствовав такой всплеск эмоций с той стороны связавших стаю незримых нитей, Аня в первую очередь подумала бы о своем муже, о том, что он нашел к ним дорогу. Но теперь, спустя долгие месяцы работы над порталом, она понимала, что ни один человек не сможет построить такое сооружение. Им неоткуда взять эти технологии, а даже если они смогут создать портал, то не сумеют найти дорогу сюда, в мир Ани.

Так что единственный способ воссоединиться с мужем — войти в этот портал самой.

Девушка подошла к каменным кубам и осторожно, двигаясь по кругу, стала нажимать на них ту последовательность символов, которую Фёдор Степаныч выцарапал на одной из стен. После, когда портал был почти готов, старик долго, жестами объяснял Ане, что исследования еще не закончены, и использовать эти координаты пока что опасно. Но ведь пока они с Гришкой не вернулись, она сможет хотя бы просто... посмотреть на тот мир?

Ей это было нужно. Хотя бы капелька веры в то, что однажды у нее все получится...

Символы, которых коснулись когти Ани, начали светиться голубым светом, по пещере пробежала особенно сильная вибрация, от которой с потолка холодным дождем хлынули капли конденсата.

Поежившись, промокшая девушка коснулась последнего символа и отступила, глядя, как вокруг дрожащих и расплывающихся в воздухе кубов собирается сияние, становясь все ярче и будто выпивая свет из остальной пещеры. В центре круга оно было нестерпимо белым, закручивалось в спираль, в центре которой знакомый мир исчезал, разрывался, чтобы открыть дорогу в совершенно другое место. Аня надеялась, что это будет город, в котором она когда-то встретила своего мужа, но даже если это будет другое место — не важно! Она найдет дорогу!..

Гудящая спираль растянулась в стороны и со звоном исчезла, и там, где она была, осталось нечто темное, пустое... и неживое. Зияющая дыра, ведущая в иной мир, дышащая бесконечностью и смертью, втягивающая в себя воздух, словно пытаясь вобрать в себя весь этот мир.

Аня ахнула и сделала шаг к порталу, собираясь скорее закрыть его, коснуться нужного символа на каменном кубе. Но, словно услышав ее, рвущийся в дыру ветер стал сильнее, толкнул в спину... ноги Ани заскользили по мокрому полу, ее тащило, неуклонно волочило к порталу! Испуганно закричав, девушка упала на землю и глубоко вогнала в нее когти, пытаясь удержаться на месте.

«О боги, что же там, за порталом?! Оно хочет сожрать меня!»

Ее вновь рвануло за ноги, почти подняло над полом, вытягивая в сторону черной дыры, в которой что-то переливалось, мерцало, свистело уходящим в пустоту воздухом. Когти закрипели, прорезая пол пещеры, Аня держалась изо всех сил, молясь всем богам о том, чтобы и когти, и камень выдержали.

Сквозь свист и вой ветра ей на секунду почудился изумленный возглас от входа, но Аня была слишком занята и напугана, чтобы осознать, чей голос только что услышала. Ее руки начали соскальзывать...

Вдруг кто-то обхватил ее и прижал своим весом к земле, удерживая и вырывая из цепких лап ветра. Знакомый запах окутал со всех сторон, голова закружилась, и Аня, дрожа, попыталась обернуться, еще не веря в том, что случилось.

— Лежи, родная, — сказал Миша, одной рукой держась за воткнутый в пол нож, а другой прижимая к себе вновь обретенную жену. Его глаза вспыхнули, боец вскинул голову и рывкнул:

— Степаныч, давай!!!

Стоящий у входа Мастер Кристаллов вскинул ружье Миши и выстрелил в один из кубов портала, расколов его надвое. Чешуйчатое лицо казалось безжизненным и суровым, как будто вовсе никогда не принадлежало человеку, но, едва жуткий портал вспыхнул и погас, словно обрезав мгновенно утихшие потоки ветра, крылатый старик покачнулся, обмяк и прислонился к стене, поднеся руки к сморщившемуся лицу. Какой кошмар...

Подошедший Гришка положил ему руку на плечо, поддерживая и успокаивая. Фёдор Степаныч поднял голову и через силу улыбнулся крылатому брату, мысленно делясь все еще не отступившим страхом за друзей. Затем вздохнул, передернул плечами и перевел взгляд на двоих, все еще лежащих на полу пещеры, крепко обнявшись. Они смеялись и плакали, шептались друг другу что-то бессмысленное, не в силах даже на секунду разжать переплетенные руки, и сами еще не могли поверить в том, что наконец-то снова вместе.

Счастливая улыбка осветила лицо крылатого старика.

Он знал, теперь у них все будет хорошо!

Эпилог

Солнечный выходной день выманил на улицы большую часть жителей, и в городском парке царил веселое оживление, люди катались на аттракционах, играли в волейбол на ровно выстриженных газонах, загорали, а их дети настойчиво кланчили сладкую вату и продаваемые у входа в парк игрушки.

— А это что? — Аня резко развернулась, подол нарядного платья хлестнул по ее стройным ногам, золотистые глаза вспыхнули: девушка увидела карусель, сиденья которой проносились высоко над головами прохожих, пока катающиеся подростки каждый новый круг сопровождали веселыми криками. — Какая прелесть!

— Хочешь прокатиться? — Миша едва сдержал широкою улыбкой. Вновь попав в этот мир, Аня никак не могла привыкнуть к тому, какой оказалась нормальная человеческая жизнь. Она могла часами ездить на трамваях из одного конца города в другой, пробовала всю незнакомую еду, зачарованно смотрела на веселящихся на улицах детей, вспоминая, какой была прежняя жизнь в проклятом городе, когда люди прятались по домам за заколоченными окнами. А ведь настоящая жизнь оказалась совсем другой! Такой чудесной...

— Хочу! Где купить билет, вон там? — Аня решительно сунула в руки мужа свою сладкую вату и бросилась к нужной будке. Миша, посмеиваясь, с кряхтением опустил на ближайшую скамейку, отщипывая маленькие кусочки ваты, и затем долго смотрел, как на фоне неба развеивается подол платья катающейся на карусели Ани и раздаётся ее веселый смех.

Бывший боец довольно сощурился, подставляя лицо ласковому летнему солнцу. Он все еще сильно выделялся среди других горожан: дочерна загорелый, очень худой, иссушенный жарой и солнцем другого мира.

По настоянию Ани в первые же дни пребывания здесь он прошел полное обследование у врачей. Там обнаружили многочисленные опухоли, тут и там вздувшиеся под обожженной кожей, и удаление их до сих пор снилось Мише в страшных снах. Ему раз за разом виделось, что за операционным столом из глубоких разрезов начинает выбираться нечто красноватое, дымящее, шепчущее о том, что наконец-то прорвалось в этот мир, чтобы всех сожрать. Но операции проходили, одна за другой, и Аня заботливо исцеляла его раны, не заметив в них ничего, пришедшего из другого мира.

Миша вздохнул и отщипнул новый кусочек сахарной ваты, прожевал его, не чувствуя вкуса. Его внимательный взгляд скользил по веселой, переговаривающейся толпе, проходящей мимо, будто пытаясь высмотреть в ней существ, только притворяющихся людьми. Возможно, он просто не мог их заметить!

Дети, пробегаая мимо сидящего на скамейке мужчины, часто замедляли шаг и округляли глаза, чувствуя что-то, чего не замечали нетерпеливо одергивающие их взрослые. Возможно, они видели его взгляд, ставший каким-то очень спокойным, глубоким и ясным, словно за ним скрывалось знание о других мирах и дорогах, туда ведущих...

Месяцы, проведенные в работе над порталом, в воспоминаниях ужались в одну неделю. Вот Миша занимается раскопками, выискивая в песке покрытые символами кубы, чтобы заменить ими потрескавшиеся при первой, неудачной попытке открыть дорогу в его мир.

...Вот они с Аней сидят в обнимку, любясь закатом, а вдалеке стрекочут крылья: Фёдор Степаныч и Гришка летят, неся припасы из заброшенного людского лагеря, который, по их словам, уже начало заносить песком.

...Вот мимо с топотом и радостным верещанием пронесется Карла, у него теперь появилась подружка — такая же, как он, только более худенькая и изящная, бежит рядом. Пока Миша смеется и поддразнивает своего ядовитого приятеля, самка возвращается, смотрит на них с вершины бархана, и человек замирает, не договорив: ее глаза горят неярким светом, а на уродливом лице замерла мудрая усмешка.

— Ну ты даешь, Карла, — только и смог выдавить Миша, провожая убегающую богиню ошеломленным взглядом. Карла в ответ только весело скалился и прыгал вокруг, путаясь под ногами и мешая дальше снимать слои песка с улицы неведомого города.

...Миша так и не смог привыкнуть к тому, как развита оказалась ушедшая под пустыню цивилизация. Если Степаныч и Аня охотно забирались в засыпанные песком дома, что изучить их устройство и вынести оттуда что-то из необычных вещей, то мужчине больше всего хотелось закопать эти руины обратно и сделать вид, что никогда всего этого не видел. Ему казалось неправильным вот так пристально изучать город, когда-то полный жизни и технологий, и было безумно жалко существовать, что здесь обитали, чтобы однажды погибнуть под горами песка.

...Вот они с Фёдором Степанычем отмечают первый найденный куб, сидя на вершине огромного кристалла, куда друг, напряженно сопя, сумел поднять Мишу, чтобы распить одну из бутылок хорошего коньяка, найденных в бывшей палатке Дятлова. Они долго беседовали, и голове человека непрерывным речитативом звучали мысли Мастера, рассказывающего теории об этом заброшенном городе, о том, что люди тоже когда-то строили порталы, один из которых сохранился, и потому Мише обязательно стоит посетить Стоунхендж. Еще через какое-то время боец начал петь пьяные песни под аккомпанемент ритмичного стрекотания крыльев.

...Перед ними мерцает открытый портал, за которым проезжают машины, подмигивают светофоры, проходят люди. Смотреть туда больно и странно, и что-то в груди сжимается, не веря, что дом так близко! Только Аня, крепче стиснувшая руку бойца, приводит его в чувство, и мужчина улыбается.

Гришка и Мастер Кристаллов стоят за спиной, Степаныч заливается слезами и отмахивается от утешений — не надо меня успокаивать, я просто счастлив! Друзья долго прощаются, обнимаются и плачут, даже Карла вцепился в ногу Миши и долго отказывался ее отпускать, тихо урча. А потом они с Аней входят в портал, взявшись за руки, и целый мир отныне принадлежит только им...

Как он ни старался, Миша так и не смог найти Мелкого. Пес не нашелся ни в приютах, ни в частных домах, стоящих неподалеку от места, где они с хозяином в последний раз виделись перед тем, как тот запрыгнул в портал в чужой мир. Аня утешала мужа, говорила, что собака наверняка нашла себе новый дом, но Миша все равно никак не мог смириться с тем, что пес к нему не вернулся.

Конечно, хотелось бы, чтоб их странная семья — он, жена, Мелкий и Ваня — воссоединилась в полном составе, но собака исчезла, а приемный сын, наверняка, уже вырос, и живет теперь своей жизнью, так и не вспомнив давний кошмарный сон и то, что в нем произошло.

И все же, гуляя вместе с Аней по вечернему городу, Миша то и дело слышал вдалеке цокот когтей по асфальту, а прохладный ветер касался ладоней, словно знакомый мокрый нос. Однажды боец поймал на себе пристальный взгляд смутно знакомого молодого парня, но не успел выйти к нему до того, как двери автобуса закрылись. Может, это был Ваня? Мужчине хотелось верить, что так и есть...

По ночам, засыпая в обнимку с любимой, Миша вдыхал ее запах и счастливо улыбался, радуясь тому, что они вместе, и все зловключения остались позади. Но иногда, когда порывистый ветер ударял в окна, а над городом сгущались грозовые тучи, боец сжимался от страха. Он чувствовал, как нечто жуткое все еще прячется под каплями дождя,

покрывающими окна и витрины, зловещая тень над городом, чудом пережившим те ужасные события. Эта тень словно говорила: ты победил меня однажды, герой, и теперь считаешь, что ты в безопасности. Но помни, я всегда буду рядом.

И однажды я вернусь.